

ЛЕОНИД МПЕЧИН

КТО ВЗОРВАЛ АМЕРИКУ?

Империя террора: от «Красных бригад»
до «Исламского джихада»

ЛЕОНИД МПЕЧИН

КТО ВЗОРВАЛ **АМЕРИКУ?**

Империя террора: от «Красных бригад»
до «Испамского джихада»

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2002

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)-4
М72

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Художественное оформление
И.А. Озерова

Оценка издательством событий и фактов, изложенных в книге,
может не совпадать с позицией автора.
За сведения и факты, изложенные в книге,
издательство ответственности не несет.

Млечин Л.М.
М72 Кто взорвал Америку? — М.: ЗАО Изд-во Центр-
полиграф, 2002. — 492 с.

ISBN 5-227-01613-5

Первая в нашей стране книга о боевиках террориста № 1 — саудовского миллионера Осамы бен Ладена, из-за которых осенью 2001 года разгорелась настоящая война. Книга Л. Млечина, известного писателя и телесобозревателя, — это первое и самое подробное исследование на основе богатого документального материала истории международного терроризма на протяжении последних четырех десятилетий.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)-4

© Л.М. Млечин, 2002
© Художественное оформление, ЗАО
«Издательство «Центрполиграф», 2002
© ЗАО «Издательство «Центрполиграф»,
2002

ISBN 5-227-01613-5

Часть первая

КРОВАВЫЙ СЕНТЯБРЬ

Глава 1

АТАКА С ВОЗДУХА

Рано утром 11 сентября 2001 года девятнадцать арабских террористов-смертников, разбитые на четыре группы, синхронно появились в трех американских аэропортах. В каждой группе был, как минимум, один человек, умеющий управлять самолетом. Это был прекрасный, теплый и безоблачный день.

Две группы сели на разные самолеты в бостонском аэропорту имени Логана. Третья благополучно прошла зону спецконтроля в аэропорту Ньюарка, штат Нью-Джерси. Четвертая столь же благополучно преодолела все предпосадочные формальности в вашингтонском аэропорту имени Даллеса. У них не было с собой ни оружия, ни взрывчатки. И они не вызвали никаких подозрений.

Сотрудник авиакомпании «Америкэн эрлайнс» в аэропорту имени Даллеса в Вирджинии запомнил двух молодых людей арабского вида, которые купили себе билеты первого класса, но встали в общую очередь. Они никуда не торопились, были на редкость спокойны и неторопливы.

Они заплатили по две с лишним тысячи долларов за каждый билет — «нефтяные деньги», подумал сотрудник авиакомпании. Оба молодых человека заранее заказали себе блюда, предназначенные для мусульман, — американские авиакомпании давно предоставляют такую возможность верующим.

Безобидные на вид молодые люди сели на рейс номер 77, вылетающий в Лос-Анджелес. Это были два брата — Навак и Салем аль-Хамзи, которые знали, что скоро умрут.

Террористы обычно захватывали самолеты, совершавшие международные рейсы, которыми летают граждане разных стран, — это сразу умножало эффект. Внутренние рейсы террористов не интересовали, потому считались более безопасными, и охранники в американских самолетах на внутренних линиях не летали. Пилоты оружия не имели. Двери в кабину пилотов часто оставались открытыми, любой пассажир мог подойти и посмотреть, чем занимаются летчики, как выглядят приборы управления.

Только потом станет ясно, почему террористы выбрали авиалайнеры, которые направлялись с Восточного побережья Америки через всю страну на Западное — в Лос-Анджелес и Сан-Франциско. Им нужны были самолеты с полными баками горючего, чтобы взрывы оказались как можно более мощными. Страшнее могла быть только атомная бомба.

Самолеты-убийцы

В 7:58 по местному времени самолет авиакомпании «Юнайтед эрлайнс» отправился из Бостона в Лос-Анджелес. Рейс номер UA 175. Пятьдесят шесть пассажиров, девять членов экипажа.

В 7:59 самолет другой авиакомпании — «Америкэн эрлайнс» — тоже вылетел из Бостона в Лос-Анджелес. Рейс номер AA 11. Восемьдесят один пассажир, одиннадцать членов экипажа.

В 8:01 самолет компании «Юнайтед эрлайнс» вылетел из Нью-Джерси в Сан-Франциско. Рейс номер UA 93. Тридцать восемь пассажиров, семь членов экипажа.

В 8:10 самолет компании «Америкэн эрлайнс» вылетел из Вашингтона в Лос-Анджелес. Рейс номер AA 77. Пятьдесят восемь пассажиров, шесть членов экипажа.

В начале девятого все четыре самолета с пассажирами, которым не суждено было пережить этот день, уже были

в воздухе. График террористов был расписан по минутам, и они не намерены были медлить.

В 8:20 связь с самолетом компании «Америкэн эрлайнс», летевшим из Бостона в Лос-Анджелес, была потеряна. Террористы отключили не только радиосвязь, но и транспондер самолета — передатчик, который автоматически передает данные о местонахождении самолета.

Действовали люди, которые очень хорошо подготовились. В кабине пилотов есть потайная кнопка, которая позволяет пилоту незаметно подать радиосигнал об опасности. Но террористы никому из пилотов не дали возможности ею воспользоваться. Пассажиров, чтобы не мешали, перевели в хвостовую часть самолета. Точно так же будут действовать и те, кто захватит три других самолета.

Потеря связи с авиалайнером не вызвала на земле тревоги. Диспетчеры отнеслись к этому достаточно спокойно: такое случается. Нельзя впадать в панику из-за каждой мелочи.

Мысли о том, что самолет захвачен террористами, ни у кого не возникло. На земле забеспокоились только тогда, когда самолет неожиданно изменил маршрут полета, развернулся на юг и взял курс на Нью-Йорк. Диспетчеры пришли к выводу, что на борту произошла авария и пилот намерен совершить экстренную посадку.

Но настоящая тревога возникла в тот момент, когда одному из пилотов, видимо, удалось на миг включить передатчик и на земле поняли, что происходит в кабине. Диспетчер услышал резкий и короткий приказ:

— Не делай глупостей!

Слова были адресованы пилоту. Говорили по-английски, но с очевидным акцентом. Последние сомнения развеялись, когда одной из стюардесс удалось по мобильному телефону позвонить в офис авиакомпании. Мобильные телефоны вообще сыграли в тот день важную роль.

Стюардесса сообщила, что самолет захвачен террористами. Об этом немедленно проинформировали ФБР. На земле ждали, что террористы сядут в Нью-Йорке и тогда предъявят свои требования. Так происходило при всех захватах, и американские спецслужбы знали, что им делать. Но в этот раз они ничего не успели предпринять.

События развивались стремительно и совершенно необычным образом. Никто не был к этому готов. План атаки, которая готовилась многие месяцы, был продуман с дьявольской точностью.

Когда самолет оказался над Нью-Йорком, террористы убили пилотов и сами направили самолет на цель.

В 8:45 «Боинг-767», выполнявший рейс номер 11, врезался в северную башню Всемирного торгового центра. Проходившие по улице люди не сразу поняли, что произошло, пока с верхних этажей башни не стали падать обломки самолета, стекла, конторская мебель и части человеческих тел — оторванные руки, ноги... Затем сверху посыпались пепел и горы бумаг — финансовые отчеты, факсы, служебные записки, написанные людьми, которые уже погибли.

Те, кто не погиб при ударе самолета, бросились вон из здания. Свет в башне не отключился, но отовсюду хлестала вода — из нарушенной системы водоснабжения, и ощутимо пахло авиационным керосином. Люди выбегали на улицу, но и здесь они не чувствовали себя в безопасности.

К башне съехались съемочные группы телевидения с включенными камерами. Все последующее будет происходить на глазах изумленного и потрясенного мира. Эхо этого взрыва отозвалось по всей планете...

Аналогичный сценарий разыгрывался на борту другого «Боинга-767», летевшего из Бостона в Лос-Анджелес. Точно так же прервалась связь с землей, и самолет тоже резко повернул к Нью-Йорку.

К тому времени первый самолет уже врезался в здание Всемирного торгового центра. Но диспетчеры исходили из того, что произошла трагическая ошибка: видимо, пилоты не захотели подчиниться террористам, во время борьбы самолет потерял управление и упал...

Только когда в 9:06 второй самолет, выполнявший рейс номер 175, врезался в южную башню Всемирного торгового центра, стало ясно, что это стратегия террористов.

Но положение вовсе не казалось отчаянным. Никто не мог предвидеть масштабы трагедии, которая разразится через какой-нибудь час.

Южная башня содрогнулась, но устояла. Ее уцелевшие обитатели стали спускаться вниз. Паники не было, все помогали друг другу. Но потом началось самое страшное. Люди с верхних этажей спуститься не могли — пожар и разрушения преградили им дорогу. Один за другим они выпрыгивали из окон. Ловить их было некому, и они разбивались.

Рядом находилась школа, где учились дети тех, кто работал во Всемирном торговом центре, и родители бросились туда, чтобы увести своих сыновей и дочерей.

Находившихся в обеих башнях людей просили не впадать в панику и оставаться на местах, потому что здания выдержали удар. Больше всего в тот момент боялись паники. По внутренней трансляции объясняли: тем, кто находится ниже места удара, вовсе ничего не грозит. Тех, кто выше, спасут специально обученные пожарные...

Многие поверили: раз здание устояло, то теперь бояться нечего, худшее позади. Невозможно было представить, что гордые гиганты рухнут.

Скоро положение резко ухудшилось. Ведь самолеты врезались в башни с полными баками. Вспыхнул пожар.

Люди, находившиеся в башнях Всемирного торгового центра, в панике и ужасе звонили в пожарную службу. Они сообщали, что по зданию распространяется пожар — дым проникает в комнаты, нечем дышать, люди не могут выбраться.

Умирающие звонили из застрявших лифтов, с верхних этажей, где от пожара проваливался пол, с лестничных клеток, где рушились пролеты, с крыши, куда выбрались человек двадцать и умоляли их снять... Попавшие в ловушку в отчаянии спрашивали совета: что делать, чтобы продержаться до прихода помощи? В том, что их спасут, никто не сомневался.

Наряды нью-йоркской полиции и пожарные машины стягивались к зданиям Всемирного торгового центра со всего города, не подозревая, что очень скоро разделят судьбу тех, кого они пытались спасти.

Никто не знал, сколько еще самолетов-убийц находится в воздухе и какие новые сюрпризы приготовили террористы.

Теперь происходящее воспринималось как чудовищная катастрофа, как настоящая война. В Нью-Йорке началась эвакуация небоскребов, в том числе здания Организации Объединенных Наций. Мосты и тоннели перекрыла полиция. Аэропорты Нью-Йорка, а затем и Вашингтона закрылись.

Федеральное управление гражданской авиации приказало всем самолетам, находящимся в воздухе, совершить немедленную посадку в ближайших аэропортах. Но их было слишком много в воздухе над страной, и организация посадки потребовала немалого времени.

Связь с самолетом, летевшим из Вашингтона в Лос-Анджелес, тоже была потеряна, но курс он не изменил. Возможно, террористы ждали, увенчается ли успехом миссия их подельников, которые должны были взрывать здания в Нью-Йорке.

Поэтому особых подозрений этот рейс не вызывал — до той минуты, пока одна из пассажирок не позвонила своему мужу, чтобы сообщить о захвате самолета террористами. Это была Барбара Олсон, комментатор телекомпании Си-эн-эн.

Ее муж, заместитель министра юстиции США Тед Олсон, находился в своем вашингтонском кабинете. Он вначале решил, что жена его разыгрывает. Но она не шутила. Она рассказала, что террористы вооружены ножами и они перевели всех пассажиров, а также четырех стюардесс и еще двух членов экипажа в хвостовую часть самолета.

Олсон тут же связался с ФБР.

Тем временем террористы убедились в том, что первая часть плана выполнена, и продолжили полет на Вашингтон.

В 9:40 «Боинг-757», выполнявший рейс номер 77, упал на западную часть Пентагона, где располагались кабинеты офицеров сухопутных сил. Через двадцать минут эта часть здания министерства обороны рухнула. Там погибло в общей сложности сто восемьдесят девять человек, в том числе шестьдесят четыре пассажира, находившихся на борту угнанного террористами самолета.

Через пятнадцать минут над столицей появились истребители «F-16». Последний гражданский самолет, кру-

живший над столицей, должен был доставить генерального прокурора, срочно вернувшегося в Вашингтон. Пилот получил категорический приказ немедленно посадить самолет, иначе его собьют. Пилот, ветеран вьетнамской войны, пытался объяснить диспетчеру, что везет генерального прокурора.

— Я понимаю, — ответил диспетчер, — но военные просто собьют тебя.

Тем не менее генерального прокурора успели доставить в Вашингтон раньше, чем истребители нацелились на него.

Трагедию Пентагона затмила катастрофа в Нью-Йорке. Обе башни Всемирного торгового центра действительно должны были выдержать удар самолетов, но вспыхнуло почти сто тонн авиационного керосина, и в пламени этого адского пожара расплавились стальные крепления внутри обеих башен, на которых держались все бетонные конструкции. Достаточно было развалиться одному из верхних этажей, как возник эффект домино: с каждым рассыпающимся этажом нарастало давление на нижние, и уже ничто не могло остановить разрушение башни.

Одна башня простояла час после того, как на нее спикировал самолет-убийца. Вторая — полтора часа.

Может быть, это была случайность. Может быть, террористы все просчитали. Если бы они направили самолеты в нижние этажи здания, то пожарные смогли бы быстро добраться до пламени и погасить пожар. Тогда башни-гиганты могли бы устоять.

В 10:00 обрушилась южная башня Всемирного торгового центра, похоронив под собой не только тысячи постоянных обитателей высотного здания, но и сотни пожарных и полицейских, прибывших на помощь.

После того как «Боинг-757» врезался в Пентагон, было решено эвакуировать Белый дом, здания Государственного департамента, министерства юстиции и других правительственных учреждений. Сотрудники секретной службы с автоматами в руках рассыпались вокруг Белого дома, который, по всей вероятности, должен был оказаться следующей очевидной целью террористов.

Вице-президент Дик Чейни находился в своем кабинете, когда туда ворвались телохранители и буквально силой потащили его вниз, в бомбоубежище. Туда привели его жену и первую леди — Лору Буш. В бомбоубежище расположились и высшие чиновники администрации и Совета национальной безопасности.

Государственный секретарь Колин Пауэлл прервал свою поездку по Латинской Америке, чтобы немедленно вернуться на родину.

Спикера палаты представителей и сенатора Роберта Бёрда, который обычно председательствует в сенате, вывезли в безопасное место. Другие конгрессмены и сенаторы, напротив, собрались на Капитолийском холме, требуя немедленно начать заседание, чтобы показать: законодательная власть Соединенных Штатов продолжает действовать.

Директор ЦРУ Джордж Тенет завтракал в одном из Вашингтонских отелей со своим старым другом и наставником — бывшим сенатором. Им только принесли омлет, как зазвонил мобильный телефон Тенета, и руководитель американской разведки узнал о терактах. Он приказал через пятнадцать минут собрать всех, кто ему был нужен, и убежал, оставшись без завтрака.

Самолет, летевший в Сан-Франциско, первоначально тоже не вызывал тревоги. И лишь когда он внезапно изменил курс, стало ясно, что и этот лайнер тоже захвачен. В 9:58 один из пассажиров, попросившийся в туалет, по мобильному телефону набрал номер службы спасения 911 и сообщил, что самолет захвачен террористами.

Скорее всего, террористы направлялись в сторону летней резиденции американского президента в Кэмп-Дэвиде, хотя самого Джорджа Буша там не было.

Президент Буш приказал сбить этот «боинг», поскольку уже никто не сомневался, что он захвачен камикадзе, и надо было предупредить еще один страшный теракт. В воздух поднялись истребители «F-16».

В 10:06 самолет, выполнявший рейс номер UA 93, рухнул на заброшенную угольную шахту неподалеку от города Питтсбурга. Если бы «боинг» продержался в воздухе

еще несколько секунд, он упал бы прямо на школу, где в тот момент находилось пятьсот с лишним детей.

До Кэмп-Дэвида лайнер не долетел всего сто тридцать шесть километров. В тот момент никто не знал, что именно произошло: то ли его сбили, то ли сам упал.

Генерал-майор Лэрри Арнольд из Объединенного командования аэрокосмической обороны Северной Америки (НОРАД) твердо заявил:

— Мы не сбивали никаких самолетов.

Позднее стало более или менее ясно, как все это происходило.

Двое пассажиров позвонили своим женам. Они узнали, что произошло в Нью-Йорке, и сообщили, что их самолет тоже захвачен тремя мужчинами, похожими на арабов. Они вооружены ножами и утверждают, что у них есть бомба. Террористы зарезали одного из пассажиров. И, судя по тому, что не видно пилотов, они уже мертвы...

Жены пытались остановить своих мужей, советовали им сидеть тихо. Но те решили продать свои жизни подороже.

Анализ магнитофонной записи, которая автоматически велась на борту самолета, свидетельствует о том, что несколько пассажиров, которые благодаря мобильным телефонам поняли, что происходит в стране, попытались остановить преступников.

Они прорвались в кабину, где находились четыре террориста во главе с ливанцем Зиядом аль-Джаррахом. Магнитофон запечатлел звуки отчаянной борьбы. После чего самолет рухнул, и все сорок четыре пассажира погибли. Они погибли, но террористам не удалось исполнить свой замысел.

Исламские радикалы будут потом восхищаться террористами-камикадзе, но настоящие герои — это те безоружные пассажиры, которые бросились на преступников и сорвали их планы. Через несколько дней специальным распоряжением президента Буша Ларри Арнольд и еще один генерал из Объединенного командования аэрокосмической обороны Северной Америки Нортон Шварц получили исключительные полномочия для защиты страны от повторения террористических атак с воздуха. Отныне они имели право, не спрашивая разрешения президента,

в экстренном случае отдать приказ об уничтожении захваченных террористами самолетов, если те угрожают американским городам.

В 10:29 северная башня Всемирного торгового центра, ослабленная падением южной, тоже рухнула.

Гигантское облако черного дыма поднялось над тем, что еще недавно было гордостью Нью-Йорка и что стало братской могилой.

В этот день американцы показали, на что они способны в страшную минуту: пожарные сражались с огнем до последнего, и спасатели, надеясь вырвать попавших в беду людей из рук смерти, бесстрашно лезли вверх по конструкциям, которые раскачивались и рассыпались прямо под ними. Прохожие помогали раненым, а у каждой больницы, куда доставлялись пострадавшие, выстроились очереди желающих сдать кровь. Они простояли несколько часов, пока больницы не набрали достаточный запас. В первую очередь принимали тех, у кого универсальная группа крови 0, которую можно переливать любому человеку.

Выжившие в катастрофе разбредались по городу. Огромные очереди выстроились у телефонов-автоматов. Владельцы магазинчиков раздавали бутылки с водой. В больницах вызвали ночную смену, которая только-только вернулась домой. Мобилизовали всех городских психиатров — в их помощи нуждались выжившие. Открылись церкви, где люди молились за души тех, кто погиб мученической смертью.

На одной из больниц повесили объявление: «Нам нужна одежда для пострадавших от пожара». Через полчаса из соседних домов притащили огромные сумки, чтобы люди могли сбросить свой лохмотья и переодеться.

В 17:25 пожары и разрушения завершат страшную картину — еще пять сравнительно небольших зданий, входивших в единый комплекс Всемирного торгового центра, превратятся в огромную кучу обломков.

Позднее мэрия Нью-Йорка подсчитает, что под обломками зданий погибло в общей сложности около шести тысяч человек. Такой трагедии Соединенные Штаты еще не знали.

По всей Америке ожидали новых терактов. Закрылись колледжи и музеи. И впервые были отменены бейсбольные матчи.

Террористические акты 11 сентября разрушили символы богатства и мощи Соединенных Штатов. В этот день американцы поняли, что могущество их страны вовсе не безгранично, а сами они беззащитны перед террористами. Американцы пережили шок, от которого они оправятся не скоро. Но в главном террористы просчитались. Соединенные Штаты не выбросили белый флаг и не капитулировали. Напротив, они пришли к выводу, что на сей раз придется не только найти и наказать непосредственных виновников гибели тысяч невинных людей, но и попытаться ликвидировать международный терроризм как явление.

Кто это сделал?

26 февраля 1993 года террористы уже пытались взорвать здание Всемирного торгового центра в Нью-Йорке. Тогда погибло шесть человек, больше тысячи получили ранение. Исполнителей, радикальных исламистов, американские правоохранительные органы поймали и доставили в Соединенные Штаты; их судили и приговорили к пожизненному сроку заключения.

В компьютере одного из них, пакистанца Рамзи Юсефа, обнаружили план захвата двенадцати пассажирских самолетов. Одиннадцать намеревались просто отправить в пучину Тихого океана, а двенадцатый обрушить на здание ЦРУ. Тогда это был лишь первый набросок давно вынашиваемого плана, который спустя восемь лет был исполнен.

В те часы американцы постоянно задавались вопросом: где же президент, что он предпринимает?

Главная задача секретной службы США состояла в том, чтобы спасти президента. Первая мысль — Джорджа Буша-младшего обязательно попытаются убить, чтобы ввергнуть страну в хаос. В тот момент Буш находился в городе Сарасоте, штат Флорида. Он должен был выступить перед школьниками. Когда пришли первые

сообщения о терактах, советник президента по национальной безопасности Кондолиза Райс сообщила Бушу, что происходит. Президент продолжал разговаривать со школьниками. Затем появился руководитель его администрации и что-то прошептал Бушу на ухо. Лицо президента мгновенно изменилось, видимо, теперь ему стала ясна серьезность ситуации.

Он прервал выступление перед школьниками и вышел к ожидавшим его журналистам. Он сказал:

— Это трудное время для Америки. Я приказал найти негодяев, которые это сделали.

После этого его срочно повезли в аэропорт.

Перед посадкой всех пассажиров президентского самолета впервые тщательно обыскали. Самолет проверили с помощью собак, обученных находить взрывчатку. Появились дополнительные истребители сопровождения. Журналистам, которые летели вместе с Бушем, запретили пользоваться мобильными телефонами, чтобы террористы не могли определить местонахождение президентского самолета.

В течение нескольких часов Буша старались держать в воздухе. Его самолет сопровождали истребители, и охрана полагала, что это самое безопасное место. Он бесконечно переговаривался по защищенной от прослушивания линии связи со своими помощниками, министрами, генералами, руководителями разведки и директором Федерального бюро расследований. Но никто не знал, откуда может быть нанесен следующий удар и что следует предпринять.

— Мы должны выстоять, — говорил Буш. — Мы должны найти тех, кто это сделал. За это нам и платят деньги.

В самолете были включены телевизоры, и Буш увидел, как рушится Всемирный торговый центр. Его хотели доставить на базу ВВС в штате Небраска, где в бункерах находилось командование стратегическими ядерными силами Соединенных Штатов. Бункеры способны выдержать прямой ядерный удар.

Но помощники Буша хотели, чтобы президент как можно скорее обратился к американцам. Президентский самолет посадили на другой авиабазе, откуда Буш сле-

дал свое первое публичное заявление о том, что этим утром целью террористов стала свобода как таковая.

В Белый дом президент Буш попал только вечером, когда руководители спецслужб пришли к выводу, что в этот день новых атак не будет.

Вот тогда американское правительство оказалось перед необходимостью ответить на два главных вопроса. Кто это сделал? И что следует предпринять?

Через двадцать минут после первых взрывов неизвестный позвонил в офис спутникового телеканала Абу-Даби и заявил, что теракты — дело рук Народного фронта освобождения Палестины, который в 60-е годы положил начало воздушному пиратству. Но лидеры фронта тут же опровергли это сообщение.

Следующей взяла на себя ответственность пакистанская террористическая группа «Лашкар-э-Тайба». Это сообщение не приняли всерьез. Пакистанские террористы заняты борьбой с Индией и не располагают возможностями для такой масштабной операции.

Напомнили о себе и японские ультралевые террористы из так называемой «Фракции Красной армии». Это они привнесли в терроризм традиции камикадзе-смертников, подхваченные исламистами. В амманский офис катарского спутникового телеканала «Аль-Джазира» позвонил неизвестный. На ломаном арабском языке он сообщил, что террористическая атака на Соединенные Штаты — это месть за атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Но малочисленные «красноармейцы» никогда не были способны на такие самостоятельные операции.

Почти с самого начала американские спецслужбы исходили из того, что атаку с воздуха организовал саудовский миллионер Осам бен Ладен, который много лет ведет свою войну против Соединенных Штатов. Эта версия очень быстро нашла множество подтверждений.

Расследование возглавил заместитель директора ФБР Том Пикард. Этим занялись четыре тысячи оперативников и три тысячи экспертов, аналитиков и сотрудников технических подразделений. Федеральное бюро расследований, изучив фамилии всех пассажиров, составило спи-

сок из девятнадцати камикадзе, которые и захватили четыре самолета.

Полиция нашла дневник одного из террористов, врезавшихся в здание Всемирного торгового центра. Дневник остался в его багаже, который по чьей-то нераспорядительности не был погружен на самолет. Мохаммед Атта писал:

«Подчиняйся Аллаху и его посланнику... Всегда помни строки о том, что ты возжелаешь смерти, если ты знаешь, какое вознаграждение тебя ждет после смерти... Те, кто верит в жизнь после смерти и в вознаграждение после смерти, станут теми, кто ее возжелают... Когда войдешь в самолет, скажи: о Аллах, открой мне все двери! О Аллах, освободи меня от моей ноши!..»

Полиция нашла в Бостоне, откуда вылетели террористы, машину, которую Мохаммед Атта взял напрокат. В ней обнаружили летные пособия на арабском языке. Сам Атта и его напарник Марван аль-Шехни пять месяцев обучались летному делу на курсах в штате Флорида, где триста безоблачных дней в году и где учеба стоит почти вдвое дешевле, чем в крупных городах.

Они заплатили по полторы тысячи долларов, чтобы попрактиковаться на учебных комплексах для пилотов «боингов», которые на земле отрабатывают навыки действий в экстремальных ситуациях. Будущие камикадзе освоили простейшие операции — повороты, набор высоты и снижение. 11 сентября им хватило этих навыков, чтобы погубить тысячи людей.

Обычно террорист-камикадзе — это молодой человек, рожденный в нищете и прошедший через учебные лагеря в Афганистане или Ливане. Это религиозный фанатик, шахид, уверенный в том, что самоубийственная миссия — самый верный путь для того, чтобы попасть в рай.

Девятнадцать камикадзе, которые взорвали Америку, были из другого теста. Это зрелые люди, вполне преуспевавшие, хорошо зарабатывавшие, у многих остались семьи, дети. Они прекрасно чувствовали себя в Америке, плавали в бассейне, посещали бары, хотя мусульманам запрещено спиртное, и не скупилась на чаевые официантам и барменам. Единственное, что их отличало, — они всегда держались вместе.

Они наслаждались благами современной цивилизации, но, надо полагать, считали, что для остальных эта цивилизация опасна, потому что она разрушает традиции и образ жизни мусульман, ввиду этого Америка как самый опасный враг исламизма должна быть уничтожена.

Они готовились не в Афганистане, а в самой Америке. Они были отправлены туда загодя, чтобы вжиться и не вызывать подозрений. На языке разведчиков — это «спящие агенты», «кроты», которые иногда годами ждут команды действовать.

Сразу же стало ясно, что это всего лишь исполнители. А кто руководил ими? Кто придумал эту операцию? По оценке специалистов, подготовка должна была занять не меньше двух лет, и операцию готовили в общей сложности человек сто, большинство которых не знало конечной задачи. Каждый исполнял только то, что ему приказали.

Это метод Осамы бен Ладена: небольшая группа террористов и не связанные с ними группы поддержки, которые и не подозревают, зачем их просят снять квартиру, нанять машину, выяснить, какие самолеты летают полупустыми, в каких аэропортах минимальные меры безопасности.

Американцы заговорили о фантастическом провале спецслужб, которые не смогли предотвратить трагедию 11 сентября. Многие были потрясены: как же Соединенные Штаты, располагающие таким огромным разведывательным аппаратом, позволили застать себя врасплох? Но если обратиться к истории, то выяснится, что никакая разведка не способна предупредить страну о надвигающейся на нее беде. В декабре 1941 года разведка точно так же не подозревала о готовящемся нападении японцев на базу американского флота в Перл-Харборе.

Выяснилось, что ЦРУ заранее передало ФБР данные о двух потенциальных террористах, которые, как удалось выяснить, намерены въехать на территорию Соединенных Штатов. Но на информацию разведки не обратили внимания. А это были Халид аль-Мидхейра и Салем аль-Хазми, которые, захватив самолет авиакомпании «Америкэн эрлайнс», направили его на Пентагон.

После 11 сентября американцы в сотрудничестве с полицией и спецслужбами западных стран начали то-

тальную кампанию по выявлению сети террора. Аресты позволили предотвратить другие террористические акты, которые находились в стадии подготовки.

Западные спецслужбы обнаружили людей, которые занимались вербовкой мусульманской молодежи для участия в джихаде, готовили для них фальшивые документы, взрывчатку и оружие, разрабатывали каналы нелегального проникновения в ту или иную страну.

Руководитель группы, совершившей теракты 11 сентября, Мохаммед Атта получил в последние месяцы около ста тысяч долларов. Они приходили со счетов пакистанских банков в банки Флориды, где в основном жил Атта. А он распределял эти деньги между своими боевиками, готовившимися к захвату самолетов.

Даже самая большая террористическая организация не может действовать в одиночку. Она нуждается в поддержке со стороны единомышленников и целых государств. Поэтому специалисты говорят не о разрозненных террористических группах, а о всемирной сети террора, существующей не первый год.

Есть три вида терроризма.

Политический — в основном в Европе — был когда-то самым громким, но современная государственная машина научилась с ним бороться. Итальянские «Красные бригады», французская «Аксьон директ», японская «Объединенная Красная армия», немецкие — «группа Баадера—Майнхоф», «Движение 2-го июня», «Революционные ячейки» практически больше не представляют серьезной опасности.

Государственный терроризм — это, чаще всего, совершение террористических актов спецслужбами ряда государств. Иногда это кажется исполнением справедливых приговоров — так сотрудник КГБ убил Степана Бандеру, одного из самых знаменитых террористов XX столетия. Израильская разведка Моссад уничтожила палестинцев, которые расстреляли в 1982 году израильскую команду на Олимпиаде в Мюнхене. Французские оперативники тайно убивали алжирских боевиков, до которых не могло добраться правосудие.

Иногда это признается преступлением. Так, скажем, агенты северокорейских спецслужб взорвали в 1987 году

южнокорейский пассажирский самолет (погибло сто пятнадцать человек) над Юго-Восточной Азией. Сотрудники ливийских спецслужб в 1988 году взорвали американский лайнер (погибло двести семьдесят человек) над Шотландией. Они в конце концов оказались на скамье подсудимых.

Но такого рода террористические акции носят ограниченный характер, и под давлением мирового сообщества многие страны, которые поддерживали террористов, перестают это делать.

Национальный терроризм — когда народы, не имеющие собственного государства и требующие независимости, берутся за оружие. Своего рода партизанскую войну многие десятилетия ведут ирландцы, живущие в Соединенном Королевстве, курды, разделенные между четырьмя государствами, баски, обитающие в Испании и Франции.

И наконец, самый опасный вид терроризма — тот, что окрашен в *религиозные тона*.

По собственной вине и по вине соседних арабских стран палестинцы отказались в 1948 году создать собственное государство и вместо этого десятилетиями пытаются уничтожить Израиль. Постепенно террор против Израиля и Соединенных Штатов, которые поддерживают еврейское государство, приобрел характер джихада — войны мусульман против неверных.

11 сентября 2001 года Америка стала жертвой именно такого терроризма.

Осама бен Ладен, отмечая успех своих камикадзе, говорил, обращаясь к мусульманам всего мира:

«Аллах всемогущий ударил Америку в одно из ее самых уязвимых мест, ее величайшие здания были уничтожены. Хвала Аллаху! Америка объята страхом с севера на юг и с востока на запад. Хвала Аллаху за то, что Америка испытывает то, что испытывали мы. Исламский мир испытывал страх и несправедливость более восьмидесяти лет. Но Аллах благословил группу мусульман, которая является передовым отрядом ислама, на разрушение Америки. Да пребудут они за это на небесах, и только Аллах способен вознести их туда».

Столкновение цивилизаций?

Международный терроризм считают закономерным следствием разделения мира на богатых и бедных, крайней формой протеста нищего и обездоленного Юга против сытого и процветающего Севера. И пока такой разрыв существует, терроризм будет существовать.

Один миллиард составляют белые, живущие в демократических и благополучных странах. Это «золотой миллиард». Остальные пять миллиардов — это третий мир, испытывающий ненависть и зависть к белой цивилизации. Противостояние богатого Севера и бедного Юга приобрело ожесточенный характер.

Но вот что любопытно. Индия, Китай, занятые улучшением собственного благосостояния, страны Юго-Восточной Азии или, напротив, нищие государства Тропической Африки к этому терроризму не имеют никакого отношения.

Международный терроризм питает только одна часть третьего мира — исламские страны, Ближний Восток, где многие действительно живут в ужасающей нищете. Впрочем, надо еще задать вопрос, кто в этом виноват. Ближневосточные государства — кладовая нефти. Эти страны зарабатывают миллиарды долларов, не прикладывая никаких усилий. Но на что они тратят деньги! Исламские властители выбрасывают миллиарды на собственные удовольствия, на оружие и войны. Вместо того, чтобы самим позаботиться о благосостоянии своих людей.

Христиане воспринимаются как колонизаторы, мусульмане считают себя жертвами этого колониализма. Они требуют компенсации за свои потери и грозят местью за перенесенные страдания.

Израиль оказался в самом центре этого конфликта. Все остальные проблемы исламский мир не интересуют. Все сосредоточено на борьбе с еврейским государством.

Впрочем, все говорят, что сражаются не с евреями, а с сионизмом. Но эта уловка — для наивных. Разговоры антисемитов о том, что они не против евреев, а против сионизма, гроша ломаного не стоят.

Мартин Лютер Кинг, возглавивший в Америке движение черных за справедливость, писал:

«Ты заявляешь, мой друг, что ты ненавидишь не евреев, а сионизм. Но я скажу, и пусть правда прогремит с горных вершин: когда люди критикуют сионизм, они имеют в виду евреев. Сионизм — это не что иное, как идеал и мечта еврейского народа о возвращении на свою собственную землю. И что же такое антисионизм? Это отказ предоставить еврею фундаментальное право, за которое борются сейчас народы Африки и которое имеют все народы на земном шаре. Антисионизм — это дискриминация евреев, потому что они — евреи. Короче, это антисемитизм».

Считается, что исламский фундаментализм направлен исключительно против Израиля и тех, кто его поддерживает.

Лидеры мусульманских стран говорят, что исламский экстремизм вырос из противостояния мусульман и Израиля: «Решите проблему палестинцев, отдайте им Иерусалим, уберите оттуда евреев, и не будет терроризма».

Ненависть огромного исламского мира к маленькому еврейскому государству очевидна. Она усиливается от сознания неспособности уничтожить Израиль и оттого, что маленькое государство, не имеющее никаких ресурсов, создало своим гражданам достойную жизнь, а народы богатейших стран, экспортирующих нефть, прозябают. Как и в отношении к Америке, тут совершенно очевиден элемент злобной зависти. И циничного расчета.

«Палестина террористов-камикадзе, — отмечают российские востоковеды, — ударный отряд третьего мира в его агрессии против «золотого миллиарда» и в этом качестве для третьего мира неопределима в той же мере, в какой бесполезна Палестина мирная и процветающая... Противостояние палестинцев и израильтян стало частью джихада третьего мира против всей современной цивилизации».

Международный терроризм — дело рук богатых и процветающих людей, большая часть которых охвачена маниакальными идеями. Они разжигают ненависть к западному миру и ловко пользуются необразованностью соплеменников.

Они убеждают своих единоверцев, что христианская цивилизация — злейший враг ислама. С тех пор как в Иране в 1978 году пришел к власти аятолла Хомейни и создал исламско-теократический режим, ислам стал использоваться воинственными радикалами как средство мобилизации своих сторонников против демократических стран. Для них характерно полное презрение к остальному миру, к «неверным», за которыми не признается право на жизнь.

Когда стало известно о терактах в США, в большинстве палестинских городов на Западном берегу реки Иордан прошли демонстрации, в основном это была арабская молодежь. Арабы ликовали и поздравляли друг друга с постигшим американцев несчастьем. Такие же митинги прошли в палестинских лагерях в Ливане.

Исламский мир украсился портретами бен Ладена, а также девятнадцати камикадзе, которые считаются мучениками за веру. И кто в исламском мире думает о том, что мучениками, напротив, являются ни в чем не повинные жертвы преступников?

Когда началась военная операция Соединенных Штатов против талибов, Осам бен Ладен стал необыкновенно популярен среди мусульманской молодежи, которая восхищается им как человеком, который чуть ли не в одиночку противостоит великой державе.

Исламский мир претендует на свою долю власти. Исламский мир считает, что он обделен. Это предполагает принятие мусульманства всем миром. Неверным места на земле не остается. Не только христиане, но и единоверцы-мусульмане, не соблюдающие всех правил и установлений ислама, вызывают у фундаменталистов возмущение и ненависть.

Прежде чем начать джихад против Соединенных Штатов, Осам бен Ладен объявил войну властям собственной страны — Саудовской Аравии, где, между прочим, исповедуется ваххабизм. Но по мнению бен Ладена, власти Саудовской Аравии отклонились от настоящего ислама и страну нужно вернуть к чистому исламу, уничтожив тех, кто этому мешает.

Осам бен Ладен пытается объединить все радикальные исламские движения, которые прежде всего недо-

вольны собственными правительствами, не способными наладить жизнь людей. Он утверждает, что США — это «голова змеи», а «тело змеи» — это правительства исламских стран, которые не выполняют своего долга перед мусульманами.

Первыми жертвами исламского экстремизма пали мусульмане. Восемь лет шла кровопролитная война между Ираком и Ираном. Ее начал иракский президент Саддам Хусейн в надежде отхватить часть иранской территории. Но аятолла Хомейни, который пришел к власти в Иране, превратил эту войну в религиозную — в борьбу против неверных. А ведь в реальности это было сражение между двумя ветвями ислама: иранцы — шииты, а иракцы — сунниты.

В Алжире, где нет ни евреев, ни христиан, исламские радикалы вырезают целые деревни.

По ночам молодые парни с ружьями, топорами и длинными ножами врываются в очередную деревню и первым делом расстреливают мужчин. Затем перерезают горло женщинам и детям. Иногда отрывают им головы и развешивают на деревьях.

Исламисты могут остановить на дороге автобус и методично зарезать всех пассажиров. Они убивают даже детей — иногда после непродолжительной дискуссии относительно того, морально или аморально убивать малолетних...

Борьба против Израиля и в защиту палестинцев превратилась в удобный предлог для тотальной войны против неверных. Эта война используется многими государствами в собственных целях.

Международный терроризм существует только потому, что ближневосточные государства так или иначе помогают боевикам — дают им приют, оружие, деньги, документы, держат для них тренировочные лагеря.

«Я верю, что ислам — религия мирная, — говорит писатель Владимир Войнович. — Но можно ли верить в мирность мулл, управляющих государствами, армиями и лагерями террористов? Как бы мы ни были политкорректны, нельзя же не видеть, что исламские страны одни сами проповедуют терроризм, другие террористов

поддерживают, третьи смотрят на них сквозь пальцы, четвертые не могут с ними справиться.

Среди христиан тоже есть воинствующие. Североирландские католики не менее жестоки, чем ученики бен Ладена, и магазины или дискотеки взрывать умеют. Но их не так много, и действуют они на ограниченной территории. А исламские камикадзе буйствуют глобально и угрожают гибелью всему миру.

Значит, все-таки война. Нашей цивилизации с мракобесием.

Нет необходимости воспринимать международный терроризм как неразрешимый конфликт, как нечто, с чем невозможно совладать. Задача состоит не только в том, чтобы поймать и наказать непосредственных участников террористических актов, но и в том, чтобы уничтожить всю сеть террора и заставить государства, которые десятилетиями помогают террористам, отказаться от этой преступной деятельности.

Команда Буша: назад в будущее

За десять лет до сентябрьской катастрофы, в ночь с 16-го на 17 января 1991 года, многонациональные силы, размещенные на территории Саудовской Аравии, нанесли первый удар по армии Ирака, захватившей Кувейт.

В операции принимали участие британские, египетские, саудовские войска, но первую скрипку играли американцы. Через пятнадцать лет после Вьетнама они продемонстрировали свою мощь. И советские военные с нескрываемым раздражением и завистью наблюдали за тем, как американская авиация, артиллерия и ракеты сокрушают советскую технику, купленную Ираком.

Решение применить силу далеко за пределами своего государства, восстановить справедливость и наказать агрессора, то есть главу другого государства, принял тогда президент Соединенных Штатов Джордж Буш.

Его сын, Джордж Буш-младший, который 11 сентября 2001 года столкнулся с самым страшным вызовом, брошенным Америке за последние полвека, не только внеш-

не похож на отца, но и является его полным единомышленником.

Министром обороны во время операции в Персидском заливе был Ричард Чейни. Теперь он вице-президент Соединенных Штатов. Десять лет назад Чейни был готов пустить в ход и ядерное оружие против иракской армии. Но военные убедили его в том, что в условиях огромной пустыни ядерное оружие неэффективно.

Непосредственное руководство боевыми действиями по разгрому иракской армии осуществлял генерал Колин Пауэлл, который при старшем Буше был председателем комитета начальников штабов. У младшего Буша отставной генерал стал государственным секретарем, третьим по значимости лицом в американском правительстве.

Колин Пауэлл, сын иммигрантов с Ямайки, сделал фантастическую военную карьеру. Он провел, возможно, самую успешную военную операцию в истории Америки. И при этом завоевал умы и сердца своих сограждан. Пауэлл из тех людей, которые вызывают доверие и уважение.

От других профессиональных военных его отличает подлинная, не показная, забота о солдатах. Он талантливый оратор, он остроумен, умеет убеждать. Когда генерал вышел в отставку, все были уверены, что он станет баллотироваться в президенты. Пауэлл отказался от этого соблазна, видимо, только потому, что его жена хотела, чтобы после тридцати пяти лет военной службы он побыл с семьей.

Несколько лет Пауэлл занимался благотворительностью и для собственного удовольствия чинил старые автомобили. Он вернулся в политику, потому что не мог отказать семейству Бушей. Бывший генерал Пауэлл прослужил два срока во Вьетнаме и на собственном опыте знает, что медлительность и нерешительность — это не достоинства.

Четвертый в этой команде — министр обороны Дональд Рамсфелд, бывший футболист, борец и летчик. Четверть века назад он уже занимал этот пост в правительстве Джеральда Форда и работал вместе с Чейни. Рамсфелд считался тогда главным ястребом в правительстве.

В 1998 году, когда люди Осамы бен Ладена пытались взорвать американские посольства в Танзании и Кении, Соединенные Штаты ограничились обстрелом лагерей его боевиков на территории Афганистана. Тогдашнему президенту Биллу Клинтону предлагали отправить в Афганистан отряд спецназа, чтобы вывезти бен Ладена и предать его суду. Но операция представлялась крайне рискованной, и, взвесив все «за» и «против», Клинтон идею отверг.

Почти сорок лет казалось, что международный терроризм — неотъемлемая часть современного мира, зло, с которым приходится мириться, как с ежедневной гибелью людей в дорожно-транспортных авариях.

Буш и его команда решили для себя, что преступники должны быть наказаны, иначе преступления будут продолжаться. Отложив все остальные дела, американское правительство взялось за организацию небывалой в истории антитеррористической операции.

Как и Джордж Буш-старший десять лет назад, его сын прежде всего пустил в ход дипломатию, чтобы действовать не в одиночку, а привлечь на свою сторону максимальное число союзников и сколотить мощную коалицию. Позиция России имела огромное значение. Президент России Владимир Путин был первым иностранным лидером, который выразил Джорджу Бушу слова поддержки и сочувствия.

Путин сказал Бушу, что ему известно о переводе американских вооруженных сил в состояние полной боевой готовности. В таких случаях Москва всегда — на всякий случай — отдавала аналогичный приказ. Путин распорядился не предпринимать никаких ответных действий и не создавать американцам лишних проблем. «В этот момент, — скажет потом Буш, — он ясно дал мне понять, что «холодная война» действительно закончилась».

На следующий день Путин вновь позвонил американскому президенту, который уже вернулся в Белый дом, и сообщил, что подписал указ «Об объявлении минуты молчания в знак траура в связи с трагическими последствиями террористических актов в Соединенных Штатах Америки».

В указе говорится: террористические акты, совершенные 11 сентября, «это беспрецедентное преступление против народа США и всего человечества».

Народ России разделяет скорбь американского народа и соболезнует родным и близким погибших во время этих трагических событий.

Выражая солидарность с народом США, постановляю:

1. Объявить в Российской Федерации в знак траура минуту молчания 13 сентября 2001 года в 12 часов по московскому времени.

2. Приспустить 13 сентября 2001 года на всей территории Российской Федерации Государственные флаги Российской Федерации.

3. Предложить телерадиокомпаниям и учреждениям культуры приостановить 13 сентября 2001 года в 12 часов по московскому времени передачи и развлекательные мероприятия на одну минуту».

Президент Путин с первой минуты занял позицию, которая вызвала к нему симпатии всех нормальных людей. Обращаясь к Соединенным Штатам, он сказал: «Мы с вами!» И это было и политическим выбором, и движением души, что особенно ценно.

Честная и моральная политика немедленно обернулась крупными политическими дивидендами. Именно в эти дни Россия превратилась в одно из главных действующих лиц на мировой арене. Соединенные Штаты, травмированные внезапным осознанием собственной уязвимости, с благодарностью приняли предложение Путина о партнерстве. Россия вмиг превратилась в необходимого американцам союзника.

Десять лет назад Джордж Буш-старший предложил Горбачеву отправить в Персидский залив советский воинский контингент, хотя бы чисто символический. Американские и русские солдаты, сражающиеся вместе, произведут очень сильное впечатление, говорил Буш Горбачеву.

Казалось, это было возможно. Но советский президент все-таки не решился. Объяснил, что память об Афганистане не позволяет ему отправлять советских солдат сражаться за границами родины. Хотя дело было в другом: советские политики чувствовали себя неуютно. Они ни-

как не могли решить: ту ли сторону они поддержали? Тем не менее десять лет назад Советский Союз выступил вместе с Соединенными Штатами против своего давнего друга и союзника — Ирака.

Саддаму просто не повезло. Он выбрал неподходящий момент для оккупации Кувейта. Он давно хотел это сделать. В Ираке не признают самостоятельность Кувейта, считают его частью Ирака. И пытались присоединить его, как только Кувейт получил независимость ровно сорок лет назад, в 1961 году.

Кстати говоря, Советский Союз в начале 60-х как верный союзник Ирака не признавал самостоятельность Кувейта и не позволял ему вступить в ООН...

Поводом для оккупации Кувейта летом 1990 года стало решение Саудовской Аравии и Кувейта снизить цену на нефть. Саддам Хусейн заявил, что это наносит огромный ущерб Ираку, и направил свои войска к границе Кувейта.

Маленькая страна, разумеется, не могла противостоять иракской армии и обратилась за помощью к арабским братьям. В Багдад прилетел встревоженный президент Египта Хосни Мубарак. Когда они с Саддамом остались вдвоем, Мубарак прямо спросил, что означают его военные приготовления.

Саддам Хусейн обещал Мубараку, что он никогда не нападет на Кувейт. «Все, что мне нужно, — сказал Хусейн, — это деньги. Пусть они вернут мне миллиард долларов, который я из-за них потерял». Успокоенный Мубарак передал кувейтцам, что бояться им нечего. Но иракский президент обманул египетского.

2 августа 1990 года иракские войска вошли на территорию Кувейта, который был объявлен девятнадцатой провинцией Ирака. Кувейтские деньги и кувейтская нефть достались Саддаму. Иракцы просто разграбили страну.

Протестовал практически весь мир. Но только два человека сказали себе, что Саддам должен быть наказан. Если это сойдет ему с рук, другие решат, что им тоже можно.

В решимости премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер никто не сомневался. Французский президент Миттеран, который знал толк в женщинах, сказал

о Маргарет Тэтчер, что у нее губы Мэрилин Монро, но глаза безжалостного римского императора Калигулы.

А вот президент Соединенных Штатов Джордж Буш-старший казался крайне осторожным человеком, не способным на рискованные поступки. Он много лет занимался дипломатией, был послом в Китае, представителем в ООН, директором ЦРУ. Но бывший военный летчик Джордж Буш знал, что есть ситуации, когда надо действовать быстро и решительно.

Во время Второй мировой войны он летал на торпедоносце. В сентябре 1944 года японцы подбили его самолет. Двое членов экипажа погибли. Он выбросился с парашютом из горящей машины и два часа держался на воде, пока его не подобрала американская подводная лодка...

Все вокруг полагали, что на Ирак следует воздействовать дипломатическими средствами. И только Буш, договорившись с Тэтчер, с самого начала исходил из того, что придется пустить в ход силу, чтобы освободить оккупированный Кувейт.

Но пока что Саддам Хусейн торжествовал. Дипломатические ноты и протесты его нисколько не беспокоили. Он считал, что, даже если американцы попробуют что-то предпринять, Советский Союз будет на стороне Ирака.

Исторически отношения нашей страны с Ираком складывались очень сложно. Советский Союз установил дипломатические отношения с Ираком в 1941 году, когда там произошел военно-фашистский переворот и к власти пришел генерал Рашид Али аль-Гайлани, поклонник Гитлера. Он получал оружие из нацистской Германии.

Это произошло накануне нападения Германии на Россию. Германско-советский союз еще существовал, и Сталин с Молотовым немедленно признали фашистское правительство Ирака.

Это была крупнейшая операция немецкой военной разведки на Ближнем Востоке. Ею руководил начальник абвера адмирал Канарис. Он даже сам тайно ездил в Ирак, чтобы убедиться, что все готово к восстанию.

Ирак как государство появился после Первой мировой войны. Британцы создали его из трех провинций бывшей Османской империи. На иракский трон они посадили

короля Фейсала. И он был верным союзником англичан. А его противники связались с немцами.

Молодых иракских офицеров приглашали в нацистскую Германию за немецкий счет, и те с удовольствием ездили. В самом Ираке создали по образцу гитлерюгенда военизированную молодежную организацию. В Багдад приезжал вождь гитлеровской молодежной организации Бальдур фон Ширах, он объяснял иракским единомышленникам, как следует воспитывать молодежь.

Весной 1941 года адмирал Канарис, начальник немецкой разведки и контрразведки, доложил фюреру, что операция в Ираке подготовлена. Гитлер подписал секретную директиву, в которой говорилось: «Арабское освободительное движение на Среднем Востоке является нашим естественным союзником... Поэтому я решил поддержать Ирак».

С помощью немцев к власти в Багдаде пришел генерал Рашид Али аль-Гайлани. Его правительство и поспешил признать Сталин, чтобы сделать Гитлеру приятное.

Но буквально через месяц, когда Германия напала на Советский Союз, настроения в Москве переменялись. Англия из врага превратилось в союзника, поэтому иракские «офицеры-патриоты» стали «агентами нацистов».

А в Ирак уже перебросили немецких летчиков. Генерал-фельдмаршал Кейтель, начальник штаба верховного главнокомандования вермахта, распорядился выделить Ираку оружие. Его доставляли через Сирию.

Взамен немцы рассчитывали получать из Ирака нефть и другие полезные ископаемые. Однако английские войска быстро подавили восстание и вернули королю Фейсалу его трон. Генерал Гайлани бежал в Иран, а оттуда через Турцию — в Европу. В октябре 1941 года, в дни тяжелейших боев под Москвой, самолет с генералом приземлился в Италии. Его принял сам Муссолини и с почестями отправил дальше, в Берлин.

Короля Фейсала в июле 1958 года все-таки свергли восставшие офицеры. Они установили близкие отношения с Москвой. Но вскоре их самих свергли. К власти пришла партия БААС, которую теперь возглавляет Саддам Хусейн.

В Москве были возмущены и назвали партию фашистской. В заявлении ЦК КПСС говорилось: «Чудовищные злодеяния иракского режима потрясли прогрессивных людей во всем мире».

Баасисты не продержались и года. Власть вновь взяли военные. Однако через пять лет, в июле 1968 года, Ирак окончательно перешел под управление партии БААС.

Победители казнили врагов народа прямо на улицах Багдада. Но теперь баасистский режим перестал быть в глазах Москвы фашистским. Название партии перевели на русский язык, получилось: Партия арабского социалистического возрождения. Это звучало очень прогрессивно. Ирак получил советскую помощь, кредиты и оружие.

Карьера Саддама Хусейна началась очень рано. Совсем молодым человеком он участвовал в попытке убийства одного из своих предшественников — президента Касема. Саддаму был двадцать один год. Он был ранен, но избежал наказания.

При очередном повороте событий Саддам Хусейн стал вторым человеком в стране, а через десять лет сверг своего покровителя и стал единоличным хозяином Ирака.

Когда в Иране произошла исламская революция и свергли шаха, Саддам решил, что охваченный хаосом сосед ослаблен, и в 1980 году вторгся в Иран. Он хотел присоединить к себе провинцию Хузестан, где находится девяносто процентов иранских месторождений нефти.

Война продолжалась ровно восемь лет. Первоначально успех был на стороне Саддама. Потом Иран провел массовую мобилизацию и перешел в контрнаступление. Но Ираку удалось сохранить свои позиции благодаря огромному количеству советского оружия. Война закончилась ничем, если не считать гибели сотен тысяч людей...

В ночь с 16-го на 17 января 1991 года международные силы нанесли первый оглушительный удар.

Американская авиация совершила в общей сложности сорок тысяч боевых вылетов. Несколько раз самолеты поднимались в воздух в надежде уничтожить самого Саддама.

Но ничего не получилось. Он невероятно хитер и осторожен. Он не пользовался ни телефоном, ни ра-

дио, чтобы американцы не запеленговали его местопребывание.

Никто не знал, где он проведет следующую ночь. Каждый вечер его охрана готовила сразу шесть домов, и только в последнюю минуту он выбирал место для ночевки. Иногда он предпочитал поспать в хорошо охраняемом автобусе на обочине пустынной дороги.

24 февраля началась наземная операция. За два дня иракская армия была практически уничтожена. Спасаясь от неминуемой катастрофы, униженный Саддам капитулировал. Разрушение страны его не беспокоило. Он испугался, что его собственные генералы, спасая себя, уничтожат его.

В ночь на 27 февраля советского посла Виктора Викторовича Посувалюка пригласили в министерство иностранных дел Ирака и просили срочно передать американцам: Ирак уже начал вывод войск из Кувейта, Ирак принимает все резолюции ООН и гарантирует выплату Кувейту компенсации за нанесенный стране ущерб. Джордж Буш-старший и его команда добились своего.

Идти до конца

11 сентября 2001 года Джордж Буш-младший, соратники его отца Дик Чейни и Колин Пауэлл, а также министр обороны Рамсфелд решали, что предстоит сделать Соединенным Штатам. Как и десять лет назад, американские руководители пустили в ход все свои ресурсы, чтобы остановить террористов и наказать их по заслугам. Зная нынешних руководителей США, можно не сомневаться в их готовности пойти до конца.

14 сентября конгресс США принял резолюцию, разрешающую президенту Бушу использовать военную силу против тех, кто организовал теракты в Нью-Йорке и Вашингтоне, и против государств, поддерживающих террористов.

Страны одна за другой выразили готовность поддержать Соединенные Штаты в борьбе против терроризма.

17 сентября министерство обороны представило президенту Бушу первый план операции против Осамы бен Ладена и его боевиков.

19 сентября министр обороны Рамсфелд подписал приказ о переброске дополнительных сил в район Персидского залива.

Государственный секретарь Колин Пауэлл выразил позицию американского правительства: ответ Соединенных Штатов на теракты превратится в длительное сражение, которое будет идти на многих фронтах. Эти теракты есть объявление войны Соединенным Штатам, демократии, всему цивилизованному миру.

21 сентября, выступая в конгрессе, Джордж Буш сказал:

«11 сентября враги свободы совершили акт агрессии против нашей страны. Американцам знакомы войны, но в течение последних ста тридцати шести лет мы воевали на чужой земле, за исключением одного воскресенья в 1941 году. Американцам знакомы боевые потери, но не в центре огромного города мирным утром. Американцам знакомы неожиданные нападения, но никогда прежде они не совершались на тысячи гражданских лиц...

Все собранные нами доказательства указывают на группу связанных между собой террористических организаций, известных как «Аль-Каида». В их числе убийцы, обвиняемые во взрывах американских посольств в Танзании и Кении и ответственные за взрыв американского военного корабля...

Инструкции «Аль-Каиды» приказывают террористам убивать христиан и евреев, убивать всех американцев, не делая различия между военными и гражданскими лицами, убивать в том числе женщин и детей.

Эта группа и ее лидер, человек по имени Осам бен Ладен, связаны со многими другими организациями в разных странах, в том числе с египетским «Исламским джихадом» и Исламским движением Узбекистана...

Мы направим все наши ресурсы — все дипломатические средства, все разведывательные механизмы, все законодательные средства и любые виды финансового давления на то, чтобы уничтожить всемирную террористическую сеть...

Наш ответ будет представлять собой нечто большее, чем краткосрочное возмездие или несколько отдельных

ударов. Американцам следует ожидать не одно сражение, но долгосрочную кампанию, не похожую на то, что мы когда-либо предпринимали. Это будут как боевые действия, которые можно будет увидеть по телевизору, так и секретные операции, которые останутся секретными даже в случае их успеха.

Мы лишим террористов источников финансирования, натравим их друг на друга, лишим их покоя, заставим их бегать с места на место, пока не настанет время, когда им негде будет укрыться».

Десять лет назад Михаил Горбачев до последнего момента надеялся предупредить боевые действия против Ирака. Но он не стал занимать особую позицию и противопоставлять себя мировому сообществу. Это дало возможность освободить Кувейт и избавить мир от страха перед ядерным и химическим оружием Саддама Хусейна.

Это был момент, когда идеологические и даже психологические стереотипы отошли на задний план. Казалось, действительно открывается эра разумного сотрудничества с Западом. И в течение нескольких лет наши страны были партнерами и почти союзниками. Правда, прошло немного времени, и традиционный антиамериканизм вновь стал определять внешнюю политику России.

Осенью 2001 года президент России Владимир Путин сделал решительный поворот в своей политике и, преодолевая сопротивление своего окружения, присоединился к западным государствам, естественным союзникам демократической России.

Путин не только сделал заявление о готовности внести свой вклад в борьбу с терроризмом. Самым главным было его согласие увеличить военную помощь Северному альянсу в Афганистане и не возражать против участия в операции центральноазиатских государств.

7 октября, поздно вечером началась бомбардировка позиций талибов в Афганистане.

Но уничтожение боевиков Осамы бен Ладена и военной машины талибов, которые помогали террористам, лишь первый шаг в борьбе с империей террора, которая зародилась несколько десятилетий назад.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ: ЦЕЛЬ НОМЕР ОДИН

Каждое великое государство несчастно по-своему. Несчастье Соединенных Штатов Америки заключается в невозможности объединения белых и черных граждан своей страны в единое общество. Многие черные американцы предпочитают, чтобы их именовали афроамериканцами, некоторые принимают ислам, а иные и вовсе становятся в ряды злейших врагов Соединенных Штатов.

А ведь сорок лет назад американцы считали, что преодоление старой вражды вполне возможно. Для этого достаточно покончить с расовой дискриминацией, дать черным американцам возможность получать образование, делать карьеру в государственном аппарате, армии и бизнесе и научиться не замечать разницу в цвете кожи.

За четыре последних десятилетия удалось добиться очень многого. Американское общество создало черным американцам режим наибольшего благоприятствования — в получении образования, в приеме на работу. Правительство выделило огромные деньги на программы интеграции черного населения в американское общество.

Следы сознательного самовоспитания американского общества видны во всем. Современный белый американец не может позволить себе обратить внимание на цвет кожи. Неприлично даже сказать: «Да у меня полно черных друзей!» — это равносильно признанию в расизме. Когда газеты пишут о преступниках, они никогда не отмечают их расовую принадлежность. На телевидении много черных дикторов. И даже в фильмах один из положительных героев обязательно должен быть темнокожим.

И тем не менее сейчас становится очевидным, что задача не решена, соединить черную и белую Америки в одну пока не удалось.

Значительное число черных в современную жизнь Америки не вписалось. Они не учатся, не работают, получают социальные пособия и занимаются торговлей наркотиками. Они живут отдельно от белых, в полуразрушенных, грязных кварталах больших городов, куда боятся заходить даже вооруженные полицейские.

Разумеется, теперь среди черных американцев появилось и немалое число образованных, даже процветающих людей. Но и они чувствуют себя людьми второго сорта. Они все равно не могут достичь уровня жизни, которого достигли белые. И этот разрыв не сокращается, а растет.

ПОХИЩЕНИЕ ПАТРИЦИИ ХЕРСТ

Радикально настроенные темнокожие американцы первоначально ухватились за левые идеи. Но левый терроризм не получил особого распространения в Соединенных Штатах. Самым громким делом оказалось похищение дочери Рэндольфа Херста, одного из самых богатых людей Америки.

История Патриции Херст прогремела на весь мир. 4 февраля 1974 года ее похитили. Это сделали начинающие американские леваки-террористы из организации, которая именовала себя «Симбиционистская армия освобождения». Когда все уже будет позади, Патриция Херст подробно опишет этих людей и свою жизнь в заключении...

Все, что ей оставалось, — это стараться их не раздражать, слушать молча и думать про себя: делай все, что они требуют. Рано или поздно ее освободят, и мучения закончатся. Надо надеяться, что это произойдет раньше, чем они озлобятся и решат с ней что-нибудь сделать.

Она научилась различать голоса и знала, кто в данный момент с ней ведет политико-воспитательную работу. Даже удивительно, как она научилась распознавать характеры только по голосам. Голос того, кого называли Чинном, принадлежал парню, воспитанному улицей и умудрившемуся прогулять все школьные годы. Тонкий голосок принадлежал девушке, которая приставила пистолет к ее виску. Вполне грамотная речь принадлежала, без сомнения, нервничавшему на заднем сиденье человеку. Еще была девушка, которая в момент похищения сидела на переднем сиденье. Она, видимо, была черной, у нее был низкий, горловой, тягучий голос.

Постепенно она узнала имена. Мужчин звали — Чин, Теко и Куджио. Девушек — Гелина, Фахидза, Иоланда и

Зоя. Это были настоящие африканские имена, достойные революционеров. От данных им при рождении имен — достойных только рабов — они отказались.

Они давали ей есть, поили чаем, водили в ванную комнату. Они утверждали, что кормили ее тем же, что ели сами. Завтрак состоял из чая и двух кусочков хлеба. На обед было нечто тяжелое. Глаза ей не развязывали, а по вкусу она не могла определить, что у нее в тарелке. Там явно был рис, но что еще? Скорее всего, бобы. Такие бобы она никогда не ела. Когда она в этом призналась, ее назвали «капиталистической сукой», поскольку она даже и не предполагала, что этими бобами бедные американцы вынуждены питаться каждый день.

В первый раз ее покормили через восемнадцать часов после похищения. Она не успела доесть, как тарелка выпала у нее из рук, и остатки еды высыпались ей на одежду. Потом ее кормили рисом с бананами или рисом с небольшими кусочками рыбы и поили мятным чаем, который она возненавидела еще больше, чем эту еду.

На третий день Чин обратился к ней по имени и устроил формальный допрос по всем правилам. Не хватало только лампы, слепившей глаза. Он задавал вопросы о ее школьной жизни, друзьях, семье, о ее родителях, о том, сколько денег у ее отца, какими акциями она владеет и какое еще имущество принадлежит ее семье. Он спрашивал об их доме, о привычках, о том, что они едят, с кем встречаются и так далее.

Она соврала только в одном: сказала, что ее сестры живут вместе с родителями. Она не хотела, чтобы и их попытались похитить.

На следующее утро, проснувшись, она обнаружила, что повязки свалились с ее рук. Чин махнул рукой и разрешил больше ее не связывать.

Чин продолжил допрос. Спросив, владеет ли ее мать акциями, он поставил ее в тупик. Она никогда не задумывалась над тем, есть ли у матери какая-то личная собственность.

— «Уолл-стрит джорнал» она читает? — спросил Чин.

— Да, но...

— Тогда у нее есть акции, — уверенно заключил он.

Она не знала и какими акциями владеет ее отец и опять услышала, что она «капиталистическая сука». Она не знала, каков ежегодный доход ее отца.

Зачем ее отец ездил в Вашингтон? С кем он имеет дело — с президентом, ЦРУ, Государственным департаментом?

Она знала только одну причину, заставлявшую его регулярно навещать в Вашингтон: корпорация Херста создала фонд, который оплачивал поездки двух школьников из каждого штата в столицу, чтобы иметь возможность ознакомиться с тем, как функционирует государственная машина.

Чин рассмеялся ей в лицо. Неужели она будет делать вид, что ее отец не состоит в «Комитете сорока»? Движение все знает о «Комитете сорока». Это засекреченный комитет, состоящий из миллиардеров, который вместе с ЦРУ приказывает президенту США, какую политику ему проводить. Именно они и управляют страной. И ее отец, реакционная свинья, был одним из тех, кто богател на поте народа.

Чин требовал от нее согласия со всем этим вздором. Когда она делала это недостаточно быстро, он уходил. Дверь с треском захлопывалась, включалась громкая музыка, и она оставалась одна, запуганная и несчастная.

Она старалась не злить Чина и говорила все, что знала. Собственно, ей нечего было скрывать. Другое дело, что на многие интересовавшие его вопросы она не знала ответа. Она боялась, что ее убьют или подвешат к потолку и начнут пытаться.

Чину и всем остальным страшно нравилось, что после похищения Патриции Херст все газеты писали об их движении. Они словно купались в лучах славы. Они уверяли ее, что таким образом революционная идея распространяется в массах: люди узнают, что можно восстать против угнетателей и успешно с ними сражаться. С капитализмом нужно бороться не только митингами и книгами, но и оружием.

Тем не менее Чин сказал, что его армия вступит в переговоры с капиталистическими свиньями об условиях ее освобождения.

— Посмотрим, — сказал он, — захотят ли они спасти тебя.

Он сказал, что военный совет «Симбиционистской армии освобождения» решил, что ее отец должен сделать «жест доброй воли» и доказать тем самым искренность своих намерений. Ему придется вернуть малую часть того, что он украл у народа. Для начала он выдаст продуктов на семьдесят долларов каждому бедняку в Калифорнии.

— Это ведь немного? — переспросил Чин.

— Конечно, конечно, — поспешила она согласиться.

Чин сказал, что надо будет записать на магнитофон ее обращение к отцу, чтобы он знал: она жива и просит сотрудничать с армией.

Чин разрешил отвести ее в ванную комнату, чтобы она приняла душ. Ванная оказалась маленькой, заполненной паром, вода — слишком горячей. Но ощущение было божественным.

Зоя, девушка с жестким, холодным голосом, сидела с ней и рассказывала о роли женщины в революции и о сексуальном равенстве в обществе будущего. Пока Зоя все это говорила, Патриция с наслаждением смывала с себя пот и грязь. Она хотела бы вымыть волосы, но не решилась. Повязка могла соскочить, она увидела бы лицо Зои, тогда ее, возможно, не захотели бы отпускать.

Зоя рассказывала, как бедняки будут счастливы получить еду, оплаченную Херстом.

— Вдруг кто-то не придет? — предположила Патриция. — Решат, что это унизительно.

Зоя взвилась от гнева:

— Ты — капиталистическая свинья! Простые люди не могут понять твою буржуазную мораль! Их дети голодны, и им не приходится выбирать.

После ванной ей дали брюки и майку.

К вечеру к ней пришел Чин с магнитофоном. Он диктовал ей, что ей следует говорить, и она покорно все повторяла в микрофон. Она была настолько напугана, что готова была сказать все, что угодно, только бы родители услышали ее голос и поняли, что ее нужно выручать из беды.

«Мама, папа, со мной все в порядке. Я немного простудилась, но мне дали таблетки.

Я не умираю от голода, меня не бьют и не запугивают.

Я знаю, что члены «Симбиционистской армии освобождения» огорчены из-за того, что газеты искажают истину. Они не сбивают вертолеты и не убивают невинных людей.

У меня завязаны глаза, так что я никого не смогу опознать. Мне бы хотелось, чтобы полиция перестала меня искать.

Я нахожусь под охраной вооруженного отряда, имеющего автоматическое оружие, так что у меня нет никаких шансов выйти отсюда, если меня не освободят. Эти люди честны со мной, но они готовы умереть во имя своих идей. И я надеюсь, вы сделаете так, как они говорят, и сделаете это быстро.

«Симбиционистская армия освобождения» поддерживает идеологические связи с Ирландской республиканской армией, с филиппинскими партизанами и с социалистами Пуэрто-Рико, которые борются за независимость.

Я — военнопленная, и военнопленные — те двое членов «Симбиционистской армии», которых посадили в тюрьму Сан-Квентин. Если невиновна я, то невиновны и они. Со мной обращаются в соответствии с Женевской конвенцией. Меня взяли в плен потому, что я член семьи, относящейся к правящему классу...»

Она только повторяла слова Чина, которые он произносил ей прямо в ухо. Внезапно она поняла, что он гладит ее грудь. Затем его рука скользнула вниз.

— Ты обидела сегодня нашу сестру Зою, — сказал Чин. — Не смей больше никого обижать. Иначе я разберусь с тобой.

Намек на сексуальное насилие был ясен. Она поняла, что не должна больше спорить или возражать кому бы то ни было из них.

Они отправили магнитофонную пленку только через три дня, которые ушли на то, чтобы продумать в деталях программу распределения продовольствия. Они решили, кому следует предоставлять эту помощь: всем, кто живет на социальное пособие, на социальную пенсию, ветеранское пособие, кто получает продукты по талонам, инвалидам,

тем, кто освобожден из тюрьмы с испытательным сроком. Они перечислили пункты раздачи продовольствия и назвали организации, которым следовало это поручить.

К записи ее голоса и бумагам с планом раздачи бесплатного продовольствия Чин присовокупил свое короткое выступление:

«Я хочу, чтобы вы услышали голос наших винтовок, которые говорят о свободе: привет нашим братьям и сестрам. Меня зовут Чин. Я — черный и представляю черный народ. Я — генерал-фельдмаршал объединенных федеральных сил «Симбиционистской армии освобождения».

Мы считаем корпорацию Херста и семейство Херстов врагами народа. Народ имеет право и даже обязан спасать жизни голодающих детей и женщин. Я вместе с другими представителями всех рас готов отдать свою жизнь для освобождения народа».

Патриция Херст надеялась, что этот голос поможет понять, насколько серьезны намерения людей, которые ее захватили. Даже если они полусумасшедшие фанатики, они и в самом деле готовы умереть за свои идеи.

Кассеты они отослали на радио в Беркли. Через день или два вся пресса говорила о том, что подлинная цель армии — освобождение их товарищей, сидящих в тюрьме. Губернатор Калифорнии Рональд Рейган, будущий президент страны, отказался их освобождать:

— Об этом не может быть и речи.

Чин сказал, что газеты подсчитали: выполнение продовольственной программы потребует четырехсот миллионов долларов. Херст заявил, что у него нет возможности заплатить четыреста миллионов, но он сделает похитителям другое предложение. Он сказал это по телевидению. Рядом с ним перед телекамерой стояла его жена, одетая в черное.

— Это значит, что твоя мать уже тебя похоронила, — сказал Чин. — Твои родители скорее позволят тебе умереть, чем откажутся от части своих денег или власти. Твой отец — самая большая свинья. Он мог попросить своих друзей помочь ему... Четыреста миллионов — это ничто для такой свиньи, как твой отец. Просто правящий класс не хочет создавать прецедента, иначе другие тоже начнут похищать детей из богатых семей ради выкупа.

Чин стал ругать агентов ФБР и особенно прессу, которая служит фашистским транснациональным корпорациям. Идет классовая война: правящий класс против «Симбионистской армии освобождения» и народа.

— Жаль, что тебе придется умереть во искупление грехов, совершенных твоими родителями, — сказал Чин. — Ты-то невиновна. Но тобой придется пожертвовать ради спасения миллионов детей, умирающих с голоду в фашистской Америке.

Под конец он сказал, что ее судьба будет решена Объединенным военным советом, который возглавляет все подпольные группы в США, ведущие войну против империалистического режима. На военном совете, добавил Чин, у него будет только один голос.

Тогда она поняла, что будет убита. Возможно, мир полагал, что все в порядке: похитители пошли на переговоры, значит, они не собираются убивать заложника. Но для нее ситуация выглядела по-иному: они выдвинули требования, которые ее отец в принципе не мог исполнить. Но и похитители теперь не могли отказаться от своих требований и тем самым потерять лицо. Они должны были идти до конца. Это могло означать только одно — они убьют ее, чтобы показать остальным: их требования, самые невероятные, должны исполняться.

Через несколько часов она услышала, как Чин вернулся с заседания военного совета. Хлопнула дверь, раздались шаги, чьи-то голоса. Чин вошел в туалет и сказал ей:

— Тебе, сучка, повезло. Военный совет дает твоему отцу еще одну возможность спасти тебя. Твой отец должен начать кормить голодных, чтобы военный совет увидел искренность его намерений. Это не значит, что тебя сразу освободят, но, по крайней мере, тогда начнутся переговоры о твоём освобождении. Так что давай пошлем твоему папочке еще одну пленку.

К ее изумлению, он разрешил ей снять повязку с глаз. Первые мгновения она ничего не видела. Сначала испугалась: что-то неладное с глазами. Потом вошел Чин, щелкнул выключателем, и она увидела своего похитителя в черной маске. Он велел ей говорить своими словами.

Она быстро наговорила текст с просьбой отцу пойти навстречу «армии», отговорить ФБР и полицию от их попыток арестовать кого-то из членов «Симбиционистской армии» и остановить газеты, которые публикуют оскорбительные для террористов статьи.

На следующий день Чин пришел и сказал, что ее отец выделил два миллиона долларов на продовольственную программу. На эти деньги создается фонд, который займется распределением продовольствия среди безработных в штате Вашингтон.

Чин пришел спросить ее, насколько, по ее мнению, это реально. Действительно ли ее отец даст все деньги? Она поняла, чем он огорчен: деньги пойдут через общественный фонд, а не попадут ему в руки.

Потом она поняла: он не знал, что ему делать дальше. Они похитили ее, чтобы обменять на двух арестованных товарищей. Когда это не получилось, возникла идея продовольственной программы. Позднее она узнала, что другие радикальные организации были недовольны тем, что «армия» опорочила левые идеи криминальным похищением. И кроме того, между четырьмястами миллионами долларов, которые они потребовали сначала, и двумя миллионами, которые они получили, большая разница.

Она продолжала думать о том, что они все же могут решить ее убить. Как это произойдет? Предупредят ли ее? Или это произойдет внезапно и она даже не сумеет приготовиться к смерти? И что потом? Жизнь после смерти? А что это такое?..

Она вспоминала своих сестер, мать. Все они были веселы и счастливы, и она была как бы среди них, но на самом деле ее не было. Она сидела в темной туалетной комнате, запертая террористами.

Военный совет отверг предложение ее отца о двух миллионах долларов.

— Это просто издевательство над бедными людьми! — кричал Чин. — Но мы дадим ему последнюю возможность одуматься и вернуть дочь. Он должен добавить еще четыре миллиона долларов. И продовольствие должно быть распределено в течение не года, а месяца.

На сей раз они сами составили звуковое послание, которое заканчивалось угрозой: «Если это предложение будет отвергнуто, все переговоры прекращаются, и все пленные будут находиться в заключении до тех пор, пока не будут освобождены наши пленные. Любая попытка освободить пленных или нанести ущерб нашим солдатам приведет к немедленной казни пленных».

Она слышала, как Чин наговаривал на пленку свой текст:

— Не пытайтесь узнать мое подлинное имя. Вы знаете меня. Вы все давно знаете меня. Я тот самый негр, за которым вы охотитесь и которого боитесь. Я негр, такой же, как те сотни негров, которых вы убили. Вы знаете меня. Я негр, я слуга, я бедняк, я безработный. И я знаю вас. Мы все вас знаем — вы убийцы и грабители. Вы охотитесь за нами, вы грабите нас. Теперь те, на кого вы охотитесь, не дадут вам спать спокойно. Мы будем бескомпромиссны во имя наших детей. Смерть фашистам, которые мешают жить приличным людям!

Она слушала этот монолог в состоянии, близком к отчаянию. Ее первоначальные надежды улетучивались. Формула: требование выкупа — получение денег — ее освобождение — не сработала.

Чин сказал:

— У твоего отца есть двадцать четыре часа на ответ.

Зоя, по характеру самая жесткая из них, добавила:

— Если твой отец не заплатит, ты уже труп.

Гелина, наиболее симпатичная, утешила ее:

— Не горюй. Отец заплатит.

Теко, который служил во Вьетнаме, кричал на нее в гневе:

— Ты просто буржуазная шлюха. Что мы с тобой возмисся?..

Она многое узнала от них. Особенно о тюрьмах. Чин повидал немало тюрем и этим гордился. По его словам, в тюрьмах рождались революционеры, особенно черные революционеры. Капиталистическое государство сажает черных лидеров по обвинению в изнасиловании или грабеже, чтобы не дать им возможность сразаться против истеб-

лишмента. Но в тюрьме из них выковываются настоящие революционеры.

Чем больше они рассказывали ей о тюрьмах, тем больше она утверждалась в мысли, что тюрьма — это место, для которого они созданы.

Они убеждали ее в том, что заключенные составляют целый класс и одновременно это — главный источник будущих потенциальных революционеров.

Один молодой человек с таким знанием дела рассказывал ей о калифорнийской тюрьме, что она подумала, что он там сидел. В этой тюрьме держали людей с психическими отклонениями, и она решила, что он насильник. Он рассказывал ей, что в тюрьме заключенным дают наркотики, чтобы они не могли сопротивляться.

Часами он сидел рядом с ней, читая ей коммунистическую литературу: «Коммунистический манифест», пособие для партизан под названием «За освобождение Бразилии» и маленькую книжку изречений Мао Цзэдуна.

У каждого из них было любимое изречение из Мао. Но они повторяли:

— Все левые читают Мао. Но только мы решились действовать.

Они были уверены, что рано или поздно революция разразится в США. Правда, не верили, что доживут до этого дня. Были готовы отдать жизнь во имя будущей революции. Она верила им, когда они говорили, что все умрут, если агенты ФБР обнаружат их укрытие.

Они разговаривали лозунгами. Они читали вслух эти книжки ей и самим себе. Их речь была полна марксистских и маоистских формул, которые они повторяли вновь и вновь. Как только кто-то из них открывал рот, она уже знала, что он (или она) сейчас скажет. В первые дни она не могла их слушать и молила Бога о том, чтобы они ушли и оставили ее в покое. Потом она стала сходить с ума от одиночества и страха. Когда она слышала человеческий голос, ей становилось легче.

В душе она смеялась над их лозунгами, но спорить не решалась. Иногда они читали ей отдельные заметки из газет — о революционных акциях в Пуэрто-Рико, Мозамбике и на Филиппинах. Иногда она не знала, что и ду-

мать. До своего похищения она мало что знала об окружающем мире и мало о чем задумывалась. Она даже не читала ежедневные газеты. Тем не менее вся ее натура противилась тому, что они ей внушали.

Над ее словами и ценностями они смеялись. Ее любовь к ведению домашнего хозяйства и кулинарии они считали проявлениями буржуазного духа. Обручальные кольца — проявлением мужского шовинизма. Сам брак — чисто буржуазным способом закабаления женщины. Моногамия — типично буржуазное изобретение, отрицающее свободу мужчины и женщины. Покупку новой мебели, разведение газонов в равной степени они сочли разбазариванием денег, которые могли бы служить благу бедняков. Ее спортивный автомобиль — игрушка, которой забавляются капиталисты в то время, как бедняки умирают от голода. Тем более они отрицали необходимость отмечать дни рождения.

Она изучала историю искусств — они считали, что это время она должна была посвятить народу. Они считали, что черные и другие угнетенные народы могут возглавить борьбу за освобождение. Только народы третьего мира знали, как вести эту борьбу. Белые для этого дела не годились. Тем более, что с исторической точки зрения они проявили себя предателями дела угнетенных народов.

— Белые братья и сестры должны гордиться тем, что им выпало такое счастье — сражаться под руководством черного фельдмаршала, — часто повторял Чин...

Ее продержали в заключении пятьдесят семь дней. Пока она, считавшая, что каждый день может быть последним, в страхе за свою жизнь, не заявила, что готова присоединиться к террористам. Чтобы убедиться в ее надежности, они заставили Патрицию участвовать в ограблении банка.

Впрочем, вопрос о том, почему она все-таки присоединилась к террористам, не так прост и многие годы занимал американских психологов, пытавшихся истолковать мотивы ее поведения.

Но это решение закончилось для нее печально. Ее арестовали, судили, и она провела в заключении два года, прежде чем президент Джимми Картер помиловал ее.

Это была самая громкая акция левых террористов в Соединенных Штатах. В отличие от Западной Европы или Японии, здесь не возникла по-настоящему опасная «Красная армия». Пройдут годы, прежде чем американцы столкнутся с настоящим терроризмом...

САМЫЙ ОПАСНЫЙ ВРАГ — ВНУТРИ

В 1995 году в Америке состоялся так называемый «Марш миллиона черных мужчин», который завершился невиданным по масштабам митингом темнокожих американцев в Вашингтоне. На этот митинг они съехались со всей Америки. Каждого пожелавшего прийти на митинг отпустили с работы.

Точных данных о том, сколько именно человек участвовало в митинге, нет. Называются разные цифры — четыреста тысяч, шестьсот тысяч, миллион. Цифра не так важна. Главное, что участников было больше, чем в знаменитом Марше черных в 1963 году, который возглавил Мартин Лютер Кинг. Тогда Кинг и произнес свою знаменитую речь, которая начиналась словами: «У меня есть мечта».

Марш 1963 года имел огромное значение для страны. Он заставил белых американцев понять, что они должны помочь своим черным согражданам, потому что белая Америка исторически виновна в их страданиях.

В романе классика американской литературы Уильяма Фолкнера «Свет в августе» говорится: каждый белый ребенок на юге Соединенных Штатов рождается распятым на черном кресте. Он несет в себе неосознанную вину белого перед неграми.

В марше 1963 года участвовало много либерально настроенных белых, которые сочли это своим долгом. В марше 1995 года белые практически не участвовали.

Сорок лет назад черные восстали против расизма и дискриминации.

В настоящее время черные выдвигают экономические требования и требование своей доли власти.

Тогда лидером черных был Мартин Лютер Кинг, который призывал отказаться от насилия и хотел, чтобы черные стали полноценными гражданами Америки.

В 90-е лидером черных стал Луис Фаррахан, предводитель черных мусульман Америки, глава организации «Нация ислама». Фаррахан сформировал черные боевые отряды, которые называются «Плоды ислама», и хотел, чтобы черные отделились и создали собственное государство — без белых.

У черных американцев, которые составляют двенадцать процентов населения страны, по-прежнему много претензий к обществу.

Безработных черных больше, чем белых. Средняя черная семья зарабатывает в десять раз меньше, чем белая. Черные родители оставляют своим детям меньшее наследство, чем белые. Белые мужчины и женщины живут дольше, чем черные.

Черные чаще оказываются в тюрьме, чем в колледже. Они чаще, чем белые, погибают от рук преступников. И обычно черных наказывают более сурово, чем белых.

Каждый четвертый молодой черный американец находится или в тюрьме, или под следствием, или под надзором полиции. Каждый третий или осужден, или, как минимум, привлекался к суду. Даже темнокожие американцы, которые сумели пробиться, все равно чувствуют себя людьми второго сорта.

— Я получил ученую степень, я нашел хорошую работу, — говорит такой черный американец. — Но когда я иду по улице, белые меня сторонятся. Когда я захожу в лифт, белая женщина смотрит на меня в ужасе. Ночью ни один таксист меня не повезет...

Белые боятся черных, белые считают, что черные кварталы — рассадник насилия и наркомании. Но черные с порога отвергают эти обвинения. Они считают, что преступность и наркомания порождены расовой дискриминацией, угнетением черных американцев. Белые сами породили то, от чего сейчас страдают.

— На этом месте, где мы сейчас находимся, — напомнил Луис Фаррахан, выступая перед участниками «Марша миллиона черных мужчин» в Вашингтоне, — когда-то

располагался невольничий рынок, где продавали в рабство наших прадедов.

И об этом страшном прошлом черные американцы не могут и не хотят забыть.

«Марш миллиона черных мужчин» состоялся в тот самый момент, когда черным американцам было чему радоваться.

Во-первых, после самого громкого за последние десятилетия судебного процесса был оправдан Ориентал Джеймс Симпсон, знаменитый темнокожий футболист и популярный киноактер. Он обвинялся в убийстве своей бывшей жены и ее друга. Как показали опросы общественного мнения, белые американцы были уверены, что Симпсон виновен. Точно так же черные американцы не сомневались в его невиновности. Присяжные, которые решали судьбу Симпсона, были черными.

Во-вторых, начала восходить звезда отставного генерала Колина Пауэлла, первого черного, которого многие белые американцы готовы были сделать своим президентом. Колин Пауэлл стал героем операции «Буря в пустыне» — против иракского лидера Саддама Хусейна. Затем он возглавлял комитет начальников штабов — это высшая должность, которую может занять профессиональный военный в Соединенных Штатах, потому что министром обороны назначают только штатского человека.

Отслужив положенный срок, Пауэлл вышел в отставку, написал книгу мемуаров и решал вопрос, не выставить ли ему свою кандидатуру на пост президента США. Если бы он решился это сделать, он стал бы самым серьезным соперником президента Билла Клинтона. Пауэлл отказался от этой мысли, но со временем стал государственным секретарем в администрации президента Джорджа Буша-младшего.

Ораторов на митинге в Вашингтоне было двое — Джесси Джексон и Луис Фаррахан.

Джесси Джексон очень известный политик. Когда-то он считался лидером черных. Он был представителем Соединенных Штатов в Организации Объединенных Наций, его считали возможным кандидатом в президенты. Но теперь черные полагают, что он слишком осторожен, дип-

ломатичен, что он принадлежит к правящему истеблишменту, сблизился с белыми, дружит с семьей Клинтон и далек от нужд черных.

Джексон говорил на митинге меньше получаса, а Луис Фаррахан — больше двух часов. Он стоял на трибуне в окружении своих боевиков в униформе «Нации ислама». Рядом с Фарраханом стоял его сын в такой же униформе. Фаррахан хотел показать, что это он отныне является лидером черной Америки.

Фаррахан, артист и проповедник, заставил слушать себя не только потому, что он блистательный оратор. Он, а не старомодный Джексон, выразил дух времени, новую тенденцию, которая берет верх среди черного населения Америки. Не подражать белым, не пытаться стать такими, как они, а, напротив, жить по-своему, отказаться от сосуществования с белыми.

Многие черные американцы в последние годы переходят в ислам. Это выражение протеста против белой христианской Америки.

ИСЛАМ В АМЕРИКЕ

Первые мусульмане прибыли в Америку с Ближнего Востока еще в XIX веке. Но они старались не смешиваться с местным населением, держались в стороне, занимались мелким бизнесом — открывали магазины, кафе, рестораны.

В 60-е годы в Соединенные Штаты хлынул поток студентов из исламских стран, прежде всего из Египта и Пакистана, которые принесли с собой радикальную исламистскую идеологию.

В 70-е годы по всей Америке началось активное строительство мечетей — в основном на деньги, которые давали Саудовская Аравия, Ливия, Ирак и другие исламские страны. В настоящее время в Соединенных Штатах существует две с лишним тысячи исламских учреждений — мечети, исламские школы, издательские центры.

В мечети потянулись черные — по всей стране, от хлопковых плантаций Юга до городских гетто Севера. Во-пер-

вых, черным американцам пришлось по душе принципы равенства, проповедуемые исламом. Во-вторых, они отвергли христианство как религию, которая как бы оправдывала рабство в Америке, потому что изображала Иисуса Христа в образе белокурого человека с голубыми глазами. В Соединенных Штатах около пяти миллионов человек приняли ислам.

Мусульмане воспринимаются со стороны как нечто монолитное. Это большая ошибка. Мусульмане в Америке чрезвычайно раздроблены. Они делятся на шиитов и суннитов, которые плохо относятся друг к другу. Они происходят из разных стран и потому разговаривают на разных языках. Недавно приехавшие в страну люди плохо знают английский и молятся каждый на своем языке. Наконец, одни хотят как можно скорее укорениться в Америке, которую считают богатой и процветающей, другие хотят все в этой стране поменять.

Те, кто приехал из исламских стран, спешат прижиться в американском обществе. Они вынуждены были покинуть родину и ценят Америку. А вот черные американцы, принявшие ислам, Америку ненавидят.

Иммигранты из исламских стран стараются как можно скорее сменить свои имена на чисто американские. А черные американцы, напротив, отказываются от своих американских имен, данных им при рождении, и принимают имена арабские. Как, скажем, сделал это знаменитый боксер Мохаммед Али, который родился Кассиусом Клеем.

А некоторые новообращенные черные мусульмане вместо фамилии стали писать знак Икс — неизвестный. Это означает, что их подлинная фамилия неизвестна, потому что белые рабовладельцы заставили ее забыть.

Самый знаменитый из Иксов — Малькольм Икс, популярнейший лидер черных мусульман. Когда он вышел из организации «Нация ислама», его убили. Считается, что это сделали недавние товарищи-боевики — из мести за уход.

«Нацию ислама» основал Элия Мохаммед. Он родился в конце XIX века в промышленном Детройте, тогда его звали Элия Пул. Во времена Великой депрессии остался без работы. Однажды он услышал о существовании пророка, который принес весть от Бога только для черных.

Этим пророком был человек, который называл себя Фарад Мохаммед, а родился он Уолласом Делани Фардом.

Фард объяснял черным, что они никакие не негры, а избранный народ, который когда-то был властелином всей земли. Но эту власть у них украли белые и низвели черных до положения рабов. Теперь Аллах решил вернуть свой потерянный народ в рай. Произойдет это в два этапа. На первом черные должны вернуться к своей прежней жизни, выучить родной язык — то есть арабский, вернуться к прежней религии — то есть к исламу, отказаться от имен, которые им дали рабовладельцы, и принять настоящие исламские имена.

Элия Мохаммед стал верным последователем Фарда. Более того, он сразу понял, что Фард не пророк, а сам Бог. На что Фард шепотом ответил ему:

— Ты прав, но не говори об этом никому. Еще не пришло время.

Фард ежедневно приходил к Элии Мохаммеду, чтобы научить его всему, что знал сам. В 1933 году Фард пропал. Элия Мохаммед взялся продолжать его дело.

Он рассказывал своим сторонникам, что все сущее — творение интеллекта черных людей. Это они создали все, включая и белых людей, которых изобрел чернокожий ученый по имени Якуб. Это был выдающийся ученый, но он был не согласен с исламскими порядками, поэтому решил создать нацию зла, дьявольскую расу, способную только к разрушению. И вывел белую расу дьяволов, не способную ни к чему разумному. Белая раса породила нищету, рабство, колониализм, войны, гетто, безработицу. Но теперь время белого господства кончается.

Эта идея стала идеологией «Нации ислама». Единственный путь выжить в дьявольском обществе — отгородиться от него. Не надо жить вместе с белыми. Напротив, надо отделиться от них. «Нация ислама» требует создать суверенное государство черных американцев. А пока что развивать собственную экономику. И «Нация ислама» превратилась в самую мощную экономическую силу в черной общине Америки. У нее есть свои школы и даже собственный флаг, напоминающий турецкий. Флаг Соединенных Штатов отвергнут как олицетворение рабства.

Элия превратил «Нацию ислама» в самую крупную и экономически процветающую организацию черных в Америке.

В 1975 году Элия умер. Организацию возглавил его сын, Уоллас Мохаммед, который стал называть себя имамом.

Он повел организацию в другую сторону. Имам фактически отказался от отцовских идей. Распустил боевые отряды, перестал заниматься бизнесом, призвал своих сторонников фундаментально изучать ислам. Он даже отказался от черного национализма и сказал, что белые и черные могут быть братьями, что белых тоже можно принимать в «Нацию ислама» и что Соединенные Штаты — общая родина всех американцев. Имам говорил, что мусульмане должны быть патриотами Соединенных Штатов.

Слова имама потрясли «Нацию ислама». Черные мусульмане почувствовали, что созданный ими мир рушится. Многие покидали «Нацию ислама», разочарованные в новом вожде. Они присоединялись к Луису Фаррахану, который обещал восстановить подлинную «Нацию ислама».

Луис Фаррахан родился в 1933 году. Тогда его звали Луис Уилкот. В пять лет он начал учиться играть на скрипке и оказался одаренным музыкантом. В середине 50-х он выступал в ночном клубе. Однажды он услышал Элию Мохаммеда и решил принять ислам. Он познакомился с самым радикальным из черных лидеров — Малькольмом Иксом, который велел ему бросить либо музыку, либо ислам и дал тридцать дней на размышление.

Фаррахан выбрал ислам, но использовал эти тридцать дней для того, чтобы дать последние концерты. На одном из концертов присутствовал известный антрепренер, который предложил ему выгодный контракт. Позднее Фаррахан расскажет об этом так: «Передо мной открылись две двери. Одна вела к успеху, золоту и бриллиантам. Другая дверь вела к исламу, и я не видел, что там за дверью... Я выбрал ислам».

Фаррахан сделал стремительную карьеру в «Нации ислама» благодаря своему ораторскому дару. Его речи идеально выстроены и напоминают музыкальное сочинение. Он мастерски владеет аудиторией, заставляя слушать себя часами.

Фаррахан назвал себя духовным сыном Элии Мохаммеда. Более того, он объявил, что Элия не умер, что он был

не просто посланцем Мессии, а самим Мессией. А теперь Элия приказал ему исполнять его волю на земле. Фаррахан рассказывал, что он побывал в Мексике, на вершине горы, неподалеку от древнего храма ацтеков, и там ему было видение. С ним говорил сам Элия Мохаммед, который поручил ему вести народ к свету.

Так Фаррахан стал пророком. С тех пор он постоянно окружен людьми, которые записывают все его слова.

Объясняя происхождение белого человека, Фаррахан однажды рассказал своим слушателям, что когда-то белые ходили на четырех конечностях и занимались любовью с собаками.

— Кто лучший друг белого человека? — вопрошал Фаррахан. — Вы? Нет, собака. Потому что они любят друг друга.

Фаррахан называет Гитлера великим человеком. Он поклонник иракского лидера Саддама Хусейна и вождя ливийской революции Муамара Каддафи. Фаррахан познакомился с Каддафи на конференции черных мусульман, организованной в Триполи в апреле 1984 года.

После этого Фаррахан организовал прямую трансляцию по телевидению сорокаминутной речи Каддафи для участников конференции черных мусульман, которые собрались на сей раз уже в Чикаго.

Каддафи сказал тогда своим восторженным слушателям, что Соединенные Штаты должны быть разрушены, и в качестве первого шага предложил всем черным солдатам американской армии поднять восстание и сформировать собственные вооруженные силы. Он обещал помочь им оружием, чтобы сообща разрушить белую Америку:

— Мы будем с вами сражаться плечом к плечу. Победа не за горами!

Антисемита и поклонника Гитлера Фаррахана вообще тепло принимают в исламском мире.

В Тегеране он заявил, что именно мусульманам предстоит уничтожить белую Америку:

— Эту почетную миссию всевышний доверил мусульманам. И я во всеуслышание заявляю: если Соединенные Штаты не изменят свою политику, Аллах уничтожит эту страну.

В Багдаде на встрече с Саддамом Хусейном Фаррахан заявил, что он осуждает злодейскую политику Вашингтона и массовые убийства иракских граждан... Фаррахан исполнен ненависти к собственной стране.

Организаторы «Марша миллиона черных мужчин» призывали правительство Соединенных Штатов тратить больше денег на социальные нужды. Они говорили об этом в Вашингтоне, в городе, который своим примером доказывает, что правительственная помощь не помогает решению социальных проблем.

Город Вашингтон тратит на полицию больше денег, чем любой другой город в Северной Америке, но уровень преступности здесь один из самых высоких.

Вашингтон платит учителям самую большую зарплату, но у учеников в здешних школах самые плохие результаты.

Вашингтон тратит на пособия безработным и нуждающимся денег больше, чем любой другой город, но эти деньги не помогают черным американцам вернуться к нормальной жизни.

Еще до «Марша миллиона черных мужчин» большую речь — в другом городе, но на ту же тему — произнес тогдашний президент Билл Клинтон. Говорят, это была одна из его лучших речей. Он говорил о глубокой пропасти, которая разделяет белых и черных американцев. Он призывал очистить Америку от расизма. Над этой речью работали два помощника Клинтона, один белый, другой черный. Причем его окружение сомневалось, стоит ли президенту говорить о столь щекотливой материи. А Клинтон настоял на своем.

Клинтон призвал черных понять, что белые боятся насилия в городах, насилия, которое в основном дело рук черных. А белые должны осознать, что система правосудия по-прежнему несправедлива к черным. Клинтон выступал хорошо. Но Фаррахан, наверное, более умелый оратор.

Я находился тогда в командировке в Соединенных Штатах и слышал обе речи. Американское телевидение транслировало оба выступления полностью. У каждого оратора была своя аудитория. Клинтона слушали люди,

которые согласны с ним и не согласны с Фарраханом. А Фаррахана слушали его единомышленники, и они не хотели слушать Клинтона.

Разделение Америки на черную и белую — это трагедия. И в этом смысле американцам можно только посочувствовать. Прибывающие из-за границы террористы находят помощь и поддержку внутри страны. В Соединенных Штатах возникла террористическая группа «Джамаат ул-Фукра» («Совет джихада в Северной Америке»), которая располагает несколькими сотнями боевиков. На ее счете террористические акции в разных штатах.

КТО И ПОЧЕМУ НЕ ЛЮБИТ АМЕРИКАНЦЕВ?

Возникает вопрос: почему именно Соединенные Штаты превратились в мишень номер один для террористов? Почему у Америки так много ненавистников?

Как выразился английский историк Арнольд Тойнби, Америка похожа на очень большую собаку в очень маленькой комнате: «Когда она всего лишь виляет хвостом, вокруг валяются стулья».

Последние годы Соединенные Штаты наслаждаются беспрецедентным подъемом экономики. Бюджет выполнен с большой прибылью, налоги снижаются, безработица упала до рекордно низкого уровня.

Америка держит в руках промышленность будущего — космос, компьютерную технику, информационные технологии. Рабочих все меньше, а промышленное производство растет.

Средняя продолжительность жизни американцев достигла семидесяти шести лет. Сократилась заболеваемость раком, сердечно-сосудистыми болезнями и даже СПИДом.

Статистика свидетельствует о том, что и автомобильных катастроф стало меньше. Американцы практически перестали водить машины в пьяном состоянии, они пристегиваются ремнями безопасности, да и машины теперь надежнее. В Америке меньше пожаров, потому что строители пользуются огнеупорными материалами, и пожарным нечего делать.

Американцы отказываются от алкоголя, курение почти что вне закона, и школьницы не спешат потерять девственность.

Американские киногерои заполонили мир от Катманду до Киншасы, от Каира до Каракаса. На Памелу Андерсон можно любоваться в любой точке земного шара, кроме Северной Кореи. Мадонну и Майкла Джексона слушают везде. Динозавры Стивена Спилберга из видеоджунглей попали в джунгли настоящие. Владелец компьютерной империи «Майкрософт» Билл Гейтс властвует над грезами компьютерных детишек. Шарон Стоун сводит с ума взрослых мужчин во всем мире.

Бесспорно лидерство Соединенных Штатов и в ядерных, и в обычных вооружениях. Вашингтон способен нанести высокотехнологичным оружием удар по любой точке на земле.

Никогда в современной истории ни одна страна не господствовала столь безраздельно, как Соединенные Штаты. Это единственная сверхдержава — в экономическом, военном и культурном отношении. Вряд ли Соединенные Штаты в состоянии решить все мировые проблемы, но едва ли хотя бы одну из них можно разрешить без участия американцев.

Раньше, придавленные вьетнамской травмой, они были недовольны своей международной ролью. Но крах социалистической системы и невиданный экономический подъем избавил американцев от всех сомнений.

С войной в Боснии европейцы сначала надеялись управиться сами. Но Европе пришлось убедиться, что лишь американцы смогли установить хотя и не слишком хороший, но зато действенный мир. Американцы заперли сербских, мусульманских (имеются в виду босняки) и хорватских представителей на три недели в Дейтоне, пока те не подписали соглашение о мире.

Северная Корея хоть сейчас готова разговаривать с американцами. Африканские политики расталкивают друг друга, чтобы добиться благосклонности и милостей от Вашингтона. На Ближнем Востоке израильтяне и палестинцы предпочитают беседовать не между собой, а через посредство американцев.

Что же удивительного, что американские политики ведут себя с представителями других стран как учитель с учениками? Вашингтон уверенно предлагает американскую модель в качестве примера для подражания.

Американцы говорят: а кто может сравниться с нами? Япония не обладает сырьевыми ресурсами и зависит от зарубежных рынков. Китай не в состоянии справиться с собственными проблемами. Нищая Индия поглощена борьбой с Пакистаном. Бразилия, которую постигла финансовая катастрофа, как была, так и осталась страной будущего. Европа занята внутренними склоками. А Россия — гигант-призрак.

Американцы всегда были глубоко убеждены в том, что они стоят на стороне добра, правого дела. Первые переселенцы из Европы мечтали выстроить сверкающий город на холме, на который будет восхищенно взирать весь мир.

Отношение к остальному миру — не простой для американцев вопрос. На чем основывать внешнюю политику — на военной мощи или на морали? На реализме или идеализме? На прагматизме или на твердых принципах? Защищать только свои интересы или распространять свои идеалы по всему миру? Кем быть — националистами или интернационалистами? Либералами или консерваторами?

Выбор не сделан. Иногда американцы поступают как идеалистически настроенные прагматики, иногда — как прагматичные идеалисты.

Джон Кеннеди, вступая в должность президента в 1961 году, посвятил внутренним проблемам страны всего несколько слов. Он сосредоточился на внешней политике, считая, что лишь она способна прославить его среди потомков.

— Все народы, — говорил Кеннеди, — как бы мы к ним ни относились, должны знать, что мы заплатим любую цену, вынесем любые тяготы, стерпим любые невзгоды, но поможем всем друзьям и будем сражаться со всеми врагами, чтобы обеспечить существование и победу свободы!

Американская музыка, кинематограф, компьютеры, еда из «Макдоналдса» формируют мир стремлений и мечтаний большей части молодежи на всех континентах. После про-

дукции аэрокосмической промышленности американская индустрия развлечений — экспортный товар номер два.

Молодые люди во всем мире охотнее носят майки с изображением американского флага, чем сжигают этот флаг на улицах. В Иране фундаменталисты запретили спутниковые антенны и американские фильмы, но на черном рынке видеозаписи расхватываются как горячие пирожки.

Людей и завораживает, и отталкивает американская массовая культура. Они хотят к ней принадлежать и одновременно ее отторгают. Молодые люди с оружием носят американские джинсы и кроссовки, а на митингах требуют покончить с засильем американцев.

США исходят из наивного представления о том, что американские ценности должны быть приняты и другими странами. Другие страны это раздражает. И европейцы, и азиаты недовольны высокомерием Соединенных Штатов.

Американцы уверены, что критика объясняется завистью и желанием скрыть собственную несостоятельность. Но они сами поражены тем, что против Соединенных Штатов накопилось столько злобы. Речь явно идет о чем-то большем, чем регулярно поднимающиеся волны антиамериканизма.

Общественное мнение полагает, что главная цель американцев — господство над миром.

Раздражение у некоторых людей вызывает сама манера поведения американцев, их готовность, ни у кого не спрашивая, делать то, что они считают правильным: «Им все можно, а нам ничего?»

Вот почему нет недостатка в яростных антиамериканских публикациях и заявлениях. На этом делают неплохую карьеру — выискивают врагов и живут за их счет. Такое упоение ненавистью — это яд, который некоторые политические деятели подмешивают к духовной пище граждан разных стран, в том числе и России.

Многим кажется, что американцы сознательно причиняют неприятности остальному миру. Мало кто задумывается над тем, что ненавистниками Америки, теми, кто берется за оружие, чтобы убивать американцев, возможно, движет раздражение, обида и элементарная зависть к преуспевающему сопернику...

Часть вторая

СОБЛАЗНИТЕЛИ И СОБЛАЗНЕННЫЕ

Глава 3

ВСЕ ЛЮДИ — ВРАГИ? НАЦИОНАЛЬНЫЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ КОНФЛИКТЫ В МИРЕ

XXI век начался с того же, с чего и век XX. Покушения, войны, этнические чистки, угнетение целых народов — все стало питательной почвой для терроризма.

УТЕРЯННЫЙ АРАРАТ

Первой жертвой геноцида в XX столетии пали армяне, томившиеся под властью Османской империи. В Первой мировой войне Турция выступила на стороне Германии. Армяне же душой были за Россию, обещавшую им помощь и покровительство.

Армянские газеты писали тогда: «Мы, армяне, приложим все усилия, чтобы выполнить наш патриотический долг в отношении русского трона. Помолимся Богу, чтобы победило оружие России».

Армяне посылали делегации к императору Николаю II, надеясь, что русская армия сокрушит турок и Армения получит самостоятельность. Обращаясь к российскому императору, один из представителей армян говорил в ноябре 1914 года:

— Теперь, когда Турция с помощью Германии посмела поднять руку на великую Россию, армяне встали, как

один человек, готовые принести в жертву свои жизни во славу российского трона.

Это вызвало жестокую реакцию турок, которые стали сгонять армян с насиженных мест под тем предлогом, что армянское население может выступить против Турции на стороне России. Полицейская операция быстро превратилась в массовую резню...

А армянские погромы, как и еврейские, шли давно. По мнению историков, погромы приняли массовый характер еще после русско-турецкой войны 1877—1878 годов. Тогда было установлено международное покровительство над турецкими армянами, Турцию обязали позаботиться об их безопасности и вообще провести реформы, которые улучшили бы жизнь армян.

Но этого не произошло. А тем временем армяне стали восставать, устраивать демонстрации. Их разгоняли и беспощадно преследовали. Считается, что осенью 1895 года было перебито несколько десятков тысяч армян.

Армяне пытались давать отпор, вооружались. Европейская дипломатия молчала.

В 1908 году в Турции к власти пришли младотурки, которые обещали вернуть армянам отнятые земли, обещали амнистию, смену местной администрации. Ничего этого не произошло. Погромы продолжались. В 1909 году в ходе погрома было убито около двадцати тысяч армян.

В 1912 году по просьбе католикоса всех армян Российская империя взяла на себя миссию по защите турецких армян и стала требовать от Турции реформ. Но начавшаяся мировая война свела на нет все усилия России добиться облегчения участи армян.

В 1915 году турки вырезали почти полтора миллиона армян, разгромили армянские школы, сожгли деревни.

Армянских мужчин убивали, женщин и детей гнали в пустыню, которая теперь находится на севере Сирии. Там они погибали от рук бандитов или турецких жандармов. Турция тогда придумала первую в мире газовую камеру — в подземную камеру с заключенными турецкие полицейские пускали дым, чтобы узники задохнулись.

Пощадили только армян в Константинополе — тут они были на глазах иностранных посольств. Армянский народ

был брошен на произвол судьбы. Никто за него не вступился, Европа была занята своими делами.

Поток беженцев устремился прочь из Западной Армении, подальше от погромов.

Своим спасением, считают армяне, в немалой степени они обязаны России: как писал великий Абовян, «русские благословенной ногой своей вступили на нашу священную землю».

Беженцев расселяли в Эриванской губернии, на Северном Кавказе. В России был организован сбор денег и одежды в помощь армянским беженцам. Тогда же армяне-беженцы оказались в Сирии и в других ближневосточных странах. В результате этой резни армяне рассеялись по всему миру. За пределами Армении живет сейчас больше армян, чем в самой стране.

В Первой мировой войне Турция потерпела поражение, и ее судьба была определена Севрским договором 10 августа 1920 года. Турция должна была признать независимую Армению, а границу между Арменией и Турцией попросили провести третейского судью — президента Соединенных Штатов.

Но Севрский договор оказался недолговечным. Против была не только Турция, но и Советская Россия, которая видела в другом изгое мировой политики — Турции — родственную душу. Советско-турецкий договор 16 марта 1921 года оставил за Турцией значительные армянские территории. Столь же неудачным для армян было и административное деление внутри Советской России. Земли, на которые они претендовали, перешли к Азербайджану.

Ни Турция, ни Азербайджан не признают того, что резня 1915 года была геноцидом армянского народа. С их точки зрения, геноцида не было, были столкновения, которые устраивали сами армяне, бунтовавшие против власти в военное время. Это еще больше обижает и возмущает армян.

«Дьявольский план истребления армян и захвата их жизненного пространства путем геноцида» — в таких терминах описывают армяне то, что с ними происходило в начале XX века. События 1915 года оставили тяжелейший след в исторической памяти армянского народа. У армян сложилась психология людей, со всех сторон осажденных

врагами. И армяне решили, что больше никогда не позволят застать себя безоружными, что они будут сражаться за себя и за свою землю.

Эта трагедия изменила национальный характер армян, определила и определяет их настоящие уmonoстроения.

Войну в Нагорном Карабахе, которая вспыхнула через семь с лишним десятилетий после армянской резни, многие армяне считают продолжением своей давней борьбы с турками, с Турцией, с Оттоманской империей.

Армяне потеряли Западную Армению, потеряли национальную святыню — гору Арарат. В Нахичевани больше нет армян. Готовность умереть за Карабах многими со стороны воспринимается как умопомешательство, как общенациональная истерия. На самом деле в немалой степени это порождено памятью о резне 1915 года. Тем более, что карабахские армяне азербайджанцев называют «турками» или «тюрьками». За сто лет эта вражда не стала слабее.

Память о старой Армении, о предках, уничтоженных, как здесь принято говорить, кривым турецким ятаганом, не ослабевает. Ненависть к Турции и туркам не утихает. «Турок приносил везде только разрушение, никогда он не был способен развивать в мирное время то, что завоевал в войне», — пишет один из современных армянских писателей. Ненависть к туркам распространилась и на азербайджанцев.

Армяне не сомневаются в том, что Карабах — они называют его Арцах — должен принадлежать армянам. Арцах входил в состав Армении со II века до нашей эры, пишут армянские историки, еще в начале XIX века Карабах стал частью России, на пятнадцать лет раньше, чем частью России стала Восточная Армения.

В 1918 году население Карабаха было на девяносто шесть процентов армянским. По мнению армян, Карабах включили в состав Азербайджана, чтобы крепче привязать к Москве Азербайджан и сделать приятное Турции, с которой большевики хотели дружить. В общем так оно и было.

Нарком по иностранным делам Георгий Васильевич Чичерин попытался помешать тогда передаче Азербайджану спорных территорий — Карабаха и Нахичевани,

где было большое армянское население. Чичерин считал, что надо обязательно учесть мнение Армении. Он словно чувствовал, что со временем из-за Карабаха вспыхнет настоящая война.

Но секретарь Закавказского крайкома Серго Орджоникидзе, один из самых влиятельных в партии людей, считал, что эти территории нужно отдать Азербайджану — эта республика поважнее Армении. Орджоникидзе убедил Ленина, что «нельзя лавировать между сторонами, нужно поддержать одну из сторон определенно, в данном случае, конечно, Азербайджан с Турцией».

Во время боевых действий из-за Карабаха азербайджанская армия, несмотря на очевидное превосходство в живой силе и технике, неизменно терпела поражения в столкновении с армянами. Азербайджанская армия была плохо обучена и организована. Но ущербность азербайджанской армии только наполняла Баку желанием мести и реванша. Из-за проигранных в Карабахе сражений пало не одно азербайджанское правительство.

В Баку из пропагандистских соображений утверждали, что на противоположной стороне воевали не карабахцы, а экспедиционный корпус из Армении. По сведениям Министерства иностранных дел России, экспедиционного корпуса не было, были отдельные советники и инструкторы из Еревана. И Карабах получал материальную и финансовую помощь из Армении, которая, впрочем, была так бедна, что немногим могла поделиться.

Армия Нагорного Карабаха отличалась высоким боевым духом и организованностью. Для каждого из карабахских армян это была война за родной дом, чего не могли сказать о себе азербайджанские солдаты. Видимо, поэтому азербайджанская армия не смогла противостоять карабахской. Потом появились сведения о том, что Азербайджану пришли на помощь оставшиеся без дела афганские моджахеды, которых перебрасывали в Баку из Кабула чартерными рейсами. Так на свою первую войну попал выходец из Южного Йемена Хаттаб, имя которого станет известным во время второй чеченской войны.

В той войне армии сражались не только друг с другом, но и с гражданским населением. Это была тотальная вой-

на. Не только люди в форме, но и население в целом воспринималось как враг. Наступавшие войска заодно выселяли и население противника, потому что захваченный город подвергался полному разграблению. И люди сами бежали, узнав о приближении врага.

Наступали азербайджанцы — бежали армяне. Наступали армяне — бежали азербайджанцы. Последние годы наступали в основном карабахские армяне, так что родные места покидали азербайджанцы.

Победная эйфория ужесточила позиции армян на переговорах. Армяне, живущие словно в осажденной крепости, отчаянно демонстрируют свою силу и непреклонность.

Армяне так долго ощущали себя жертвой истории, что теперь они хотят переписать историю. Память о резне 1915 года заставляет их больше надеяться на силу оружия, чем на дипломатию. Но ведь поражение за поражением только усиливает готовность азербайджанцев воевать до бесконечности. А азербайджанцев больше, чем армян.

Стратегия карабахских армян напоминает израильскую — «мир в обмен на земли». Нагорный Карабах готов освободить оккупированные азербайджанские районы в обмен на признание его независимости. Но Азербайджан отказывается признать самостоятельность Нагорного Карабаха.

Пока что нет аргументов, которые убедили бы азербайджанцев и карабахских армян в том, что пойти на компромисс с врагом, чем-то пожертвовать и обрести мир более разумно и выгодно, чем продолжать войну.

Если бы не было трагедии 1915 года, армяне чувствовали бы себя увереннее и сильнее. Они, возможно, скорее были бы готовы к политическому решению карабахской проблемы. Но они не могут забыть, как армян убивали только за то, что они армяне. В XX веке это был первый случай геноцида. Первый, но не последний.

Война из-за Нагорного Карабаха шла не один год. Собственно говоря, она и не закончилась. Там всего лишь перемирие, которое всегда может прерваться грохотом перестрелки или действиями террористических групп.

Армяне пытались сражаться с турками по всему миру. Радикально настроенные молодые люди создали крупную

террористическую организацию «Армянская секретная армия за освобождение Армении», которая охотилась за турками в Европе. Армянские террористы получали помощь от курдов, палестинцев и Сирии.

«ЦЫГАНАМ ВХОД ЗАПРЕЩЕН!»

Немецкие национал-социалисты уничтожили за двенадцать лет не только шесть миллионов евреев, но и шестьсот тысяч цыган, которых считали прирожденными преступниками и продуктом опасного смешения рас.

С тех пор как почти тысячелетие назад цыгане покинули Северную Индию, сохранив в языке немало слов из санскрита, они безостановочно кочуют по Европе в поисках такого места, где им будут рады. В спокойные периоды европейской истории к племени искусных ремесленников и прирожденных музыкантов относились снисходительно. В тяжелые времена доведенные до истерического состояния, озверевшие толпы гнали отовсюду «этих мошенников».

Почему в нацистской Германии уничтожали цыган?

На бытовом уровне ответ покажется нам знакомым. Темноволосые, с оливковой кожей люди всегда были подозрительными в глазах добропорядочных граждан. Цыгане не только говорили на своем языке и по-своему одевались, но и селились отдельно, кочевали, не ходили в церковь, не водили детей в школу. Это нежелание быть как все более всего и раздражает окружающих: «От этих цыган всего можно ждать... Они похищают маленьких детей... Они воры». Завидев цыган, хозяйки хватали детей и закрывали двери. Мужчины злобно переговаривались: «Почему этих цыган до сих пор не пересажали?»

Но это еще не причина для того, чтобы изгонять и убивать. Причину нашли обладатели научных степеней и званий.

В Антропологическом институте Тюбингенского университета еще до недавнего времени хранилась картотека двадцати тысяч умерщвленных цыган: шестнадцатиметровые стеллажи, уставленные папками с данными обмеров,

фотографиями, отпечатками рук и ног, с таблицами и схемами, с перечнем близких и дальних родственников. А также акты расово-генетической экспертизы, заменявшей в нацистские времена судебный приговор.

Вердикт «смертная казнь» выносился не юристами, а немецкими биологами, которые, изучив личное дело, неизменно приходили к выводу: данный экземпляр не только не представляет ценности для общества, но и опасен для него.

Немецкие биологи утверждали, что «цыгане являются продуктом скрещивания рас, причем они преимущественно скрещиваются с уголовными преступниками, что привело к созданию цыганско-воровского люмпен-пролетариата. Мы признали цыган изначально примитивными. Отставание в умственном развитии делает их неспособными к жизни в обществе».

16 декабря 1938 года рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер приказал «зарегистрировать в полиции всех лиц, ведущих цыганский кочевой образ жизни, и проверить их по расово-биологическим признакам».

Выполняя его указание, глава имперской службы безопасности Рейнхард Гейдрих провел в сентябре 1939 года совещание, на котором было решено депортировать всех цыган в концлагеря, создаваемые на территории Польши. Уполномоченный по «окончательному решению еврейского вопроса» оберштурмбаннфюрер СС Адольф Эйхман предложил «прицеплять по нескольку вагонов с цыганами к каждому эшелону с евреями», отправляемыми в концлагеря.

Но имперские железные дороги были перегружены военными перевозками; и службе безопасности приходилось набивать цыганами местные концлагеря или даже создавать новые.

5 июля 1940 года штурмбаннфюрер СС и советник уголовной полиции Зальцбурга докладывал начальству в Берлин:

«Шеф охранной полиции и службы безопасности санкционировал переселение цыган из Остмарка (так немцы именовали Австрию после ее присоединения к рейху. — Л. М.). Для лучшего и безостановочного исполнения

приказа я намереваюсь заранее собрать всех цыган в сборном лагере в Зальцбурге, иначе может быть упущена благоприятная возможность избавиться от них в обозримом будущем».

Согнанные сюда цыгане сами построили себе лагерь на заболоченном лугу зальцбургского предместья Максглан: поставили бараки, здание для охраны, две сторожевые вышки, обнесли территорию колючей проволокой...

Однажды в лагере появилась Лени Рифеншталь — знаменитая актриса и еще более знаменитый режиссер. Она ставила фильмы и снималась в них. В том году она решила экранизировать оперу д'Альбера с романтическим сюжетом. Прекрасная танцовщица оказывается во власти жестокого властителя, который угнетает местных крестьян.

Танцовщицу играла сама Лени Рифеншталь. А кто же исполнит роли испанских крестьян, графа, челяди? Кинематограф способен справиться с любыми проблемами, используя грим, костюмы, декорации. Фильм будут смотреть не этнографы, а обычные люди. Но Лени Рифеншталь никогда не добилась бы успеха, если бы шла хоженными тропами... Испанцев сыграют цыгане, решает она.

Любому режиссеру в любой стране такие массовки обошлись бы недешево: надо собрать достаточное количество цыган, уговорить их сниматься и переехать на место съемок, всем хорошо заплатить. Любому, но не Лени Рифеншталь.

Перед ней в Третьем рейхе были открыты любые двери. После фильмов о партийном съезде «Триумф воли» и об Олимпиаде 1936 года в Берлине она ни в чем не встречает отказа. Партия высоко ценит художников, руководствующихся в своем искусстве идеалами партийности и народности.

Рифеншталь приступает к съемкам в 1940 году. Съемки продолжаются несколько лет. Уже идет кровавая война с Россией, но партия не забывает о Рифеншталь.

В списке оборонных работ на 1942 год значится и художественный фильм «Низменность» режиссера Рифеншталь, «производство которого осуществляется по заказу

фюрера и при поддержке имперского министерства народного просвещения и пропаганды».

С разрешения Главного управления имперской безопасности в сопровождении эсэсовцев Лени Рифеншталь отправляется в концлагерь для цыган Максглан. Всех заключенных выстроили, и Лени Рифеншталь отобрала себе статистов.

Съемки и монтаж ленты продолжались всю войну. Увлеченная работой, Рифеншталь стремилась к художественному совершенству. Она вновь и вновь объясняла цыганам из концлагеря, как именно следует изображать счастливую жизнь испанских крестьян.

Один цыганский юноша из числа тех, кто особенно долго снимался, посмел обратиться к ней за помощью:

— Наша семья пользуется хорошей репутацией. Никто из нас не был судим. Может быть, вы сможете как-то помочь нам?

Лени Рифеншталь думала только о фильме и легко согласилась помочь:

— Конечно, я попытаюсь освободить всю вашу семью или, как минимум, отправить в Берлин.

Но съемки закончились. Цыган, которые недолго были испанцами, вернули в концлагерь. В мае 1943 года рекомендацией оберштурмбаннфюрера СС Эйхмана наконец воспользовались. Лагерь Максглан закрыли, цыган отправили в Освенцим, лагерь уничтожения.

— У меня особая любовь к цыганам, — скажет позднее Лени Рифеншталь, довольная своим фильмом. — Я всегда оказывала им особое предпочтение. Бог тому свидетель.

Есть и другие свидетели. В Освенцим, как и на съемки к Рифеншталь, цыган отправляли семьями. Из тех, кто снимался в ее фильме, почти никто не выжил.

Остался жив только тот цыганский юноша, который обратился в свое время к Рифеншталь с просьбой о помощи. Один из всей семьи, приобщившейся к киноискусству.

Через много лет после войны он рассказал, что все, кто снимался у Рифеншталь, ждали от нее помощи. Ничего они не дождались. Лени Рифеншталь была не только ре-

жиссером, но и образцовым носителем германского национального сознания.

Это очень счастливая женщина — здоровье и правильный образ жизни позволили ей дожить до девяноста восьми лет и удостоиться премии на кинофестивале в городе, который, когда он назывался Ленинградом, больше других пострадал от ее друзей-нацистов. Причем эта премия была ей вручена в нашей стране 22 июня 2001 года, словно в насмешку над чувствами людей, которые еще не забыли войну.

Сама Лени Рифеншталь говорила, что это самая дорогая для нее награда, что она «ошеломлена» приемом, который ей оказали в России. Это верно. После 1945 года этой женщине порядочные люди не подавали руки и уж тем более нигде в Европе ее не встречали так восторженно, с таким пиететом, как в Питере, пережившем блокаду...

После Второй мировой войны жизнь цыган должна была измениться. Из шести миллионов европейских цыган две трети оказались в Восточной Европе и на Балканах. Социалистические режимы обещали цыганам полное равноправие с другими этническими группами. Взамен требовали оседлости, перемены образа жизни — «станьте как все». Но цыгане удивительным образом избегают ассимиляции и сохраняют национальную идентичность. Они хотят быть такими, какие они есть.

Но для других они остались чужими. Ничего не было сделано для того, чтобы помочь людям понять цыган. Массовое сознание признает за цыганами только две социальные роли — певцов и музыкантов.

В Советском Союзе, самом многонациональном государстве, никогда не существовало школьного курса, минимально знакомящего детей с традициями, обычаями, менталитетом этнических групп, населяющих нашу страну. А ведь стереотипы национальной неприязни закладываются именно в детстве. И люди охотно горячат себе кровь цыганскими мелодиями, чтобы потом изгнать из своего города «цыганское отродье».

Побочным продуктом распада социалистической системы стал всплеск антицыганских настроений. Чувства и настроения, которые скрывались, вырвались наружу.

Особенно плохо обращались с цыганами в Румынии, где воинственная молодежь громила цыганские кварталы — при попустительстве властей. Заместитель премьер-министра Румынии назвал цыган «чумой Бухареста». В Румынии осталось совсем мало евреев, поэтому отыгрывались на цыганах, а их было два миллиона. Драка на бытовой почве между румыном и цыганом заканчивалась цыганским погромом. Тысячные толпы врываются в цыганские кварталы, жгли дома, гонялись за людьми.

В Венгрии тоже нашлись милые молодые люди, которые хотели силой освободить страну от цыган; их, правда, усмирила полиция. В Чехии и в Словакии цыган избивали неонацистские группы. Цыган называли «паразитами» и возлагали на них вину за беспорядки и рост преступности.

Цыгане, которые никому не нужны и которым никто не рад, потянулись из Румынии, Болгарии, Югославии, Польши в Германию и в другие западноевропейские страны. Не находя другого дела, они занялись попрошайничеством в крупных городах.

Но и в Западной Европе цыганам нет покоя.

Цыгане умирают при подозрительных обстоятельствах в полицейских участках, их убивают соседи, их выгоняют из домов и лишают гражданства.

Академические исследования, проведенные в Германии, показали, что уровень преступности среди цыган ниже, чем среди немецкого населения. Тем не менее в массовом сознании цыгане остаются опасным народцем, от которого следует держаться подальше. Если в школе у кого-то из детей что-то пропадет, первым делом обвинят цыганского ребенка.

Беда в том, что ни одно правительство в мире не заботится о цыганах. Некому представлять интересы цыган и защищать их от произвола властей. Некому объяснить полиции и местным начальникам, что цыгане не являются преступной кастой, от которой надо избавляться всеми силами.

В Западной Европе цыган загоняют в бараки для переселенцев. Владельцы домов в сельской местности уста-

навливают предупредительные плакаты: «Цыганам вход запрещен!»

Нам это знакомо. Цыган выдворяли из Москвы «за попрошайничество и отсутствие столичной прописки». В некоторых российских областях цыганам фактически запрещали селиться, им не продавали дома и вообще пытались создать целые районы, «свободные от цыган».

Вековые предрассудки усугубились экономическим неблагополучием. Прирожденные торговцы, цыгане одними из первых воспользовались новыми возможностями и появились на улицах в роли мелочных торговцев. Люди, живущие на зарплату, обозленные ростом цен и чьим-то быстрым обогащением, увидели в цыганах воплощение нового зла — спекулянтов и паразитов, сидящих на шее простого труженика.

Можно сказать, что целый народ — цыгане — стал жертвой настоящего террора.

«СВОБОДНО ОТ УКРАИНЦЕВ!»

Гитлер одной рукой очищал от инородцев «исконно германские земли», а другой возвращал этнических немцев на историческую родину. Их вывозили в Германию из тех стран, где они давно обосновались. К весне 1942 года в рейх вернулось почти семьсот тысяч немцев — из Прибалтики, Буковины, Южного Тироля. Их размещали на тех европейских землях, которые Гитлер хотел германизировать.

После разгрома нацистской Германии всем этим немцам пришлось бежать.

По решению Потсдамской конференции Восточную Европу полностью очистили от немцев: почти двенадцать миллионов немцев, которые жили в основном в польской Силезии и чешских Судетах, были выселены на территорию собственно Германии. Их лишили домов и всего имущества. Это было коллективным наказанием немецкого народа.

Когда в 1990 году Германия объединилась, по всей Европе от левого берега Рейна до правого берега Волги

немцы почувствовали себя более уверенно. А соседи, прежде всего чехи, испугались: если немцы опять соберутся под одной крышей, не потребуют ли они назад все свои земли и имущество?

Но немцы понимали, что вернуться они не могут. В их домах давно живут другие люди, и нельзя вести с ними новую войну. Европейский парламент только попросил Чехию отменить послевоенные декреты об изгнании немцев.

Зато восточноевропейские государства, освободившись от социализма, стали выяснять национальные отношения между собой.

Счеты между сербами и венграми — это тоже дурное наследие Второй мировой войны. В 1941 году Гитлер расчленил Югославию и щедро раздавал куски своим союзникам.

Территориальную прибавку получила Болгария. Но ей нужна была только земля, а не люди, которые на ней жили. Сто двадцать тысяч сербов согнали с земли и выгнали из Болгарии. Изгоняемым давали двадцать четыре часа на сборы и разрешали брать с собой один чемодан.

Венгры получили часть Воеводины, откуда выставили семьдесят тысяч сербов, чтобы освободить землю для своих. В январе 1942 года, на православное Рождество венгры уничтожили пятнадцать тысяч сербов и евреев в городе Нови-Сад, столице Воеводины. Две тысячи человек живыми утопили в ледяном Дунае. А после войны настала очередь венгров бежать, потому что Венгрия была союзницей гитлеровской Германии и ее тоже наказали. Чехословацкое правительство, разумеется с санкции Сталина, в конце 1945 года выселило из страны примерно шестьдесят тысяч венгров.

Поляки воспользовались послевоенным переустройством и избавились от украинцев. Вся юго-восточная часть Польши, где поляки жили веками, стала этнически чистой территорией. Полмиллиона украинцев отправили в Советский Союз.

«Национально мыслящие» украинцы считали своими врагами не только русских и евреев, но и поляков, под

властью которых оказалась после Первой мировой войны немалая часть украинского населения.

Украинцы, находившиеся под властью Польши, требовали то независимости, то автономии, то сопротивлялись полонизации.

Именно в Польше между двумя великими войнами и зародился воинственный украинский национализм, первоначально в форме терроризма. Эта борьба связана с именем Степана Бандеры, одного из самых известных террористов того времени.

Степан Андреевич Бандера родился в 1908 году в семье грекокатолического священника, который некоторое время служил в петлюровской армии.

Степан Бандера окончил польскую гимназию, собирался стать агрономом, но не доучился. Он рано вовлекся в борьбу за национальную независимость украинского народа.

В 1932 году двадцатитрехлетний Бандера уже стал заместителем председателя Организации украинских националистов — после нескольких терактов, в первую очередь после убийства комиссара львовской полиции.

Летом 1934 года Бандера организовал в Варшаве убийство министра внутренних дел Польши Бронислава Перацкого. Другие лидеры украинского движения осудили этот теракт, потому что убийство министра стало поводом для репрессий против украинцев на территории Польши. Бандера был арестован, приговорен к смертной казни, которую заменили пожизненным заключением. Его освободили немцы, оккупировавшие Польшу в 1939 году.

Степан Бандера неверно истолковал намерения немцев, которые отнеслись к нему благожелательно как к врагу Польши и Советского Союза.

Украинцы мечтали иметь свое государство. Они знали, что ни Польша, ни Россия не разрешат им отделиться, и сделали ставку на Гитлера.

Когда немцы пришли во Львов в 1941 году, националистически настроенные украинцы самостоятельно устроили еврейский погром. За это немцы могли только поблагодарить. Но 30 июня Бандера, не спросив у немцев разрешения, провозгласил во Львове «Акт возрождения

Украинского государства». Правительство возглавил его друг Ярослав Стецько. Гитлера это разозлило. Он приветствовал только немецкий национализм. Создание независимой Украины не входило в его планы, территорию Советского Союза он предполагал превратить в немецкую колонию. Самозванное украинское правительство было арестовано.

Три года, до 1944-го, Бандера просидел в концлагере Заксенхаузен. Два его брата, арестованные немцами, погибли. Отец погиб в тюрьме НКВД в 1941 году, сестер — уже после войны — тоже отправили в ГУЛАГ.

В судьбу Бандеры вмешался Альфред Розенберг, министр по делам оккупированных восточных территорий. Он был сторонником широкого привлечения и прибалтийских, и украинских националистов на сторону Германии. В конце сентября 1944 года Бандеру освободили, он уже был тяжело больным человеком, часто попадал в больницу.

Тем временем на сторону Германии перешло достаточное число украинцев. Часть из них вступила в дивизии войск СС «Галичина». Украинские эсэсовцы именовали себя сечевыми стрельцами и считали, что сражаются за независимую Украину.

В 1942—1943 годах Украинская повстанческая армия изгнала поляков с Волыни, которая должна была стать этнически чистой украинской территорией. От голода и истощения, а также от рук украинских националистов погибли, по некоторым расчетам, не менее ста тысяч поляков.

Украинские националисты похозяйничали здесь в августе 1944 года, когда немцы отступали, а русские были уже совсем рядом. Люди Бандеры действовали с присущей им жестокостью: снимали скальпы, вырезали кресты на спинах, отрезали языки.

Тогда поляки стали создавать осенью 1944 года добровольческую милицию и охотиться за украинцами. Эта борьба была столь же беспощадной и кровавой.

Украинских националистов, бойцов Украинской повстанческой армии, подстерегали в селах на свадьбах или днях рождения. В их хаты врывались по ночам, им стреляли в окна.

Борьба поляков с Украинской повстанческой армией продолжалась три года — с 1944-го по 1947-й. Точные цифры жертв с обеих сторон неизвестны.

По последним данным, украинцы убили две с лишним тысячи (в том числе и триста своих, украинцев, — за сотрудничество с поляками) и, как минимум, три тысячи убили поляки. Возможно, последняя цифра занижена. Некоторые историки говорят сейчас о восьми тысячах жертв среди украинцев.

В 1944—1945 годах многие формирования Украинской повстанческой армии отступали вместе с немецкой армией в Польшу и в Словакию, уходили в подполье. На территории Польши было порядка двух тысяч бойцов УПА. Они пытались замедлить проведение «этнической чистки» обратного порядка, когда изгоняли уже украинцев.

Еще в сентябре 1944 года польские коммунисты договорились с Москвой и Киевом: поляки уйдут из Волыни и Галиции, украинцы оставят Бещады и Хельмский край.

Польским украинцам, которые согласятся добровольно переселиться на историческую родину, обещали простить долги в Польше и выделить земельные наделы на Украине. Но к 1 марта 1945 года только восемьдесят тысяч человек воспользовались этим предложением. Люди с трудом покидали насиженные места. Тогда в ход пустили силу.

Польская милиция и армейские части окружали деревни и насильно выселяли украинские семьи. Тех, кто не хотел подчиняться, били.

Таким образом, из Польши были изгнаны еще четыреста с лишним тысяч украинцев. В 1946 году Москва решила прекратить переселение. Но 28 марта 1947 года боевики Украинской повстанческой армии из засады расстреляли польского генерала Кароля Сверчевского, героя испанской войны.

Кароль Сверчевский в знаменитом романе Эрнеста Хемингуэя «По ком звонит колокол» фигурирует под фамилией Гольц. Перед войной он служил в Красной армии. Он был единственным командиром РККА, который получил в Испании не должность советника, а строевую — коман-

довал 35-й испанской дивизией. Вернувшись в Москву, получил звание генерал-майора, орден Ленина, два ордена Красного Знамени, медаль «20 лет РККА».

Во время Второй мировой войны Сталин перевел его из Красной армии в формируемые на советской территории польские части и назначил командующим 2-й армией Войска Польского.

На приеме в честь победы Сталин поднял за него тост: — За лучшего русского генерала в польской армии!

После войны Сталин оставил его в Польше и сделал заместителем министра обороны. Газета «Жиче Варшавы» писала после смерти генерала: «Сверчевский погиб от рук «украинского фашиста». Мы знаем эту руку. Это рука дивизии СС «Галичина» и первой бригады Каминского. Это рука, которая зверски уничтожила 200 тысяч поляков на Волыни, которая убивала детей и женщин во время Варшавского восстания». На самом деле дивизия СС «Галичина»; сформированная из украинцев, желавших служить Гитлеру, не участвовала в антипольских акциях. Ее ввели в действие на Восточном фронте в июне 1944 года, и она была быстро разгромлена наступающими советскими войсками.

Бригада инженера польского происхождения Бронислава Каминского (ее именовали также «Русской освободительной народной армией») состояла не из украинцев, а из русских. Бывший инженер Локотского спиртзавода Каминский приветствовал приход немцев и получил от них разрешение сформировать в Орловской области вспомогательные охранные части. Из добровольческих полицейских отрядов он создал «народную армию», которую чаще называли «бригадой Каминского». В бригаде состояло от десяти до пятнадцати тысяч человек.

Бригада Каминского боролась с советскими партизанами в районе от Курска до Орла, потом отступала вместе с вермахтом. Один ее полк действительно участвовал в 1944 году в подавлении Варшавского восстания, отличился грабежами и мародерством, за что Каминского сами немцы и расстреляли.

Тем не менее в Польше формировался стереотип примитивного, жестокого и ненавидящего поляков украинца.

Убийство Кароля Сверчевского стало предлогом для окончательного решения «украинского вопроса».

Акция называлась «Висла». В ее осуществлении принимали участие семнадцать тысяч солдат польской армии. Украинские деревни окружались, крестьянам давали несколько часов на сборы, затем их гнали к железной дороге, грузили в вагоны и отправляли в Освенцим.

Освенцим пустовал. Первые два года после освобождения его использовали как лагерь для военнопленных и интернированных польских немцев. Потом Освенцим решили превратить в мемориал, и всех заключенных вывезли.

Теперь в освободившийся лагерь привозили украинцев для фильтрации. Основную массу отправляли из Освенцима в западные края, в район Щецина и Бреслау, который стал Вроцлавом, и расселяли в опустевших немецких домах.

Подозрительных польская госбезопасность перемещала в бывший филиал Освенцима Дахсгрубе — по-польски Явошно (по соседству с Краковом). В число подозрительных входили священники-униаты, представители украинской интеллигенции, а также все, кто подозревался в поддержке Украинской повстанческой армии.

Польский историк Эугениуш Мисило пишет:

«Польская госбезопасность использовала немецкие лагеря, которые остались в неприкосновенности. Система лагерной охраны была подобна немецкой — двенадцать вышек, оснащенных прожекторами и тяжелыми пулеметами. Лагерь был обнесен двойным заграждением из колючей проволоки, подключенной к источнику высокого напряжения. На допросах использовали электрошок, избивали палками, загоняли иголки под ногти. Строптивых узников отправляли в карцер — бетонный бункер, на пол которого лили воду».

Сто шестьдесят человек умерли от пыток и истощения. Две женщины покончили с собой, бросившись на проволоку. Последних украинцев выпустили из Освенцима в конце 1948 года.

Так что сначала немцы с помощью украинцев уничтожили там всех евреев. А после войны короткое донесение

«Свободно от евреев» дополнилось другим — «Свободно от украинцев».

В последний год войны и после нее под руководством Бандеры отряды украинских националистов вели кровавую борьбу против наступающей Красной армии и советской власти. На его совести тысячи убитых людей: бандеровцы стреляли не только в чекистов и красноармейцев...

Для Восточной Украины приход Красной армии был освобождением, а Западную Украину восстановление советской власти радовало значительно меньше. Раскулачивание, выселение крепких хозяев и репрессии НКВД создавали питательную почву для действий бандеровцев. На подавление украинских националистов ушло несколько лет.

Бандера обосновался в Мюнхене под вымышленным именем. Но его выследили, так как смертный приговор Бандере был вынесен давно. Террорист Степан Бандера был убит другим террористом-профессионалом — в 1959 году. Его застрелил офицер КГБ Богдан Сташинский.

Богдан Сташинский получил в КГБ специальный газовый пистолет, который распылял содержимое капсулы с цианистым калием. Газ приводил к остановке сердца. Расчет был на то, что патологоанатом решит, будто причиной смерти явилась сердечная недостаточность.

Когда Бандера открывал дверь своей квартиры, прятавшийся в подъезде убийца выстрелил ему в лицо.

За ликвидацию Бандеры Богдан Сташинский получил орден Красного Знамени из рук тогдашнего председателя КГБ Александра Николаевича Шелепина.

ВОИНСТВЕННЫЕ РОМАНТИКИ

Политическая карта Европы сильно изменилась в последнее десятилетие XX века — после крушения социалистических режимов, распада Советского Союза и югославской федерации. Но возникает ужасное ощущение, что передел карты, возможно, и не закончен. Две беды — сепаратизм малых народов и шовинизм больших — вот что постоянно угрожает Европе.

Впрочем, этнические чистки как радикальный способ решения национальных проблем изобретены задолго до распада единой Югославии. Такие чистки устраивали еще ассирийцы, вавилоняне, древние греки и римляне, чтобы заполнить плодородные земли.

Чаще всего жертвой чисток становились евреи. Их изгоняли из Англии (1290), из Франции (1306), из Венгрии (1349—1360), из Прованса (1394, 1490), из Австрии (1421), из Литвы (1445), из Португалии (1497).

Испания отличилась тем, что в 1492 году изгнала евреев, а в 1502 году — мусульман. Оставшихся мусульман в 1526-м насильно крестили, а в 1609—1614 годах крещеных все-таки тоже изгнали...

Государства Восточной Европы обрели самостоятельность в основном после Первой мировой войны, когда разрушились сразу три империи — Германская, Российская и Австро-Венгерская.

Государственные границы, разумеется, не совпали с этническими. Народы в Европе давно перемешались. Но это породило злобу и ненависть к соседям.

Тут почти неразрешимая проблема. С одной стороны, все народы имеют право на самоопределение, на собственное государство, и политики, решавшие судьбу Европы после Первой мировой войны, руководствовались чувством справедливости, создавая новые страны. С другой стороны, сразу прозвучали скептические голоса: надо сначала выяснить, полезна ли независимость для самого народа, для его соседей? Есть ли экономические условия для возникновения нового государства?

На свете существуют тысячи языков, но меньше двухсот государств. Европа вернется к средневековой анархии, если каждая этническая группа потребует себе собственную страну. И главное: как поделить районы со смешанным населением?

Скептики как в воду смотрели. В XX веке районы со смешанным населением по несколько раз переходили из рук в руки — и всякий раз с кровью, и всякий раз вражда еще больше усиливалась.

Вот и получилось, что в Восточной Европе все как-то не очень любят друг друга. После распада социалистичес-

кой системы эти чувства выплеснулись наружу и обернулись ненавистью к соседям. Вспомнились старые обиды: с нами плохо обращались, нас эксплуатировали, обманывали, грабили.

Создание собственного государства или, наоборот, избавление от национальных меньшинств кажется заманчивым способом решения всех проблем. Но в Европе нет этнически чистых государств. А попытки доказать свою особость, выделиться среди соседей часто выглядят нелепыми.

Румыны, сформировавшиеся в результате смешения различных этнических групп, после тысячелетнего молчания вдруг заявляют о том, что они — наследники Римской империи.

Греция, недовольная появлением самостоятельной Македонии, доказывает, что современные македонцы — это славяне, не имеющие ничего общего с древними македонцами. Но ведь и современные греки, в свою очередь, не являются наследниками Древней Греции.

Югославы, чехи, словаки, македонцы и болгары — славяне; их отличия от русских, поляков и украинцев объясняются только тем, что они когда-то обосновались в Центральной и Юго-Восточной Европе.

Южные славяне — сербы, хорваты, словенцы, босняки — на самом деле один народ, говорящий на одном языке, хотя сербы пользуются кириллицей, а хорваты латиницей. Разъединил их раскол между западной и восточной церквями. Спор между иерархами привел к тому, что хорваты оказались под юрисдикцией Рима, а сербы — под юрисдикцией Константинополя.

Мусульмане в Боснии появились потому, что после турецкой оккупации сербы-горожане предпочитали принимать мусульманство, чтобы жить спокойно, а сербы-крестьяне могли оставаться христианами, поскольку им турки меньше досаждали.

Иначе говоря, все так называемые этнические конфликты в реальности порождены историческими и политическими причинами и лишь принимают форму межнациональной или межконфессиональной розни.

Переселение национальных меньшинств на историческую родину кажется заманчивым способом решения на-

циональных проблем. Нет сербов на территории Хорватии, нет хорватов в Сербии, исчезает и почва для конфликта...

Когда лидеры сербов в Белграде утверждали, что обязаны объединить всех сербов в одном государстве, это означало готовность к войне. И война не заставила себя ждать. Когда албанские лидеры говорят, что все албанцы должны жить в одном государстве, это предвещает новую войну.

Еще недавно такую же тревогу внушали националистически настроенные венгры, которые заявляют, что не могут спать спокойно, пока не объединят всех своих соотечественников. А ведь это можно сделать только за счет четырех других государств, на земле которых живут венгры и чьи собственные граждане окажутся в таком случае национальными меньшинствами в Великой Венгрии.

Венгрия и после Первой мировой, и после Второй мировой войн оказывалась в проигравшем лагере. В результате она утратила две трети своей территории. Каждый третий венгр живет за пределами Венгрии — в Сербии, в Румынии, в Словакии и на Украине.

Хуже всего пришлось двум миллионам трансильванских венгров, оказавшихся на территории Румынии. Николае Чаушеску хотел насильственной ассимиляции венгров — он исходил из того, что на территории Румынии живут только румыны.

В единой Чехо-Словакии венгры составляли меньше четырех процентов населения. В самостоятельной Словакии — больше одиннадцати процентов, и это не нравится словацким националистам, которые помнят, что несколько столетий их страной правили венгры.

Венгры в Словакии требуют автономии, самоуправления, образования на родном языке. Многие словаки боятся, что на самом деле венгры хотят создать Великую Венгрию, включив в нее все территории, на которых сейчас живут венгры. Правительство Словакии начало было избавляться от венгерского языка — убрались указатели на дорогах, исчезали телепрограммы на венгерском.

Но венгры, глядя, как повернулись дела в бывшей Югославии, сообразили, что попытка таким путем вос-

становить историческую справедливость может привести только к еще большей трагедии. Румыны или словаки не бросят свои земли ради венгров. Нужно стоять на прагматической точке зрения: историю не переделать. Надо позаботиться о том, чтобы национальным меньшинствам были гарантированы все права, а государственные границы из «железного занавеса» превращались просто в линии на карте.

Найти решение проблемы национальных меньшинств путем перекройки карт невозможно. Нет такой карты, которая устроит националистов всех стран и удовлетворит их амбиции.

Этнически чистое государство — это продукт политического воображения и не может существовать в реальности. Этнически чистых государств не осталось. Практически в каждой стране находятся национальные меньшинства.

Идея этнически чистого государства рождена немецким романтизмом XIX века в качестве ответа на идеи французского Просвещения и Французской революции.

Немецкий романтизм связал расу и государство. Один народ — одно государство. Право гражданства получает представитель только одной этнической группы, остальные считаются гостями, которых в лучшем случае соглашаются терпеть.

Либеральная демократия противопоставляет этой идее принцип гражданства, предоставляемого не по этническому принципу. Все, кто постоянно живет в стране, являются ее гражданами. Но на широком европейском пространстве от Урала до Одера эта идея совсем не популярна.

Люди другой национальности кажутся странными и непонятными. Часто они хотят и даже требуют самостоятельности, государственного суверенитета. Иногда готовы добиваться своего с оружием в руках.

Они ссылаются на право наций на самоопределение, но никто точно не знает, в каких случаях это право может реализоваться. Но даже если требования сепаратистов совсем беспочвенны, худший вариант решения проблемы — это применение силы, тем более военной. Опыт Югославии и Северной Ирландии самый яркий тому пример.

ЮГОСЛАВСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Неспособность ужиться привела к югославской трагедии, где отношения выяснялись то с помощью террора, то путем настоящей войны.

Вражда между сербами и хорватами приобрела непримиримый характер, когда их объединили в одно государство. В Югославском королевстве сербы стали старшим братом. Хорватское националистическое движение зародилось как ответ на претензии сербов на ведущую роль в единой Югославии.

Лидером националистов стал Анте Павелич. Он родился в 1889 году в семье железнодорожника, закончил юридический факультет, выступал против единой Югославии. В 1927 году он получил депутатский мандат.

Столкновения сербов и хорватов на националистической почве вскоре вылились в политический террор. В январе 1929 года Павелич основал Повстанческую хорватскую революционную организацию. По-хорватски это название звучит так: «Усташа хрватска револуционарна организация». Отсюда и название людей Павелича — усташа, повстанцы. Павелича стали называть вождем — поглавником.

Когда Павеличу пришлось бежать из Югославии, опеку над ним взял Муссолини. Усташа проходили боевую подготовку на территории Италии. 9 октября 1934 года в Марселе усташа убили югославского короля Александра вместе с министром иностранных дел Франции Барту. В предвоенной Европе это был, наверное, самый громкий террористический акт, имевший большие политические последствия. Он еще больше усилил взаимную ненависть сербов и хорватов.

Весной 1941 года Германия напала на Югославию. Югославская армия сопротивлялась немецкой армии одиннадцать дней, после чего страна была расчленена. 10 апреля 1941 года в Загребе была провозглашена самостоятельная Хорватия.

Только с мая по октябрь 1941 года усташа убили триста тысяч сербов. Усташа отличались особой, бессмысленной жестокостью. Они перерезали горло специальными

кривыми ножами или вовсе отрезали головы. Началось также массовое насильственное обращение православных сербов в католичество.

После разгрома нацистской Германии Анте Павеличу удалось избежать наказания. Он сумел скрыться, под чужим именем работал водителем грузовика. В 1948 году в рясе священника он сел на пароход в Италию и отправился в Аргентину.

Там его приютил аргентинский диктатор Перон, с которым Павелич познакомился в 30-е годы в Риме. Тогда Перон был военным атташе аргентинского посольства. Когда Перона свергли, Павелич перебрался в Испанию, где правил Франко. В 1959 году поглавник усташей мирно скончался.

После войны хорваты, добивавшиеся независимости, вновь вернулись к политическому террору. Они убивали югославских дипломатов. Когда единая Югославия начала распадаться, хорваты объявили о своей независимости и отстояли ее в кровавой и жестокой войне с Сербией.

Когда закончилась война в Хорватии, началась другая, еще более жестокая, — в республике Босния и Герцеговина, где живут и сербы, и хорваты, и босняки, исповедующие ислам.

Война в Боснии привела к самому большому после Второй мировой войны переселению народов. На сербской территории в Боснии мусульман и хорватов не осталось. Из Сараева уехали сербы. Они не захотели жить вместе с мусульманами.

После Боснии настала очередь самой Сербии, в состав которой входит автономный округ Косово.

Ситуация в Косове весьма напоминает знакомые нам проблемы. Если смотреть со стороны сербов, то это очень похоже на Чечню. Косово — часть Сербии, но девяносто процентов населения — албанцы. Они не желают жить под властью сербов, а сербы не хотят отдавать часть своей территории.

Если смотреть со стороны албанцев, то это трагедия разделенного народа. Два миллиона косовских албанцев отделены от Албании государственной границей. Дело в том, что Албания появилась как самостоятельное государ-

ство в 1912 году в результате первой Балканской войны, но половина албанцев осталась за пределами нового государства.

Сербы оказались в Косове национальным меньшинством, не смогли приспособиться к этой ситуации. Они чувствовали себя неуютно среди албанцев и под властью албанцев.

Президент Сербии Слободан Милошевич изменил конституцию и отобрал у албанцев автономию. В Косове был введен особый режим. Местные органы власти распустили. Административные должности заняли сербы. Учебные заведения, в которых учили на албанском языке, закрыли.

Албанцы почувствовали себя как на оккупированной врагом территории. Албанская молодежь взялась за оружие. Появилась Армия освобождения Косова, которая на полицейские акции ответила террором. Албанские боевики врывались в города и стреляли в сербских полицейских. Антитеррористическая операция сербов закончилась уже настоящей войной, в которую вмешалось НАТО.

СРАЖЕНИЯ В СТРАНЕ БАСКОВ

На севере Испании, на берегу Бискайского залива, в благодатных местах находится Страна Басков. Ее образуют три провинции — Бискайя, Гипускоа и Алава. Это красивейшие, благословенные места. Одну часть Страны Басков именуют «испанской Швейцарией», другую — «испанской Венецией». Зима здесь теплее, а лето прохладнее, чем в остальных районах Испании.

Самый большой город Басконии — Бильбао, крупнейший индустриальный центр Испании, важный порт. Самый известный город — Герника, который в апреле 1937 года был подвергнут бомбардировке немецкой авиацией и увековечен самой знаменитой картиной Пабло Пикассо. Самый красивый город Басконии — Сан-Себастьян, центр баскской культуры, где ежегодно проходит международный кинофестиваль.

Исторически баски стремились к полной самостоятельности. Власти отказывали им даже в автономии. При

генералиссимусе Франко басков лишили права изучать родной язык, свою культуру, даже называть своих детей баскскими именами.

Язык басков — старейший на континенте. Как считают некоторые лингвисты, он схож с грузинским. Поколение назад казалось, что этот язык умирает. Почти религиозное, молитвенное отношение к языку помогло его восстановить. Баски стараются отдавать детей только в школы, в которых учат на баскском языке. Отношение к языку объясняет, почему баски хотят воссоединиться с соседней французской провинцией Наварра, где во многих районах говорят на баскском языке.

В Испании живет миллион басков, во Франции — двести пятьдесят тысяч человек.

Во время гражданской войны баски поддержали республиканцев, зато после поражения многим из них пришлось бежать из родных мест.

Радикально настроенные баски хотят отделиться от Испании и создать собственное государство, включающее все территории, населенные басками и входящие в состав не только Испании, но и соседней Франции.

Радикально настроенные сепаратисты объединились в организацию «Страна Басков и свобода», сокращенно ЭТА.

Герой басков Сабино Арана и-Гоири (родился в конце XIX века) придумал баскский флаг, национальный гимн и название для своей страны — Эускади — от слова «эускал», то есть «говорящий по-баскски». Поэтому буква «Э» присутствует в названии организации ЭТА.

Политическое крыло баскских террористов — партия «Эрри батасуна», которая требует создания независимого баскского государства.

Военная фракция ЭТА многие годы занимается террором против испанских государственных чиновников, полиции и армии. ЭТА взялась за оружие в 1968 году, когда страной управлял еще каудильо Франко. Но даже авторитарный режим не в состоянии был с ними справиться. С тех пор люди ЭТА убили почти восемьсот человек, в основном полицейских и военных. Армия отвечала на террор террором, и это делало партизан-басков еще более жестокими и непримиримыми.

В испанских тюрьмах находится примерно шестьсот баскских террористов. Еще полсотни — в тюрьмах Франции.

В Стране Басков многим мелким бизнесменам приходится платить дань сепаратистам. На эти деньги ведется террор. Баски получали помощь от Кубы и палестинцев.

Баски привыкли воевать, отражая вторжение врагов на Пиренейский полуостров. Баски сражались и с римлянами, и с вестготами, и с маврами. Многие считают басков суровыми, замкнутыми людьми. В этих местах сильно влияние католической церкви. Безработная молодежь устраивает антиправительственные демонстрации, нападает на полицейских и бросает самодельные бомбы в патрульные машины, а потом берется за оружие. Ни испанская армия, ни полиция не смогли справиться с баскскими террористами.

«ЭСКАДРОНЫ СМЕРТИ»

Несколько лет назад в Испании, в горах неподалеку от Мадрида, в глубокой тайне собрались семеро высокопоставленных правительственных чиновников (среди них был министр внутренних дел Хозе Баррионуэво), чтобы обсудить один вопрос: как остановить ЭТА?

Испанская полиция жаловалась на то, что баски-террористы находят убежище в соседней Франции. Это злило испанскую полицию: баски в кого-то стреляли и исчезали за границей. Так же поступали палестинские террористы, которые после своих операций скрывались в соседних с Израилем странах.

Руководители спецслужб пришли к выводу, что надо повторить и развить опыт израильской контрразведки: или просто без суда и следствия убивать басков-террористов, скрывающихся во Франции, или в крайнем случае вывозить их в Испанию и там казнить.

Испанские спецслужбы выделили десятки тысяч долларов из секретных фондов для организации «эскадронов смерти». Испанцы подкупали французских полицейских, обзаводились информаторами в местах, где укрывались

баски. Испанцы нанимали бывших французских парашютистов, оставшихся без дела, и даже просто гангстеров из преступного мира Лиссабона и Марселя и давали им оружие, чтобы они уничтожали басков.

Первая операция была неудачной. Один марокканец из Марселя и один бывший французский парашютист похитили и доставили в Испанию не того человека. Жертвой оказался не баскский террорист, а ни в чем не повинный француз — торговец мебелью. Его десять дней держали в заброшенной ферме, не зная, как с ним поступить. Его жизнь висела на волоске. Но его пожалели и вернули назад — на его счастье, живым.

Испанцы потом будут поражены, узнав, какими методами действовали спецслужбы. В 1988 году они схватили троих бродяг и проверили на них действие специальных наркотических препаратов. Эксперименты продолжались пять дней, один из бродяг умер. Операция называлась «Операция Менгеле», в память нацистского доктора, военного преступника, который действовал в концлагере Освенцим.

Наркотик предполагалось использовать для того, чтобы выкрасть одного баскского террориста из его укрытия во Франции. В конце концов он был арестован французской полицией без всяких наркотиков.

За несколько лет испанские «эскадроны смерти» убили двадцать семь и ранили тридцать человек. Причем семеро были убиты по ошибке, их просто приняли за террористов.

Ответственность за убийства, похищения и взрывы в кафе и в домах на баскском побережье Франции возлагалась на несуществующую антитеррористическую группу освобождения.

Революционные воззвания от имени этой мифической группы писал один испанский полицейский, затем другие полицейские переводили его творения на французский язык.

Убийства прекратились в 1987 году, когда Франция начала сотрудничать с Испанией и выдала часть лидеров ЭТА испанской полиции, остальных выслала в Алжир.

Тем временем общество заподозрило неладное. Испанцы потребовали от правительства выяснить, кто же стреляет в басков. О деятельности «эскадронов смерти» стало известно, и разразился скандал. Несколько полицейских были арестованы.

Двоих в 1991 году приговорили к пожизненному заключению. Они приняли вину на себя, но через три года заговорили и поделились виной со своими начальниками. Они заявили, что их бывшие начальники попытались купить их молчание. Каждому перевели на счет в Швейцарии по восемьсот тысяч долларов и, кроме того, их женам выплачивали по три тысячи долларов ежемесячно. Но в конце 1994 года оба заговорили. Возможно, потому, что выплаты их женам прекратились.

Под суд пошли четырнадцать бывших полицейских и правительственных чиновников.

Тогдашний премьер-министр Филипе Гонсалес, уважаемый в Европе человек, всегда утверждал, что ничего не знал об «эскадронах смерти», что скандал — дело рук тех, кто желает свергнуть правительство. Но ему перестали верить после того, как был привлечен к ответственности бывший министр внутренних дел Хозе Баррионуэво, который был очень близок к премьеру. В июле 1998 года его приговорили к десяти годам тюремного заключения за похищение человека, который ошибочно подозревался в причастности к ЭТА.

В результате на досрочных выборах после тринадцати лет правления Социалистическая рабочая партия Гонсалеса не получила большинства в парламенте. Победила оппозиция. Неумелая борьба с терроризмом дорого обошлась правительству.

Большинство испанцев — шестьдесят пять процентов — государственный терроризм не одобрили. Почему правительство, которое было выбрано законным путем, прибегло к мерам, которые больше подошли бы режиму Франко? И почему же понадобилось целых десять лет, чтобы все вышло наружу? Многие люди полагают, что правительство может пользоваться только законными методами.

Поэтому испанские власти стали предоставлять баскам все большую автономию. После долгой борьбы Страна

Басков получила право самостоятельно принимать решения по многим проблемам жизни области. Теперь у басков есть свой парламент и правительство, которые находятся в небольшом городе Витория.

Но вместе с тем испанцы не забывают, что жертвы «эскадронов смерти» были террористами и сочувствия к ним нет.

В последние годы в результате совместных действий Франции и Испании ЭТА понесла серьезные потери. Большая часть активного боевого ядра арестована и находится в тюрьмах. В октябре 2001 года французская полиция добилась большого успеха — арестовала Висенте Гойкоетчеа Барандиарана, известного под кличкой Вилли. Он был правой рукой руководителя ЭТА Микеля Альбису Ириарте, кличка Антс.

Глава 4

КУРДЫ — НАРОД БЕЗ ГОСУДАРСТВА

В горных районах Турции и в городах Германии одни и те же люди стреляют и умирают, чтобы напомнить о своем существовании. Эти люди — курды.

В мире живет примерно тридцать миллионов курдов. Это беднейший и бесправнейший народ. Это единственный в мире большой народ, не имеющий своего государства. И никого не интересует его судьба.

Курды хотят создать свое государство. Их вдохновляет пример палестинцев, которым после долгой борьбы это почти удалось. Но земля, на которой курды мечтают создать свое государство, поделена между четырьмя странами — Ираном, Ираком, Турцией и Сирией. И ни одна из этих стран не хочет, чтобы возникло самостоятельное курдское государство.

Некоторое количество курдов живет на территории бывшего Советского Союза. Считается также, что боевая организация курдов — Рабочая партия Курдистана — использует Россию как базу для вооруженной борьбы за независимый Курдистан. Во всяком случае, на это жалуются российским руководителям турки. Так что курдская проблема — не чужая для нас.

Курды считают себя потомками древних мидийцев, создавших знаменитое Мидийское царство. Большинство курдов исповедуют ислам и езидизм — религию, основанную на древнеиранских верованиях.

В XV веке большая часть Курдистана вошла в состав Оттоманской империи. После Первой мировой войны Курдистан был поделен между Ираном, Турцией, Ираком и Сирией.

Был момент, когда казалось, что курды близки к удаче. В Первой мировой войне Турция воевала на стороне Германии, потерпевшей поражение. Победители, то есть Антанта, в августе 1920 года заставили Турцию подписать Севрский договор, который среди прочего предусматривал создание независимого курдского государства на севере Ирака. Но договор не был ратифицирован и просуществовал недолго.

Заменявший его Лозаннский договор 1923 года закрепил раздел Курдистана между четырьмя странами и уже не предполагал ни автономии, ни тем более независимости для курдов.

С тех пор разделенные курды все больше разъединяются, и страны, в которых они живут, стараются во что бы то ни стало помешать им объединиться.

В странах, где живут курды, отрицается их право на автономию, даже на культурную. Курды жестко сопротивляются ассимиляции и не теряют надежды на создание Курдистана или, как минимум, на обретение автономии.

Территория исторического Курдистана неизмеримо богата природными ископаемыми, особенно нефтью, но курды живут очень бедно. Их считают кочевниками, горцами, скотоводами, лишенными самостоятельной культуры и национального самосознания, прозябающими на самой нижней ступени социальной лестницы. Сами же курды убеждены, что обладают высокой культурой и ни в чем не уступают туркам, арабам, персам, другим народам.

История борьбы курдов за самостоятельность — это непрерывная история поражений. Курды разобщены, раздроблены, разделены на кланы и различные политические

организации. Курды-горожане и курды-интеллектуалы слишком отдалены от подавляющего большинства курдов-крестьян. Для курдов важнее мнение главы местного клана, чем некие общенациональные идеи.

В Сирии, Иране, Ираке, Турции...

В Сирии живет примерно полтора миллиона курдов. Это десять процентов населения, но курдов не считают национальным меньшинством. Запрещены публикации на курдском языке, распространение произведений национальной культуры.

В 60-е годы на территории Сирии стала действовать Демократическая партия Курдистана, поднимавшая сирийских курдов на борьбу за «Великий Курдистан». В партию вступило много курдов, тогда сирийские власти стали арестовывать ее активистов. Внутри партии произошло размежевание: одни считали, что нужно существовать внутри Сирии, учитывая политическую реальность, другие по-прежнему хотели сражаться за Курдистан.

В Иране — примерно шесть миллионов курдов. Это составляет одиннадцать процентов населения.

Большинство курдов приветствовало когда-то свержение шаха и приход к власти аятоллы Хомейни. После свержения шаха курдам удалось создать свободные районы, где они сами были властью. Но исламское руководство считает Иран однонациональным государством. Последователи аятоллы Хомейни уверяют, что приверженность единой религии — шиитскому исламу — важнее этнических различий.

Исламисты объявили движение курдов за автономию «западничеством», самостоятельность курдских районов была ликвидирована. Большая часть иранских курдов желает добиваться автономии внутри, меньшая призывает к независимости Курдистана. Небольшая либерализация в Иране открыла возможность для организации радиопередач на курдском языке и других небольших послаблений.

В Иране в благоприятной ситуации курды могут рассчитывать на культурную автономию и некоторые элементы самоуправления.

В Ираке живет примерно четыре миллиона курдов.

После революции 1958 года сменявшие друг друга иракские режимы высказывались за решение курдской проблемы, но неизменно приходили к тому, что начинали курдов убивать.

Многие годы курды ведут партизанскую войну. Она затихла, когда в 1968 году власть в Багдаде перешла к партии БААС. Тогдашний президент генерал Хасан аль-Бакр начал переговоры с Демократической партией Курдистана. Он обещал предоставить курдам автономию, участие в общеиракских органах власти и даже места в правительстве. Договорились, что вице-президентом Ирака станет курд.

В 1974 году Совет революционного командования действительно предоставил иракскому Курдистану статус самоуправляемого района. Но эта автономия осталась на бумаге.

Арабы занимают в курдских провинциях все руководящие посты. Из деревень, которые находятся рядом с турецкой границей, выселены все курды. Там создана «зона безопасности».

Вслед за этим вспыхнула война между иракскими войсками и курдами.

Оружие курды первоначально получали из Ирана, который сам воевал с Ираком. Во время ирано-иракской войны курды поддерживали иранскую армию. В ответ Саддам Хусейн применил против них химическое оружие и уничтожил целые деревни. После окончания войны в 1988 году поставки курдам оружия из Ирана прекратились.

Во время операции «Буря в пустыне» в 1991 году, когда войска мирового сообщества атаковали Саддама Хусейна, иракские курды подняли восстание.

На севере Ирака в соответствии с резолюцией Организации Объединенных Наций был создан «свободный район» для курдов под охраной американских вооруженных сил. Здесь были проведены выборы в парламент. Возник

некий прообраз курдского государства. Там обосновалось примерно три миллиона курдов.

Лидеры двух курдских организаций — Демократической партии Курдистана и Патриотического союза Курдистана — Масуд Барзани и Джалал Талабани поделили власть, был сформирован кабинет министров. Но очень быстро между двумя курдскими организациями начались разногласия, которые приобрели очень жесткий характер.

В свободный курдский район бежали иракские и иранские курды, которые с этой территории ведут партизанскую войну. В ответ турецкая авиация бомбит позиции курдских партизан и на севере Ирака.

Турция, Иран и Сирия недовольны тем, что свободный курдский район на территории Ирака подтолкнет и их курдов к усилению борьбы за обретение самостоятельности.

Осенью 2001 года иракские курды столкнулись с новым противником. С помощью Осамы бен Ладена (вернее, на его деньги) в иракском Курдистане сформировалась новая экстремистская организация «Солдаты ислама», этих людей именуют «курдскими талибами». Они сражаются и с Барзани, и с Талабани. Люди бен Ладена хотели бы превратить этот район в базу для международного терроризма.

Больше всего курдов проживает в Турции — примерно двенадцать миллионов. Причем половина — в мало-развитом юго-восточном районе, охваченном партизанской войной, которую власти считают терроризмом.

С начала 30-х годов турецкие политики стали говорить, что «в Турции не существует ни курдской нации, ни курдского языка. Курды — часть тюркской нации, горные турки».

Ответом стала вооруженная борьба курдов. Турецкие курды создали Рабочую партию Курдистана, партию, которая взяла на вооружение марксистские идеи и призвала курдов к восстанию.

Восстание началось в 1984 году. И курды, и турки вели себя одинаково жестоко. Погибло больше тридцати тысяч человек. Курдские боевики старались прово-

дить свои террористические акты в турецких городах, сея страх среди городского населения. Боевики нападали на турецких учителей, инженеров, на служащих государственных компаний. Турецкие регулярные войска устраивали карательные операции и зачистки целых деревень, жители которых подозревались в содействии боевикам Рабочей партии Курдистана.

Турки просят их понять. Они утверждают, что только жесткими мерами можно остановить курдских террористов, которые нападают на учителей и инженеров. И напоминают: Турция — важнейший союзник Запада и плотина перед наступающим исламским фундаментализмом.

Но если бы курдам предоставили все права национального меньшинства, они бы не поддержали боевые операции Рабочей партии Курдистана, которую основал Абдалла Оджалан.

Он искал поддержки у палестинских боевых организаций, они принимали курдов в Ливане.

Курдам помогал и Израиль, первое государство, признавшее курдское национально-освободительное движение.

Израильские отношения с курдами начались в 1964-м, когда Шимон Перес, заместитель министра обороны, согласился тайно встретиться с Кумраном Али Бедирханом, лидером курдов, который давно искал помощи у израильтян.

Арие Элиав, энергичный заместитель министра индустриализации и развития Израиля, побывал в иракском Курдистане, чтобы определить, в какой именно помощи нуждаются курды.

Сотрудничество с курдами было во всех отношениях полезным. Курды передавали израильтянам информацию о состоянии иракской армии. Одна из самых ярких операций Моссад — угон иракского самолета «МиГ» в августе 1968 года — была осуществлена с помощью курдов.

В 1980 году после военного переворота в Турции боевые группы курдов во главе с Оджаланом бежали в Сирию, где их приютили и разрешили создать свои базы. Но

в конце концов Турция под угрозой войны заставила Сирию отказать Рабочей партии Курдистана в поддержке. Оджалан оказался в безвыходном положении. Его отряды были почти полностью разгромлены.

Оджалан бежал из Сирии в Россию, рассчитывая на традиционную поддержку Москвы.

Курды и Россия

Когда-то курды были для Москвы борцами за правое дело. Поэтому Государственная Дума проголосовала за предоставление Оджалану политического убежища. Но отношения с Турцией для правительства России важнее, да и поддерживать курдских сепаратистов, имея Чечню, Москва тем более не желает.

«Да что вы все время об этих курдах говорите? — с раздражением реагируют сотрудники Министерства иностранных дел России. — Нет такой проблемы. В каждой стране пусть решают свою судьбу».

Исторически курды были естественным союзником России, потому что Россия часто воевала с Турцией, а враг наших врагов — наш друг. В старой России было около ста тысяч курдов, выходцев из Ирана и Турции.

В советские времена курды были союзниками Москвы по другой причине — как участники национально-освободительного движения.

В Азербайджане в 20-е годы курдам даже была предоставлена автономия, которая вошла в историю под названием «Красный Курдистан». Это был автономный курдский уезд. Выходила газета «Советский Курдистан». Появились курдский национальный театр и курдские школы, а учителей готовили в Шушинском педагогическом училище. В 1930 году уезд был ликвидирован. Курдов выселяли из приграничных районов. Возможно, Сталин боялся, что и советские курды тоже поднимут восстание против власти.

В 1945 году на территории Ирана, куда во время войны были введены советские и английские войска, не без содействия Москвы возникла курдская республика со сто-

лицей в городе Мехабаде. Из соседнего Ирака прибыло подкрепление во главе с Мустафой Барзани. Руководство республикой осуществлял Комитет возрождения Курдистана.

Мехабадская республика просуществовала одиннадцать месяцев, до конца 1946 года. Когда советские войска были выведены с территории Ирана, республика Курдистан была обречена.

Президента Мехабадской республики иранцы повесили. Лидер иракских курдов мулла Мустафа Барзани, занимавший в республике пост министра обороны, вместе со своими сторонниками бежал в Советский Союз.

Генерал-лейтенант госбезопасности Павел Судоплатов пишет в своих воспоминаниях, что ему поручили устроить Барзани и три тысячи курдов, которые бежали вместе с ним в Азербайджан. Их переселили в Узбекистан, где создали курдский колхоз.

Сын Барзани Масуд потом рассказывал:

— Мой отец и его соотечественники в Советском Союзе оказались на положении военнопленных. После смерти Сталина стало легче. Отца принимал сам Хрущев.

В 1959 году Барзани вернулся из Советского Союза в Ирак — новые власти обещали предоставить иракским курдам равноправие. Но из этого ничего не получилось. Москва пыталась помирить курдов и правительство Ирака. Одним из тех, кто этим занимался, был Евгений Примаков.

Его отправили к курдам для того, чтобы создать прямой канал общения, узнать, что происходит у курдов, чего они хотят и можно ли их убедить сотрудничать с правительством. Этот канал связи шел через ТАСС. Только сообщения Примакова в Москву не печатались в газетах, а с грифом секретности поступали в ЦК, МИД и КГБ.

Попытка примирить иракское руководство с курдами не увенчалась успехом.

Стремление Москвы поддержать курдов в борьбе против реакционных режимов сталкивалось с необходимостью поддерживать нормальные отношения с государствами, где эти курды живут. Поэтому после прихода к власти в Ира-

ке и Сирии режимов Саддама Хусейна и Хафеза Асада интерес к курдам и вовсе исчез.

И сегодняшняя Россия курдами практически не интересуется. Российские дипломаты решили, что не станут ссориться с Турцией, Ираном, Ираком, Сирией из-за курдов.

Когда Оджалан просил политического убежища и Государственная Дума поддержала его обращение, Примаков этому воспротивился. Его личные отношения с курдскими лидерами не имеют никакого значения, когда речь идет о государственных интересах. Он считал, что нормальные отношения с Турцией важнее симпатий к курдам.

Оджалан и Арафат

Для курдов Оджалан — национальный герой, потому что он и его партия — это единственные люди, которые ведут реальную борьбу за права народа. Курды говорят, что в глазах народа Абдалла Оджалан является олицетворением многовековой мечты о сильном руководителе...

В феврале 1999 года турки арестовали лидера военного крыла курдов Абдаллу Оджалана.

Одни считают его террористом, преступником, говорят, что у него руки в крови и ему место на скамье подсудимых. Другие называют его лидером национально-освободительного движения и просят принять во внимание бедственное положение курдов.

Живущие в Европе курды обливают себя бензином и поджигают прямо на глазах толпы и полиции. Курды хотят, чтобы мир занялся ими. Но они не имеют никакого влияния.

Запад с удовольствием помог иракским курдам, потому что воевал с Саддамом Хусейном. Но ссориться из-за курдов с Сирией или с Ираном никто не желает.

А что касается Турции, то тут Запад и вовсе находится в деликатном положении. Турки — главный и верный союзник Запада в регионе, член НАТО, надежная преграда на пути поднимающегося исламского фундамента-

лизма. Судьба курдов имеет для западного мира второстепенное значение.

Многие говорят: а чем, собственно, Оджалан отличается, скажем, от Нельсона Манделы, которого тоже считали террористом и который стал президентом Южно-Африканской республики? Или от Ясира Арафата? Но Манделе и Арафату во всем мире оказывают президентские почести, они лауреаты Нобелевской премии мира. А Оджалана в Турции судили и приговорили к смертной казни.

Главное отличие между Оджаланом и Арафатом состоит в том, что палестинцев — как минимум, формально, на словах — всегда поддерживали арабские страны.

Арабский мир мало что реально сделал для того, чтобы помочь палестинцам. Но Арафат и другие палестинские лидеры всегда находили приют в той или иной арабской стране, им давали деньги, оружие, дипломатические паспорта.

И конечно же Арафат никогда не сомневался в том, что ни при каких условиях его не выдадут Израилю. А ведь палестинский террор был более жестоким и кровавым, чем курдский! Курды ведут войну против турецкой армии и полиции. Боевые отряды палестинцев не делали различия между вооруженными и невооруженными израильтянами. Все израильтяне, включая детей, считались оккупантами. Поэтому палестинцы захватывали рейсовые автобусы, школы и расстреливали пассажиров в аэропортах.

Может быть, Оджалан, как и Арафат, со временем отказался бы от вооруженной борьбы. Но такая возможность ему теперь едва ли представится.

Когда-то Соединенные Штаты взяли на себя торжественное обязательство никогда не вести переговоров с Арафатом и Организацией освобождения Палестины. Но наступил момент, когда президент Соединенных Штатов Билл Клинтон посетил Палестинскую национальную автономию и встретился с Арафатом. Арафат был счастлив.

А ведь тридцать лет назад к Арафату на Западе относились много хуже, чем сейчас к Оджалану.

Надеяться не на кого

Курды пришли к выводу, что могут надеяться только на самих себя. Вернее, на силу своего оружия. Курды хорошие воины. Но они воюют не со слабонервными американцами или европейцами, которые ведут счет каждой смерти, а с турками, иранцами, иракцами. И еще неизвестно, кто выиграет эту войну на измор.

Не похоже, что в ближайшее время мы станем свидетелями создания курдского государства. На стороне палестинцев, которые тоже стремятся к созданию собственного государства, весь Арабский Восток и, говоря шире, весь мусульманский мир. На стороне курдов нет никого, ни одной влиятельной политической силы, только лишь сочувствие правозащитных и гуманитарных организаций. Но кто к ним прислушивается?

Поддержку курдам оказывают европейские социал-демократы, правозащитные организации. Очень активно действовала жена покойного президента Франции Франсуа Миттерана Даниэль, возглавлявшая правозащитную организацию:

«Я неотступно слежу за судьбой курдского народа. Я совершила поездки в курдские провинции Турции, Ирана, а также в иракский Курдистан. Я лично смогла констатировать невыносимые условия жизни этого гонимого народа... В течение ряда лет мой голос и голос других неправительственных организаций был воистину гласом вопиющего в пустыне, когда мы пытались привлечь внимание к жестоким страданиям курдов Ирака, терзаемым режимом Саддама Хусейна... Сегодня в Турции курдам уготована та же участь... Под прикрытием борьбы с терроризмом турецкая армия проводит настоящий государственный террор в регионе».

Чем меньше внимания уделяет мир курдам, этому гонимому народу, тем сильнее позиции тех курдских политиков, которые считают, что только террор заставит мир обратить на них внимание и помочь им.

Ничего более оптимистического, к сожалению, сказать невозможно.

Глава 5

ПОРТРЕТ УБИЙЦЫ

Самое опасное — недооценивать врага. Один американский генерал, которого в свое время похитили террористы из итальянских «Красных бригад», сказал после освобождения, что террористы — это «группа преданных своему делу образованных людей, которые верят в то, что они делают, и относятся к этому очень серьезно».

К людям, которые хотят нас убить, тоже надо относиться серьезно. Специалисты знают, откуда берутся люди, способные с легким сердцем убивать и женщин, и детей...

Каждый второй европейский террорист происходит из вполне благополучной семьи. Уровень образования выше среднего. Каждый второй закончил школу и поступил в университет. Но работы не нашел.

Каждый четвертый террорист вырос в семье, где родители разошлись, причем в тот момент, когда ребенок был подростком, то есть находился в самом уязвимом с психологической точки зрения возрасте.

Недостаток внимания к ребенку в семье, конфликты с родителями — это часто встречается в семьях будущих террористов. Лишь один из пятнадцати террористов испытывает чувство любви к родителям.

Тем не менее эти родители строили весьма амбициозные планы в отношении своих детей. Это происходило практически во всех семьях будущих террористов: при полном отсутствии тепла, нежности и доверия от детей ждали успешной карьеры, желая им счастливой жизни, успеха и благополучия.

Из этого ничего не получилось. Каждый третий просто ушел из дома. Мало кому удалось создать собственную семью. А тот, кто вступил в брак и обзавелся детьми, быстро избавился от этой обузы.

Разумеется, это не означает, что неблагополучие в семье обязательно приводит молодого человека в террористическую организацию, но, во всяком случае, это делает его восприимчивым к разного рода теориям, обещающим путем насилия привести народ к полнейшему счастью.

Будущие террористы не бросаются в подпольную деятельность очертя голову. Это постепенный процесс, когда происходит разрыв связей с семьей, родителями, домом, когда человек отказывается от работы и даже от привычек, словом, от всего, что составляло его прежнюю жизнь. Этот разрыв воспринимается первоначально как желанное освобождение от всех надоевших проблем и забот.

В террористическую организацию молодого человека часто приводят друзья, родственники или соседи. Часто это носит случайный характер. Одинокий юноша вдруг встречает человека с оружием, который кажется таким уверенным в себе, бесстрашным и жизнерадостным. Он словно избавлен от всех житейских неурядиц.

Многие пойманные террористы говорили потом, что, если бы они в юности встретили других людей, которые произвели бы на них столь же сильное впечатление, они пошли бы за ними... Если бы они встретили женщину, которая бы их полюбила и хотела иметь семью, детей, они не стали бы убивать...

Сначала просят о невинной услуге, потом о более серьезной. Один шаг влечет за собой другой. Молодой человек еще не совершил ничего противозаконного, но он уже помогает преступникам, отрезая себе путь назад.

Террористические группы могут существовать только потому, что их поддерживают самые обычные люди, не привлекающие внимания правоохранительных органов.

Люди, готовые помочь, крайне важны. Без них террористы долго не продержатся. Во-первых, это их будущее пополнение. Во-вторых, это люди, которые помогают готовить операцию. В-третьих, сочувствующие делают то, что не под силу самим террористам: крадут и подделывают документы, покупают оружие, взрывчатку, служат курьерами и даже грабят банки, если нужны деньги. Они содержат сеть надежных квартир в крупных городах и обеспечивают боевиков транспортом. Наиболее умелые помощники со временем сами присоединяются к боевой группе.

Время, которое человек проводит в роли сочувствующего и помогающего, позволяет ему подготовиться к не-

легальной жизни. Но это еще и проверка. Только тот, кто выдержал проверку, кто совершил первое преступление, принимается в группу. Лучшей гарантией считается участие в вооруженном ограблении банка, потому что замаскированный полицейский никогда на это не пойдет.

Подполье представляет собой совершенно новую жизнь. Исчезает грань между личной жизнью и политической борьбой. Личные потребности должны быть подчинены общей политической цели. Террористы, отрезанные от родных и знакомых, замыкаются в совсем крохотном мире. Они могут полагаться только на себя.

Происходит незаметная самоизоляция от остального мира. Террористы живут как бы в маленьком гетто. Они разговаривают между собой на понятном только им языке, они постоянно вместе. Они привыкают иметь дело только со «своими». Весь мир, которым эти люди дорожат, сжимается до размеров группы; если их группа одобряет какое-то действие, значит, это правильно.

Они теряют чувство реальности и не способны оценивать ситуацию. Заканчивается это полным разрывом связей с окружающим миром.

Любая успешная операция вызывает желание присоединиться к террористам. Знаменитые боевики становятся моделью для начинающих. Особенно сильно такие иконы воздействуют на не очень образованных и эмоционально нестойких молодых людей, на тех, кто страдает комплексом неполноценности. Они с восхищением разглядывают по телевидению дело рук своих старших товарищей, проникаясь желанием им подражать.

Вообще средства массовой информации всегда принимаются террористами в расчет: телевидение словно занимается пропагандой в их пользу. Беспомощность правительства создает ощущение, что террористы — это несокрушимая сила, что их требования справедливы, что им нельзя противостоять...

В какой-то степени боевая группа заменяет молодым террористам семью. Она дает тепло человеческого общения, чувство безопасности и многое другое, чего эти юноши и девушки были лишены у себя дома. Группа одновременно и источник некоего материального благо-

получия. Не искать работу, не думать о пропитании — боевики без денег не сидят.

Будущие террористы тянутся к тому, чего им так не хватало: к надежности и уверенности. И они находят в группе настоящую дружбу, солидарность, сплоченность, даже любовь и уважение друг к другу. Поскольку среди террористов нет недостатка в молодых женщинах свободных взглядов, то возникают любовные пары.

ЛЕГКО ЛИ ЖЕНЩИНАМ УБИВАТЬ

Знаменитый судебный психиатр и антрополог Чезаре Ломброзо считал, что женщины недостаточно умны, чтобы совершать преступления. Среди самых известных террористов последних десятилетий женщины заняли видное место, опровергнув не только Чезаре Ломброзо, но и статистику, которая свидетельствует о том, что в принципе террор — мужское дело.

Женщины стали не просто исполнителями — бомбистами, стрелками и угонщиками самолетов, — в Европе, Японии, Латинской Америке они возглавили террор.

Не всякий рискнет назвать их преступницами. Умные, образованные, убежденные в своей правоте, женщины приказывали своим товарищам умирать не во имя денег, а во имя идеи. И они сами всегда были готовы умереть.

Женщины участвовали во всех известных террористических организациях (в том числе и в России еще с конца XIX века), но наибольшую роль они сыграли на Ближнем Востоке, в Соединенных Штатах и — особенно — в Германии.

Вот список наиболее известных террористок:

Лейла Халед — Народный фронт освобождения Палестины;

Фусако Сигэнобу — японская «Объединенная Красная армия»;

Ульрика Майнхоф, Гудрун Энслин, Астрид Проль и другие женщины-лидеры западногерманской «Фракции Красной армии»;

Эллен Мэри Маргарет Маккини — Ирландская республиканская армия;

Норма Эстер Аростито — одна из основательниц лево-радикального движения «Монтонерос» в Аргентине;

Женевьев Форест Тарат — участница самых заметных акций баскской группировки ЭТА: 12 декабря 1973 года — убийство премьер-министра Испании адмирала Бланко; 13 сентября 1974 года — взрыв в ресторане в Мадриде, убито одиннадцать человек;

Маргерита Кагол — жена и соратница лидера итальянских «Красных бригад» Ренато Курчио;

Анджела Этвуд, Камилла Кристин Холл, Нэнси Линг Пэрри и другие женщины, создавшие «Симбиционистскую армию освобождения» в США.

Почему женщины так активно участвуют в терроре?

Существует целый ряд объяснений, связанных с меняющейся ролью женщины в современном мире. Участие в террористических организациях в 60—70-е годы XX века совпало со стремлением женщины выйти из привычной роли — послушная жена, любящая мать, домохозяйка без собственных интеллектуальных, профессиональных и политических амбиций, — разрушить эти стереотипы, доказать свою самооценку, освободиться от мужского господства в семье и обществе. И по сей день женщины ощущают себя угнетаемым большинством в обществе и требуют равноправия.

Эмансипация женщины, освобождение от домашних обязанностей, новые возможности в профессиональной сфере, предоставленные научно-техническим прогрессом, сформировали тип женщин, намеренных участвовать во всем, включая и террор.

Феминизм, желание доказать свое право на гомосексуальные и бисексуальные отношения тоже сыграли свою роль, подтолкнув некоторых женщин к участию в террористических группах, где утверждалось полнейшее равноправие полов и сексуальная свобода.

Психологи полагают, что в сознании женщины должен произойти какой-то радикальный сдвиг, прежде чем она перейдет к насилию. Зато, если этот внутренний переворот произошел, женщины становятся хладнокровными и

безжалостными убийцами. Но убийцы всегда утверждают, что они всего лишь жертвы.

Многие немецкие террористки — бывшие медицинские сестры, воспитательницы детских садов, учительницы, специалисты в области социологии и психологии, журналисты.

Уходя в подполье, эти женщины оставляли детей и родителей, рвали со всей прежней жизнью. Они находили в террористической группе «теплоту, любовь и заботу», которых им не хватало. Это многое говорит о неудавшейся личной жизни этих женщин... Хотя, скажем, у Майнхоф был вполне удачный брак и чудесные дети.

К новичку в террористической группе относятся как к товарищу, и он гордится этим. Группа особенно притягательна для молодых людей со слабым характером, для тех, кто испытывает трудности в общении с другими, кто нуждается в компании, обществе, поддержке. Недостаток уверенности в себе компенсируется чувством «вместе мы — сила». Наконец-то есть какое-то увлекательное дело! Их завораживала новая жизнь. Им даже начинала нравиться дисциплина, необходимость подчиняться приказам — все то, что еще недавно они отвергали.

Поводом для решающего шага может стать любое событие, например смерть другого террориста в перестрелке с полицией или в тюрьме. Скажем, на западногерманскую молодежь оказала огромное влияние смерть члена «Фракции Красной армии» Хольгера Майнса в 1974 году. Он был арестован, осужден, объявил голодовку и умер в тюрьме. Многие молодые люди считали, что его убило государство.

В немецком уголовном праве (параграф 101) решение о принудительном питании фактически зависит от медиков. Там сказано, что к принудительному питанию не прибегают до тех пор, пока «можно исходить из свободного волеизъявления, за исключением случаев, когда возникает острая опасность для жизни».

Как показало вскрытие тела Майнса, уже за два дня до смерти у него наступили вызванные длительным голоданием неустранимые нарушения функции спинного моз-

га. Заключение еще сохранял возможность «свободного волеизъявления», но шансов выжить у него уже не было.

При росте метр восемьдесят три сантиметра он весил тридцать девять килограммов. Его смерть была ключевым событием, которое привело немалое число радикально настроенных молодых немцев к решению взять винтовку.

«Мы впервые увидели смерть так близко, и мы чувствовали себя морально сопричастными, потому что не смогли предотвратить его смерть, — говорили террористы, которые впоследствии приняли участие в громких боевых операциях. — Мы поняли: хватит противостоять этой системе в белых перчатках, мы должны взяться за оружие».

Вступая в боевую группу и получая оружие, молодой человек становится хозяином жизни и смерти. Отныне он определяет, что есть добро и что есть зло. Он берет себе все, что хочет. Он судья, диктатор и Бог в одном лице — правда, всего лишь на очень короткое время.

В этом крохотном мирке у террористов появляется ощущение собственного величия, что делает их крайне агрессивными и опасными. Тем более, что каждый из них больше всего боится показаться трусом или недостаточно надежным. И они доказывают друг другу свою храбрость и презрение к врагу.

Фантастическая энергия, настойчивость и изобретательность, с которыми члены группы планируют и проводят свои акции, рождены твердым убеждением в том, что все это необходимо во имя высшей цели.

Политический терроризм не может существовать без идеологии, которая дает исчерпывающие ответы на любые вопросы. Идеология и вера снимают вопрос о личной вине и выдают лицензию на справедливый гнев.

Сначала боевикам внушают, что их враг — это люди в форме. Человек в форме — это свинья. Он не человеческое существо, и они должны относиться к нему исходя из этого... Бессмысленно разговаривать с представителями власти как с людьми, и естественно, что применение оружия позволительно.

Пересмотр привычных норм и ценностей происходит легко — прежние заповеди отвергаются, зато принимается новая мораль группы. Если назвать врага «свиньей» и от-

казать ему в праве быть человеческим существом, то заповедь «не убий» как бы и не применима к такому случаю.

Убийство политического врага, внушают им, это не только необходимость, но и долг. Для террористов их акции — это война за справедливость. Когда арестованные члены «Фракции Красной армии» требовали обращаться с ними как с военнопленными, это была не только тактическая уловка на процессе, но и уверенность в том, что они не террористы, а солдаты.

Смерть случайных людей тоже получает оправдание. Для террористов это не убийство, а военная необходимость. Они ставят на карту собственную жизнь и считают оправданным лишать жизни других. А со временем понятие «врага» расширяется до бесконечности. Каждый, кто поддерживает враждебное террористам государство, это и есть враг.

Вот почему не приходится удивляться жестокости и варварству людей, взрывающих самолеты и жилые дома, убивающих женщин и детей. Один палестинский террорист положил бомбу в багаж своей беременной возлюбленной и с нежной улыбкой посадил ее в самолет израильской авиакомпании, зная, что никогда ее больше не увидит, потому что лайнер взорвется в воздухе.

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ МАРКИЗА ДЕ САДА

Слово «садизм» пошло от имени французского маркиза де Сада, которого обвиняли в разнузданных любовных оргиях, настолько жестоких, что его посадили в тюрьму, где он описал свои сексуальные фантазии в еще более ярких красках.

В тюрьме он написал пятнадцать книг, в которых силой своего воображения создал кошмарный мир любви и насилия, вожделений и преступлений. До него на такое еще никто не отваживался.

Два столетия маркиза рисуют в самых гнусных тонах. Более спокойному взгляду предстанет приятный господин с пронзительными голубыми глазами, похожий на молодого Моцарта. Де Сад был необыкновенно привлекате-

лен, иначе отчего же так много женщин мечтало познакомиться с ним поближе? Жена маркиза любила своего мужа и хранила ему верность все двадцать семь лет, проведенные им в Бастилии.

В тюрьму маркиз был отправлен усилиями его могущественных родственников, чьи мотивы представляются, как минимум, сомнительными. Вполне вероятно, всему виной — обида его мачехи, страдавшей от неразделенной страсти... Ревность отвергнутой женщины дорого обходится мужчине.

Так же непонятно, почему маркиз в те времена, далекие от гласности, неизменно попадался? Почему его обиженные любовницы немедленно бежали в полицию и им верили, хотя судопроизводство XVIII века не считало показания женщины надежным свидетельством? Может быть, все дело в том, что во времена Французской революции аристократ де Сад был самым подходящим козлом отпущения?

Маркиз де Сад умер в сумасшедшем доме. В завещании просил зарыть его в лесу и забыть. Его забыли ровно на сто лет. Он умер в 1814 году, а вспомнили о нем в 1914-м, когда началась Первая мировая война. И с тех пор забыть о нем не удастся. Наступил XXI век, а люди убивают друг друга без всякой необходимости и часто с наслаждением.

Распространившийся в мире терроризм — это ставшие реальностью садистские мечты. Все это было у маркиза де Сада в голове. Но он убивал только на бумаге. Руками он этого не делал. Садистская реальность догнала и обогнала садистскую литературу.

Имя маркиза де Сада стало именем нарицательным. Но люди знающие говорят, что мы, пожалуй, погорячились: самого маркиза обвинять не в чем. Скорее надо быть ему благодарными — маркиз де Сад помог нам лучше понять нас самих. Он первым так откровенно заговорил о том, что мы старательно скрываем от самих себя, о чем не решаемся говорить.

Традиционно было принято — вслед за Руссо — говорить о том, что человек по природе добр. А признать, что зло существует внутри человека, мало кто решался. Теперь приходится вновь задуматься (в который уже раз на

протяжении человеческой истории) о соотношении добра и зла и причинах, по которым зло в человеке одерживает верх над добром.

Поведение террористов более всего свидетельствует о том, что человек по сути своей склонен к садизму.

Террористы, наверное, самим себе кажутся хорошими, храбрыми бойцами. Они хотят видеть смерть, они хотят видеть, как умирают люди. Они наслаждаются собственной жестокостью.

Некоторые молодые люди мечтают повоевать. Они желают обрести власть над мучениями и смертью. Участие в террористических акциях дает им возможность развернуться, осуществить свои скрытые желания.

Так что же, выходит, садизм — не только социальная, но и психологическая и даже биологическая проблема? Не следует ли сделать вывод, что страсть к насилию и жестокости коренится в самой природе человека? Возможно, это действительно так. Во многих людях горит желание наслаждаться болью чужого человека и полной властью над окружающими.

Редко в истории не обращались с человеческим телом просто как с куском мяса, а ведь это проделывают террористы на наших глазах. Такое ощущение, словно все бросились читать маркиза де Сада.

Глава 6

«СЕКС-КОММУНА № 1» И ДРУГИЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Западноевропейские террористы в основном были выходцами из хороших семей. Они росли в свободомыслии, им было свойственно высокоразвитое чувство справедливости.

Они были уверены, что вооруженная борьба — единственная возможность изменить что-либо в стране. И единственная возможность изменить самих себя. Они хотели сформировать нового человека, который перестал бы лгать и отказался от всех компромиссов, на которые так часто приходится идти в жизни.

Первая смерть

Сигналом к началу террора, охватившему развитые страны Запада, стал выстрел, прозвучавший в Западном Берлине 2 июня 1967 года. В этот день в городе проходила студенческая демонстрация против визита иранского шаха Реза Пехлеви. Европейские либералы обвиняли шаха в угнетении собственного народа. Демонстрантов жестоко разгоняли полицейские. Выстрелом был убит студент Бенно Онезорг. Это вызвало массовое возмущение в стране. Одна из самых жестоких террористических групп назовет себя «Движением 2-го июня» в память об этом трагическом дне.

Молодая женщина по имени Гудрун Энслин сказала тогда:

— Нам больше не о чем говорить со старшим поколением. Оно ничему не научилось и абсолютно не изменилось.

Дочь протестантского пастора, Энслин вскоре примет участие в создании террористической группы «Фракция Красной армии», которую чаще называли «группой Баадера—Майнхоф» — по имени ее первых руководителей.

Вместе с тремя юношами, один из которых обретет вскоре поистине мировую известность (Андреас Баадер), Гудрун Энслин совершит первый теракт, который сегодня кажется совершенно невинным. В знак протеста против убийства студента Бенно Онезорга они подожгли два универмага.

Поджигателей быстро нашли и посадили на скамью подсудимых. Защищать их взялся молодой адвокат Хорст Малер.

— Этим подсудимым не место в тюрьме, — скажет он судьям.

— Если же тем не менее их отправят в тюрьму, придется сделать вывод, что в этом обществе тюрьма — единственное место пребывания порядочного человека.

Убедившись, что его красноречие не способно ничего изменить, адвокат Хорст Малер сам возьмется за оружие и присоединится к своим подзащитным.

И еще один голос прозвучал в защиту начинающих террористов. Одна известная журналистка, коммунист и автор постоянной колонки в левом журнале «Конкрет» (и жена его главного редактора Клауса Райнера Рёля) писала: «Прогрессивность поджога, совершенного четырьмя молодыми людьми во главе с Андреасом Баадером, состояла не в том, что были уничтожены какие-то товары, а в сознательном нарушении закона». Левые радикалы пришли к выводу, что жить по законам общества невозможно, ибо сами эти законы преступны.

Имя этой журналистки — Ульрика Майнхоф. Мать двоих дочерей-близнецов, она неожиданно для всех, кто ее знал, бросила семью, дом и работу и ушла в подполье.

Ульрика Майнхоф надеялась личным примером взорвать общество изнутри, доказать ложность его принципов и заставить людей понять, что дальше так жить нельзя.

Первоначально члены «Фракции Красной армии» не собирались убивать. Криминальные акты должны были служить лишь провокацией, резким звонком будильника, выводящего из состояния летаргии погрязшее в потреблении материальных благ общество. Но молодые люди быстро перешли ту грань, за которой превратились в опасных уголовных преступников.

Ульрика Майнхоф и Гудрун Энслин помогли Андреасу Баадеру бежать из тюрьмы. Они создали свою «Фракцию Красной армии» и ушли в подполье. Им немедленно предложили помощь палестинские террористические организации, которые располагали избытком оружия и денег и нуждались в политических союзниках.

Палестинцы предложили «Фракции Красной армии» укрыться в их тренировочных лагерях и заодно пройти там курс боевой подготовки. Отныне «красноармеец» мог рассчитывать на постоянную помощь оружием и взрывчаткой.

Единственная размолвка между «красноармейцами» и палестинцами возникла из-за женщин. В палестинских лагерях мужчины и женщины живут отдельно. Немцев это не устраивало. Немецкие террористки требовали полнейшего равноправия, и не только в боевой подготовке, но и в интимной жизни.

«Машина для оргазмов»

В те годы западногерманская молодежь быстро раскрепощалась. Знаменитая «секс-коммуна № 1» существовала с начала 1967 года по ноябрь 1969-го, но оказала значительное влияние на жизнь европейской молодежи.

Коммуна, как витрина современного магазина, показала, какой должна быть жизнь молодежи: все спят на одном матрасе, злят обывателей, пьют жасминовый чай, занимаются сексом и делают мировую революцию. Коммунары отказались от галстуков и от дверей на туалетах. А что же дурного в том, что туалет снабжен дверью?

— Двери дают возможность уединиться, жить отдельно от коллектива, — объяснял лучший коммунар тех лет Райнер Лангханс, — а мы хотели объединить людей.

Все началось с того, что шестнадцать молодых людей собрались летом 1966 года на богатой вилле в Баварии и смотрели чемпионат мира по футболу. Они и не подозревали, что в ближайшем будущем станут звездами грядущих студенческих волнений. Им не нравилась жизнь в Западной Германии, где, по их мнению, «немцы предавались двум своим излюбленным занятиям: тупо вкалывали и жалели себя». Молодые люди хотели большего, чем делать карьеру и вечером решать в магазине, какой из двадцати пяти сортов колбасы выбрать на ужин.

Мудреные дискуссии социалистов о накоплении капитала и о классовой борьбе их тоже не увлекали. Личная жизнь и любовные увлечения важнее. Выход должна была дать коммуна. Любовь, работа и революция — вместе.

Теоретиком коммуны стал Дитер Кунцельманн. Его отец заведовал сберегательной кассой в католическом Бамберге, а сын был прирожденным ниспровергателем основ. Он отказался учиться банковскому делу и писал стихи такого содержания: «Куба, Конго, Вьетнам — долг кровавый след империализма».

Коммунары обосновались в квартире одного писателя, где, помимо матрасов, не было ничего из того, от чего они хотели отказаться по причине своей антибуржуазности.

Все присматривали друг за другом. В магазин выходили только по двое. Собственность считалась тяжким грехом, и Кунцельманн предпочитал надевать чужие вещи. Возможно, никто бы о них не узнал, помимо друзей, если бы им не пришлось в голову устроить демонстрацию протеста против приезда тогдашнего американского вице-президента Хэмфри.

— Он похож на придурка из американской кинокомедии, которому нужно размазать торт по физиономии, — заявил Кунцельманн.

Коммунаров схватила полиция и обвинила в подготовке вооруженного нападения на иностранную официальную делегацию. На следующий день о коммунарах писала и говорила вся страна. Дитер Кунцельманн превратился в самое страшное чудовище после Хрущева, стучавшего башмаком по трибуне ООН. Теперь журналисты одолевали их просьбами об интервью, за каждое из которых коммунары требовали тысячу марок. Это решило все финансовые проблемы. Кроме того, они ездили в столицу ГДР, навещали китайское посольство и получали там ящиками красные цитатники Мао Цзэдуна — модное чтение среди левой молодежи — и продавали их желающим.

Они находили массу возможностей напомнить о себе. Когда отмечался юбилей крупного политика, в зал вдруг внесли гроб, из которого выскочил Дитер Кунцельманн и стал разбрасывать листовки. Полиция хватала коммунаров, их беспрестанно штрафовали. Зато у них не было отбоя от поклонниц, и коммунары превратились в первых плейбоев страны. И те, кто раньше не пользовался успехом у слабого пола, спешили наверстать упущенное.

Фриц Тойфель, один из основателей «секс-коммуны № 1», вспоминал:

— Я был невероятно застенчивым юношей, страдавшим от первой большой неразделенной любви. Я хотел изменить мир и самого себя. Мы пытались построить коллективную форму жизни для себя самих и для всего общества. Нам до смерти надоели парные отношения, где один партнер рассматривает другого как свою частную собственность.

Фриц Тойфсль мечтал сделать общество не только демократическим и социалистическим, но и вакхическим:

— Революция должна доставлять удовольствие, иначе никто в ней не станет участвовать. О чем я сожалею, так это о недостатке нежности в народе, распрях среди товарищей. Я пытался объяснить людям, которые угнетены, что они в значительно большей степени могут помочь друг другу. Молодые люди не знают, куда им пойти, когда им хочется проявить нежность друг к другу. Для нежности слишком мало места.

Поэтому Тойфель призвал не только «занимать церкви, но и располагаться в них для любви».

Еще одно изречение Тойфеля в те годы стало популярным:

— Все имеет больше смысла и доставляет больше удовольствия, если проникает одно в другое.

Правда, беспорядочные интимные отношения заставляли коммунаров часто обращаться к врачам.

Они переселились в большую столярную мастерскую, где замуровали окна, чтобы соседи ничего не видели. Курение гашиша и прием синтетического наркотика ЛСД считались вполне революционным занятием. Крушение коммуны началось в тот день, когда Лангханс познакомился с фантастически красивой девушкой. Это была Урсула Обермайер (Уши, как ее ласково именовали друзья), со временем она станет самой знаменитой фотомodelью в Германии.

Райнер Лангханс полностью посвятил себя любовным делам и постоянно рассказывал остальным, как хороша в постели его подруга — известная фотомodelь Уши Обермайер.

— Это просто машина для оргазмов, — восторгался Лангханс.

Товарищи возмущались, считая, что удовольствия не должны заменять главного — революционной борьбы.

Лангханс хладнокровно отвечал:

— Предать революцию ради женщины — это всегда оправданно.

Этот роман стал концом коммуны. То, что не смогли сделать полиция, суды и политики, удалось этой девуш-

ке, которую совершенно не интересовала политика. Ее интересовал только Лангханс, в которого она влюбилась.

Она вызывающе говорила:

— Плевать мне на разницу между коммунизмом и капитализмом.

Ее уговаривали почитать труды классиков левого движения. Она отвечала:

— Буквы для меня слишком непривлекательны.

Остальные коммунары завидовали Лангхансу и критиковали Уши Обермайер:

— Как ты могла купить кока-колу? Ты же бросила свои деньги в пасть империалистам!

Когда все спали, накурившись гашиша, она вставала и приводила себя в порядок в ванной комнате, где не было зеркала, а из крана текла только холодная вода. Она хотела хорошо выглядеть — и все ради Райнера Лангханса. Уши говорила:

— Мой отец всегда клял себя за то, что он ложился в постель с хорошенькими женщинами, а просыпался рядом с какими-то ведьмами. Я не хотела быть такой.

Уши Обермайер платили за съемки такие гонорары, что Лангхансу понравилась новая жизнь. Он стал менеджером своей подруги. Революция ему надоела. И летом 1969 года все кончилось. Лангханс и еще несколько бывших коммунаров распрощались с мятежным прошлым. Они взяли Дитера Кунцельманна за руки и за ноги и выбросили за дверь. На теоретике «секс-коммуны № 1» были длинные мужские трусы, фрак на голое тело и пестрый галстук.

Кунцельманн потом, как ни странно, стал депутатом. Но его официальная политическая карьера окончилась, когда он разбил яйцо о голову правящего бургомистра Берлина Эберхарда Дипгена со словами:

— Счастливой Пасхи, ты, Санта-Клаус.

Фриц Тойфель избрал другую дорогу и оказался в тюрьме. Он был арестован в крайне неудачный для себя момент: за поясом у него был пистолет, а в багажнике машины лежал обрез. Он отсидел в тюрьме пять лет за принадлежность к террористической организации, хранение оружия и подделку документов.

В тюрьме он изобрел свою стратегию выживания, сохраняя подвижность тела и ума. Занимался йогой. Писал письма и сказки. Он сидел в одиночной камере, как и другие террористы. У него были телевизор и кипятильник, так что он мог в любое время выпить чая или кофе. Ему также полагалась настольная лампа для чтения и вделанный в стену радиоприемник с четырьмя программами.

Зато заключенного в камере прослушивали, правда, в этот момент должна была загораться лампочка! Этот же прибор позволял в случае необходимости связываться с надзирателями. Однажды ночью в камере Тойфеля загорелась лампочка и неприятный голос проквакал из динамика:

— Что вам нужно?

Тойфель подал жалобу на то, что его разбудили, когда он вовсе не собирался разговаривать со своими тюремщиками. Аппарат сработал из-за того, что замкнуло отсыревшие в стене провода...

Первое поколение немецких террористов, ушедших в подполье, научилось у коммунаров тому, что можно сплотить людей и вне традиционной семьи. Общество заговорщиков, решил Хорст Малер, адвокат, ставший террористом, подвергает себя меньшей опасности, если дает выход своим сексуальным инстинктам. Поэтому с самого начала в боевой группе было много женщин.

Коммуна, которую основал Ян-Карл Распе, так формулировала свое кредо в сфере равенства полов:

— Мы установили, что потребность мыться, танцевать, готовить еду, мыть голову и причесываться, гулять, водить машину и есть сладкое не зависит от пола.

Основатель террористического «Движения 2-го июня» Бомми Бауман, пролетарское дитя, считал, что имеет право спать с любой женщиной, поэтому в его группе постоянно разыгрывались драмы. «Любовные истории у буржуазных сынков протекали тяжело», — как выразился один из членов группы...

Из палестинского лагеря они вернулись другими людьми, готовыми стрелять и убивать. Больше никаких любительских акций, вроде поджога универмага, решили Майнхоф и Баадер. Они будут брать заложников и уби-

вать прокуроров, судей и правых политиков. А также грабить банки, угонять автомобили, красть чистые бланки паспортов — для того, чтобы машина террора работала бесперебойно.

Во всем этом бывшая журналистка Ульрика Майнхоф сыграла ведущую роль. Во всех других странах по статистике из десяти террористов — восемь мужчин. Внутри «Фракции Красной армии» все было наоборот. Можно сказать, что и саму группу создали три женщины — Гудрун Энслин, Астрид Проль и Ульрика Майнхоф. Когда полиция составила список самых опасных преступников, находящихся в розыске, то среди четырнадцати террористов оказалось только четверо мужчин.

Ульрике Майнхоф разлука с детьми далась тяжело. Долгое время террористы устраивали ей тайные встречи с дочерьми, но с каждым разом это становилось все опаснее, потому что «красноармейцев» искала вся западногерманская полиция.

Товарищи по борьбе были недовольны мягкотелостью Майнхоф. И постепенно она вырвала из сердца любовь к своим девочкам. После ее смерти в тюремной камере следователи нашли письма детей, присланные ей на Пасху. Она даже не раскрыла эти письма...

«Человек в форме — свинья»

В подполье, занимаясь убийствами и ограблениями, женщины менялись до неузнаваемости. Бригитте Кульман, будучи студенткой, заботилась о парализованных больных и считалась «необыкновенно чувствительной». В террористической группе она превратилась в испуганную фанатичку. Заложники, которых террористы захватили, рассказывали, что она вела себя «как надзирательница в концлагере».

В конце 70-х годов в спецслужбах ФРГ обсуждались планы уничтожения основных кадров европейского терроризма. Некоторые западногерманские спецслужбисты даже попытались подобрать людей для ликвидационной группы. Этим занимались Федеральное ведомство по

охране конституции и Федеральное ведомство уголовной полиции. Но от этой идеи благоразумно отказались.

Западногерманские власти удержались в рамках закона — террористов постепенно выловили, судили и отправили в тюрьму. Они держались очень стойко, объявляли голодовки.

Предложение о голодовке вплоть до смерти исходило от Гудрун Энслин. Она писала Баадеру: «Мы можем сказать, что каждые три недели (или четыре, или две — это все равно) один из нас будет себя убивать. До тех пор, пока не прекратится наша изоляция».

Дольше всех во время голодовок держались именно женщины. Габриэле Рольник, Моника Берберих, Гудрун Штюмер и Ангелика Годер три месяца ничего не ели и только пили чай и минеральную воду.

На следующий день после того, как один из осужденных террористов, Хольгер Майнс, умер в тюрьме от голода, был убит президент западноберлинской судебной палаты Гюнтер фон Денкман. Он не имел никакого отношения к процессам над членами «Фракции Красной армии». Это была месть судебной системе как таковой.

Майнхоф написала из тюрьмы:

«Мы не оплакиваем мертвого судью Денкмана. Мы радуемся его казни. Эта акция была необходима потому, что она показала каждой судейской и чиновной свинье, что и он — и уже сегодня — может быть привлечен к ответственности. Эта акция была необходима потому, что она положила конец разговорам о всемогуществе государственного аппарата...

Мы утверждаем, что человек в форме — свинья. Он не человеческое существо, и мы должны относиться к нему исходя из этого. Бессмысленно пытаться разговаривать с этими людьми, и естественно, что применение оружия позволительно».

В какой-то момент примерно шестьдесят заключенных — членов «Фракции Красной армии» и других леворадикальных групп — проводили голодовку по всем тюрьмам ФРГ. Но правительство не шло на уступки, и, убедившись, что голодовки не помогают, осужденные один за другим прекратили протест. Все, кроме лидеров

«Красной армии», которые решили покончить жизнь самоубийством.

Служащие тюрьмы обнаружили заключенную Ангелику Шпайтель на полу ее камеры в кельнской тюрьме. Она перерезала себе вены и истекала кровью. На оконном переплете висели обрывки простыни и колготок, связанные друг с другом в петлю. Ангелика первоначально пыталась повеситься.

Баадер, Энслин и Распе были приговорены к пожизненному заключению — за четыре убийства и тридцать четыре попытки совершения убийства. Они решили уйти из жизни. И в один и тот же день покончили с собой; их соратники пытались назвать это убийством и обвиняли власти в жестокой расправе.

Баадер был левша, но следы пороха и кровь были найдены на его правой руке. И выстрел был произведен в затылок, что крайне редко встречается при самоубийствах. Все это стало поводом для сомнений — не убили ли его? Но эксперты пришли к выводу, что Баадер сделал это специально: в качестве последней мести тюремщикам. Он нажал спусковой крючок не указательным, а большим пальцем.

Гудрун Энслин повесилась. Она очень исхудала. Повесилась на электропроводе, дважды обмотав его вокруг шеи. Никаких следов насилия эксперты не обнаружили. Предположение, что ее убили, а потом повесили, было отвергнуто — характерный рубец от петли на шее был прижизненным повреждением.

Ее не могли и силой засунуть в петлю, потому что в таких случаях жертву нужно крепко держать, и остаются кровоизлияния в тканях. В ее крови не было ни алкоголя, ни каких-либо других видов токсичных или иных препаратов, которые могли свидетельствовать об отравлении или о приведении в бессознательное состояние.

Расследование самоубийств Баадера, Энслин и Распе продолжалось долго. Генеральный прокурор обвинил их адвокатов в том, что они проносили в тюрьму оружие и даже взрывчатку — их никто не осматривал. Парламентское расследование установило, что надзиратели время от времени разрешали осужденным ходить по тюрьме или

собираться в одной из камер. Они могли общаться с другими заключенными, которые, вероятно, и передали им деньги и оружие.

Для осужденных террористов в западном крыле тюрьмы города Целле оборудовали десять звуконепропускаемых камер: в них не слышно ни звуков из соседних камер, ни шагов в коридоре. Дождь можно видеть в окно, но не слышно звука капли. Не слышно даже звука проходящих мимо поездов.

В западноберлинской тюрьме Моабит построили камеры-одиночки, заключенные круглосуточно контролировались с помощью телекамер. Но и это не помогло.

В один субботний день Ульрику Майнхоф нашли мертвой в ее камере. Она висела в петле, скрученной из полотна и прикрепленной к оконной решетке.

Ее родственники и товарищи по «Фракции Красной армии» утверждали, что Майнхоф убили власти. Ее смерть ознаменовалась вербовкой новых членов группы и новыми террористическими акциями. Со временем несколько террористов, которые предпочли прекратить борьбу, признались, что с самого начала знали: Ульрику Майнхоф никто не убивал, она совершила самоубийство, но следовало утверждать обратное, чтобы иметь повод для продолжения борьбы.

Историческая развилка

Французский философ Андре Глюксман полагает, что каждые двадцать лет новое поколение заявляет о себе на полях сражений или в демонстрациях протеста. Очередная смена поколений произошла в 1967—1968 годах, когда во многих странах восстала молодежь.

После этого мир стал иным. Не изменилось социально-экономическое устройство ни одного государства, но изменился химический состав атмосферы, в которой живет общество. Справедливо назвать те события революцией. Но это была, если можно так выразиться, революция духа. Ломая стену молчания, лжи, ханжества, унижения, сокрушая закоснелые формы существования общества,

взбунтовавшаяся молодежь помогла осознать ценность и достоинство человеческой жизни.

Парижские студенты в мае 1968 года сооружали баррикады, но не хватались за оружие и ни в кого не стреляли. Они предлагали остановиться и задуматься.

Они добились своей цели. Им не только разрешили слушать любую музыку, носить длинные прически и одеваться так, как кому заблагорассудится. Они заставили общество задуматься над такими проблемами, как противоречие между духом и властью. Но этих бунтовщиков принято упрекать в непоследовательности, в склонности к балагану.

Последовательность — качество положительное, пока оно не переходит в тупое упрямство и узость мышления. Тухлые яйца и булыжники приличной тяжести входили в арсенал студентов. После баррикад — что могло стать следующим шагом? Винтовки и бомбы? Это была историческая развилка, которая развела взбунтовавшуюся молодежь в разные стороны.

Один из лидеров парижской молодежи Даниэль Кон-Бендит после 1968-го ушел работать воспитателем в детский сад, потом примкнул к движению «зеленых». Он разошелся во мнениях с теоретиками ультралевого террора, которые полагали, что с помощью революционного насилия можно ускорить процессы преобразования общества.

А некоторая часть молодых бунтовщиков взялась за оружие. И с тех пор в Париже повсюду — даже на Елисейских полях — разгуливают автоматчики: французы боятся террористов. Правда, теперь они в основном боятся алжирских боевиков.

ПРОЩАНИЕ С ГЕРОЕМ

В Париже я когда-то беседовал с человеком, которого ультралевые террористы считали одним из своих учителей.

Не так-то просто попасть в Елисейский дворец — резиденцию президента Французской Республики, даже если

тебя ждут и ты пришел точно к назначенному времени. Пришлось томиться на небольшом крылечке, в окружении полицейских, пока дежурные за запертой дверью выясняли то, что им положено знать.

Потом мне выдали карточку «Посетитель Елисейского дворца» — взамен паспорта, который первым делом отобрали. Охранник по внутреннему дворику провел к подъезду, на втором этаже передал — с рук на руки — местному дежурному. Тот проводил в приемную — небольшую комнату без окон, с деревянной вешалкой. Не успел скинуть плащ, секретарь распахнула дверь, и я, от волнения едва не растеряв все свое хозяйство — магнитофон, фотоаппарат, блокнот, ручки, — оказался лицом к лицу с человеком, чье имя, окруженное героическим ореолом, было известно мне еще с юности.

Вышколенные секретари закрыли двери. Хозяин кабинета уселся в кресло возле журнального столика и пресек мой маневр с магнитофоном:

— Это не интервью, просто беседа. Я не могу давать интервью без разрешения президента республики.

— Но я могу, по крайней мере, написать о нашей беседе? — спросил я.

Разрешение было дано. Мы разговаривали чуть меньше часа (следующий посетитель уже томился в приемной), и я пытался запомнить все, что он говорил. Но разве это возможно! Разве передаваемо изящное строение его фраз, остроумных и резких, но часто уклончивых, выдающих в нем опытного полемиста. А как красноречивы были его жесты! Их эlegantность напоминала о том, что мой собеседник не только, что называется, из хорошей семьи, но и получил образование в одном из лучших учебных заведений Парижа.

В наглухо закупоренном кабинете с зашторенными окнами было жарко; но попыхивавший сигарой хозяин, надо полагать, чувствовал себя превосходно. От пронизывающего взгляда его голубых глаз, признаться, временами становилось не по себе. Он, без сомнения, обладал умением разбираться в людях. Умением, приобретаемым в ситуациях драматических. Например, в тюрьме, где хозяин кабинета, советник президента Франции, известный

деятель левого движения, идеолог партизанской войны Режи Дебре провел три года.

Когда я впервые услышал его имя? Скорее всего, осенью 1967 года, когда в Боливии был убит профессиональный революционер Эрнесто Че Гевара, а его друг и единомышленник Режи Дебре — арестован.

Но в 1967 году мне было всего десять лет, интерес к политической жизни только пробуждался. Вот события 1968-го запомнились крепко: и среди них — майское восстание студентов в Париже, поддержанное рабочими и в горячке тех дней названное революцией. Тогда часто звучало имя Режи Дебре, одного из вдохновителей мая 1968-го.

В свой первый студенческий год в Московском университете я прочитал некоторые работы Дебре и кое-что о нем самом. Тема молодежного движения была модной. Все ждали продолжения, новой волны, еще более высокой и грозной. Доказывали ее неизбежность даже после того, как стало ясно: что-то изменилось, протест молодежи против общества в той же форме навряд ли повторится.

«Властитель дум» Герберт Маркузе, чьими трудами зачитывались студенты-гуманитарии, ушел из жизни и из споров современных философов. Франц Фанон, идеолог партизанской войны в третьем мире, забыт. Руди Дучке, вождь восставшей западногерманской молодежи, остался не у дел и умер при странных обстоятельствах. Даниэль Кон-Бендит, самая популярная фигура парижских баррикад 1968-го, поклонник Нестора Махно, ни о каком бунте больше не думает. Его друг Йошка Фишер занялся политикой, что со временем позволит ему стать министром иностранных дел ФРГ. А Дебре...

Режи Дебре учился в Высшей нормальной школе — учебном заведении для элиты, изучал марксизм и экзистенциализм. В формировании его взглядов особую роль сыграла война в Алжире. Для него это была боль, скажет он позднее, такая же, как для американцев — Вьетнам.

Когда во время студенческих каникул в 1961 году Дебре взял билет до Нью-Йорка, пересел на самолет до Майами и оттуда направился на Кубу, он, вероятно, и не по-

дозревал, что поездка определит всю его дальнейшую жизнь.

Он предложил революционному правительству Фиделя Кастро свои услуги в качестве учителя и был очень хорошо принят. Кубинцы радовались каждому человеку, который хотел им помогать. Острый ум и готовность служить революции привлекли к нему внимание и Фиделя Кастро, и Эрнесто Че Гевары, который был после революции вторым человеком на Кубе.

Они подолгу беседовали. В 1966 году Дебре стал профессором философии в Гаванском университете. Тогда же начал работать над своей знаменитой книгой «Революция в революции? Борьба вооруженная и политическая в Латинской Америке».

Дебре полагал, что ведущая революционная роль принадлежит интеллигенции и студентам, что революция начнется с какого-то очага вооруженной борьбы, который нужно вовремя разжечь, что партизаны создают революционную ситуацию и потому вполне можно обойтись без авангардной марксистско-ленинской партии.

В марте 1967 года Дебре последовал за Че Геварой, который за два года до этого с небольшим отрядом отправился в Боливию поднимать там народ на восстание.

Эрнесто Че Гевара родился в Аргентине. «Че» — это междометие, обращение друг к другу, так часто называют аргентинцев. В 1953-м он закончил медицинский факультет в Буэнос-Айресе и поехал в Гватемалу, где сформировал леволиберальное правительство Хакобо Арбенс. Но его свергла морская пехота США, и Че убежал в Мексику, где познакомился с Фиделем Кастро. Вместе с кубинцем Че Гевара участвовал в партизанской борьбе в горах Сьерра-Маэстра и командовал одной из партизанских колонн, которые вошли в Гавану.

После победы Фиделя он стал начальником департамента промышленности Института аграрной реформы, затем президентом Национального банка и министром промышленности. Но мирная и спокойная жизнь была не для него.

Че Гевара руководствовался теорией герильи — малой войны партизан против огромной армии. Герилья — это

война слабых против сильных, безнадежно малого числа герильеро против значительно превосходящих сил противника. Герилья — вариант тотальной войны, не придерживающейся традиционной формы военных действий, не имеющей фронта, не отделяющей регулярную армию от гражданского населения.

Сила герильеро состоит именно в том, что у него решительно ничего нет, нет даже надежды на успех борьбы. Как ни парадоксально, но именно безнадежность ситуации составляет психологическое превосходство герильеро. Лишь тот, кто ставит на карту во имя борьбы собственную жизнь, может считать оправданным лишение жизни других.

А противнику есть что терять: собственность, блага, привилегии, безопасность, собственную жизнь, которой он дорожит, а также жизни тех, к кому он привязан или за которых в ответе...

Теория герильи будет взята на вооружение и так называемыми городскими партизанами, то есть ультралевыми террористами. Дебре провел в лагере Че шесть недель. 20 апреля Дебре схватили боливийские солдаты, брошенные на поиски Че. А 7 октября 1967 года отряд Че Гевары был разгромлен боливийскими рейнджерами, которыми руководили агенты ЦРУ.

Узнав, что Че Гевара убит, Дебре гордо сказал, что готов разделить судьбу погибших партизан. На суде он вел себя исключительно достойно. Приговор — тридцать лет тюрьмы — выслушал мужественно. Но ему повезло. Правящий режим был свергнут, новое правительство освободило его из застенков, а президент Чили социалист Сальвадор Альенде предоставил Дебре политическое убежище. Они были единомышленниками. Альенде охотно с ним беседовал и говорил своему юному другу Режи Дебре, что его цель — «полный, научный, марксистский социализм в Чили, уничтожение буржуазного государства».

В очерке «Проблемы революционной стратегии» Дебре много места уделил Чили. Он считал «неразумным оптимизмом» уверенность своего старшего друга Альенде в том, что можно победить в революции без вооруженной борьбы. Когда в результате военного переворота в 1973 году

правительство Альенде было свергнуто, многие вспомнили те слова Дебре.

Вернувшись на родину, Дебре полностью отдался литературному творчеству. Он писал в год не менее одной книги — публицистику и беллетристику почти в равной пропорции. Видимо, для него это были годы активного осмысления (а может быть, и переосмысления?) собственного прошлого, своих взглядов на революционный процесс и методы обновления общества.

С 1974 года он включился в политическую борьбу во Франции, участвуя в избирательных кампаниях Франсуа Миттерана. В 1981 году начал работать в Елисейском дворце.

Когда социалист Франсуа Миттеран впервые был избран президентом Франции, я был потрясен, узнав, что его советником по внешнеполитическим вопросам стал Режи Дебре, один из самых блестящих французских публицистов. Тот самый Дебре, чьи работы вдохновляли студентов, штурмовавших, казалось, самые основы буржуазного государства. Человек, призывавший к социалистической революции и к свержению власти буржуазии, делит с нею власть... Одна из тех метаморфоз, которые хорошо известны истории!

Что думает об этом сам Дебре?

— Я никогда не был анархистом и не выступал против власти. Пошел вместе с Че Геварой, потому что считал своим долгом защищать идеи, которые мне близки. Для меня это было своего рода продолжением освободительной борьбы французских партизан, сражавшихся против нацизма. Я боролся против латиноамериканских диктатур. Я интернационалист.

Из своего прошлого, — продолжал советник президента, — я извлек некоторые уроки. Теперь я не верю в профессиональных революционеров. Не надо приезжать в чужую страну и делать там революцию. Французу незачем отправляться для этого в Латинскую Америку. Экспорт идей невозможен.

Меня не в чем упрекнуть! — горячо сказал Дебре. — Как я попал в Елисейский дворец? Я никогда не считал себя политиком. Когда левые пришли к власти, я счел своим

долгом присоединиться к ним, внести свой вклад в их работу. Это логично. Помимо всего прочего, я друг Миттерана. Когда он покинет Елисейский дворец, я уйду вместе с ним. Власть как таковая меня не интересует.

Я спрашивал Дебре и о революционных событиях 1968 года, которые оказали такое мощное влияние на молодежь во всей Европе и в том числе стали причиной возникновения левого терроризма. Правда, в те майские дни самого Дебре не было в Париже. Он сидел в боливийской тюрьме.

— Хочу напомнить, — говорил Дебре, — что события начались с того, что в университете Нантер попытались ограничить сексуальную свободу молодежи. Теперь такой проблемы не существует, никто молодежь не ограничивает. Восстание в Париже сыграло значительную роль в развитии французского общества, прав и свобод, эмансипации женщин. Поэтому можно сказать, что май 1968-го был успешен. Между прочим, лидеры восстания — в основном, ныне они занимают правые позиции — работают в газетах, на телевидении, занимаются рекламой и завидно преуспевают. Но сейчас во Франции не революционная эпоха. Я бы хотел, возможно, другого, но нужно исходить из того, что есть. Во Франции больше никто не хочет насилия, даже революционного насилия, и этим идее революции нанесен смертельный удар.

Дебре не хотел говорить о прошлом. Он отвернулся, нахмурился. Потом пересилил себя и спросил, что происходит в Москве. Это было время «перестройки и гласности».

— Честно говоря, я хотел бы быть на вашем месте. Вам так много предстоит сделать в вашей стране, — неожиданно заметил он, и голос его прозвучал молодо.

Может быть, именно так он звучал у того, прежнего Дебре...

Через квартал от Елисейского дворца я спустился в метро. На станции муниципальный рабочий в зеленой униформе срывал старые плакаты — слой за слоем, освобождая место для новых: на носу была очередная предвыборная кампания. На миг возвращались к жизни политики вчерашнего и позавчерашнего дня, чтобы тут же кануть в небытие или вернуться в историю.

«ИНТЕРНАЦИОНАЛ» ПОД КРАСНОЕ ВИНО

Только люди латиноамериканской культуры могут быть так выразительны в жестах и словах. Фредерико посмотрел на меня обжигающим взглядом и сказал:

— Я считал, что Сталин бывал неоправданно жесток, но теперь сожалею, что он не успел выполнить свою миссию и расстрелять всех предателей социализма.

Фредерико — преуспевающий писатель из Сальвадора. Он левый. Он социалист. Он никогда не был в Восточной Европе, на Кубе или в Северной Корее, но уверен: те, кто отверг реальный социализм, преступники.

Фредерико несколько лет прожил в Германии, спасаясь от репрессий на родине. По его словам, ФРГ — гнусная страна, где нет настоящей свободы. Помимо немецкого, он свободно говорит по-английски и по-французски, но избегает европейцев и североамериканцев.

В поезде, который вез писателей, журналистов, издателей и художников из Мадрида в небольшой город Хихон на побережье Средиземного моря, вдохновенно пели «Интернационал», «Красное знамя» и другие популярные песни республиканцев времен гражданской войны в Испании.

Красная Астурия, шахтерская провинция на севере страны, верна своему революционному прошлому.

Европейцы и североамериканцы — в основном супружеские пары преклонного возраста, подтянутые джентльмены и стройные старушки, — видимо, сочли эти песни народными. Они неумело подпевали и с восторженным удивлением смотрели на астурийцев, которые умеренно пили красное вино, обнимали друг друга и вспоминали свою юность.

— Я и сейчас коммунист, — с гордостью сообщил мне молодой журналист из Мексики, чьи густые и длинные волосы были собраны сзади в косичку. — И ненавижу североамериканцев.

Он скорее анархист и очень уважает Троцкого.

Астурийцы, собравшиеся в поезде, родились уже после окончания гражданской войны, при Франко. Они при-

мерно одного возраста — поколение молодежной революции 60-х.

Три десятилетия назад в Испании не могло быть таких демонстраций и митингов, как в Париже, Западном Берлине или Риме. Зато у левой испанской молодежи был более осязаемый противник — диктатура генералиссимуса.

Спор под окнами «Дона Мануэля»

Споры о социализме продолжались и в самом Хихоне. Латиноамериканцы и испанцы спят долго, пьют утренний кофе, когда в некоторых других странах уже обедают. Дневная жара, которая в Хихоне смягчается легким бризом, вскоре возвращает их в постель. На обед и сиесту закрываются даже магазины. Полнокровная жизнь начинается после четырех вечера.

Вечерами более молодая часть населения города начинает обход увеселительных заведений. Ввиду обилия последних прогулка может затянуться до первых пелухов.

Путешествие такого рода совершенно безопасно даже для чужака. Собственно, чужаков в Испании и не бывает: каждый входящий в кафе, бар или дискотеку легко и непринужденно присоединяется к компании. Наутро случайного собутыльника могут и не узнать, но, пока продолжается вечер, ты — лучший друг и приятель.

Вечерами пожилая часть жителей рассаживается за столиками, выставленными по всей длине главной улицы города. Официанты картинно поднимают бутылку с сидром над головой и наполняют подставленные стаканы.

Льющееся тоненькой струйкой местное яблочное вино шипит и слегка пенится. Астурийцы никогда не выпивают свою порцию до дна, а остатком сидра прополаскивают стакан и передают соседу. Теплой мягкой ночью сидр располагает к долгим беседам. До самого утра через открытое окно в мою комнату в маленьком отеле «Дон Мануэль» доносились отголоски все тех же споров поколения 60-х.

Пако Тамбо Второй

Почему писатели любили собираться в Хихоне? Это родной город президента Международной федерации политического и детективного романа Пако Тамбо Второго. Пако невероятно энергичный человек и любитель кока-колы. Он пьет этот напиток литрами и иногда участвует в международных конкурсах, соперники в которых должны определить, в какой стране произведена та или иная бутылка кока-колы. Говорят, что некоторые конкурсы Пако выигрывает.

Его отец — Пако Тамбо Первый увез семью в Мексику, спасаясь от экономических трудностей захолустной франкистской Испании. В Мексике их жизнь устроилась. Младший Пако стал известным в испаноязычном мире писателем. Теперь он созывает в родной город писателей со всего мира, чтобы поговорить о детективах и политике.

На встречи с писателями приходило едва ли не больше людей, чем когда-то в городах и весях Советского Союза. Когда писатели встречались с публикой, один из них — немец — всегда был в шляпе. Сначала это казалось странным, потом оказалось, что писатель был прав — из-за шляпы его-то и запомнили лучше, чем других.

Пако Тамбо, не отрывающийся от бутылки с кока-колой, вспоминал:

— Мне было девятнадцать лет, когда полиция разогнала студенческую демонстрацию в Мехико. Лицо у меня было в крови, а книгу, которую я держал в руке, мне втоптали в грудь.

Ему вторил американец Гарри Купер, смуглый и пузатый, в мятых брюках:

— Моя литературная карьера началась в 1966 году, когда я стал выпускать в школе подпольную газету. Затем губернатор Рейган, будущий президент, исключил меня из Калифорнийского университета за участие в антивоенной деятельности. Для меня писательство всегда было лишь продолжением моей политической деятельности.

Дети Маркса и кока-колы

Молодежь 60-х презирала буржуазную, «западную» демократию. Она хотела заменить парламент демократией масс и Советами. На самом деле она укрепила то, против чего боролась.

Капитализм, который радикально настроенные молодые люди считали своим врагом и который хотели устранить, изменялся вместе с ними.

Настроенные антиамерикански, они в конечном счете помогли прорыву в Европу культурной стилистики Америки, культуры больших городов, либерализма и терпимости.

Они не имели ничего общего с социализмом, они лишь драпировались в его экзотические одежды. Они держались социалистического выбора потому, что прекрасно понимали: реального социализма в их стране не будет. Но их завораживал авангардизм, красивые жесты, бунтарская мудрость.

Они сражались с империализмом и капитализмом, не представляя себе, что враг современной цивилизации придет в ином обличье — терроризм, национализм, сепаратизм, этнические чистки.

Дети Маркса и кока-колы, они на самом деле хотели лишь усовершенствования того, что уже имели. Они верили, что вот-вот в закрома человечества будет свезен гигантский урожай, который позволит накормить всех нуждающихся.

Крутые парни

Раскованность молодежи 60-х была направлена против всего тяжеловесного и косного, формального и старообразного. Молодые люди считали себя, говоря современным языком, «крутыми» и незакомплексованными.

Отказ от мира взрослых начался с одежды. Именно этот эстетический выпад оказался самой большой провокацией. Они отказались от костюмов и галстуков, аккуратных платьев и пышных причесок. До этого невоз-

можно было представить, что девушки начнут носить не юбки, а брюки и джинсы.

Различия в одежде между мужчинами и женщинами стерлись настолько, что наметился некий гермафродитизм во внешнем облике современных молодых людей.

Считалось, что мужчины должны носить более короткие, а женщины более длинные волосы. До середины 60-х это правило казалось незыблемым. Прическа четырех музыкантов из «Битлз» воспринималась как вызов. Внезапно все переменялось. Исчезли такие слова, как «друзья» и «подружки». Все стали говорить о «партнерах» и «партнершах».

Молодежь 60-х добилась того, что отклонения в поведении и одежде, любые формы экстравагантности встречаются обществом с большей терпимостью. Кто четверть века назад мог предположить, что юноши станут носить кольца в ушах и в носу и это не вызовет удивления или протеста?

Они все еще верят

Для большинства людей 1968 года существовало только их собственное поколение, пролетариат и остальной мир. Они были не столько единомышленниками, сколько сверстниками. Тех, кто был старше, списали. Тех, кто был младше, не принимали в расчет.

Они и поныне, будучи пятидесятилетними, считают себя молодыми и полагают, что никогда не состарятся. Их вера в себя опирается на наивную гордость тем, что они владеют теоретическим достоянием, недоступным остальному миру. Они все еще верят, что мир можно изменить революцией.

Мир социализма, государства пролетариата были необходимы им как фон, на котором они так выигрышно смотрелись. После поражения реального социализма все, что было дорого бунтовщикам, ушло в прошлое. Огонь, который разожгли люди 1968 года, угас.

Но они не могут забыть о своем славном прошлом. Они впервые заставили говорить о себе как о политической

силе в 1960 году, когда японские студенты, продемонстрировав ярость и напор, сорвали визит американского президента Дуайта Эйзенхауэра в Токио. А затем взорвались южнокорейские студенты, которые заставили уйти в отставку своего президента Ли Сын Мана.

В начале 60-х начались волнения и в студенческой среде Западной Европы и Северной Америки. Тогда же их стали называть «новыми левыми». Этот термин придумал американский социолог Чарлз Райт Миллс, который написал работу под названием «Письмо новым левым». Но эти люди, которые когда-то с красными знаменами выходили на улицу и строили баррикады, повзрослев, вернулись домой и устроили себе благополучную жизнь. Они с ностальгической тоской вспоминают ушедшую молодость и устраивают «круглые столы» на тему: «От красного флага — к черному роману».

Глава 7

МЕЩАНСКОЕ СЧАСТЬЕ, ИЛИ ТЕРРОРИСТЫ НА ПОКОЕ

«Фракция Красной армии» продолжала действовать и после смерти ее вождей. Но она уже не представляла такой опасности. Постепенно политический террор в ФРГ был подавлен.

Немецкий опыт показал, что борьба с террором требует высокой квалификации. Немецкие террористы, казавшиеся неуловимыми, стали попадаться один за другим после того, как уголовная полиция ФРГ создала современный, оснащенный мощными компьютерами центр, обзавелась необходимой техникой и разработала современную тактику борьбы с террором.

Вечерние посиделки в немецкой контрразведке

Через несколько лет после того, как лидеры террора отправились в тюрьму, в Федеральном ведомстве по уголовным делам мне показали лишенное окон и оборудо-

ванное кондиционерами помещение, где в случае необходимости заседает антитеррористический штаб. Оливково-зеленый рабочий стол для заседаний длиной в пятнадцать метров, несколько телефонов, ряды стульев, экран для проектора и видеомагнитофоны...

Под землей находится бомбоубежище с автономной системой обеспечения электроэнергией, криминалистической лабораторией, компьютерами, помещениями для пребывания высокопоставленных гостей, например генерального прокурора, и даже с собственной кухней для поддержания сил в дневное и ночное время. Здесь сосредоточена лучшая информационная и криминалистическая техника, которая только есть в Европе.

Между прочим, основные подразделения Ведомства по уголовным делам находятся в Висбадене, неподалеку от казино, в котором играл Федор Михайлович Достоевский.

Ключевую роль в борьбе с терроризмом сыграла немецкая контрразведка — ведомство по охране конституции, которое занимается противодействием шпионажу, терроризму, правому и левому экстремизму.

Федеральное ведомство по охране конституции получило под Кельном самое совершенное здание, которое имеет госбезопасность на Западе. Семь этажей, пять внутренних двориков. Широкий защитный пояс с видеокамерами и пуленепробиваемыми будками для сторожей.

После четырех часов дня в огромном здании Ведомства по охране конституции — так называется немецкий комитет госбезопасности — безраздельно царствуют уборщицы. Шествуя по залитым ослепительным светом молочно-белым коридорам, они очищают кабинеты от несекретного мусора. Немецкая госбезопасность работает без сверхурочных.

Разговаривали мы в стандартной комнате с белыми крашеными стенами. На стол был водружен белый же кофейник. Сотрудник отдела по работе с общественностью подкрутил кран отопления, но было прохладно.

Сотрудник отдела по борьбе с терроризмом был очень представительен и авторитетен: серый костюм, белая рубашка, круглые очки в металлической оправе.

— Разница между полицией и нашим ведомством состоит в том, что полиция расследует уже совершенные преступления, а мы стараемся предотвратить совершение преступлений, — объясняют немецкие контрразведчики.

Ведомство по охране конституции утверждает, что восемьдесят процентов информации оно получает из открытых источников. Остальные двадцать процентов добываются путем вербовки агентуры, тайного наблюдения, секретного фотографирования, подслушивания телефонных переговоров и перлюстрации переписки. Правомерность каждой такой операции изучается затем специальной комиссией бундестага.

Если же ведомство выясняет, что кто-то из членов радикальной организации совершил уголовно наказуемое деяние, то передает на него материалы в полицию. Ведомство по охране конституции не имеет права проводить аресты, обыски и вести следствие. Немецкое общество не хочет искушать всевластием даже самых преданных своих защитников.

Его сотрудники в силу профессиональной подозрительности исходят из того, что под каждой овечьей шкурой обязательно прячется волк. Но успехи немецких правоохранительных органов очевидны.

Старшее поколение террористов из «Фракции Красной армии» и из «Революционных ячеек» в основном сидит в тюрьме. Из нового поколения заметнее других «Ячейки антиимпериалистического сопротивления». Но они уже не так опасны.

Нынешние левые террористы занимаются террором в свободное от работы время. Они не такие профессионалы, какими были «красноармейцы». Много дискутируют, много пьют пива и пишут длинные письма непонятного содержания. Каждые полгода они пытаются что-нибудь взорвать. Обычно в вечернее время или по выходным. Нападают на чиновников невысокого ранга. Поэтому к «ячейкам» плохо относятся террористы старшего поколения, они считают, что молодежь их позорит.

После объединения Германии на территории бывшей ГДР тоже появились крайне левые. Они объединились в «Бригаду имени Розы Люксембург новой Народной армии

ГДР». Об этом мне рассказывали в Ведомстве по охране конституции земли Бранденбург.

— Сейчас эти люди в западной части Германии увидели, что их ожидания не сбылись, история пошла иным путем, — говорил Йорг Милбрадт, который руководит отделением по борьбе с правым и левым экстремизмом. — Теперь эти настроения появились в Восточной Германии. Пока особой опасности они не представляют.

Самое опасное, по мнению немецких контрразведчиков, состоит в том, что немецкие ультралевые налаживают сотрудничество с исламскими террористическими группировками. Таких групп в Германии четырнадцать. Они объединяют примерно двадцать тысяч человек. Они пользуются поддержкой Ирана, Алжира, палестинцев. Всего в ФРГ живет два миллиона из шести миллионов европейских мусульман.

Идет исламизация турок, которые прежде были вполне светскими. Появились члены организации «Братья-мусульмане».

Ведомство по охране конституции считает, что все официальные представители Ирана в Германии (работающие в посольстве, консульстве, торговых бюро) занимаются пропагандой идеи аятоллы Хомейни. Тем же занимается «Исламский центр в Гамбурге»: это идеи экспорта исламской революции.

Но это мы забежали далеко вперед, а в 80-е годы многие террористы исчезли бесследно, и в ФРГ долго не могли понять, где же они скрываются...

Палец со шрамом

В 1983 году молодая женщина по имени Ева обосновалась в небольшом городке-спутнике Дрездена, в маленькой однокомнатной квартирке. Ее устроили на работу в типографию «Дружба народов».

У Евы была крохотная зарплата, но она разъезжала на советской «Ладе» и сразу же получила квартиру. Удивленным соседкам Ева объяснила, что она почти что политэмигрантка, — ей пришлось из-за симпатий к социализму

покинуть ФРГ, где она родилась, и искать убежище в социалистической ГДР. Но кое-какие деньги на обустройство она привезла из ФРГ.

Осенью 1983 года Ева дала объявление в местной газете: «Ищу подругу для пеших прогулок с целью совместного проведения времени». На объявление, правильно истолковав его смысл, откликнулась ее ровесница Рената, злоупотреблявшая алкоголем и столь же равнодушная к мужчинам.

Позднее Рената расскажет: «Мы любили друг друга в течение четырех лет, виделись почти каждый день, спали вместе».

Во имя новой любви Рената даже сумела ограничить себя в выпивке. Отпуск и выходные дни они проводили в экскурсиях, которые организовывала женская туристическая группа дрезденского комбината «Роботрон». Ева всех фотографировала, пленки они проявляли вместе с Ренатой в ее ванной комнате.

В подвале на железнодорожной станции в Дрездене находился тир «Общества содействия развитию спорта и техники». Рената занималась здесь стрельбой и однажды привела Еву. Та становится постоянной посетительницей тира, получает членский билет спортивного общества, в который регулярно клеивает марки об уплате членских взносов. Она стреляет из советской малокалиберной винтовки, но ее успехи невелики.

Зато когда тренер дал Еве пистолет, то увидел, что она обращалась с ним так, словно знала его назубок. Ей ничего не надо было показывать и объяснять.

Тренер и не предполагал, что Ева так же умело обращается и с другими видами оружия, например с ручными противотанковыми гранатометами советского производства, которые «красноармейцам» поставляли палестинцы.

Счастье Ренаты и Евы оказалось недолгим.

Осенью 1985 года одной из сотрудниц типографии, где работала Ева, попался в руки экземпляр западногерманского журнала «Штерн» с фотографией разыскиваемой полицией террористки Инге Витт. На этой фотографии Инге Витт была как две капли воды похожа на Еву из типографии «Дружба народов».

Журнал передавали из рук в руки, чтобы познакомиться с боевой биографией Инге Витт.

В начале 70-х она вошла в террористическую организацию «Движение 2-го июня», потом перешла в «Фракцию Красной армии», которую больше знают как «группу Баадера—Майнхоф».

Инге Витт обвинялась минимум в четырнадцати тяжелых преступлениях. Она участвовала в убийстве президента западноберлинской судебной палаты Гюнтера фон Денкмана, в похищении председателя берлинского Христианско-демократического союза Петера Лоренца, в похищении венского промышленника Михаэля Пальмера. В 70-е годы дважды бежала из тюрьмы.

Витт, считали эксперты, самоуверенна, талантлива как организатор. В 1981 году тяжело ранила полицейского, который пытался остановить ее за то, что она в Париже ехала на мотоцикле без шлема.

По типографии поползли слухи: новенькая, Ева, на самом деле террористка из ФРГ. Это объясняло ее упорное нежелание фотографироваться вместе с товарищами по работе и постоянные поездки в Берлин.

Ева все опровергала, и Рената верила своей подружке. Но окончательный удар их отношениям был нанесен ревностью. Прежняя, брошенная любовь Ренаты съездила в ФРГ и на плакате среди других разыскиваемых преступников узнала Еву. Кроме того, на плакате была фотография правого указательного пальца Инге Витт со шрамом.

Вернувшись домой, она пришла к Ренате, где застала ее вместе с Инге Витт, и спросила счастливую соперницу:

— У тебя есть шрам на правом указательном пальце?

Витт побелела как мел.

Бывшая подруга сказала Ренате:

— Ты живешь вместе с убийцей!

Но Рената по-прежнему любила Инге Витт. Она выгнала из квартиры прежнюю любовницу. Ночью в постели Инге призналась Ренате: да, она убивала полицейских, но во время демонстраций, чтобы спасти товарищей от преследований, дубинок, слезоточивого газа и тюрьмы.

Садоводы-любители

Инге Витт пришлось сменить квартиру. Она продала мебель, а цветной телевизор подарила своей подруге. В лесу они вместе сожгли пленки и снимки, на которых была изображена Витт.

— Я перееду в Берлин, — обреченным тоном сказала Витт, — а оттуда в Йемен.

Она действительно покинула город. Рената продолжала получать от нее любовные письма, правда, без обратного адреса.

21 марта 1987 года, в день рождения Ренаты, Инге тайно ее навестила и принесла в подарок связанный ею самой пуловер. Рената вспоминала: «В тот раз мы виделись и любили друг друга в последний раз».

Министерство государственной безопасности не отпустило Инге Витт в Йемен, а придумало ей новую биографию — теперь она Ева Шнель, которая родилась в Москве, вдова. Ей поручают заниматься детскими лагерями отдыха на комбинате тяжелого машиностроения имени Карла Либкнехта в Магдебурге.

Но и эта крыша оказалась ненадежной. Место, которое она заняла, было обещано другому человеку, и коллеги встретили Инге в штыки.

Они с удивлением отметили, что новенькая позволяет себе командным тоном разговаривать с начальством, непонятным образом сразу же получила двухкомнатную квартиру, и в нарушение всех законов социалистического общества к ней немедленно явились мастера, чтобы привести квартиру в порядок.

Инге, правда, пыталась подружиться с коллегами. Она подрабатывала помощником осветителя в кабаре и доставала билеты для всего отдела.

Она сменила четыре машины за два года, что было вовсе непостижимо для соседей. Инге в порядке очереди моет общую лестницу, но кое-как и сухой тряпкой, что еще больше раздражает соседей.

Любвеобильная Инге нашла себе новую подругу. Это была пятидесятилетняя директриса гимназии — она замужем, у нее взрослый сын, но семейного счастья нет. Вдво-

ем они возделывали крохотный садовый участок. Между посевами картофеля, салата и помидоров появился автомобильный прицеп — приют любви с оранжевыми занавесками на окнах.

Последний день на свободе

Когда осенью 1989 года началось крушение социализма в Восточной Германии, Инге Витт вовсе не была этому рада.

В заводской многотиражке «Мотор» она дала отповедь противникам партии:

«Меня воротит с души от вас... Ваша мелкотравчатая глупая политика использования народного гнева для целей, которые никому не ясны по-настоящему, полностью игнорирует реальные проблемы обновления... Что случилось с нашими трудящимися? Они что, потеряли рассудок?»

Последний день на свободе она провела вместе с подругой, школьной директрисой. Они вдвоем поехали на День учителя в Гарц. Инге представили как «вдову, которой трудно живется». Она действительно плохо выглядела, казалась усталой и утомленной. Новым знакомым она рассказывала, что теперь, после крушения ГДР, намеревается открыть пиццерию под Магдебургом.

Вернувшись в Магдебург, она пошла вместе с подругой к себе домой, чтобы вместе провести ночь. Возле дома ее ждала полиция...

Они хотели простой и спокойной жизни

Заключительная глава в истории целого поколения западногерманских «красноармейцев» оказалась трагикомической.

Не было ни одного плаката о розыске опаснейших немецких террористов с надписью: «50 тысяч марок вознаграждения!» — на котором не было бы их фотографий, а они были неуловимы, как фантом.

Немецкую полицию постоянно сбивали с толку ложными сообщениями о том, что кого-то из «красноармейцев» видели в Дамаске, а кого-то в Нью-Йорке, что они готовятся к новым акциям и запасаются оружием и взрывчаткой. На самом деле почти все они были в ГДР.

Они отправились в Восточную Германию не за помощью в революционной борьбе, не для того, чтобы пересидеть трудное время и вновь нанести удар по западногерманскому империализму, а в поисках спокойной и простой жизни, которой они сами себя когда-то лишили, решив заняться террором.

Криминалистам пришлось отказаться от привычного тезиса, что «красноармейцы» опасны всегда, что они меняют страны, но не прекращают борьбы.

Террористы, вселявшие ужас в западных немцев, превратились в обычных граждан, их интересовали только личное счастье, работа, дом, душевный покой.

Как они попали в ГДР?

Некоторые немецкие террористы попытались получить помощь от социалистических соплеменников еще в начале 70-х годов, но безуспешно. Руководители социалистической части Германии не знали, как им относиться к левым террористам. С одной стороны, они поддерживали всех борцов против Федеративной Республики, с другой — формально осуждали террор как немарксистскую форму борьбы.

В 1973 году с фальшивыми документами попытался въехать в ГДР Бомми Бауман, основатель террористической группы «Движение 2-го июня». Его без шума арестовали, поместили в следственную тюрьму министерства государственной безопасности и долго допрашивали. Немецкие чекисты интересовались внутренним положением во «Фракции Красной армии» и в «Движении 2-го июня». Через три месяца его выпустили, дали пятьдесят марок, минуя собственный паспортный контроль, вывели через замаскированную под обои дверь в западную часть вокзала Фридрихштрассе в Берлине, и он вернулся в ФРГ.

«В то время они нас не выдавали, но и не оказывали настоящей поддержки», — вспоминает Бомми Бауман.

В середине 70-х годов один посредник поинтересовался в Восточном Берлине, не примет ли ГДР основателей западногерманского левого терроризма Ульрике Майнхоф, Гудрун Энслин и Андреаса Баадера. Руководители социалистического государства ответили отказом. В Восточном Берлине соглашались принять одну только Майнхоф, обменяв ее на арестованного западного агента, да и то только потому, что она когда-то состояла в компартии Западной Германии.

Только в тех случаях, когда немецкие террористы отправлялись к палестинцам, они могли на несколько часов вступить на землю ГДР. Но палестинцам всякий раз приходилось предупреждать МГБ, что они действительно ждут немецких друзей в гости.

Из Западного Берлина «красноармейцы» перебирались в Восточный и садились на самолет в аэропорту Шёнефельд. Они предъявляли фальшивые документы одной из арабских стран, но бдительные пограничники ГДР были предупреждены и хладнокровно штамповали липовые бумажки.

Один из террористов рассказывал потом:

— Доходило до гротеска. У нас были арабские паспорта, но мы несколько не были похожи на арабов. У одной из женщин в нашей группе был соломенно-белый парик. Но пограничники ГДР ни на что не обращали внимания.

ГДР согласилась принять и спрятать террористов только с тем условием, что они больше никогда не станут участвовать в боевых акциях. Восточная Германия сильно зависела от займов и кредитов, предоставляемых ФРГ, и не хотела портить отношения с Бонном...

В четверг 13 октября 1977 года в Багдаде встретились самые опасные немецкие террористы.

Они прилетели в Ирак через социалистические страны. Кое у кого были сложности из-за поддельных документов, как, например, у одной супружеской пары, летевшей через Белград. Те, кого задерживали, просили пограничников позвонить по телефону и называли номер соответствующей разведслужбы.

Разведка, в свою очередь, связывалась с палестинцами. Если те подтверждали, что немцы летят по их заданию, то вопросов больше не было.

Паспорта забирали, оружие оставляли

В Багдаде у немцев фальшивые паспорта забирали, но багаж, в том числе оружие и спиртное, пропускали беспрепятственно.

Молчаливые сотрудники иракской службы безопасности долго возили террористов по городу, пока не убедились в том, что пассажиры окончательно потеряли всякую ориентацию, и тогда доставляли к двухэтажному зданию с террасой на крыше, которое принадлежало Народному фронту освобождения Палестины — самой радикальной из палестинских террористических организаций. Фронт тогда пользовался покровительством Ирака.

Дом был обставлен по-спартански: стальные, армейского образца письменные столы, зал для собраний. Спать предстояло на простых матрасах. Хорошо оборудована была только лаборатория, где подделывали документы.

Товарищей не очень радовала возможность повидать друг друга. Атмосфера была нервная, агрессивная.

Главная цель встречи — решить, что делать с членами организации, которые перестали быть надежными.

Самой ненадежной признали Сюзанну Альбрехт.

Обычно взъерошенная, в джинсах и сабо, какой ее изображали на плакатах, она преобразилась в хорошо одетую женщину с прекрасной прической. Но она была потеряна для группы.

«Старушка не годится даже на то, чтобы принести хлеба» — таково было общее мнение.

Тяжело стрелять в друзей

За два с лишним месяца до встречи в Багдаде Сюзанна Альбрехт, дочь известного адвоката, участвовала в попытке похитить президента Дрезденского банка Юргена Понто.

Ее втянули в операцию, объяснив, что украсть Понто совершенно необходимо, — это единственная возможность

добиться освобождения из тюрьмы руководителей «Фракции Красной армии», прежде всего Андреаса Баадера.

Ее уговаривали целыми днями, убедив в том, что все пережитки буржуазной морали должны быть забыты. Боясь, что любые колебания могут быть сочтены предательством, Сюзанна не сумела уклониться от исполнения этого задания.

30 июля 1977 года с букетом красных роз Сюзанна стояла перед виллой Юргена Понто, студенческого друга ее отца.

Сюзанну прекрасно знали в доме банкира, и дверь перед ней и ее спутниками гостеприимно распахнулась, поскольку она по телефону предупредила о своем приходе.

Когда их впустили, два ее спутника выхватили оружие. Но Понто не испугался, а неожиданно для всех стал сопротивляться. Раздалось пять выстрелов. Понто был смертельно ранен в шею и спину. Он скончался в больнице.

Сюзанна была потрясена тем, что вместо похищения произошло убийство. Террористы поняли, что ее больше не удастся использовать. Через два дня после убийства Понто ее посадили в поезд, чтобы вывезти из района поиска и спрятать в Голландии. Она безостановочно рыдала. Сопровождавший ее террорист скажет позднее: «Мне и самому стало жутко».

Сюзанну укрыли в Южном Йемене.

Уже в Багдаде двое террористов, которые сами подумывали о том, что пора остановиться, во время совместного дежурства на крыше — все боялись внезапного нападения израильских агентов — пришли к выводу, что Сюзанна слишком чувствительна и слишком много сомневается, чтобы вынести будни террористов: избалованная девушка из привилегированной семьи, заблудившаяся в подполье.

Но не она одна ощущала безвыходность ситуации.

«Мы выходим из игры»

Период первоначальных успехов, когда власть не знала, как отвечать на террористические акции, быстро закончился.

5 сентября 1977 года отряд «Фракции Красной армии», действовавший под названием «Коммандо Зигфрида Хаузнера», похитила крупного промышленника и президента Союза предпринимателей Ханса Мартина Шляйера. «Красноармейцы» убили его водителя и троих полицейских. В обмен на возвращение Шляйера похитители потребовали выпустить сидевших в западногерманских тюрьмах одиннадцать руководителей «Фракции Красной армии», Похищение Шляйера ничего не принесло. Террористы были уверены, что буржуазное государство пойдет на любые уступки после того, как столь видный представитель капитала, как Шляйер, окажется в их руках. Но все получилось по-другому. Государство наотрез отказалось вступать с террористами в переговоры. В результате «красноармейцы» убили и Понто, и Шляйера, то есть превратились в уголовных преступников.

В октябре 1977 года четверо палестинцев, называвших себя «Коммандо имени Халимеха», угнали пассажирский самолет «Люфтганзы», летевший с Майорки во Франкфурт, и посадили его на Кипре. Они повторили требование похитителей Шляйера и еще потребовали освободить двух задержанных в Турции палестинцев, а также пожелали получить пятнадцать миллионов долларов выкупа. С Кипра они перелетели в Йемен, и в аэропорту Адена для острастки застрелили пилота.

В ночь на 17 октября самолет перелетел в Сомали, в Могадишо. В следующую ночь спецотряд пограничных войск ФРГ штурмом взял самолет, трое террористов были убиты.

Оставшуюся в живых террористку судили в Сомали, приговорили к двадцати годам заключения, но через год выпустили, и она вернулась в Бейрут. В 1992 году она переселилась в Норвегию. Но к тому времени власти ФРГ почти закончили ликвидацию «Фракции Красной армии» и собрали достаточное количество доказательств, чтобы потребовать ее выдачи. Власти Норвегии выдали ее ФРГ.

В ноябре 1996 года ее приговорили к двенадцати годам заключения за соучастие в убийстве пилота «Люфтганзы». Пассажиры вспоминали, что она показалась им самой

жестокой из всех террористов, захвативших самолет. Когда пилота убили, она смотрела на его труп и с аппетитом ела яблоко...

На следующий день после того, как немецкий спецназ освободил захваченный самолет, руководители «Фракции Красной армии», приговоренные к пожизненному заключению, увидев, что освобождения им не дожидаться, покончили с собой в тюрьме.

Все это вызывало безграничное разочарование среди оставшихся на свободе террористов. Во время встречи в Багдаде они раскололись на две группы. Одна желала выйти из игры. Другая была готова продолжать борьбу. Обсуждался план «финальной акции» — взорвать Хайдельбергский замок, когда там будет проходить бал офицеров американской армии. Но они не хотели начинать подготовку к такому сложному делу, пока рядом были люди, которым уже нельзя доверять.

Народный фронт освобождения Палестины сначала разместил немецких террористов, не желавших больше сражаться, в своих лагерях в Сирии и Южном Йемене. Но там долго оставаться было нельзя. Обсуждалось несколько вариантов: пожелавших выйти из игры можно было отправить в Мозамбик, Анголу, Никарагуа, на Кубу, в любое место, где правили товарищи по совместной борьбе против империализма.

Выбрали ГДР. Во-первых, немцам там будет проще. Во-вторых, руководитель боевых операций Народного фронта освобождения Палестины Вади Хаддад налаживал хорошие контакты именно с восточными немцами.

Политбюро заседало по вторникам

Сначала отколовшихся отвезли в Париж, где у «Фракции Красной армии» была база и мастерская для изготовления документов. Бывших соратников держали почти как заключенных — под охраной и без оружия. Потом через Чехословакию переправили в Восточный Берлин.

Вопрос о приеме каждого из террористов решался по вторникам, когда в Восточном Берлине заседало полит-

бюро ЦК Социалистической единой партии Германии. После обеда на втором этаже мрачного облицованного мрамором здания ЦК СЕПГ встречались два пожилых человека. Одним из них был Эрих Хонеккер, генеральный секретарь ЦК СЕПГ и председатель Государственного совета ГДР. Другим — генерал армии Эрих Мильке, член политбюро и министр госбезопасности.

После заседания политбюро они всегда оставались вдвоем, чтобы обсудить наиболее секретные и щекотливые проблемы.

Беседа проходила за тройным кордоном охраны — первая охраняла подъездные пути к зданию, вторая — вход в ЦК, третья — этаж, на котором сидели самые главные члены политбюро. Получив согласие Хонеккера, Мильке разрешил своим подчиненным принять бывших террористов.

Когда они пересекли границу ГДР, их взяло под свое крыло министерство государственной безопасности.

Опекал бывших «красноармейцев» специальный отдел министерства государственной безопасности ГДР из сорока человек, которым служебной инструкцией вменялось в обязанность заниматься «оперативной разработкой левозэкстремистских организаций, и в том числе занимающихся международным терроризмом».

КГБ СССР и МГБ ГДР всегда боялись, что в один прекрасный момент террористы повернут оружие против социалистических стран, и поэтому их подробно допрашивали. После того как сотрудники МГБ выкачивали из них всю информацию, начиналось их устройство в новой жизни.

В распоряжении МГБ находилось бывшее поместье, которое основательно перестроили. Пруд превратили в бассейн. Конюшню — в гараж. В подвале сделали баню, бар и спортзал с тренажерами. Здесь с бывшими террористами обсуждали все детали будущей жизни: придумывали им биографии, готовили новые документы, подбирали работу и жилье.

Им назвали номера телефонов, по которым они могли позвонить и попросить о чем угодно, но они быстро освоились и перестали нуждаться в опеке.

Некоторые опасения насчет возможной агрессивности террористов, которые были у политбюро ЦК СЕПГ, быстро развеялись. «Красноармейцы» напрочь забыли свою прошлую жизнь. У офицеров МГБ, которые присматривали за ними, была только одна забота: как бы их подопечных не раскрыли.

Родители-реакционеры и несчастная дочь

Сюзанну Альбрехт пристроили лаборанткой на кафедре иностранных языков в Высшем инженерном училище в Лейпциге. Коллегам объяснили, что она приехала из ФРГ. Она говорила, что родители-реакционеры выгнали ее из дома, а найти работу на родине она не сумела.

Ей дали возможность сдать экзамены в Лейпцигском университете имени Карла Маркса и стать преподавателем — к неудовольствию коллег, которые сами рассчитывали на это место. Она держалась замкнуто и старалась быть незаметной. Но внешне казалась заносчивой.

Такой она была с самого детства. Сюзанна родилась в семье известного гамбургского юриста, специалиста по морскому праву и члена городского совета Гамбурга от Христианско-демократической партии.

Она училась в педагогическом институте, где вовлеклась в экстремистскую деятельность и познакомилась с будущими террористами из «Фракции Красной армии». Однокурсницы считали ее своенравной и безапелляционной.

Склонная к независимости, она променяла прекрасную квартиру со всеми удобствами, подаренную ей родителями, на некомфортабельное жилье без туалета, чтобы поселиться вместе с двумя девушками, которые приведут ее к терроризму...

Оказавшись в ГДР, она уже не так презирала комфорт и жизненные блага. Скорее наоборот, наравне со всеми женщинами социалистической Германии она сражалась за свое маленькое личное счастье.

Лососина и икра забыты

В Лейпциге она познакомилась с молодым научным работником Клаусом Бекером, членом Социалистической единой партии Германии и поклонником лидера палестинцев Ясира Арафата. Они поженились. Но всей правды о Сюзанне не знал даже ее муж. В 1984 году у них появился сын, которого назвали Феликсом.

По указанию министерства госбезопасности им предоставили трехкомнатную квартиру площадью шестьдесят восемь квадратных метров с ванной и раздаточным окошком в кухне, через которое можно подавать обед в столовую.

Сюзанна быстро освоилась в социалистическом государстве. По пятницам она вместе с другими домохозяйками сокрушалась в магазине, если мясо, которое она планировала купить на выходные, уже кончилось.

Слишком мелкий и слишком зеленый крыжовник тоже не радовал женщину, которая тринадцать лет назад покинула свою преуспевающую семью в Гамбурге со словами, что лососина, икра и прочая буржуазная роскошь больше не лезут ей в горло.

В 1987 году по западногерманскому телевидению, которое могли смотреть и восточные немцы, прошел документальный фильм о терроризме. Коллегам Сюзанны по Высшему техническому училищу показалась знакомой фотография разыскиваемой преступницы. О ней стали шептаться. Одна из преподавательниц съездила к родственникам в ФРГ и увидела полицейский плакат с фотографией Сюзанны. Она прихватила его с собой.

Это кончилось тем, что преподавательницу вызвали в окружное управление государственной безопасности, где попросили не клеветать на честного преподавателя. Руководитель кафедры должен был на собрании еще раз подтвердить, что Сюзанна не террористка. Тем не менее она решила переехать в Дрезден под тем предлогом, что климат Лейпцига вреден для маленького сына.

На самом деле она отправилась в Москву, вместе с мужем работала в Объединенном центре ядерных

исследований в Дубне. Они вернулись в Берлин в самый неудачный момент — накануне падения ГДР. Когда Германия стала единой, ее разыскали и арестовали.

Карьера диспетчера

Один из бывших террористов нашел «не лишенным логики и глубокого комизма то, как помещански бывшие революционеры организовали свою жизнь в ГДР. Они ведь и были помещанами».

Чем занимались другие бывшие террористы? Один работал водителем, другая — медсестрой, третий — врачом-наркологом, четвертый был мастером на заводе.

Они завели детей, учились, добивались повышения по службе. Террорист, которого боялась целая страна, терпеливо ждал момента, когда из рядового диспетчера он станет старшим диспетчером, вечером выпивал бутылку пива с соседом и наслаждался жизнью вместе с женой в двухкомнатной квартире в скучном блочном доме.

Террористку, разыскиваемую по обвинению в убийстве американского солдата, устроили фотолаборанткой на комбинат бытовых услуг. Ее муж, встречи с которым тоже жаждала западногерманская полиция, работал на картонажном комбинате.

Они не могли толком объяснить, как они попали в Восточную Германию, и соседи считали их отслужившими свой срок шпионами. Бывшие террористы принадлежали к тем немногим гражданам ГДР, которым эта страна нравилась.

«Это были мои лучшие годы»

Вернер Лотце, который 24 сентября 1978 года застрелил полицейского в Дортмунде, через два года решил покончить с террором и вышел из «Фракции Красной армии». Ему тоже позволили укрыться в Восточной Германии.

В ГДР он стал водителем, а когда заочно закончил химический институт, получил назначение начальником смены на заводе. Много позже Лотце подробно рассказал о том, как он стал «красноармейцем»:

— Мое вовлечение в политику началось с демонстрации против войны во Вьетнаме. Я начал интересоваться марксизмом-ленинизмом, потому что воспринял войну во Вьетнаме как схватку империализма и социализма.

Я рассматривал ФРГ как империалистическое государство, чье благосостояние покоится на разграблении стран третьего мира. Западногерманское общество я воспринимал как безнравственное. Не только государственные структуры в моих глазах совершали преступление, но и население, принимавшее это богатство как должное.

Многие во «Фракции Красной армии» говорили мне, что соскользнули к террору и взялись за оружие, потому что у них не оставалось иного выхода. Я же осознанно пришел к выводу, что государство нужно опрокинуть его собственными методами.

В сентябре 1978 года во время тренировочных стрельб под Дортмундом нас накрыла полиция. Я стрелял, двое полицейских были ранены, один позднее умер.

Мы обсуждали, что произошло, и пришли к выводу, что действовали правильно. Иначе опять были бы арестованы люди из группы, и осталось бы меньше бойцов.

Но я не мог заставить себя мыслить категориями: всякий полицейский — враг, следовательно, я должен его застрелить. Угрызения совести все равно остаются.

Я решил, что выйду из группы. Я сдал оружие и остался один на конспиративной квартире. Группа искала для меня страну, куда бы я мог эмигрировать. Предполагалось, что это станет Албания. Но потом я решил вернуться в группу.

Меня послали в Южный Йемен, в тренировочный лагерь. А в марте 1979 года я принял участие в нападении на банк. В лагере мне показалось, что я преодолел противоречие между высокой целью и сомнительными средствами. Но во время налета на банк был убит один человек, и у меня вновь возникли моральные проблемы. И все же через месяц я опять принял участие в ограблении банка.

В сентябре 1979 года я все же решил покинуть группу. Я так и не мог найти оправдание своим действиям, пока не понял, что такого оправдания в принципе не существует.

У меня появилась возможность уехать в какую-нибудь социалистическую страну и участвовать там в строительстве социализма — в Мозамбик, Анголу... Потом мне предложили поехать в Восточную Германию. Мы были рады: ГДР была социалистической страной, которая избрала верный путь, где существует интернационализм, социальное равенство, где всем обеспечены право на работу, на образование.

Десять лет в ГДР были моими лучшими годами. О таком обществе я мечтал, когда вступил во «Фракцию Красной армии». Я рассматривал свою работу как вклад в дело социализма, и крушение ГДР было моим собственным поражением...

Его жена Кристиана Дюмляйн, которая тоже вышла из «Красной армии», работала секретаршей на одном с ним заводе. Она подрабатывала тем, что шила, и доверительно говорила изумленным соседкам, мечтавшим уехать на Запад:

— Мы уехали из ФРГ, потому что искали социальной безопасности, потому что хотели завести общего ребенка. Он должен иметь прекрасное будущее, а это возможно только при социализме.

В 1982 году у них родилась дочь. Вернер Лотце занимался академической греблей в добровольном спортивном обществе народной полиции и вел такую же жизнь, что и миллионы граждан ГДР. После объединения Германии прошлое настигло его в образе полицейских, которые предъявили ему ордер на арест...

Террористы уютно устроились в ГДР. Они, которые когда-то пытались взрывчаткой и автоматами отбить у молодежи желание ходить на танцы и вообще вести буржуазный образ жизни, охотно танцевали во время летних вылазок на природу вместе со всем коллективом, дисциплинированно платили профсоюзные взносы, ко всем праздникам социалистической республики вывешивали флаг с молотом и циркулем из окна и мыли общественную лестницу в точном соответствии с предписаниями плана по уборке общественного жилого фонда.

У них появились дети, они отмечали новоселье пивом и шнапсом с товарищами по работе.

Они почти ничем не отличались от остальных жителей ГДР. Разве что стремились к уединению, отмалчивались, когда им задавали вопросы о прошлом, и не подавали заявлений на посещение родственников в Западной Германии, где их днем с огнем искала вся полиция ФРГ.

Глава 8

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШАКАЛА

После того как романтики террора либо погибли в перестрелках с полицией, либо покончили с собой в тюрьме, либо ушли на покой, их место заняли профессионалы.

Наверное, самым знаменитым среди них был перебравшийся в Европу из Латинской Америки террорист по имени Карлос. Образование он получил в Москве.

Карлос часто вспоминал потом о Москве, с видимым удовольствием объясняя соратникам по борьбе разницу между черной и красной икрой. Он жаловался на то, что его вышвырнули из Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы за пустяшное дело. Пока существовала советская власть, он повторял, что хотел бы вернуться в Москву. Верил, что в Советском Союзе может спокойно обосноваться. В арабском мире он не чувствовал себя в безопасности.

Как и в истории с Ли Харви Освальдом, стрелявшим в Джона Кеннеди, пребывание в Москве послужило основой для предположений о том, что Карлос был завербован КГБ и всегда работал на Советский Союз.

Конечно, неплохо было бы просмотреть отчеты подразделения КГБ, обслуживавшего университет, — не встречается ли там имя венесуэльского студента Ильича Санчеса Рамиреса, но сомнительно, что московские чекисты сумели разглядеть в юном плейбое и бонвиване будущего хладнокровного террориста.

В то время это был полноватый приветливый юноша, безбородый, с пухлыми щеками, любивший хорошо поесть и погулять с хорошенькими девушками.

В 1968 году Карлоса приняли в Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, потому что этого захотел его отец. Карлос происходил из семьи с давними революционными традициями. Его дедушка участвовал в венесуэльской революции 1899 года. Его отец Хосе Аллаграсия Санчес, марксист и миллионер, разбогатевший на сделках с недвижимостью, назвал троих сыновей Владимиром, Ильичом и Лениным.

Карлос родился в 1949 году. Он был похож на свою круглолицую мать, и в детстве его дразнили «толстяком». Будущий террорист рос домашним революционером с трудно скрываемой склонностью к роскоши. Возможно, он так и остался бы салонным революционером, но отец послал Ильича сначала в кубинский учебный лагерь, где спецслужбы Фиделя Кастро подбирали перспективную молодежь, а затем в Москву. Венесуэльская компартия охотно выписала ему рекомендацию для поступления в Университет дружбы народов.

Москва показалась Карлосу скучноватой, но отец прислал ему большие для советской Москвы деньги, и молодой революционер устроил себе красивую жизнь, раздражавшую университетское начальство. По партийной линии его отца попросили посылать поменьше денег. Тот высокомерно ответил, что «его сын ни в чем никогда не знал недостатка».

За участие в неразрешенной демонстрации у посольства Ливии в июле 1970 года Карлоса все-таки выставили из университета. Ему пришлось покинуть Москву. Некоторые палестинцы, впрочем, уверяли, что видели Карлоса в Советском Союзе в 1974 году вместе с группой других боевиков, проходивших переподготовку у советских инструкторов. Но это ничем не подтвержденные заявления.

В Университете имени Патриса Лумумбы Карлос познакомился с палестинцами, и их идея — добиться своего можно только вооруженной борьбой — очаровала его, как и многих других молодых людей в конце 60-х годов. Он подпал под дурманящее влияние кровавого терроризма.

Абсолютное большинство европейских левых в конце 60-х решили поддержать палестинское дело. Палестинцы и вьетнамцы были для них прямыми жертвами мирового

империализма. Кроме того, палестинцы уже перешли от дискуссий к действиям. Радикалам это нравилось.

Палестинцы обучали их в своих лагерях, снабжали советским или чешским оружием, давали деньги, полученные от богатых арабских стран. И посылали назад, в Европу: подкладывать бомбы, убивать и захватывать самолеты.

Палестинцы пригласили недоучившегося студента к себе, в учебный лагерь, располагавшийся тогда на территории Иордании. Карлос попал в одну из самых непримиримых и жестоких групп — в Народный фронт освобождения Палестины.

Долгие годы Карлоса именовали террористом номер один (потом этот титул перешел к Осаме бен Ладену). Но роль, которую приписывали Карлосу, на самом деле играл стратег палестинского терроризма Вади Хаддад, член политбюро Народного фронта освобождения Палестины, правая рука лидера фронта Жоржа Хаббаша. Эти два бывших врача были самыми изобретательными палестинскими террористами.

Жорж Хаббаш считал себя подлинным вождем палестинского рабочего класса, а Ясира Арафата — типичным представителем мелкобуржуазной среды. Мусульманин Арафат, прагматик, решил про себя, что пойдет любым путем, лишь бы он привел к созданию палестинского государства.

Христианин Хаббаш, несгибаемый марксист, считал, что возвращение в Палестину возможно только путем вооруженной борьбы и террора. Его группа сформировалась после оглушительного поражения арабских стран в «шестидневной войне» 1967 года, когда разочарованные палестинцы пришли к неутешительному выводу, что им придется всего добиваться собственными силами. Хаббаш собрался создать в Палестине марксистское государство после ее «освобождения от сионистов».

Хаббаш был философом, Хаддад — человеком действия. Перед каждой операцией он объезжал с чемоданчиком богатые арабские страны, собирая дань. Ему не отказывали. Хаддад создал международную сеть террора, которая позволила боевикам свободно перемещать-

ся из одной страны в другую, повсюду получая помощь и поддержку.

Хаддад и присмотрел Карлоса. Хаддад умел вербовать людей. На него работали террористы из западногерманской «Фракции Красной армии», боевики из Никарагуа и японцы из «Объединенной Красной армии», которые устроили по его заданию настоящую бойню в израильском аэропорту.

Венесуэлец Карлос тоже пригодился

Хаббаш и Хаддад начали с угона израильского «Боинга-707» в Алжир в 1968 году. Это был первый в истории угон самолета. Палестинцы намеревались таким образом привлечь внимание всего мира к своей борьбе против Израиля.

Мир не был готов к угонам самолетов, как, по существу, не готов и сейчас. И хотя появились не существовавшие прежде системы безопасности в аэропортах, которые призваны обнаруживать оружие и взрывчатку в багаже пассажиров, мы то и дело узнаем о все новых захватах самолетов. Два-три террориста способны превратить сто с лишним пассажиров захваченного самолета в заложников, за освобождение которых можно требовать все, что угодно, или превратить их в жертвы своих безумных целей...

Угон самолетов, правда, привел в свое время к самым пагубным последствиям для палестинцев, которых изгнали из Иордании, когда королю Хусейну надоело, что палестинцы ведут себя в его стране по-хозяйски и навлекают на иорданцев большие неприятности.

Вади Хаддад решил, что значительно эффективнее сражаться не с готовым к отпору Израилем, а с безоружными европейцами и американцами, не ожидающими нападения.

Он отправил Карлоса в Лондон, где жила его мать. Она ввела сына в высшее общество. Богатый латиноамериканец-плейбой не вызывал ни у кого подозрений...

Первую акцию он провел через год после переезда в Англию. Он пришел домой к британскому предпринима-

телю Эдварду Зифу, известному своими симпатиями к Израилю, и выстрелил ему в лицо. Через месяц Карлос подложил бомбу в отделение израильского банка, в результате чего была ранена машинистка. Народный фронт освобождения Палестины с гордостью заявил о мощных ударах по «сионистскому врагу».

Взлет Карлоса начался в тот день, когда он стал преемником Мохаммеда Будиа, который руководил европейской сетью Народного фронта освобождения Палестины.

В обмен на ответные услуги Будиа снабжал оружием и взрывчаткой чуть ли не всех европейских террористов — итальянские «Красные бригады», западногерманские «Фракцию Красной армии» и «Движение 2-го июня», турецкую «Народную освободительную армию».

Будиа был алжирцем, ветераном освободительной войны в Алжире. Когда война в Алжире закончилась, он перешел к палестинцам, потому что уже не смог вернуться к нормальной жизни. Он был крайне осторожен, постоянно менял квартиры и подруг, у которых ночевал. Но это не спасло его от израильской разведки Моссад.

28 июня 1973 года он покинул свою парижскую квартиру и поехал по делам. Закончив важную беседу, он вышел на улицу и тщательно осмотрел свой голубой «рено», заглянул в багажник и под капот, проверил выхлопную трубу и днище. Ничего подозрительного он не обнаружил, поэтому сел за руль, включил зажигание и взлетел на воздух. Агенты Моссад подложили бомбу под водительское сиденье.

Карлос занял место Будиа и стал создавать собственную сеть, опираясь на многочисленных любовниц, которые хранили взрывчатку и оружие, содержали конспиративные квартиры, думая, что это всего лишь любовное гнездышко. Главным союзником Карлоса в Европе стала западногерманская террористическая организация «Революционные ячейки».

Он перебрался в Париж, откуда снабжал западноевропейских левых оружием, которое доставлялось в столицу Франции в дипломатическом багаже из различных арабских стран.

В 1974 году он уже начал сам организовывать террористические акты, помогая не только палестинцам, но и японским ультралевым радикалам. Он подложил бомбы в редакции сразу трех французских газет, которые не поддерживали палестинское дело. В сентябре 1974 года помог японским друзьям захватить французское посольство в Гааге, чтобы заставить французское правительство выпустить одного арестованного японца. Сам Карлос прямо на улице в Париже бросил ручную гранату в группу молодежи, двое погибли, несколько человек были ранены. Карлос пообещал повторить акцию, и Париж сдался: японец был освобожден.

В январе 1975 года его немецкие подручные обстреляли из гранатомета советского производства (РПГ-7) парижский аэропорт. Они пытались взорвать самолет израильской авиакомпании, на борту которого находились сто тридцать шесть пассажиров. Но промахнулись и попали в стоявший рядом югославский лайнер. Через неделю Карлос повторил попытку, и опять неудачно.

Французская полиция искала преступников среди палестинцев и западных немцев с радикальными воззрениями. На богатого венесуэльца внимания не обращали. Его квартиру на всякий случай обыскали, но ничего не нашли — все опасное хранили его любовницы.

Но Моссад обратил внимание парижских коллег на подозрительное поведение ливанского дизайнера по имени Мишель Муххарбель, который часто путешествовал из Бейрута в Париж и обратно. Его считали курьером Вади Хаддада. Муххарбель не только передавал указания Карлосу. Он был его бухгалтером. Его записная книжка, куда он скрупулезно заносил все расходы Карлоса, включая поездки на трамвае, впоследствии поможет французской полиции понять, с кем она имеет дело.

Когда 13 июня 1975 года Муххарбель в очередной раз прилетел в Париж, за ним установили слежку. Его сфотографировали вместе с Карлосом на квартире, которая, как выяснилось, принадлежала немцу Вильфриду Бёзе. Он возглавлял «Революционные ячейки» и помог палестинцам подготовить убийство израильских спортсменов на Мюнхенской олимпиаде в 1972 году.

Французы выслали Бёзе в ФРГ. Они выдали ордер на арест Муххарбея, но прежде, чем это сделать, решили выяснить, что это за молодой человек запечатлен рядом с ним на фотографии. Ливанец, надеясь на снисхождение, согласился отвести полицейских на квартиру, где должен был находиться Карлос. Квартира принадлежала одной из его подруг, устроившей в тот день вечеринку.

Комиссара полиции встретили дружелюбно, пригласили выпить. Он минут десять поговорил с Карлосом, который небрежно наигрывал на гитаре, и все же решил пригласить венесуэльца в полицию для официального допроса, абсолютно не представляя себе, насколько опасен этот человек. Но прежде приказал привести для официального опознания Муххарбея, который стоял на лестничной клетке в сопровождении двух полицейских инспекторов.

Карлос, не теряя хладнокровия, попросил разрешения заглянуть в ванную комнату и вышел из нее с пистолетом в руке. Полицейские пришли без оружия. Карлос дважды выстрелил в Муххарбея, затем убил обоих инспекторов и тяжело ранил комиссара.

Ночь Карлос провел у другой женщины, а затем с помощью старых друзей — сотрудников кубинской разведки, которые работали в Париже под дипломатическим прикрытием, бежал в Алжир. Карлос оказался самым удачливым из террористов. После этой истории в Париже он старался не рисковать.

Постепенно его имя обросло легендами. Ему приписывали то, к чему он не имел отношения.

Тщеславному Карлосу это нравилось. Он говорил:

— Чем больше небылиц пишут обо мне, чем опаснее они меня делают, тем лучше для меня, тем меньшим будет желание нормальных полицейских ловить меня. Для меня это своего рода гарантия безопасности.

Джентльмен со светскими манерами, хорошим гардеробом, говоривший по-английски, по-французски, по-русски и по-арабски, он казался молодым террористам некой разновидностью Джеймса Бонда. Он очень заботился о себе. Необыкновенный чистюля — пудрился и страдал из-за того, что полнеет. Он даже советовался с

врачами-косметологами: не могут ли они убрать ему грудь, уже напоминавшую женскую.

21 декабря 1975 года Карлос возглавил группу из трех палестинцев и двух немцев из «Революционных ячеек», которые захватили министров, участвовавших в заседании Организации стран—производителей нефти в Вене.

Карлос намеревался устроить грандиозный спектакль: облететь столицы всех нефтедобывающих государств, освобождая по одному министру в обмен на декларацию о поддержке палестинского дела. В конечном итоге ему пришлось отказаться от этого плана и удовлетвориться большим выкупом, который он получил от Саудовской Аравии и Ирана, где еще правил шах.

Он был демонстративно жестоким. Готовя операцию, он инструктировал свою команду:

— Заложник, который окажет сопротивление, будет убит на месте. Тот, кто не выполнит мое приказание, будет расстрелян. Кто попытается скрыться — будет расстрелян. Кто устроит истерику — будет расстрелян... Это не убийство, а необходимость, инструмент политической борьбы. Чем больше насилия, тем больше тебя уважают и тем больше шансов, что твои требования выполнят.

При захвате заложников он доказал, что не роняет слов на ветер: всадил в безоружного ливийца, сотрудника ОПЕК, патроны из всего магазина. Причем несчастный ливиец стал жертвой арабской пропаганды и решил, что на них напали израильтяне. Не понял, что перед ним товарищи по антиимпериалистической борьбе... Всего было убито три человека.

Один из помощников Карлоса, немец Ханс Иоахим Кляйн, был ранен и решил уйти из террора. Он рассказывал потом о Карлосе, что при первой встрече принял его за итальянского мафиози. Он познакомился с Карлосом в «очень благородном доме, где привратник не позволяет себе кашлять». Карлос любил фешенебельные гостиницы (предпочитал «Хилтон»), дорогие рестораны, веселую жизнь, которую он мог себе позволить: террор был прибыльным делом.

«У меня глаза на лоб полезли, когда я увидел его коллекцию ручных гранат и взрывчатки, — рассказывал

Кляйн. — У него были специальные пистолеты с такими глушителями, что не было слышно ничего, совершенно ничего, когда из них стреляли. Даже не было слышно, как скользит затвор. Я был очарован всеми этими вещами, которые казались позаимствованными из реквизита Джеймса Бонда, но были настоящими. Я был очарован этим типом, демонстрировавшим свой арсенал с велико-светской непринужденностью...

Он с готовностью признавал, что ведет буржуазный образ жизни... Когда в Германии он увидел, что полиция назначила за его голову столько же, сколько за остальных, он всерьез обиделся и сказал, что напишет им письмо с протестом. Он любил сравнивать себя с героем детективного романа Фредерика Форсайта «День шакала».

В июне 1976 года Карлос организовал свою последнюю громкую акцию. Двое палестинцев и двое немцев — старый друг Карлоса Вильфрид Бёзе и его подружка Бригитте Кульман 27 июня захватили в Афинах французский аэробус, летевший из Тель-Авива.

Они посадили самолет в аэропорту Энтеббе на территории африканского государства Уганда и потребовали от Израиля освободить террористов, отбывавших свой срок в израильских тюрьмах. В противном случае они угрожали взорвать самолет и уничтожить всех пассажиров.

В Энтеббе прилетело все руководство Народного фронта освобождения Палестины, чтобы поздравить террористов с победой. Тогдашний глава Уганды кровавый маньяк Иди Амин поддержал террористов, поэтому надежды добиться освобождения заложников не было.

Моссад и военная разведка подготовили операцию по освобождению пассажиров захваченного самолета. Ночью в аэропорту Энтеббе сел самолет израильских ВВС, который, никем не замеченный, перелетел через весь Африканский континент, чтобы спасти заложников.

Палестинцы, руководившие захватом пассажирского самолета, в ту ночь куда-то исчезли, зато погибли их немецкие помощники — террористы из ультралевой организации «Революционные ячейки», в том числе Вильфрид Бёзе, который когда-то играл во франкфуртском уличном театре и безуспешно пытался стать книгоиздателем.

Он и его друзья регулярно получали деньги от палестинцев, в основном от Народного фронта освобождения Палестины, и должны были эти деньги отработывать. А палестинцы легко посылали немцев на смерть. Например, так они поступили с еще одним немецким террористом Берндом Хаусманом. Он погиб в израильском аэропорту Бен-Гурион, когда случайно открыл взятый в дорогу портфель. Он же не знал, что палестинские товарищи встроили в него взрывное устройство, надеясь, что он заглянет в портфель во время полета и взорвет себя вместе со всеми пассажирами.

Отряд израильского спецназа освободил заложников и погрузил их на самолет, который растворился в ночном небе. Эта блистательно проведенная операция стала сюжетом многих книг и кинофильмов. Вместе со спецназом в ночной операции участвовала большая группа военных медиков — их взяли, чтобы позаботиться о заложниках и о раненых.

Врачами руководил будущий заместитель министра обороны Эфраим Снэ. В правительстве Ариэля Шарона он станет министром транспорта. Эфраим Снэ вспоминал:

— Я занимался раненым, лежавшим на летном поле. И вдруг я услышал позади себя шаги множества людей. Я обернулся и увидел толпу — мужчин, женщин, стариков и детей. Это были освобожденные заложники. Наши десантники вели их к самолету. И у меня возникла ассоциация с Холокостом: там евреев вели к смерти, здесь мы возвращали их к жизни. Этот эпизод я запомнил на всю жизнь...

Во время операции израильяне потеряли только одного человека — командира группы спецназа подполковника Джонатана Нетаньяху. Смерть была большим горем для семьи, и его младший брат Биньямин, архитектор по профессии, решил заняться политикой, в чем и преуспел, став премьер-министром Израиля. Биньямин Нетаньяху всегда требовал принятия самых жестких мер против террористов...

После смерти Бёзе Карлос принял на себя руководство «Революционными ячейками». Они стали ядром его собственной маленькой армии. Карлосу надоело выполнять

чужие приказы. Он затеял собственное дело. Сначала он нанялся к ливийскому лидеру Муамару Каддафи, но ливийцы ему не понравились. Он жаловался, что с ливийцами просто невозможно работать: они не держат слова и прижимисты.

В Багдаде его приняли с распростертыми объятиями. Но и с Саддамом Хусейном Карлос тоже «не сработался». Иракцы требовали, чтобы он действовал только по их указаниям, а он не хотел упускать и другие выгодные заказы. Он был уже вполне самостоятелен и перешел на выполнение разовых заданий клиентов. Работал на румын, на министерство госбезопасности ГДР.

Весной 1979 года в одной из больниц столицы ГДР умер от лейкемии Вади Хаддад, крестный отец Карлоса по террору. Хаддад был похоронен в Багдаде, поскольку иракцы ему всегда помогали. Несколько бывших подручных Хаддада присоединились к Карлосу, который покинул Ирак и нашел себе нового покровителя — президента Сирии Хафеза Асада.

Асад приютил у себя не меньше террористических групп, чем полковник Каддафи, но, в отличие от лидера ливийской революции, президент Сирии никогда не признавал, что помогает террористам. Хотя именно он контролировал самые жестокие палестинские группы — Абу Нидаля, Абу Мусы, Ахмеда Джибриля.

Группа Ахмеда Джибриля, бывшего майора сирийской армии, имеет даже собственную радиостанцию и вещает таким образом: «Каждый сионистский поселенец имеет возможность выбора. Он может вернуться туда, откуда прибыл, или же превратиться в куски мяса на обочинах Палестины». В Сирии можно придерживаться более жесткой позиции, чем президент, но нельзя быть либералом. Особенно когда речь идет об отношении к Израилю.

Полковника Каддафи считали маньяком, который то и дело хватается за нож. Генерал Асад держал свою рапиру за спиной и пускал ее в ход неожиданно для противника.

Хафез Асад пришел к власти в результате двадцатого подряд переворота в Сирии. Он ценил профессионалов, способных нанести смертельный удар исподтишка. Но как выходец из небольшой алавитской общины, окру-

женной суннитским морем, он знал, когда надо браться за оружие, а когда лучше постараться поладить с противником.

Я приезжал в Сирию вместе с телевизионной группой. Дамаск, столица Сирии, кажется несколько провинциальным городом. Мало людей на улицах. Много военных объектов и солдат, много портретов Хафеза Асада и его сыновей — покойного Базиля и нынешнего президента Башара.

Снимать в Дамаске было крайне трудно. Хотя нас повсюду сопровождал работник госбезопасности, который говорил, куда можно направлять телекамеру, а куда нельзя, его разрешения оказалось недостаточно. На каждой улице, как из-под земли, выростали местные сотрудники госбезопасности, и выяснялось, что нельзя снимать и то, что разрешил наш сопровождающий. В конце концов нам вообще запретили снимать.

Президент Хафез Асад меньше всего был альтруистом. Вооружая палестинские группы, он использовал их исключительно в своих целях. Когда в 1976 году Асад решил ввести войска в соседний Ливан, он для начала послал туда «своих» палестинцев. В 1985 году, когда Ясир Арафат и иорданский король Хусейн попробовали начать мирные переговоры с израильтянами, базирующиеся в Дамаске палестинские группы получили указание стрелять в иорданских дипломатов и умеренных сторонников Арафата.

Палестинцы, находившиеся в Сирии, были лишены права действовать самостоятельно. Любые боевые действия и даже просто перемещение своих сил они должны были согласовывать с местной властью. Даже митинги и демонстрации разрешались только с разрешения сирийского руководства. Несанкционированные Сирией операции против Израиля были просто исключены.

Асад приложил немало сил к тому, чтобы расколоть палестинское движение и иметь возможность влиять на него.

Карлос тоже пригодился Асаду. В 1982 году радикальная организация «Братья-мусульмане» и антипрезидентская оппозиция подняли мятеж в городе Хама. «Братья-

мусульмане» расстреляли представителей городской власти и взяли его под контроль. В ответ части специального назначения во главе с Рифаатом Асадом, братом президента, ворвались в город на танках и всех уничтожили. Трупы утрамбовывались в землю бульдозерами. По разным данным, погибло от пяти до тридцати тысяч человек.

С тех пор Хафез Асад, а после его смерти — Башар Асад находятся в состоянии войны с исламскими фундаменталистами. Асад приказал тогда Карлосу убрать сирийских оппозиционеров, бежавших в Европу.

В сирийской армии запрещена деятельность всех партий, кроме правящей Партии арабского социалистического возрождения. Несмотря на это, в командном составе армии в последние годы выросла прослойка бывших членов организации «Братья-мусульмане».

В армии есть партийная комиссия и подчиняющееся ей политическое управление министерства обороны. В идеологической работе пропагандируются мусульманские войны прошлого, которые «принесли свет ислама невежественным народам». Особенно пропагандируется полководческое искусство пророка Мохаммеда.

Путешествуя по миру, Карлос выдавал себя то за чилийца Адольфо Хосе Мюллера, то за американца Чарльза Кларка, то за перуанского экономиста Мартинеса Торреса.

Карлоса многократно хоронили. Пока Интерпол и французская полиция полагали, что он убит или скрывается на партизанских базах в арабских странах, Карлос благополучно путешествовал по социалистической Восточной Европе.

На Западе он был опасным преступником, убийцей, террористом. А на Востоке его считали хотя и не очень уважаемым, но революционером, союзником в борьбе с империализмом.

Свет не видел больших бюрократов, чем канцеляристы из бывшего министерства государственной безопасности ГДР. Офицеры 22-го управления МГБ, которое почему-то именовалось управлением по борьбе с терроризмом, фиксировали каждый шаг Карлоса и докладывали министру госбезопасности Эриху Мильке.

После того как он лишился возможности жить на Западе, его любимым городом стал Восточный Берлин, где под защитой министерства госбезопасности ГДР он мог отдохнуть или о чем-то договориться с арабскими и европейскими террористами. Пути всех террористов лежали через столицу Восточной Германии, откуда с помощью министерства госбезопасности они легко перебирались в Западный Берлин, а оттуда в ФРГ.

Пограничникам Карлос всякий раз предъявлял новый паспорт — сирийский или южноафриканский, разумеется, дипломатический, освобождающий владельца и его багаж от досмотра. Аккуратные немцы морщились: помощник Карлоса с промежутком всего в несколько дней предъявил два абсолютно разных паспорта.

Люди Карлоса жили в Восточном Берлине почти круглый год. В гостинице «Палас», где за свободно конвертируемую валюту селили иностранных туристов, им был гарантирован особый сервис: сюда поступала вся почта на имя Карлоса. Если никого из его подручных не оказывалось в городе, письма, телеграммы и факсы пересылались на Ближний Восток, по адресу, который Карлос и не скрывал...

В столице ГДР Карлос и его люди вели себя как дома. Ездили на красный свет, напившись, стреляли в гостинице в потолок. Карлос и в зрелые годы поддерживал репутацию плейбоя. В номер ему приводили веселых девушек.

Офицер МГБ информировал начальство: «Установленные связи с гражданами ГДР ограничиваются лицами женского пола и носят интимный характер».

Немцы пробовали жаловаться на его поведение сирийскому посольству. Сирийцы отвергли претензии. «Сирийской стороной в ответ на это было указано, что такой образ действий санкционирован высшими сирийскими инстанциями» — это один из многих документов, найденных в архиве МГБ ГДР.

Министерство госбезопасности тесно сотрудничало с псевдодипломатами из сирийского посольства. В отчете министру отмечено: «Установлен стабильный контакт с третьим секретарем сирийского посольства (сотрудником секретной службы). Он хранит материалы для группы

(Карлоса), пистолет с боеприпасами, а также запасные паспорта. Он уполномочен сирийской секретной службой оказывать поддержку этой группе».

Карлос и его люди не нуждаются в заготовленном для них посольском пистолете. Они никогда не расстаются с оружием, чем выводят из себя оперативных работников МГБ ГДР. Подручный Карлоса прилетел в Восточный Берлин с двадцатью килограммами взрывчатки. Его задержали на таможне. Примчались офицеры госбезопасности и провели его в город.

Взрывчатку ему отдали, когда он пообещал, что не станет держать ее в гостинице «Палас», а отдаст на хранение в сирийское посольство. Эту взрывчатку сирийцы передали двум членам группы Карлоса, которые перебрались в Западный Берлин и взорвали здание французского консульства. Погиб молодой человек, который принес в консульство список подписей под обращением к Парижу с требованием прекратить ядерные испытания. Еще двадцать посетителей консульства были ранены.

Основная деятельность группы Карлоса у немецких чекистов сомнений не вызвала. Единственная претензия — недисциплинированность: «Огорчает только то, что в группе отсутствует порядок и что они так мало внимания обращают на политические интересы и требования безопасности. Обещания соблюдать конспирацию очень часто остаются невыполненными».

Но в целом полнейшая поддержка министерства госбезопасности Карлосу была обеспечена. Чем же он занимался в Берлине?

В Западной Европе его фотографиями снабдили каждый полицейский участок, путь за «железный занавес» был ему заказан. Он лишен удовольствия стрелять или бросать гранаты в безоружных людей. Но он может приказывать другим делать это. В его распоряжении часть подконтрольной Сирии палестинской подпольной сети в Западной Европе и западногерманские террористы из «Революционных ячеек», организации, возникшей в 1976 году и поклявшейся сражаться с империализмом и мировым сионизмом.

Существует ли международный интернационал террористов, спрашивали друг друга полицейские, пытаясь

понять, кто снабжает все эти группы прекрасно сделанными фальшивыми документами, оружием и взрывчаткой, и недоумеая: куда же исчезают убийцы, которых ищет полиция всего западного мира?

Печать социалистического блока не уставала обличать ЦРУ, уверяя, что террор организован американскими спецслужбами во имя обретения мирового господства.

На языке профессионалов это именуется «операцией прикрытия». Документы из архива министерства госбезопасности ГДР не оставляют сомнений: социалистические страны всегда поддерживали международный терроризм. Причем это решение принималось на совещании руководителей спецслужб социалистического лагеря под руководством председателя КГБ Юрия Андропова.

Карлос с южноамериканским дипломатическим паспортом, выданным на имя Ахмета Адила Фавазы, преспокойно курсировал по всей Восточной Европе. И в Софии, и в Праге, и в Будапеште прекрасно знали, зачем Карлос приезжал к ним: восточноевропейские столицы были идеальным местом для встречи с будущими убийцами. Здесь Карлос передавал своим подчиненным оружие и взрывчатку, объяснял план действий. Сюда после выполнения задания бежали террористы, тут они получали новые документы и преспокойно улетали на Ближний Восток.

Самой удобной точкой считался Восточный Берлин. С дипломатическими паспортами люди Карлоса беспрепятственно пересекали контрольные пункты, охранявшиеся американскими, британскими или французскими солдатами, и оказывались на Западе. А переходя из Западного Берлина в Восточный, они легко ускользали от преследовавшей их полиции.

Карлос всегда был готов оказать ответную услугу. Румынская секретарка предоставила его группе дом в Бухаресте, оружие, деньги, паспорта. Вскоре после этого трое румынских оппозиционеров, бежавших от Чаушеску за границу, получили посылки с бомбами.

Канцеляристы министерства госбезопасности ГДР составили подробный отчет о подготовке Карлосом взрыва на радиостанции «Свободная Европа», которая вела веща-

ние на социалистические страны и раздражала местные политбюро. Взрыв прогремел 21 февраля 1981 года.

Кстати говоря, Карлос не жаловал социалистические страны. Себя он именовал не марксистом, а международным революционером. Но соцстраны давали ему деньги. Им не хватало денег, чтобы накормить людей, но для «антиимпериалистической борьбы» средства всегда находились. А деньги, свободная и красивая жизнь всегда были главной целью Карлоса.

Но когда начались перемены в Восточной Европе, преступная империя Карлоса разрушилась. Первыми от ворот поворот дали венгры, а вскоре и вся Восточная Европа оказалась закрыта для Карлоса.

Наступил момент, когда он не мог выехать за пределы исламского мира, какие бы прекрасные документы ему ни изготовили. Он стал профессионально непригодным.

После 1985 года его следы затерялись где-то между Белградом и Багдадом. В последний раз его видели в столице Сирии в 1991 году.

Он обосновался там с женой — немкой Магдаленой Копп, выпускницей Высшей школы изобразительных искусств, участницей подпольного ультралевого движения в ФРГ и дочерью Розе.

Вместе с ними жил его главный помощник и охранник из «Революционных ячеек» — Иоханнес Вайнрих, «самый опасный немецкий террорист», по оценке полиции ФРГ. Он и познакомил Карлоса с Магдаленой, которая оставила свою дочь ради революционной борьбы. Карлос и Магдалена встретились в Восточном Берлине и провели первую ночь в лучшем восточноберлинском отеле «Палас», подслушиваемые микрофонами министерства госбезопасности...

В юности, рассказывают, Магдалена была очень хорошенькой — большие карие глаза, длинные до плеч волосы, которые она красила в черный цвет. Она стала не только женой, но и помощницей Карлоса.

В феврале 1982 года ее вместе с другим террористом, швейцарцем Бруно Бреге, случайно арестовали в Париже. Сторожу подземного гаража показался подозрительным старый «пежо», который почему-то имел новенькие но-

мерные знаки. Когда сторож заинтересовался машиной, водитель пригрозил ему пистолетом. Сторож немедленно позвонил в полицию.

Машину остановили и обнаружили в багажнике пять килограммов взрывчатки и карту Парижа. Установить, готовился ли взрыв в Париже или же взрывчатку собирались переправить дальше, не удалось. Арестованные молчали.

Зато Карлос был взбешен. Он отправил открытое письмо правительству Франции:

«Вы арестовали двух членов моей организации, которые не получали приказа действовать на территории Франции, поскольку у нас нет претензий к социалистическому правительству. Я даю вам месяц на то, чтобы вы их освободили.

Ильич Рамирес Санчес».

За несколько дней до истечения срока ультиматума взорвалась первая бомба — в поезде Париж—Тулон. Пять человек погибли. В купе, куда была положена бомба, забронировал себе место будущий президент страны Жак Ширак, и только в последний момент он предпочел самолет. Накануне Нового года взорвались еще две бомбы — на марсельском вокзале и в экспрессе Париж—Марсель. Еще несколько человек погибли, почти полсотни были ранены. Французского дипломата и его жену убили в Бейруте. В Вене прогремели взрывы во французском посольстве и в представительстве авиакомпании «Эр-Франс»...

Карлос руководил этой маленькой войной то из Дамаска, то из Берлина, где старательные канцеляристы министерства государственной безопасности ГДР заранее предупреждали свое начальство обо всем, что собирался предпринять дорогой гость. Политбюро ЦК СЕПГ несколько не смущало то, что оно помогает преступникам.

Впрочем, это никого не смущало во всем социалистическом лагере. Не только московские или софийские циники поддерживали Карлоса. Либеральный глава Венгрии Янош Кадар, которого так уважали не только дома, но и

во всем мире, дал указание своим подчиненным всемерно содействовать Карлосу.

В конце концов Франция капитулировала.

Магдалена Копп и ее соратник предстали перед французским судом, получили по пять лет тюремного заключения. Но их почти сразу освободили. Террор против Франции прекратился.

Магдалену Копп выслали в ФРГ, но вскоре через Берлин она вылетела в Дамаск. Через девять месяцев после радостной встречи у Магдалены и Карлоса родилась дочь.

Семья обосновалась в Сирии.

Не многие дома в Дамаске охранялись так, как особняк Карлоса цвета охры. Люди в полувоенной форме с «калашниковыми» в руках подозрительно осматривали всякую машину, которая появлялась на улице Аль-Ахрам. Возле дома были установлены бочки с песком, за которыми можно было занять выгодную позицию в случае перестрелки.

По вечерам слабый свет пробивался через плотные шторы в окнах верхнего этажа. Но и ближе к ночи, когда свежий ветер из пустыни разгонял жаркий и тяжелый от выхлопных газов воздух, тяжелые жалюзи приоткрывались лишь на ширину ладони.

Охраняли его или сторожили? Наверное, и то, и другое. Он не хотел, чтобы его видели, но и сирийские власти не желали, чтобы его кто-то узнал. Первоначально он мог в выходные ездить на ливанские пляжи купаться и загорать. Вечера он проводил в лучших ресторанах города, из которых открывались прекрасные виды ночного Дамаска. Его дочка могла плескаться в бассейне отеля «Меридиен». Но потом ему запретили покидать его особняк.

Это была жизнь в роскошной тюрьме. Сирийский президент Хафез Асад не знал, что ему делать с человеком, который больше не представлял практической пользы. А прошлые заслуги в этом мире никого не интересуют.

Правда, люди, верно служившие президенту Асаду, считали, что они находятся в полной безопасности. Он же не выдал нацистского военного преступника штурмбаннфюрера СС Алоиза Бруннера, который бежал пос-

ле 1945 года на Ближний Восток и обучал сирийскую службу безопасности. Хотя выдачи Бруннера требовали многие страны...

Такие слишком много знающие люди часто гибнут в результате несчастного случая. Но Карлос был уверен, что он застраховался от любой случайности. Своему помощнику Кляйну он как-то поведал, что припрятал важные документы. Поэтому Асад его никогда не выдаст, не захочет, чтобы Карлос вышел из-под его контроля. Дескать, президент лучше других знает, как опасны шакалы. Но Карлос переоценивал свою значимость.

Размышления Асада завершились не в пользу Карлоса. Его выставили в Судан, где к власти пришли исламские фундаменталисты. Но и им Карлос не понадобился, и они в результате взаимовыгодной сделки передали его французским властям.

Карлоса защищал известный адвокат Жак Верже, человек, который любит эпатировать публику и берется за самые неожиданные дела. Верже родился в Таиланде, он сын французского колониального чиновника и вьетнамки. Следы восточного происхождения — в его черных волосах, оливковом цвете кожи, невозмутимости глаз за маленькими круглыми очками.

В семнадцать лет он вступил в ряды бойцов «Свободной Франции» генерала де Голля в Лондоне, сражался с немецкими войсками в Северной Африке. После Второй мировой войны он стал членом Коммунистической партии Франции и в начале 50-х был секретарем Международного союза студентов, штаб-квартира которого находилась в Праге.

В те годы он тесно сотрудничал с руководителем советского комсомола Александром Шелепиным, будущим председателем КГБ, и Эрихом Хонеккером, который тогда возглавлял комсомол ГДР, а потом стал главой восточногерманского государства.

В 1957 году Жак Верже вышел из компартии и уехал в Алжир, чтобы защищать арестованных французами членов Фронта национального освобождения. Он посвятил себя левым движениям в третьем мире, восхищался Мао Цзэдуном, много раз летал в Китай. Он прославился тем,

что защищал немецкого военного преступника Клауса Барби, который в годы оккупации был начальником гестапо в Лионе.

Но ни бывшему гестаповцу, ни бывшему террористу адвокатские таланты бывшего коммуниста не помогли. Суд приговорил Карлоса к пожизненному заключению.

Глава 9

КУЧЕР В ДОЖДЕВОЙ БОЧКЕ

Осталось ответить на вопрос: почему министр государственной безопасности ГДР генерал армии Герой Советского Союза Эрих Мильке покровительствовал террористам? Не только по внешнеполитическим соображениям. Разгадка кроется в его биографии.

Официальная биография старого борца, члена политбюро, министра госбезопасности Эриха Мильке очень проста.

Еще будучи учеником в экспедиторской фирме, юный Эрих Мильке пришел к коммунистам, работал репортером в центральной партийной газете «Роте фане», воевал в Испании, во время Второй мировой войны вместе с советскими солдатами участвовал в операциях за линией фронта, в 1945 году вернулся в Берлин с Советской армией.

В его биографии был эпизод, о котором знали немногие. Но он сыграл ключевую роль в его жизни. Благодаря этой истории его переправили в Советский Союз, где чекисты встретили его как своего человека.

Это произошло за два года до прихода нацистов к власти.

На берлинской площади, где стоял Дом Карла Либкнехта — здание Центрального комитета компартии Германии, в начале августа 1931 года толпа набросилась на полицейского.

Он вытащил пистолет и стал стрелять — жестянщик Фриц Ауге, коммунист по убеждениям, был убит, еще один рабочий — ранен в руку.

В декабре на другой улице был убит еще один рабочий.

Противостояние между полицией и коммунистами переросло в ненависть. Полицейские получали письма с угрозами: «Придет и ваша очередь. Вам отомстят».

На стене седьмого полицейского участка ночью появилась надпись мелом: «За одного застреленного рабочего — двух полицейских».

И подпись — «Ротфронт, Союз борцов Красного фронта».

9 августа 1931 года в Берлине проходил плебисцит — голосование за доверие социал-демократическому правительству Пруссии.

Начальником седьмого участка был капитан полиции Пауль Анлауф, толстяк, которого все называли «Свиной щекой». В полдень он вместе с вахмистром Аугустом Виллигом (кличка Гусар) объехал свой участок — голосование шло спокойно.

Вечером капитан Анлауф решил еще раз осмотреть свой участок. Вместе с ними решил пойти капитан Франк Ленк.

Перед Домом Либкнехта собралась толпа. За толпой наблюдала группа полицейских. Старший из них предложил капитану вызвать подкрепление и очистить площадь. Капитан не хотел с этим спешить и пошел проверить ситуацию по соседству, где ожидалось собрание членов компартии.

Анлауф шел в середине, справа Виллиг, слева Ленк. Вдруг их окликнули:

— Эй, Гусар, Свиная щека и третий, как там тебя?

Вахмистр Виллиг схватился за пистолет, но поздно — нападавшие стали стрелять. Виллигу попали в колено, в руку и в живот, но он выжил. Капитан Анлауф сразу получил пулю в голову. Капитану Ленку попали в спину. Он упал, потом поднялся, добрал до кинотеатра «Вавилон» и там рухнул. Он скончался в карете «Скорой помощи».

Когда раздались выстрелы, полицейские, дежурившие возле Дома Либкнехта, решили, что это их обстреливают, и открыли ответный беспорядочный огонь. Люди, стоявшие на площади, в панике разбежались.

Полицейские вызвали подкрепление и стали прочесывать соседние дома. В результате полицейской стрельбы два человека погибли и несколько десятков были ранены.

Пока полицейские искали убийц, в Доме Либкнехта редакторы центральной партийной газеты «Роте фане» готовили понедельничный номер.

Но работа над номером была прервана появлением полиции. В пять утра полиция ворвалась в здание, проверила документы всех присутствовавших и конфисковала материалы готовившегося номера, а также партийную картотеку — это сыграет роковую роль в судьбе коммунистов, которые после прихода нацистов к власти ушли в подполье.

Убийство двух полицейских даже на фоне разгоревшегося в Германии насилия было чем-то немислимим. Капитанов Анлауфа и Ленка хоронили при гигантском стечении народа. Присутствовали министры внутренних дел Германии и Пруссии.

Но на площади Бюлова и в пролетарских районах над полицейскими почти открыто издевались. Для коммунистов месть была сладкой. Стрелявшие исчезли, но мало кто сомневался в том, что это дело рук коммунистов.

20 января 1933 года судьба Германии оказалась в руках национал-социалистов. Полиция получила указание вернуться к нераскрытому делу об убийстве на площади Бюлова.

У следствия была только одна зацепка. В тот вечер, когда произошло убийство, полицейские обнаружили в дождевой бочке кучера. Его допросили, но он утверждал, что спрятался, испугавшись стрельбы. Кучер был пьяницей и драчуном, но в Веймарской республике этого было недостаточно для того, чтобы посадить человека в тюрьму. Его отпустили.

21 марта 1933 года кучера арестовали и посадили. Теперь полицейские действовали в духе национал-социалистических идей, и кучер вскоре заговорил. Он признался, что участвовал в убийстве полицейских, но сам не стрелял. Он назвал еще одно имя — Макс Матерн.

Когда Матерна арестовали, он все рассказал. Последовали новые аресты. К сентябрю дело было раскрыто полностью.

Организатором убийства был бывший депутат рейхстага от коммунистической партии Ханс Киппенберг. При-

каз убить полицейских отдал секретарь ЦК Хайнц Нойман, в то время второй человек в компартии после Эрнста Тельмана.

Правоту полицейского вердикта подтвердила со временем изданная в ГДР официальная «История немецкого рабочего движения», где говорилось:

«Враждебное партии действие совершил Хайнц Нойман, когда он совместно с Хансом Киппенбергом организовал убийство двух полицейских. Хайнц Нойман действовал за спиной руководства партии и берлинского окружного комитета. Сославшись на то, что он секретарь ЦК, он приказал таким образом запугать полицию».

С момента начала экономического кризиса 1929 года компартия внушала себе, что Германия находится накануне революции и партии поэтому нужно готовиться к боевым действиям.

Ханс Киппенберг во время Первой мировой войны был лейтенантом, в 1920 году вступил в компартию, а в 1923-м руководил рабочим восстанием в Гамбурге. После провала восстания бежал в Советский Союз, прошел там курс военной подготовки и вернулся в Германию. В 1928-м его избрали в рейхстаг, и он стал пользоваться депутатской неприкосновенностью.

Ему подчинялся Союз красных фронтовиков, который должен был стать прообразом будущей немецкой Красной армии. Но у компартии были и другие боевые организации, которые несли дежурство, охраняли партийные объекты и митинги.

Второй секретарь ЦК компартии Германии Хайнц Нойман, бывший студент-филолог, сидя в тюрьме, выучил русский язык. В 1922 году, когда он в составе партийной делегации поехал в Москву, то смог разговаривать с советскими лидерами без переводчика. На него обратили внимание, в 1925 году его назначили представителем компартии Германии в Коминтерне.

В 1927 году Москва отправила Ноймана в Китай, где он участвовал в организации Кантонского восстания, которое было подавлено. В 1928 году он вернулся в Германию — уже в качестве человека, который пользовался доверием самого Сталина.

Хайнц Нойман ненавидел полицию. Все началось в мае 1929 года, когда во время несанкционированных митингов и демонстраций полицейские застрелили тридцать и ранили сто восемь человек.

Компартия считала себя мощной организацией, но ничего не могла сделать с полицией. Такие люди, как Хайнц Нойман, не желали с этим мириться.

29 мая 1931 года был открыт ответный счет: полицейский вахмистр получил смертельное ранение в живот. В тот же день ранили еще двоих полицейских.

1 августа во время запрещенной демонстрации берлинской организации КППГ, когда полицейские взялись за оружие, неожиданно в них тоже стали стрелять. Старший вахмистр был тяжело ранен, но выжил.

Когда был застрелен жестянщик Ауге, Киппенберг решил, что капитан полиции Анлауф должен ответить своей кровью за смерть коммуниста.

Он разработал план операции: двое добровольцев, по возможности неженатые, берут на себя акцию. Прикрывают их пятеро вооруженных членов партии. А еще восемь невооруженных человек помешают полицейским устроить погоню.

На роль стрелков выбрали двадцатичетырехлетнего техника Эриха Циммера и двадцатитрехлетнего служащего Эриха Мильке.

Мильке родился 28 декабря 1907 года в Берлине, он был старшим из четырех детей. Он получил бесплатное место в гимназии благодаря успешно сданным экзаменам. Но в 1924 году ушел из гимназии «по собственному желанию, поскольку не по всем предметам соответствовал высоким требованиям школы». Он поступил учеником в экспедиторскую фирму.

В 1925 году он стал членом компартии и одновременно вступил в спортивный рабочий клуб «Фихте». В спортивных клубах компартия и подбирала себе боевые кадры. С апреля 1930 года в клубе начали заниматься военной подготовкой. Когда Мильке остался без работы, он стал сотрудничать с газетой «Роте фане».

В тот день с самого утра вся группа ждала приказа. Но непосредственный руководитель группы никак не

мог выбрать подходящий момент. В половине шестого вечера его вызвали в Дом Либкнехта. В своем кабинете злился секретарь ЦК Нойман:

— Что за безобразие! Свиная щека разгуливает по площади, но ничего не происходит. Если бы я поручил это дело Союзу красных фронтовиков, они бы уже давно все сделали!

В кабинете Ноймана присутствовали еще трое: Ханс Киппенберг, Альберт Кунтц, секретарь парторганизации округа Берлин—Бранденбург, и его коллега Вальтер Ульбрихт, будущий глава ГДР:

Через два часа полицейские были убиты.

Суд разбирал это дело в 1934 году и признал, что стреляли Циммер и Мильке. Вероятно, стрелял и еще кто-то третий, но точно это установить не удалось.

Сразу после акции Мильке переправили в Советский Союз, где о нем позаботилось НКВД. В 1945 году он вернулся в Германию и сразу стал работать в ведомстве госбезопасности. Сначала его сделали заместителем министра.

Но ловкий Мильке сумел быстро избавиться от своего министра, несмотря на все его заслуги перед партией.

Часть третья

ПАЛЕСТИНСКИЙ ТЕРРОРИЗМ

Если бы евреи были бы такими же максималистами, как палестинские арабы, Израиль так и не появился бы на карте мира.

Палестинским евреям и палестинским арабам в 1947 году Организация Объединенных Наций предоставила равные возможности создать свое государство. Евреи ее использовали.

Арабы вместо того, чтобы создавать свое государство, попытались уничтожить еврейское. В ту ночь, когда было провозглашено еврейское государство, в Палестину со всех сторон вошли арабские армии. Палестинские арабы, уверенные в том, что Израиль будет со дня на день уничтожен, покинули Палестину и стали ждать, когда они смогут вернуться.

Но к удивлению всего мира, Израиль выиграл эту войну, и палестинские арабы превратились в беженцев. Арабские страны поделили земли, на которых ООН предлагала создать государство палестинских арабов. Сектор Газа перешел к Египту, Западный берег реки Иордан и арабская часть Иерусалима достались Иордании. Египет и Иордания управляли этими землями девятнадцать лет, до «шестидневной войны» 1967 года, но им и в голову не пришло передать эти территории палестинцам, чтобы они создали свое государство.

Напротив, арабские страны вполне устраивало существование палестинских беженцев, которые превратились в злейших врагов Израйля. Поскольку арабским странам

не удалось победить Израиль в войне, они дали палестинцам оружие, превратив палестинский террор в средство давления на еврейское государство. На словах палестинцам обещали поддержку, в реальности ими пользовались в собственных политических целях.

Каждая из арабских стран — Египет, Сирия, Ирак — обзавелась собственной палестинской организацией — ради престижа и влияния в исламском мире. Хуже того, они стравливали палестинцев между собой. Самые известные палестинские боевики, типа Абу Нидаля, убили больше палестинцев, чем израильтян.

Когда кто-то из палестинцев задумывался над тем, что в интересах его собственного народа вступить в переговоры с Израилем, его убивали.

Израиль выиграл все войны, которые вел, но это не приблизило его к миру.

Международный терроризм не приобрел бы таких масштабов, если бы не конфликт из-за Палестины. Те, кто определял настроения в арабском мире, не смогли примириться с тем, что евреи вернулись в Палестину и создали свое государство.

Вот уже несколько поколений арабов вырастает в ненависти к Израилю и считает, что еврейское государство должно быть уничтожено — вместе с теми, кто поддерживает евреев. Палестинцы же стали помогать всем, кто боролся против общего врага, — в первую очередь европейским террористам.

Вся новейшая история Ближнего Востока превратилась в сплошную цепь террористических актов.

Глава 10

НАСЛЕДСТВО ВЕЛИКОГО МУФТИЯ

Его дед Мустафа, отец Тахир и брат Камил были муфтиями в Иерусалиме. Что же удивляться, если и Амин из знатного рода Хуссейни — политической элиты Палестины — был избран улемами на пост муфтия, высшего духовного лица в Иерусалиме, где зародились три мировые религии, в том числе ислам.

Британский верховный комиссар, управлявший Палестиной, чтобы поладить с новым религиозным владыкой, скрепя сердце снабдил Амина титулом великого муфтия. В Лондоне уже знали, что с этим человеком будет нелегко.

Бывший офицер турецкой армии, совершивший паломничество (хадж) в Мекку, Амин аль-Хуссейни в 1920 году произнес перед толпой в Иерусалиме патетическую антиеврейскую речь. Вдохновленные слушатели бросились претворять его слова в дела и убили несколько евреев. Амин скрылся. Британский суд заочно приговорил его к пятнадцатилетнему тюремному заключению. Впрочем, через несколько месяцев англичане помиловали будущего великого муфтия.

Амин аль-Хуссейни чувствовал в себе призвание не богослова, но политика. Он возглавил Верховный мусульманский совет в Палестине, председательствовал на первой Всеобщей исламской конференции в Иерусалиме, основал Палестинскую арабскую партию и Высший арабский комитет.

Великий муфтий посвятил жизнь борьбе с сионизмом — то есть с идеей возвращения евреев со всего мира на историческую родину в Палестину. Муфтий и его единомышленники подталкивали палестинских арабов к еврейским погромам. Палестинские евреи защищались, создавали отряды самообороны — Хагану. В 1936 году между палестинскими арабами и палестинскими евреями разразилась настоящая война. Поезда и железнодорожные мосты взлетали в воздух.

В том же году начались первые поставки оружия на Ближний Восток, подогревавшие войну. Оружие, боеприпасы, взрывчатку и миллион марок задатка муфтию прислал Гитлер. Великий муфтий установил контакты с нацистами еще в 1933 году — сразу после их прихода к власти в Германии.

Чтобы расправиться с бандами, сформированными на немецкие деньги в Ираке и Сирии, англичанам пришлось перебросить в Палестину армейские подкрепления. Местные власти сообщали в Лондон: «Хадж Амин руководит операциями, и пока ему будет позволено оставаться здесь, беспорядки в Палестине будут продолжаться».

Великому муфтию пришлось скоропалительно покинуть Иерусалим после того, как был убит высокопоставленный британский чиновник. Бежавший из Палестины Хадж Амин разминулся с «уполномоченным по окончательному решению еврейского вопроса» штурмбаннфюрером СС Адольфом Эйхманом, который осенью 1937 года приехал в Иерусалим из Берлина, чтобы посоветоваться со своим арабским единомышленником.

Через четверть века бывший эсэсовец Адольф Эйхман вновь окажется в Иерусалиме, но не по своей воле. Его будут судить за соучастие в убийстве шести миллионов евреев в нацистских концлагерях. Именно в этот момент великий муфтий обратится ко всем арабским правительствам с требованием «очистить Палестину от евреев».

В 1939 году великий муфтий нашел убежище в Ираке, который едва не стал союзником Гитлера. С помощью денег, выделенных Гитлером и Муссолини, к власти в Багдаде пришел генерал Рашид Али аль-Гайлани, который в мае 1941-го поднял восстание против англичан.

В восстании аль-Гайлани участвовали молодые иракские офицеры, которых приглашали совершить туристическую поездку в нацистскую Германию за немецкий счет, и те с удовольствием ездили. В Ираке была создана военизированная молодежная организация «Футувва», которая многое позаимствовала у гитлерюгенда. В 1937 году в Ирак приезжал вождь гитлеровской молодежной организации Бальдур фон Ширах, он рекомендовал иракским единомышленникам воспитывать молодежь в националистическом духе.

Гитлер подписал приказ № 30: «Арабское освободительное движение на Среднем Востоке является нашим естественным союзником против Англии... Поэтому я решил подстегнуть такое развитие событий, поддержав Ирак».

Статс-секретарь нацистского министерства иностранных дел барон фон Вайцзеккер сказал личному секретарю великого муфтия в Берлине: «Немцы и арабы имеют в англичанах и евреях общих врагов и стали союзниками в борьбе против них».

Весной 1941 года в Багдаде тайно побывал адмирал Вильгельм Канарис, начальник управления разведки и

контрразведки. Вскоре после его отъезда Рашид Али аль-Гайлани и поднял восстание.

Германо-советский союз еще существовал, и Москва признала новое правительство, а Иракская коммунистическая партия получила указание поддержать восстание генерала Гайлани.

Через месяц, когда Германия напала на Советский Союз, настроения в Москве изменились. Англия из «империалистического государства» превратилось в «демократическое», а иракские «офицеры-патриоты» стали «агентами нацистов». Иракским коммунистам было приказано бороться с режимом генерала Гайлани.

Берлин обещал великому муфтию и иракскому генералу Гайлани помощь в борьбе с англичанами и «еврейским элементом». В Ирак немедленно отправились немецкие летчики. Генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель, начальник штаба верховного главнокомандования вермахта, распорядился выделить Ираку оружие, которое доставлялось через территорию Сирии. Взамен немцы рассчитывали получать из Ирака нефть и другие полезные ископаемые. Однако английские войска достаточно быстро справились с восстанием генерала Гайлани. Но прежде, чем англичане вступили в Багдад, великий муфтий устроил там двухдневный погром: были убиты сотни евреев.

Генерал и Хадж Амин бежали в Иран, а оттуда через Турцию — в Европу. В октябре 1941 года, в дни тяжелейших боев под Москвой, самолет с великим муфтием приземлился в Италии. Его принял сам Муссолини и с почестями отправил дальше в Берлин.

Сохранились кадры кинохроники — великого муфтия торжественно встретили Гитлер и рейхсфюрер СС Гиммлер. Только теперь муфтий смог побеседовать с Эйхманом. Это была встреча единомышленников, связанных единой целью. Адольф Эйхман занял пост начальника сектора по делам евреев Главного управления имперской безопасности. Великий муфтий говорил Эйхману, что «охотнее всего увидел бы всех евреев убитыми».

Несколько тысяч детей-евреев из Польши немцы предполагали выслать в Палестину. Великий муфтий направил рейхсфюреру СС Генриху Гиммлеру официальный про-

тест: «Эти еврейские дети вырастут и станут подкреплением еврейскому элементу в Палестине». Гиммлер отменил приказ, и детей отправили в лагерь уничтожения.

В сопровождении гауптштурмфюрера СС Алоиза Бруннера муфтий осмотрел концлагерь Заксенхаузен и лагеря смерти Майданек и Освенцим. В благодарность за давнюю услугу муфтий после войны укроет военного преступника Алоиза Бруннера на Ближнем Востоке — в Сирии.

Одного из своих племянников муфтий определил к Эйхману — учиться, как надо убивать евреев.

Сам великий муфтий проводил время в Берлине не впустую. Он писал болгарскому министру иностранных дел (Болгария была союзницей нацистской Германии):

«Было бы целесообразно воспрепятствовать выезду за границу евреев из Вашей страны и послать их туда, где они будут находиться под строгим контролем, например в Польшу. Таким образом, можно совершить доброе дело по отношению к арабскому народу».

К советам муфтия прислушивались. Четыре тысячи еврейских детей из Болгарии отправились в Освенцим.

Иерусалимский гость получал в Берлине семьдесят пять тысяч марок ежемесячно. Вальтер Шелленберг, начальник политической разведки нацистской Германии, вспоминал о встречах с муфтием с раздражением: «Он был мошенником, ему всегда надо было много денег. То, что он от нас получил, он вывез к себе. Я думаю, у него был прекрасный транзитный канал через Швейцарию. От меня он получил четверть центнера золота (из Имперского банка) и пятьдесят тысяч долларов».

Деньги частично шли на внедрение немецкой агентуры на Ближнем Востоке, но в основном были платой за сотрудничество. Гиммлер приказал создать мусульманские формирования в составе добровольческих войск СС. Великий муфтий вызвался помочь.

Он отправился в Боснию, чтобы мобилизовать на священную войну боснийских мусульман. Они составили добровольческую горно-стрелковую дивизию войск СС Боснии и Герцеговины (13-я дивизия СС). Муфтий вдохновлял молодых босняков на борьбу с иноверцами — сербами и хорватами. На совести этой дивизии уничтожение

югославских партизан и мирного населения. Великий муфтий вербовал в эсэсовцы и советских мусульман — бойцов Красной армии, выходцев с Кавказа и Средней Азии, попавших в немецкий плен...

В 1945-м новое югославское правительство маршала Иосипа Броз Тито внесло великого муфтия в список военных преступников, подлежащих суду. Он обвинялся в сотрудничестве с нацистами, убийстве тысяч сербов и хорватов. Но великому муфтию удалось избежать наказания.

В последний раз он объявился в Берлине в первых числах апреля 1945 года, чтобы получить причитающиеся ему пятьдесят тысяч марок. Оттуда он вылетел в Берн, но швейцарские власти передали его французам.

В этот момент египетское правительство и генеральный секретарь Арабской Лиги обратились в маршалу Тито с просьбой не требовать выдачи великого муфтия во имя добрых отношений с арабским миром.

Вчерашний партизан Тито уже стал государственным деятелем, и внешнеполитические соображения были важнее наказания военных преступников. Тито прислушался к просьбе египтян. Югославский суд удовольствовался тем, что вынес великому муфтию заочный приговор. Выдачи муфтия Югославия не потребовала.

Летом 1945 года муфтий вернулся в Каир. Теперь он посвятил все силы борьбе против обсуждавшегося в ООН раздела Палестины и создания еврейского государства. Он вновь призвал убивать евреев. Каждый, кто желал мира с евреями, становился личным врагом великого муфтия...

Глава 11

КОРОЛЯ УБИЛИ НА ХРАМОВОЙ ГОРЕ

20 июля 1951 года, в пятницу, когда все мусульмане возносят молитву Аллаху, король Иордании Абдаллах ибн Хусейн появился на широкой площади перед двумя великими святынями ислама на Храмовой площади. Когда-то здесь стоял иудейский храм Соломона, от которого осталась только часть наружной ограды — Стена Плача, превращенная иорданцами в мусорную свалку. По согла-

шению о перемирии 1949 года, израильтяне должны были получить доступ к своим религиозным святыням. Но в арабскую часть города их не пускали.

Мечеть Аль-Акса провозглашала триумф пророка Мохаммеда, который вознесся отсюда в небо. Король Абдаллах считал себя прямым потомком пророка в тридцать седьмом колене.

Короля сопровождал пятнадцатилетний внук и несколько телохранителей. Король помолился у могилы своего отца — Хусейна ибн Али, изгнанного когда-то из Саудовской Аравии.

Шейх Большой Иерусалимской мечети хотел поцеловать королю руку, телохранители, пропуская его, отступили, и тогда какой-то молодой человек подскочил к королю и выстрелил ему в голову. Телохранители вместо того, чтобы схватить убийцу, застрелили его и открыли огонь по обезумевшей от страха толпе. Погибло еще двадцать ни в чем не повинных человек.

Иорданского короля Абдаллаха убили, потому что он собирался помириться с Израилем.

На следующий день, в субботу, король Абдаллах должен был тайно встретиться с двумя израильскими дипломатами — преступное, по мнению многих ближневосточных политиков, для араба дело. Один из этих дипломатов — Моше Сасон — слушал прямую радиопередачу из мечети Аль-Акса. Он хотел знать, о чем будет говориться в проповеди, чтобы лучше подготовиться к встрече с королем. Вместо проповеди он услышал выстрел, а затем автоматную очередь. Сасон позвонил в штаб наблюдателей ООН в Иерусалиме и обеспокоенно спросил дежурного офицера:

— Что происходит в Старом городе?

Дежурный офицер лениво ответил:

— Очень уж вы, израильтяне, нервные. Там ничего не происходит. Король молится в мечети.

Через десять минут офицер сам перезвонил Сасону. От его спокойствия не осталось и следа:

— Откуда вы узнали?

— О чем?

— О том, что король убит!..

Незадолго до покушения Моше Сасон спросил короля, почему тот хочет заключить мир с евреями.

— Это в интересах моего народа, — ответил король. — Если мы не заключим мир, будет еще одна война, и еще одна война, и еще одна война — и мы проиграем.

Король Абдаллах до конца своей жизни оставался сторонником Британской империи, которая перестала быть властелином мира, и в этом смысле безнадежно отстал от времени. Пытаясь заключить мир с Израилем, король опередил время.

Абдаллах происходил из семьи хашемитов, обитавшей в священном городе Мекке, куда стекаются паломники со всего мира. Город находился под турецким господством.

Молодой Абдаллах, мечтавший о троне, сговорился с британским военным министром лордом Китченером и поднял восстание против турок. Мятежом фактически руководил знаменитый Лоуренс Аравийский — сотрудник британской разведки Томас Эдвард Лоуренс.

Конгресс арабских националистов в марте 1920 года провозгласил Абдаллаха королем Ирака, а его брата Фейсала королем Сирии.

Но европейские державы — победительницы в Первой мировой войне — установили новый порядок на Ближнем Востоке. Лига Наций вручила Англии мандат на управление Ираком и Палестиной (включая территорию нынешней Иордании), а Сирия и Ливан стали французской подмандатной территорией.

Французы начали с того, что прогнали короля Фейсала из Сирии. Англичане посадили его на иракский трон. Король Абдаллах остался ни с чем.

Тогда он сам создал себе королевство. В ноябре 1920 года с небольшой свитой он приехал в маленький город Амман, где было всего несколько тысяч жителей, в основном выходцы с Кавказа — черкесы (в Иордании черкесами именовали также и кабардинцев, лезгин, осетин), которые служили в качестве наемников в турецкой армии, и провозгласил себя королем.

Англичане первоначально собирались прогнать новоювленного короля. Но министр по колониальным делам Уинстон Черчилль решил, что небольшое буферное госу-

дарство между евреями, сирийцами, иракцами и саудитами Британской империи не повредит, и оказался прав.

Черчилль создал эмират Трансиордания с населением в двести тридцать тысяч жителей, немалую часть которых составляли кочующие бедуины. В этом государстве была одна-единственная железная дорога, построенная для перевозки паломников к священным местам, но не было ни одной заасфальтированной улицы. Для пополнения своего государственного бюджета Абдаллах ежегодно получал от англичан сто пятьдесят тысяч фунтов стерлингов. Ядро армии Абдаллаха — Арабского легиона — составляли британские офицеры во главе с полковником Джоном Глабом.

Когда после Второй мировой войны требования евреев о создании самостоятельного государства в Палестине отвергать стало уже невозможно, в Лондоне оценили глубину давнего замысла Уинстона Черчилля.

Англичане предложили разделить Палестину на две части, еврейскую и арабскую, отдав последнюю королю Абдаллаху. Как шутил тогда будущий премьер-министр Израиля Давид Бен-Гурион, речь шла о разделе Палестины на Иудею и Абдаллею.

Англичане превратили Абдаллаха из эмира Трансиордании в короля независимой Иордании.

В головах некоторых европейских и арабских политиков даже витала идея федерации арабских государств — Сирии, Ливана, Палестины и Иордании — под управлением Абдаллаха. Но этой идее не суждено было реализоваться.

Король Абдаллах никогда не чувствовал ненависти к евреям, подобной той, что терзала сердце великого муфтия Иерусалима Хадж Амина и привела его к Гитлеру и Гимmlеру.

Иорданский король охотно приглашал к себе еврейских инженеров и бизнесменов, которые построили ему гидроэлектростанцию, провели электричество и воду в его дворец.

Абдаллах не возражал против увеличения иммиграции в Палестину евреев, появление которых способствовало стремительному развитию отсталого региона.

В августе 1946 года к королю приехал Элиаху Сассон, специалист по арабским делам в Еврейском агентстве (это был прообраз будущего правительства Израиля). Выходец из Сирии, Сассон начинал свою политическую деятельность в Дамаске как арабский националист, помогая арабам сражаться с французами за независимость. У него были широкие связи в арабском мире, и он пытался как-то совместить еврейский национализм с арабским.

Король Абдаллах предложил Сассону два варианта раздела Палестины: либо образовать совместное арабско-еврейское государство под управлением короля, либо создать для евреев свое государство, а палестинских арабов включить в Хашимитское Королевство Абдаллаха.

Король говорил Сассону:

— Советую вам поддержать мое предложение. Иначе появится большое арабское государство, в котором будут править ваши злейшие враги.

Король Абдаллах довольно успешно играл в две игры. На встречах лидеров арабских стран он убежденно говорил о единстве арабов, а с евреями спокойно договаривался о разделе Палестины.

Король чувствовал себя уверенно. Его Арабский легион был сильнее всех других арабских формирований. Абдаллаху хотелось увеличить свое маленькое королевство, и он собирался сделать это самым простым способом. Он решил, что, как только англичане уйдут, его армия перейдет через реку Иордан и присоединит к своему королевству арабскую часть Палестины. Король Абдаллах полагал, что нет нужды создавать еще одно государство палестинских арабов, всем палестинцам надо жить в его королевстве.

Моше Шаретт, будущий первый министр иностранных дел Израиля, попытался еще до провозглашения Израиля начать переговоры с иорданским королем в надежде побудить его признать еврейское государство.

Шаретт родился в России, в Херсоне. В Палестину его привезли в возрасте тринадцати лет. Он учился в Стамбуле, во время Первой мировой войне служил в турецкой армии. Он был организатором еврейской полиции, которая противостояла еврейским погромам в Палестине.

Посредником в переговорах с королем Абдаллахом был Генеральный консул Бельгии в Иерусалиме Жан Нивенхус. Шаретт был подходящей кандидатурой для переговоров с королем, потому что он свободно говорил по-арабски, знал арабскую культуру и понимал арабов.

Но Шаретту в последний момент пришлось уехать на Генеральную Ассамблею ООН, и к королю прибыла Голда Меир, заместитель Шаретта.

Это был неудачный выбор. Арабский монарх считал ниже своего достоинства иметь дело с женщиной-политиком, а Голда Меир, родившаяся в России и выросшая в Америке, в отличие от Элиаху Сассона и Моше Шаретта, не знала тонкостей восточной политики. Она предпочитала прямые и откровенные разговоры, непривычные для арабской дипломатии.

Голда Меир, которая недавно приехала из Америки, как и другие евреи — новички в Палестине, судила о настроениях короля Абдаллаха по его официальным заявлениям.

Она еще не поняла, что в арабской политике истинные намерения никогда не высказываются вслух. Голда Меир ошибочно решила, что король — такой же враг еврейского государства, как и другие арабские монархи.

Но это было не так. Король Абдаллах считал, что арабы должны объединиться с евреями и догнать европейские страны, от которых Арабский Восток безнадежно отстал.

Абдаллах встретил Голду Меир вполне доброжелательно. Он говорил о евреях цветисто и красиво:

— Божественное Провидение возвратило вас сюда на этот семитский Восток, который нуждается в ваших знаниях и в вашей инициативе. С вашей помощью семиты могут возродиться к прежней славе.

Но заключать соглашение с женщиной король не хотел.

Голда Меир была неудачным партнером для Абдаллаха. Король заметил одному из своих придворных:

— Я выражаю глубокое уважение Израилю, где женщина может занять столь высокий пост. Но я не могу серьезно относиться к словам, сказанным мне женщиной, а не мужчиной...

Абдаллах и Голда Меир были, по сути, чрезвычайно близки к согласию, но Голда этого не понимала. Король предложил заключить простое соглашение: он оккупирует арабскую часть Палестины и присоединит ее к своему королевству, но не тронет еврейское государство.

Однако сразу же это соглашение не было подписано, а стремительно развивающиеся события вскоре сделали договор между Израилем и Иорданией невозможным.

Сразу же после решения Организации Объединенных Наций в 1947 году о разделе Палестины арабские войска приготовились со всех сторон обрушиться на еврейские поселения. Арабы были уверены, что легко займут всю Палестину и вопрос о создании еврейского государства отпадет сам собой.

В арабском мире ненависть к Израилю достигла такого накала, что король Абдаллах уже не мог, на свой страх и риск, заключить мир с Тель-Авивом. Он тайно послал к еврейским руководителям своего личного секретаря с вопросом: не согласятся ли евреи уступить ему немного больше земли, чем предусмотрено планом ООН, чтобы король мог оправдать перед арабами заключение сепаратного мира с Израилем?

Но и евреи уже были охвачены боевым пылом. Впервые за две тысячи лет они могли защищать свои жизни с оружием в руках и намеревались сражаться до конца. Они ответили королю, что если арабские государства не признают границы, намеченные ООН, то эти границы и для Израиля не будут обязательными. Израиль намерен сражаться, и каждый получит то, что сумеет завоевать силой оружия.

Шанс сохранить мир между Иорданией и Израилем был упущен.

Впрочем, за четыре дня до провозглашения государства Израиль Голда Меир, переодетая бедуином, вновь приехала к королю. Король разговаривал с ней в своем обычном стиле:

— Неужели вы не понимаете, что евреям жилось бы значительно лучше под моим управлением? Почему евреи так торопятся создать собственное государство?

Голда отвергла обвинение в нетерпении:

— Вот уж в неспособности быть терпеливыми евреев никак нельзя упрекнуть. Мы ведь ждали возможности восстановить свое государство две тысячи лет. Если король не в состоянии соблюдать уже достигнутые договоренности, — сурово заключила она, — война неизбежна.

Король говорил:

— Нам с вами не нужны Америка и Европа. Мы, дети Востока, должны явить миру чудо — сядем за стол переговоров и обо всем договоримся.

Американизированная Голда Меир меньше всего чувствовала себя «дочерью Востока»... Переговоры ничем не закончились.

14 мая 1948 года было провозглашено Государство Израиль. На следующий день генеральный секретарь Арабской Лиги заявил: «Это будет война на уничтожение и грандиозная резня». Представитель великого муфтия Ахмед Шукейри добавил: «Наша цель — уничтожение еврейского государства».

Арабские националисты гордо заявляли:

«15 мая 1948 года на территорию Палестины были введены армии арабских государств для того, чтобы силой помешать совершению такого преступления, как создание там еврейского государства... Арабский народ будет решительно бороться против этого гнуснейшего преступления, совершенного империализмом и евреями».

Только коммунистические партии Сирии и Ливана, подчиняясь приказу из Москвы, потребовали прекращения войны и вывода войск реакционных арабских режимов из Палестины. Иракские коммунисты провели демонстрацию в поддержку раздела Палестины на два государства. Во главе демонстрации шли два коммуниста — араб и еврей, взявшись за руки. Они символизировали арабо-еврейскую дружбу.

Король Абдаллах, под начало которого были отданы воинские формирования всех арабских стран, приказал своей армии атаковать Израиль. Его Арабский легион методично захватил один за другим населенные пункты, которые король намеревался включить в состав Иордании, и устремился к Иерусалиму — этот древний город, колыбель трех религий, был главной целью всех участников войны.

Командовал Арабским легионом британский офицер Джон Глаб. Официально он именовался начальником штаба, потому что формально командующим был сам король. Глаб провел на Арабском Востоке не одно десятилетие, прекрасно выучил арабский язык, знал и уважал местные обычаи. Ключевые посты в легионе занимали британцы, офицерский корпус состоял в основном из черкесов. Арабы служили рядовыми солдатами. Казалось, эту армию ничто не сможет остановить.

В ночь с 14-го на 15 мая Бен-Гуриона подняли с постели: американский президент Трумэн признал Государство Израиль де-факто. Советский Союз признал Израиль де-юре. Утром Бен-Гурион в прямом эфире обратился по радио к американскому народу. Едва он начал говорить, рядом раздался грохот взрывающихся бомб — это египетская авиация бомбила только что созданное еврейское государство. Бен-Гурион вежливо объяснил далеким американским слушателям, что Израиль бомбят, и продолжил свою речь.

К удивлению всего мира, еврейские отряды самообороны отразили атаку и постепенно стали брать верх в первой арабо-израильской войне.

В Аммане сторонники Абдаллаха провели 1 октября 1948 года митинг палестинских беженцев, которые попросили короля взять Палестину под свое управление. Через две недели коптский епископ Иерусалима (копты — группа египетских арабов, исповедующих христианство) объявил Абдаллаха королем Палестины. Но таким путем Абдаллах только нажил себе новых врагов.

Прибрать Палестину к рукам намеревался и египетский король Фарук. Возненавидел Абдаллаха и великий муфтий Иерусалима. Египетский король Фарук в 1948 году назначил Хадж Амина главой несуществующего палестинского правительства. А король Абдаллах освободил Хадж Амина от должности великого муфтия и председателя Высшего исламского совета.

В декабре в Иерихоне собралось две тысячи палестинских сторонников короля Абдаллаха, которые призвали объединить Трансиорданию и Палестину.

23 апреля 1950 года парламент в Аммане провозгласил создание единого Иорданского Хашимитского Королевства. В правительство и в парламент были включены палестинцы. Абдаллах обещал, что любой палестинец, который пожелает стать его подданным, получит иорданский паспорт.

В его королевстве оказалось четыреста пятьдесят тысяч иорданцев и вдвое больше беженцев из Палестины. Многие из них ненавидели короля: он вовсе не собирался помогать палестинским арабам сбросить евреев в море и создать свое государство. Его интересовало только расширение границ его собственного королевства.

Фронт между Иорданией и Израилем стабилизировался на линии, которая устраивала и евреев, и короля.

В апреле 1949-го года на греческом острове Родос при формальном участии американцев было подписано перемирие между Израилем и Иорданией. В военном смысле это соглашение было выгодно Израилю: король вынужден был отступить с части захваченных им палестинских территорий.

Израильтяне вновь начали секретные переговоры с королем Абдаллахом. В мае министр иностранных дел Израиля Моше Шаретт приехал к королю, который сказал, что готов подписать мир, если получит выход к Средиземному морю в районе сектора Газа. На это не мог пойти даже Шаретт, потому что Израиль в таком случае оказался бы разделенным на две части и нежизнеспособным.

Руководители еврейского государства предложили королю двигаться к мирному соглашению постепенно, шаг за шагом. Это было ошибкой. Через много лет, установив тайные контакты с египетским президентом Анваром Садатом, израильтяне поймут, что в таких ситуациях постепенность не годится. Главные решения надо принимать сразу. Но в 1949 году палестинские евреи еще не понимали, что им предстоит десятилетия безысходной вооруженной конфронтации с арабскими соседями.

За три месяца — с ноября 1949-го по февраль 1950-го — израильтяне двенадцать раз приезжали к королю.

Премьер-министр Давид Бен-Гурион повторял в те дни, что Израиль не может постоянно вести войну. Надо

закрыть книгу войны, хотя бы на время. Нужен мир для того, чтобы позволить евреям со всего мира перебраться в Израиль. Только массовая иммиграция сделает страну процветающей.

Для продолжения секретных переговоров с иорданским королем премьер-министр Бен-Гурион выбрал молодого офицера Моше Даяна, одного из своих любимцев.

Выбор был не случайным. Даян вырос среди арабов, свободно говорил по-арабски и, как считали многие, даже умел «думать как араб».

У юного Даяна всегда были хорошие отношения с арабскими соседями. Он знал их жизнь и уважал тяжелый труд арабов-земледельцев. Он считал, что палестинские евреи могут жить с ними в мире. Он вспоминал о том, что раньше, когда еврейские ребята заходили в арабские деревни, молодые арабы бросали в них камнями. Но старые арабы неизменно приходили евреям на помощь. Старики заводили евреев в свои дома, угощали маслинами и лепешками.

Когда англичане арестовали Даяна как участника еврейской самообороны, в тюрьме он оказался вместе с арабскими националистами. Отношения были вполне дружескими и уважительными. Евреи и арабы страдали от общего врага — от англичан. И те и другие были движимы национальной идеей и были готовы отдать за нее жизнь. На арабские праздники арабские заключенные приглашали евреев, на еврейские праздники евреи звали арабов в свои камеры и угощали чем могли.

— Если мы могли поладить в тюрьме, — резонно говорил Даян, — почему бы не попробовать сговориться в более комфортных условиях — на воле?

Премьер-министр Бен-Гурион, отправляя Даяна на переговоры с королем Абдаллахом, сказал ему:

— Наше будущее — это мир и дружба с арабами. Я сторонник переговоров с королем Абдаллахом, хотя сомневаюсь, что англичане позволят ему заключить мир с нами.

Вместе с Моше Даяном на переговоры с иорданцами ездил Реувен Шилоах, который тогда работал в министерстве иностранных дел, а позднее станет первым руководителем политической разведки — Моссад.

Даян командовал израильскими войсками в Иерусалиме. У него быстро установились тесные контакты с иорданским полковником Абдаллахом аль-Теллем, которому подчинялись все арабские войска в районе Иерусалима.

Оба офицера вполне ладили. И иорданский полковник по-свойски часто просил Даяна напоминать редакторам еврейских газет, чтобы они не забывали писать о тупой враждебности полковника аль-Телля к Израилю. Ему это нужно было для поддержания своей репутации на родине.

Полковник аль-Телль возил Даяна на встречу со своим королем. Полковник сажал Даяна к себе в машину и провозил через арабские посты, не ставя никого в известность. Израильтяне закутывались в арабские одежды.

Днем, проезжая мимо контрольно-пропускного пункта, они просто ложились на дно машины, но риск был большой. Однажды проверявший машину арабский солдат, видимо, узнал Моше Даяна, чье лицо было уже многим знакомо по фотографиям. Полковник аль-Телль побледнел:

— Они же нас сначала расстреляют, а затем только начнут задавать вопросы...

Но все обошлось.

Переговорам с иорданским королем предшествовала обыкновенно трапеза. Иногда король предлагал сыграть в шахматы, иногда он читал гостям свои поэмы. В шахматы полагалось ему проигрывать, его поэзией восхищаться.

Но не следовало недооценивать Абдаллаха. Он был мудрым человеком, лидером, способным принимать решения и нести за них полную ответственность.

Король Абдаллах вполне доброжелательно разговаривал с израильтянами. Он не любил только Голду Меир. Когда ему сказали, что теперь Голда Меир уехала послом в Москву, король радостно воскликнул:

— Оставьте ее там, оставьте ее там!

К Моше Шаретту король сначала отнесся очень хорошо. Шаретт говорил на отличном арабском, обладал прекрасными манерами и знал, как вести себя в присутствии короля.

Но однажды Шаретт все испортил.

Встреча проходила ночью, было очень душно, все обливались потом, отмахивались от moskitov.

Рассуждая о политике, король между прочим сказал, что Китай не был членом Лиги Наций. Дотошный Шаретт поправил его, сказав, что Китай входил в Лигу Наций.

Но короли, как известно, никогда не ошибаются, и Абдаллах продолжал стоять на своем, а Шаретт с демонстративным спокойствием воспитателя в детском саду твердил, что Китай конечно же был членом Лиги.

Разумеется, на этом встреча закончилась, как и доброе отношение короля к Шаретту. В машине на обратном пути Моше Даян спросил Шаретта, какая муха его укусила. Шаретт посмотрел на него с некоторым удивлением:

— Но ведь Китай же был членом Лиги Наций!

Впрочем, Моше Даян тоже не был большим дипломатом.

Однажды на переговорах, когда король Иордании стал пространно рассуждать о том, на какие большие жертвы он согласен пойти ради продолжения переговоров с Израилем, Даян, не сдержавшись, сказал ему, что все трое военных, входящих в израильскую делегацию — Ядин, Харкаби и сам Даян — потеряли младших братьев в этой войне:

— Этой войны Израиль не хотел. Она бы не началась, если бы арабские страны, включая Иорданию, не напали на нас. О компромиссах и уступках надо говорить до войны — для того, чтобы ее предотвратить. А после войны надо разбираться с ее последствиями и поскорее подводить черту.

Король перевел разговор на другую тему.

К концу 1949 года иорданские дипломаты вместе с Ревенем Шилоахом подготовили документ, который назывался «Принципы окончательного территориального урегулирования».

Моше Даян не был уверен, подпишет ли этот компромиссный документ, требовавший уступок с обеих сторон, израильское правительство. Премьер-министр Бен-Гурион неодобрительно крутил носом, пока читал его. Но Израилю не пришлось принимать трудное решение.

Король Абдаллах вдруг сказал, что его друг, британский посланник, сказал ему, что Иордании не следует подписывать такой документ, пока этого не сделает ведущее арабское государство — Египет. Король просил израильтян считать этот документ недействительным.

Абдаллах предложил взамен подписать пакт о ненападении сроком на пять лет и начать свободную торговлю между двумя странами. 24 февраля 1950 года этот пакт был парафирован. До самого Кэмп-Дэвидского соглашения с Египтом Израиль никогда не был так близок к миру со своим арабским соседом.

Но соглашение не вступило в силу. Иорданский полковник аль-Телль, партнер Даяна на переговорах, внезапно бежал в Египет и рассказал о секретных переговорах короля с израильтянами.

Король Абдаллах переоценил свое влияние в арабском мире и недооценил ненависть арабов к Израилю. Король оказался один против всего арабского мира, который сделал из него козла отпущения за поражение в двух войнах с Израилем.

Арабская Лига приняла решение исключить из своего состава любое арабское государство, которое пойдет на отдельные переговоры с Израилем.

Но и внутри собственной страны король не чувствовал себя уверенно. Нищие в Аммане и Восточном Иерусалиме, палестинские беженцы видели в нем предателя. Король был обречен.

Люди великого муфтия нашли в Иордании фанатиков, согласившихся уничтожить «прислужника сионистов». Убийцей оказался двадцатиднолетний Мустафа Шукри Ашӯ, бедный иерусалимский портной. Иорданская полиция распутала потом заговор, который привел к смерти короля, нашли и людей, толкнувших портного на преступление.

На скамью подсудимых посадили восьмерых заговорщиков, принадлежавших к террористической группе «Организация священной войны».

Заочно судили бывшего командира частей Арабского легиона в Иерусалиме полковника аль-Телля, который укрылся в Каире. Египетские власти полковника не вы-

дали, и в 1963 году полковник примет участие в заговоре с целью свержения нового иорданского короля — Хусейна.

Процесс был закрытым, всех приговорили к смертной казни через повешение — среди них племянника великого муфтия Иерусалима Мусу аль-Хуссейни, того самого, который сотрудничал со штурмбаннфюрером СС Адольфом Эйхманом.

Муса после разгрома нацистской Германии вернулся из разрушенного Берлина с немецкой женой, открыл бюро путешествий, но на самом деле продолжал борьбу против евреев и их союзников, пока не нашел свою смерть на вилле...

Убийство иорданского короля самому великому муфтию не принесло особых политических дивидендов. В арабском мире к власти приходило новое поколение, Хадж Амин новым лидерам был не нужен.

Когда Гамаль Абдель Насер взял власть в Египте, он закрыл представительство бывшего великого муфтия в Каире и позаботился о создании Организации освобождения Палестины. ООП возглавил ученик муфтия Ахмед Шукейри. Но оставшийся в одиночестве и злой на весь мир Хадж Амин заявил, что ООП не выражает интересы палестинского народа и вообще появилась на свет в результате еврейско-империалистического заговора.

Через несколько лет он изменил свою точку зрения. И не только потому, что ООП приняла Национальную хартию, требующую уничтожить Израиль. В феврале 1969 года новым председателем Организации освобождения Палестины стал еще один племянник великого муфтия — Абд аль-Рахман Абд аль-Рауф Арафат аль-Кудва аль-Хуссейни, предпочитающий называть себя короче — Ясир Арафат. В одном из ранних интервью Ясир Арафат рассказал кое-какие подробности своей жизни: «Меня учил один бывший немецкий офицер, который после разгрома Германии в 1945 году вместе с моими родственниками перебрался в Каир».

Бывший муфтий умер в 1974 году в Бейруте. Арабские правительства прислали на похороны своих представителей. Его хоронил и племянник — Ясир Арафат, посвятив-

ший всю свою жизнь созданию палестинского государства, которое, если бы не его дядя Хадж Амин, могло бы появиться на свет еще в 1948 году...

Современная история Ближнего Востока в определенном смысле реестр несбывшихся надежд и нереализованных возможностей. Эта история была бы менее кровавой, если бы 20 июля 1951 года не убили иорданского короля Абдаллаха. Его смерть была грозным предупреждением каждому арабскому политику, который задумывался о мире с Израилем.

После смерти Абдаллаха трон должен был наследовать его сын — принц эмир Талал, но он властвовал только девять месяцев. Его отстранили от власти по причине психического нездоровья. Королем стал несовершеннолетний внук Абдаллаха принц Хусейн.

Король Хусейн, как и его дед, король Абдаллах, был наделен обаянием и немалым мужеством. Он мог спокойно появиться посреди беснующейся толпы или посетить воинскую часть, не взяв с собой охраны и не боясь за свою жизнь.

Король Хусейн не меньше своего деда был расположен к Израилю, но понимал, как трудно убедить в необходимости мира собственных подданных, большую часть которых составляют палестинские арабы.

В отличие от Абдаллаха, он был просвещенным монархом. Он прекрасно понимал пределы своей власти. Он знал, что не может делать то, что не понравится его собственным подданным и арабскому миру в целом.

В самой плодородной и богатой части Хашимитского Королевства живут палестинцы, которые считают, что его дед — эмир Абдаллах, основатель Хашимитского королевства, предал палестинское дело и пошел на союз с Израилем. Многие населяющие Иорданию палестинцы вообще считают королевство искусственным образованием.

Короля Хусейна всегда тревожила перспектива создания независимого палестинского государства. Он понимал, что рано или поздно палестинцы захотят получить и часть территории Иордании, что никак не устраивало короля. Поэтому он старался не ссориться с палестин-

скими боевыми организациями и позволял им использовать территорию Иордании для вылазок против Израиля.

Он удержался от участия в войнах 1956-го, 1973-го и 1982 годов, но он вступил в «шестидневную войну» 1967 года и потерял то, что приобрел его дед Абдаллах, — Западную Иорданию.

Король Хусейн несколько раз тайно встречался с израильскими политиками. Но предложить Израилю мир он решился только в 1994 году. Он до конца своих дней не мог забыть, как 20 июля 1951 года на его глазах у Большой Иерусалимской мечети был убит его дед — король Абдаллах, — только за то, что он хотел заключить мир с Израилем.

Глава 12

ПОСЫЛКА ДЛЯ ПОЛКОВНИКА

Палестинцы, переходя границу, занимались в Израиле воровством, перерезали телефонные провода, убивали мирных жителей. Потом эти акции приобрели организованный характер. С 1954 года действиями боевиков руководила египетская военная разведка. В марте палестинцы захватили израильский автобус в пустыне Негев и убили одиннадцать пассажиров.

С середины 1955 года организация террористических рейдов в глубь Израиля стала стратегией египетской разведки, которая готовила палестинские боевые группы и финансировала их операции. Постепенно к этому подключились сирийская и иорданская спецслужбы. Израильские границы оставались прозрачными, перейти через них было несложно.

Цель египтян была очевидной — создать внутри Израиля атмосферу страха, подорвать веру людей в способность полиции и армии обеспечить безопасность. Египтяне надеялись, что это отобьет у евреев из разных стран желание переезжать в Палестину. Одновременно успешные операции должны были укрепить моральный и боевой дух египетской армии.

Израильская разведка занялась поиском палестинских баз и выяснением маршрутов движения боевых групп. Было решено не только пресекать боевые акции, но и наносить превентивные удары. Главным источником информации стали арабы, живущие у границы или в лагерях беженцев.

Пока террористические операции носили случайный характер, бороться с боевиками было трудно. Когда египетская разведка взяла их под контроль, израильтянам в определенном смысле стало легче — надо было только понять методы египтян. А захваченные с оружием в руках палестинцы на допросах обычно все рассказывали.

Руководил операциями с территории Египта полковник Мустафа Хафез, который возглавлял египетскую разведку в секторе Газа. Вечером 11 июля 1956 года полковник сидел в саду перед зданием штаба вместе с майором Имру аль-Хариди. Они ждали возвращения своего агента Мохаммеда аль-Талалки. Тот был двойным агентом, работал и на египтян, и на израильтян. Но полковник Мустафа Хафез был уверен, что получает больше, чем израильтяне.

На самом деле израильская военная разведка Талалке не доверяла — после того, как записала его откровенный разговор с родственником, который тоже был двойным агентом. Это у них было семейным способом зарабатывания на жизнь...

На сей раз Талалка вернулся от израильтян в хорошем настроении. Они дали ему книгу, завернутую в коричневую бумагу, которую следовало передать инспектору египетской полиции в Газе. Агент хотел передать книгу полицейскому, но полковника Хафеза одолело любопытство. Он поспешно развернул бумагу, и четыреста граммов взрывчатки взорвались у него в руках. Полковник Хафез скончался через несколько часов.

Египетский военный атташе в Иордании подполковник Салах Мустафа оказался еще более беспечным человеком. Он работал вместе с полковником Хафезом, организуя атаки террористов через иорданскую границу.

Подполковник Мустафа уже должен был знать, что произошло с коллегой-полковником. Тем не менее бук-

важно на следующий день его водитель забрал на центральном почтамте посылку из Восточного (арабского) Иерусалима и привез хозяину. На посылке значился отправитель — штаб-квартира группы наблюдателей ООН. В пакете была биография гитлеровского генерал-фельдмаршала фон Рундштедта.

Египетский атташе взял посылку из рук шофера и раскрыл ее... Подполковник Мустафа умер от последствий взрыва через несколько часов.

Обе посылки были отправлены израильской военной разведкой. Начальник генерального штаба Моше Даян считал, что ответные удары по стране, с территории которой осуществляются террористические акции, должны повлиять на соответствующее правительство. И пока вылазки боевиков не прекратятся, израильская армия будет наносить все новые удары, демонстрируя слабость арабских армий. Зная психологию арабов, он понимал, что потеря лица для них ужаснее всего.

Акции возмездия чаще всего поручались молодому офицеру-десантнику Ариэлю Шарону, которым в армии восхищались. Будущий начальник генерального штаба генерал Рафаэль Эйтан считал, что Шарон рационален и холоден до такой степени, что кровь леденеет в жилах.

Он командовал специальным подразделением номер 101, куда направляли лучших солдат. Это подразделение состояло исключительно из добровольцев.

Даян часто говорил, что не знает лучшего полевого командира, чем Арик Шарон.

Когда Даян стал командиром Северного военного округа, он обнаружил у себя в штабе двух отличных офицеров: начальника штаба полковника Хаима Бар-Лева и майора Ариэля Шарона, которого все называли Ариком. Первый впоследствии станет начальником генерального штаба и послом в России, другой министром обороны и главой правительства.

Как только Даян принял командование, он получил приказ генерального штаба взять в плен несколько иорданских солдат, потому что в плену у Иордании было несколько израильских солдат и иорданцы отказывались их отпустить. Даян поручил это задание Шарону. Не ус-

пело солнце сесть, как Шарон уже привел нескольких пленных из Арабского легиона.

Премьер-министр Бен-Гурион тоже высоко ценил Шарона. Когда, уже став начальником генерального штаба, Даян часто жаловался премьер-министру на своенравного Шарона, Бен-Гурион всегда становился на защиту своего любимца:

— Да, это он, конечно, нехорошо поступил, но, с другой стороны...

Бен-Гурион питал особую симпатию к трем генералам — Хайму Ласкову, Асафу Симхони и Арику. Они ему не просто нравились. Он ими восхищался. Все трое были прекрасными солдатами и соответствовали его образу идеального еврея. Такими же Бен-Гурион хотел видеть всех граждан Израиля — цельные люди, смелые воины, уверенные в себе.

Он презирал то, что две тысячи лет изгнания и преследований сделали с евреями. Он хотел, чтобы израильские евреи вернулись к временам первого храма (это X—VI век до нашей эры), когда народ жил на своей земле, обрабатывал ее, защищал ее, говорил на своем языке и имел собственную культуру.

Бен-Гурион часто повторял: «Евреи приезжают в Израиль из стран, где их кровь осталась неотмщенной, где разрешалось жестоко обращаться с ними, мучить их и бить. Они всегда были беспомощными жертвами. Мы должны показать им, что у еврейского народа есть государство и армия, которые не допустят, чтобы с ними и впредь обращались так же грубо».

Карательные операции подразделения 101 планировал один из руководителей оперативного управления генштаба Рехвам Зеэви. Он родился в Иерусалиме. Его отец был секретарем рабочего совета города. Будущему генералу прочили карьеру раввина, знатока торы. Он закончил сельскохозяйственную школу, а затем поступил в Пальмах — ударные роты еврейской самообороны. В 1948-м его взяли в разведку.

В армии его все называли Ганди, потому что, работая в киббуце, он носил странное одеяние, напоминающее традиционные одежды индийцев.

Когда он закончил курсы батальонных командиров, начальник курсов Ицхак Рабин (будущий премьер-министр) записал в его характеристике: «Закоренелый индивидуалист. Обладает острым и быстрым умом. Может занимать любую должность».

По складу характера Зеэви напоминал Ариэля Шарона, был таким же жестким и решительным, столь же легко пускал в ход оружие и не прятался за чужую спину.

В 1968-м Зеэви стал командующим Центральным военным округом, который включал большую часть оккупированных территорий. Его главная задача состояла в том, чтобы подавить проникновение террористов с территории Иордании. Зеэви начал с того, что приказал взрывать дома террористов, — в результате семья боевика оказывалась на улице. Количество террористических актов резко снизилось.

Генерал Зеэви лично участвовал в операциях против диверсантов, доказав, что не потерял боевых навыков за годы, проведенные в штабах. Весной 1969 года вблизи пещеры Махнела, куда приходит много туристов, один палестинский террорист открыл огонь по толпе. Оказавшийся рядом генерал Зеэви первым выхватил пистолет и застрелил его...

Во время операции, которую провели две роты израильских десантников под командованием Ариэля Шарона, было убито тридцать восемь египетских солдат. Это была пощечина Насеру и его генералам.

После нескольких карательных акций, проведенных израильтянами, Египет прекратил засылать палестинских боевиков на территорию Израиля.

Но тогда палестинцы стали делать это сами. А настоящий палестинский терроризм возник после «шестидневной войны» 1967 года. Под властью Израиля оказался почти миллион палестинцев, потрясенных поражением арабских армий и потерявших всякую надежду.

Моше Даян, который был уже министром обороны, сумел убедить правительство в том, что лояльность арабского населения на оккупированных территориях зависит от продолжительности пребывания израильских войск. То есть выводить армию не надо, арабы, считал министр, постепенно свыкнутся с такой жизнью.

Он же сформулировал израильскую политику на оккупированных территориях. Арабы не обязаны любить израильское военное управление, однако они вполне могут жить под ним. Единственное, что следует сделать, — это заставить их больше бояться израильскую армию, чтобы они боялись сотрудничать с террористами.

Даян открыл ворота для привлечения десятков тысяч арабов с оккупированных территорий для работы в сельском хозяйстве и промышленности Израиля. На оккупированных территориях впервые после 1948 года появились еврейские поселенцы. Но они селились только на тех территориях, которые до 1948 года принадлежали британской администрации, а до 1967 года — иорданскому правительству. Палестинских арабов не сгоняли со своей земли. Но очень скоро стало ясно, что палестинцы все равно не хотят жить под управлением израильтян.

До «шестидневной войны» Израиль противостоял арабским государствам. Теперь его главным противником стали палестинские боевые формирования.

Организация освобождения Палестины была создана как зонтик для множества различных палестинских организаций и групп, которые часто ненавидели друг друга.

Все группировки, которые входят в ООП, сохранили политическую, финансовую и военную независимость. Единой военной структуры и общего командования не было и нет.

Боевые части палестинцев были расположены в одиннадцати различных странах. Правда, в сентябре 1964 года в Египте, Сирии и Ираке были сформированы регулярные силы Палестинской освободительной армии, которая подчинялась исполкому Организации освобождения Палестины и Высшему военному совету палестинской революции.

Но помимо этой армии, существовало множество различных боевых групп, которые подчинялись не палестинскому руководству, а руководству тех стран, где они находились.

До «шестидневной войны» израильская разведка почти не занималась палестинцами, не считая их опасными. Палестинские боевые организации исчезали так же быстро, как и появлялись.

В 1964 году новый начальник военной разведки Аарон Ярив принимал дела у своего предшественника Меира Амита, который переходил в Моссад. Амит небрежно сказал:

— Организация освобождения Палестины никого не беспокоит. Можешь ООП даже не заниматься.

Впервые отдел, который специально занимался палестинцами, был создан в военной разведке только в 1965 году, когда начались боевые операции созданной Ясиром Арафатом организации ФАТХ.

До «шестидневной войны» палестинцы представляли большую опасность для иорданского короля Хусейна, а не для Израиля. Палестинцы составляли большинство населения Иордании и не любили короля.

Король Хусейн не хотел, чтобы палестинцы наносили удары по Израилю с его территории, потому что ответный удар приходился по Иордании. В те времена Иордания неофициально получала от Израиля списки тех, кто помогал палестинским боевикам на Западном берегу, и этих людей арестовывали.

В апреле 1966 года — фактически по просьбе Израиля — иорданцы арестовали сразу двести палестинцев, среди них была большая часть аппарата представительства ООП в Аммане, которое через два месяца было закрыто.

Израильские спецслужбы не были готовы к необходимости контролировать столь большое арабское население и горели желанием этим заниматься. Они и не предполагали, что оккупированные территории надолго останутся под контролем Израиля.

После «шестидневной войны» 1967 года все считали, что достаточно быстро удастся заключить мир с арабскими странами и израильтяне уйдут с оккупированных территорий. Но время шло, а о заключении мира не было и речи. Палестинцами занялась контрразведка Шин-Бет. Коллеги из других спецслужб благоразумно не возражали — это задание лавров не сулило.

— Я доволен, что все эти проблемы взяла на себя Шин-Бет, — говорил начальник военной разведки Аарон Ярив. — У нас и без того много всего на тарелке.

Шин-Бет традиционно занималась арабским населением Израиля. В 50-е годы одно из подразделений Шин-Бет

подготовило целую разведывательную сеть для внедрения в арабскую среду.

Агентов подбирали из числа евреев, родившихся в арабских странах. Их учили говорить по-арабски с палестинским акцентом, они штудировали Коран и привыкали вести себя как арабы. От них не ждали повседневных сообщений, они предназначались для длительного вживания.

Несколько агентов очень успешно внедрились в арабское население и даже женились на арабских женщинах. Поскольку их хорошо учили Корану, они даже становились учителями, что было прекрасной крышей для разведывательной работы.

Предполагалось использовать этих агентов в случае волнений среди арабского населения Израиля. Потом это подразделение распустили, а у агентов возникли проблемы.

Некоторые из них немедленно развелись со своими исламскими женами и бросили детей, другие сохранили семьи. Дети от этих браков очень страдали, не зная, кто же они — евреи или арабы. Один из детей от таких смешанных браков сказал, что когда он узнал о террористическом акте в Тель-Авиве, устроенном палестинцами, то не знал, радоваться ему или печалиться. В Шин-Бет решили, что этот эксперимент больше не будет повторен...

До войны 1967 года главной заботой Шин-Бет была борьба с советскими и арабскими шпионами. После окончания победоносной войны контрразведчики сказали себе, что они сильно переоценили своих противников. Захватив во время стремительного наступления архивы арабских спецслужб, они обнаружили с удовлетворением, что знали всех, кто работал на арабские страны. Арабская разведывательная сеть была незначительной.

Постепенно главной задачей Шин-Бет стал контроль за арабским населением. Вначале это было не так уж трудно. До «шестидневной войны» в Израиле жило примерно две тысячи арабов. Они вели себя почти лояльно.

Первые недели после поражения в войне палестинцы были словно в шоке, потом началось скрытое сопротивление израильтянам.

Премьер-министр Леви Эшкол верил, что более либеральный подход к арабскому населению откроет возмож-

ность нормального сосуществования арабов и евреев. Премьер-министр хотел, чтобы ситуацию на оккупированных территориях определяли не прямолинейные военные, а более гибкие люди в штатском, контрразведка.

Леви Эшкол санкционировал увеличение численности Шин-Бет и набор новичков в контрразведку. Все арабисты были мобилизованы для службы на оккупированных территориях. Скоро Шин-Бет стала для палестинцев главной властью, это название палестинцы произносили со страхом и ненавистью.

Но надежда Моссад и военной разведки перевалить все палестинские дела на Шин-Бет оказалась недолгой иллюзией. Очень скоро палестинцы стали главным противником Израиля. Всем спецслужбам пришлось заняться палестинским движением Сопротивления.

Первый самолет палестинцы угнали в июле 1968 года. И с этого, собственно, и начинается история международного терроризма.

Три вооруженных боевика из Народного фронта освобождения Палестины, возглавляемого Жоржем Хаббашем, захватили израильский «Боинг-707», летевший из Рима в Тель-Авив, и приказали пилоту сесть в Алжире. Алжирские власти поддерживали палестинцев.

Пассажиров-иностранцев, всех женщин и детей отпустили через пять дней. Остальных пассажиров освободили в обмен на пятнадцать палестинцев, сидевших в израильских тюрьмах. Это было горькое унижение для Израиля и опасный прецедент.

Мир не был готов к угонам самолетов. Еще не существовали системы безопасности в аэропортах, которые помогали бы обнаруживать оружие и взрывчатку в багаже пассажиров. Два-три террориста превращали сто с лишним пассажиров захваченного самолета в заложников, за освобождение которых можно было требовать все, что угодно.

Угонщики хотели, чтобы правительство Израиля освободило из тюрем их осужденных товарищей. Министр обороны одноглазый Моше Даян был против того, чтобы выполнять их требования. Но премьер-министр Леви Эшкол, мягкий по характеру, к нему не прислушался. Террористы получили то, что хотели.

Через год террористы похитили из американского самолета двоих израильтян, их держали в Дамаске. И опять израильское правительство согласилось обменять заложников на двух сбитых сирийских военных летчиков.

Но больше Израиль на уступки не шел. Израильское правительство быстро оправилось от шока и наотрез отказывалось вступать в переговоры с угонщиками.

Когда в следующий раз (это произошло 8 мая 1972 года) палестинцы захватили самолет бельгийской авиакомпании «Сабена» и потребовали освободить триста с лишним заключенных из израильских тюрем, ответом стала военная операция. Она продолжалась всего несколько минут. Израильский спецназ подобрался к самолету под видом техников авиакомпании, пока начальник израильской военной разведки успокаивал террористов сообщениями о том, что осужденных палестинцев уже освобождают из тюрем...

Двое террористов — мужчины — были убиты, двое террористок схвачены. Они не успели даже взяться за оружие. Во время боя погиб один пассажир, двое были ранены. Руководил террористами Али Таха Абу Санайна. Он участвовал в захвате первого израильского самолета. Когда израильтяне начали штурм самолета, он спрятался в туалете и закрылся изнутри. Он привык иметь дело с безоружными пассажирами, а увидев вооруженных израильтян, струсил...

Командовал операцией подполковник Эхуд Барак, будущий начальник генерального штаба и премьер-министр, а тогда командир батальона особого назначения при генштабе. В его батальоне рядовым служил будущий премьер-министр Нетаньяху. Он был ранен во время операции.

Правительство выделило большие деньги на системы безопасности, и отныне каждый самолет израильской авиакомпании сопровождал вооруженный охранник.

Тогда в штабе Хаббаша решили нанести удар по союзникам Израиля. Европейцы и американцы, решили палестинские лидеры, перестанут поддерживать Израиль, если им придется рисковать собственными жизнями.

В августе 1969 года боевики Народного фронта освобождения Палестины в первый раз захватили не израиль-

ский, а американский самолет и угнали его в Дамаск. Руководила операцией двадцатилетняя Лейла Халед. Газеты всего мира охотно печатали снимки молодой женщины с «калашниковым» в руках.

Еще через год Лейла Халед попыталась повторить свой успех. 6 сентября 1970 года она решила захватить израильский самолет, летевший из Амстердама в Лондон. Вместе с ней в самолет сел никарагуанец Патрисио Аргуэльо, о котором в те годы советская печать писала как о герое-революционере и который был просто террористом на службе у Жоржа Хаббаша.

Захват самолета был частью грандиозного замысла. Палестинцы хотели не только заявить о себе миру, но и взять власть в Иордании. Они организовали одно за другим два покушения на короля Хусейна, но оба неудачно. По всей стране начались стычки между палестинскими боевыми отрядами и правительственными войсками.

Операция по захвату самолетов оказалась более успешной.

Два самолета — американский и швейцарский — были захвачены палестинцами и угнаны в Иорданию, где их посадили на старый аэродром, не использовавшийся со времен Второй мировой войны. Женщинам и детям разрешили сойти на землю. А сто пятьдесят мужчин держали в качестве заложников в самолетах под палящим солнцем пустыни. Они задыхались от духоты.

Самолет компании «Пан-Америкэн» террористы посадили в Каире, отпустили пассажиров, а лайнер взорвали.

Четвертый должна была захватить Халед.

Но израильтяне уже были готовы к отпору. Сотрудники службы безопасности, сидевшие в салоне среди пассажиров, застрелили никарагуанца Аргуэльо, а Лейлу Халед обезоружили и связали ей руки галстуками. Наручников у израильтян не оказалось. Самолет благополучно сел в Лондоне.

Лейлу Халед передали британской полиции. Но суда ей удалось избежать. Через три дня палестинцы захватили британский самолет, летевший из Бомбея в Лондон, и тоже посадили его в Иордании. К ста пятидесяти прибавилось еще сто семнадцать заложников.

Угон самолетов на территорию Иордании переполнил чашу терпения короля Хусейна, который всегда опасался палестинцев. Именно тогда он приказал своей армии атаковать штаб палестинских боевиков.

Американские военные боялись, что локальный конфликт перерастет в настоящую войну, если Советский Союз захочет вмешаться на стороне палестинцев. Американцы уже готовились к переброске армейских частей на Кипр, в Грецию и в Турцию и разворачивали авианосные оперативные группы вблизи ливанского побережья.

Активизировалась советская военная эскадра в Средиземном море, состоявшая из полусотни кораблей, среди них было двенадцать подводных лодок. Советские корабли, оснащенные управляемыми ракетами, неотступно следовали за американскими авианосцами.

Но Соединенным Штатам и Советскому Союзу удалось избежать столкновения из-за палестинских террористов.

Палестинцы, отступая под ударами правительственных войск, взорвали все три захваченных самолета. А пассажиров, несмотря на протесты израильтян, обменяли на Лейлу Халед и других палестинских террористов, отбывавших свой срок в западногерманских и швейцарских тюрьмах...

Король Хусейн сформировал военное правительство и потребовал очистить страну от палестинских боевиков.

Сирийцы пришли на помощь палестинцам, перебросив танки через границы Иордании, но иорданские войска нанесли поражение сирийским войскам, потому что министр обороны Сирии Хафез Асад оставил их без прикрытия с воздуха. Он ловко воспользовался этим эпизодом, чтобы свергнуть тогдашнего главу Сирии Салеха Джедида и занять его место.

В ходе боев между правительственными войсками и палестинцами погибло больше палестинцев, чем за все годы их войны с Израилем. Палестинцы назвали этот кровопролитный месяц «черным сентябрем». Действующая под этим именем палестинская организация помимо израильтян стала убивать и иорданцев.

Последней жертвой Лейлы Халед и ее товарищей стал президент Египта Гамаль Абдель Насер. Он тщетно пы-

тался остановить кровопролитие, помирить короля Хусейна с палестинцами и скоропостижно скончался от сердечного приступа.

После проведения той операции Лейла Халед сама в террористических акциях больше не участвует. Службы безопасности всего мира знают ее в лицо. Теперь она посылает на смерть других. Она живет в Сирии, неподалеку от Дамаска, в хорошо охраняемом квартале, где находится штаб Народного фронта освобождения Палестины.

Корреспонденты немецкого журнала «Квик» обнаружили в ее доме весьма экзотическую обстановку. В большой комнате на полу, завернувшись в одеяла, спали несколько человек. Рядом с каждым лежал новенький «калашников».

Даже безобидных корреспондентов Лейла Халед принимала в окружении телохранителей.

— Когда я участвовала в вооруженной борьбе, я сражалась во имя Революции, во имя Народного фронта освобождения Палестины, во имя масс, — говорила Халед. — Наши акции направлены только против Израиля. Просто вначале нам приходилось делать все, чтобы привлечь к себе внимание всего мира. Но уже в 1970 году мы прекратили эти акции, потому что пришли к выводу, что теряем друзей. А мир уже знал о нас. Мы перенесли борьбу на оккупированные Израилем территории.

Главная идея, которую Лейла Халед пронесла через всю жизнь, — это ненависть к Израилю.

Еврейское государство она считает виновным в том, что ее жизнь не сложилась. В 1948 году, после Первой войны, которую арабские страны развязали против Израиля, семья Халед покинула город Хайфу, в котором Лейла родилась. Горечь, обида, ненависть — эти чувства культивировались в семье.

— Во дворе дома, где мы жили, обосновавшись в Ливане, росло апельсиновое дерево, увешанное спелыми плодами, — рассказывала Лейла Халед журналистам. — Как-то раз мы, дети, пытались сорвать себе по апельсину. Вдруг к нам подошла мама и очень серьезно сказала: «Это не ваши апельсины. Ваши апельсины остались в

Палестине. Здесь нам ничего не принадлежит». С тех пор я никогда не ела апельсинов. Когда я просила купить мне новое платье, моя мать всегда говорила, что мы не можем себе этого позволить: у нас нет никаких прав, у нас нет ничего. Это определило всю мою жизнь.

Так Лейла Халед воспитывала сына, надеясь, что он продолжит ее дело:

— Если он просил игрушку, я говорила ему, что все красивые игрушки в Палестине. Если он хотел сорвать цветок, я говорила ему, что наши цветы остались в Палестине...

Такое воспитание со временем и привело к появлению на Ближнем Востоке нового вида терроризма — «живых бомб». В камикадзе арабские террористы берут молодежь, которая с детства усвоила ненависть к Израилю и его союзникам-американцам.

Лейла Халед в апреле 1996 года появилась в Палестине — впервые в ее взрослой жизни. И она ответила «нет» на вопрос, признает ли она теперь право Израиля на существование. Она сказала, что нисколько не сожалеет о содеянном и не намерена мириться с еврейским государством:

— Народ имеет право на вооруженную борьбу.

Глава 13

ПАРАД ЗАКОНЧИЛСЯ РАССТРЕЛОМ

В 1977 году президент Египта Мохаммед Анвар аль-Садат неожиданно для всего мира прилетел в Иерусалим, в непризнанную столицу Израиля, чтобы предложить мир своим недавним врагам. Решение Садата заключить мир с Израилем коренным образом изменило ситуацию на Ближнем Востоке.

Через год, осенью 1978 года, президент Садат и премьер-министр Израиля Менахем Бегин встретились в Кэмп-Дэвиде, загородной резиденции американского президента Джимми Картера, чтобы договориться о схеме урегулирования между двумя странами, которые пролили немало крови, воюя друг с другом.

В следующем году в Вашингтоне был подписан первый мирный договор между еврейским государством и арабским.

Пока в Иерусалиме, Каире и Вашингтоне мирились два заклятых врага, остальной мир ревностно комментировал происходящее. Отказ Египта воевать против Израиля до полного уничтожения еврейского государства восхитил Европу, возмутил арабский мир и разозлил его социалистических союзников.

Прогнозы были столь же разнообразны: от утверждений, что кэмп-дэвидский мир будет недолговечным и Садат жестоко поплатится за свое предательство, до уверенности в том, что и другим арабским соседям теперь ничего не остается, кроме как договариваться с Израилем.

Из всех прогнозов точно сбился только один: Анвара Садата, который сделал для арабского мира больше, чем любой из его критиков, убили.

С ним покончили картинно: расстреляли из автоматов и забросали гранатами во время октябрьского парада армии, которую он любовно пестовал.

Если бы по счастливой случайности Садат остался жив, он, возможно, не судил бы строго мятежных офицеров. В конце концов, они действовали точно так же, как и молодой Садат, который участвовал в двух покушениях на видных египетских политиков.

Гамаль Абдель Насер, который вел Египет по социалистическому пути, сам выбрал себе в наследники Садата — человека, который очень не любил вождя египетской революции.

Со временем Садат напишет книгу воспоминаний, в которой назовет Насера «подозрительным и озлобленным». По его словам, Насер завидовал своим сотрудникам, натравливал их друг на друга и любил только власть.

В душе Анвар Садат всегда считал, что Насер не по праву занял место президента. Ведь не Насер, а девятнадцатилетний пехотный лейтенант Садат в 1938 году собрал вокруг себя офицеров, мечтавших об изгнании британских колонизаторов. Насер присоединился к этой группе только через полгода, когда его батальон перевели в го-

род Манкабад, где офицеры-заговорщики регулярно встречались в казино.

В 1939 году и Садата, и Насера отправили в разведшколу. Но они были слишком разными, чтобы сблизиться, — замкнутый, выросший в Александрии Насер и любознательный темпераментный деревенский парень из долины Нила.

«Насер произвел на меня впечатление очень серьезного человека, который не разделял интереса молодых офицеров к глупым шуткам, — вспоминал Садат. — В своем присутствии он не терпел никаких фривольностей, которые считал бы за оскорбление своей чести, поэтому большинство офицеров держались от него на почтительной дистанции и часто вовсе с ним не разговаривали... Он возвел между собой и другими людьми почти непреодолимый барьер».

Потом Насера перевели в Судан, и на некоторое время он исчез из поля зрения молодых бунтарей.

Когда началась Вторая мировая война, Садат, как и многие египетские офицеры, сделал ставку на победу Гитлера над британскими войсками. Он считал, что это произойдет в ближайшем будущем и тогда Египет освободится от английских колониалистов.

Антианглийские настроения в Египте усиливались день ото дня. Командующий немецким экспедиционным корпусом в Северной Африке генерал-фельдмаршал Эрвин Роммель разбил 8-ю английскую армию и достиг Эль-Аламейна, до Александрии ему оставалось всего семьдесят километров. Видя поражение ненавистных англичан, египтяне не скрывали своего злорадства. Они выходили на улицы и скандировали: «Роммель, вперед!»

Немцы, со своей стороны, тоже старались установить связь со всеми националистически настроенными египтянами. Летом 1942 года к Садату обратились два немецких агента в Каире. По вечерам они обычно сидели в ночном клубе «Кит-Кат», где сорили деньгами. Немецкая разведка снабдила их крупными суммами в фальшивых фунтах стерлингов. Кончилось это тем, что одна танцовщица обратила внимание английской полиции на подозрительных клиентов.

Садат забрал у агентов передатчик и решил сам связаться с Роммелем по радио. Но тут немцев, за которыми долго следили, арестовали, а вслед за ними взяли и Садата. Передатчик брат Садата успел спрятать под кучей дров в чулане.

Садат на допросах ничего не признавал. Его разжаловали и отправили в тюрьму. В тот момент ему казалось, что жизнь кончилась. Потом его перевели в лагерь для интернированных, потом в другую тюрьму. Садат начал голодовку, и его поместили в госпиталь. Отсюда в октябре 1944 года с помощью друзей Садат совершил побег.

Ему сняли квартиру, в которой он скрывался до сентября 1945 года, когда было отменено военное положение. Война закончилась, старые дела списали, и полиция им больше не интересовалась, а сам он вполне созрел для вооруженной борьбы с англичанами и коллаборационистами — египтянами, сотрудничавшими с Лондоном.

Товарищи Садата бросили гранату в машину одного бывшего премьер-министра Египта — верного сторонника Англии, но умелый водитель спас своего пассажира. Потом они решили убить бывшего министра финансов Амина Османа, который сказал, что узы дружбы между Великобританией и Египтом подобны католическому браку, не допускающему развода.

«Эти его слова, — вспоминал Садат, — были равносильны смертному приговору, который он вынес себе сам». 6 января 1946 года приговор был приведен в исполнение. Министра застрелили в самом центре Каира. Убийца бросил гранату, полученную от Садата, в преследователей и сумел убежать. Но его выследили. На допросе он назвал Садата, которого арестовали и опять отправили в тюрьму.

Нравы британской колониальной администрации были куда либеральнее того режима, который после изгнания англичан установили молодые египетские офицеры. На допросах Анвар Садат вел себя дерзко, ни в чем не признавался и писал жалобы на следователей.

Однажды Садата вызвали на допрос ночью.

Садат возмутился:

— Все показания, на основании которых вы пытаетесь меня в чем-то обвинить, лживы. Кроме того, один важнейший факт требую занести в протокол.

— Какой?

— Вы подняли меня для допроса в два часа ночи.

— Это отмечено в протоколе.

— Я знаю. Я хочу, чтобы также занесли в протокол, что вы пытаетесь оказать на меня давление. Вы без необходимости разбудили меня ночью, хотя могли провести допрос и днем. Вы пытаетесь подорвать мое психическое здоровье.

В дальнейшем законопослушные британские следователи допрашивали Садата только днем.

Потом он потребовал отвести его к начальнику тюрьмы и написал жалобу верховному прокурору, заявив, что директор тюрьмы и служащие политической полиции подвергали его пыткам. Директор был обескуражен:

— Кто именно пытал вас?

Садат назвал два имени.

— Когда и где?

— Я скажу об этом прокурору.

Прокурор вызвал Садата:

— Где следы пыток?

— Следов нет, — спокойно ответил Садат. — Эти пытки и не должны были оставить следа. Они меня били по лицу и пинали ногами.

Будущего президента ждала смертная казнь или пожизненная каторга. Но у Садата и его поделщиков были лучшие в Египте адвокаты. Процесс занял восемь месяцев — с января по август 1948 года. Время от времени обвиняемым разрешали покидать тюрьму, чтобы навестить родных. Кончилось это тем, что убийца министра попросту сбежал, а Садата оправдали.

Он вернулся в армию, сдал экзамены, чтобы наверстать упущенное, и сразу был произведен в подполковники.

После его ареста руководство «Свободными офицерами» взял на себя Насер. Садат переживал, что его отодвинули на вторые роли, но Насер уже стал признанным лидером.

Революция 1952 года была стремительной, потому что король Фарук практически не сопротивлялся. Войска легко перешли на сторону «Свободных офицеров». Ночь Садат провел на телефонном коммутаторе, связываясь с единомышленниками по всей стране. За одну ночь власть перешла к мятежникам.

Именно Садат предъявил ультиматум королю с требованием немедленно покинуть страну. Он составил текст указа об отречении, и Фарук подписал его. 26 июля 1952 года Садат стоял на борту военного корабля и наблюдал за тем, как яхта увозит из Египта последнего короля.

Карьера Садата в независимом Египте не была быстрой. Только в конце 60-х он стал заметной фигурой в Каире. Насер держал его в тени, и это усиливало недовольство Садата. «Насер был занят почти исключительно созданием мифа о своем величии», — писал Садат в своей книге.

Нелюбовь к Насеру превращалась в стойкое неприятие его политической линии. Впрочем, Садат в принципе не разделял социалистических убеждений Насера, и ему не нравился чересчур тесный союз с Москвой.

Став президентом Египта после смерти Насера в 1970 году, Садат более всего желал полной перемены курса.

«Я получил незавидное наследство, — скажет потом Садат, — раздавленное человеческое достоинство... Нарушения прав человека... Наследие ненависти, которую Насер вызывал на всех уровнях... Обанкротившаяся экономика... Отсутствие нормальных отношений с какой бы то ни было страной».

Самой тяжелой травмой было оглушительное, позорное поражение в «шестидневной войне» с Израилем: «Я не знал, что мне делать. Я был оглушен и не способен ориентироваться во времени и пространстве».

Садат считал, что позорное поражение в «шестидневной войне» стало и политической смертью Насера: «Он умер не 28 сентября 1970 года, а 5 июня 1967 года, ровно через час после начала войны». «Шестидневная война» оставила Египет без армии, это была катастрофа. Президент Насер подал прошение об отставке. Правда, потом забрал его. Садат пришел к нему:

— Послушай, Гамаль, ты должен немедленно отправиться в Верхний Египет и продолжить борьбу. Мы обязаны сражаться до конца.

Насер, буквально раздавленный поражением своей армии, устало отмахнулся. Но Садат продолжал его уговаривать:

— Гамаль, ты должен продолжать сражение. Или мы их уничтожим, или погибнем сами.

Насер ответил:

— Анвар, сражаться уже поздно. Все потеряно...

Одной из причин поражения в «шестидневной войне» Садат считал союз с Москвой.

В декабре 1969 года Насер сделал Анвара Садата вице-президентом, а через девять месяцев Садат возглавил Египет. Его мало кто знал в мире. Все думали, что его сменит более известный генеральный секретарь Арабского социалистического союза Али Сабри, тесно связанный с Москвой.

Садата унижали бестактность и высокомерие советских руководителей: «Я понял, что бессмысленно полагаться на Советский Союз». Садат пришел к выводу, что ключевая фигура на Ближнем Востоке — это Соединенные Штаты, только они могут заставить Израиль отступить.

В марте 1971 года Садат, которому было нужно оружие, приехал в Москву — в первый раз в качестве президента. Переговоры шли трудно, вспыльчивый Садат то и дело вступал в перепалку с председателем Совета министров Алексеем Косыгиным и министром обороны Андреем Гречко.

Брежнев подтвердил, что Советский Союз снабдит Египет оружием. Но Садат был недоволен, что ему дают не то оружие, которое ему нужно. Он хотел иметь самые современные самолеты с ракетным вооружением. Брежнев соглашался, но при условии, что ракеты будут пущены в ход только с санкции Москвы.

Садат побледнел от гнева:

— Египетскими самолетами может командовать только египетский президент!

Проводя новый курс, ломая насеровскую линию в экономике и во внутривластной жизни, Садат уби-

рал из правительства убежденных насеристов и избавился от просоветского лобби в Каире. Так, Садат решил убрать вице-президента Али Сабри, который, по его словам, «был главным агентом Советского Союза». Садат пригласил советского посла:

— Хочу заранее сообщить вам, что собираюсь уволить Али Сабри. Западная пресса напишет, будто я сместил главного промосковского человека, и это вас огорчит. Но вам надо знать, что у Москвы не может быть своих людей в Египте. Вы имеете дело с правительством, а не с отдельными людьми.

17 июля 1972 года Садат попросил всех советских военных советников в течение недели вернуться домой. В Египте находилось больше двадцати тысяч советских офицеров. В качестве советников они служили во всех воинских частях начиная с батальона.

Египетско-советская дружба закончилась. Садат отказался от услуг советских военных не потому, что уже тогда готовился переориентироваться на Соединенные Штаты.

В начале апреля 1972 года Египет установил секретный канал связи с Белым домом. Один высший египетский офицер заявил американскому дипломату в Каире, что они недовольны контактами на официальном уровне и хотели бы установить связь на президентском уровне. Так начался секретный обмен информацией между Вашингтоном и Каиром.

Позиция Советского Союза была исключительно приятна арабским странам. Москва поддерживала все их требования, давала оружие. Но она не могла помочь им вернуть утраченные территории. Первым не выдержал Египет, который в «шестидневной войне» потерял больше всех. Садат решил, что надо искать помощи не у Советского Союза, а у Соединенных Штатов.

Анвар Садат мечтал взять реванш в противоборстве с Израилем, но полагал, что Москва попытается остановить его. Советских лидеров устраивала «холодная», а не «горячая» война на Ближнем Востоке.

За несколько дней до начала октябрьской войны 1973 года президент Сирии Хафез Асад сообщил Москве, что они

с Садатом намерены нанести удар по Израилю. Брежнев очень осторожно сказал, что последствия этого шага могут оказаться совсем не такими, на какие рассчитывают арабские лидеры.

В октябре 1973 года, в дни еврейского праздника йом-кипур, египетские и сирийские войска с двух сторон атаковали Израиль. Сирийские генералы жгли свои танки, безуспешно пытаясь прорвать линию израильской обороны. Для них и эта попытка закончилась разгромом. Но для Садата октябрьская война была долгожданным отмщением израильтянам.

Он постоянно объявлял и отменял мобилизации и притупил бдительность Израиля, который решил, что Садат просто играет в военные игры.

«Двести двадцать два сверхзвуковых самолета приняли участие в первой атаке на израильские позиции на Синае и выполнили свою миссию. Мы потеряли только пять самолетов. В эти первые минуты погиб мой младший брат Атиф, пилот ВВС, — вспоминал Садат. — Египетские военно-воздушные силы расквитались за все, что потеряли в войнах 1956-го и 1967 годов. Они проложили нашим войскам путь к победе, вернувшей нашему народу и всей арабской нации веру в себя».

Затем египетские войска начали переправляться через Суэцкий канал. Египетское знамя взвилось на Синайском полуострове, потерянном в 1967 году.

Египетские саперы прорезали проходы для танков в земляных укреплениях с помощью сверхмощных водометов. Немецкие промышленники, изготовившие водометы по египетскому заказу, удивлялись: «Зачем им нужны такие машины? Разве возможен пожар, для тушения которого понадобится такой напор воды?»

К вечеру с Садатом пожелал встретиться советский посол. Садат с негодованием вспоминал, что Москва предлагала ему согласиться на перемирие. Президент Египта заявил, что согласится на перемирие только тогда, когда «будут достигнуты главные цели моей войны».

— Я не желаю никакого перемирия, — твердо повторял Садат. — Мне нужны еще танки, потому что нам предстоит самая большая танковая битва в истории.

Москва организовала воздушный мост, чтобы перебросить в Египет оружие и боеприпасы. В Каир прилетел глава советского правительства Алексей Косыгин.

Садат обрушился на него с обвинениями:

— Вы дали нам устаревшую технику для наведения мостов через Суэцкий канал! У нас ушло на это пять часов, в то время как у вас есть новая техника, позволяющая сделать это за полчаса. Оружие, которым вы нас снабжаете, нельзя назвать современным! По вашей вине мы отстаем от Израиля. И вы называете это дружескими отношениями?

Косыгина прислали в Каир уговорить Садата согласиться на прекращение боевых действий. В Москве видели, что Израиль оправился от первого удара и быстро перейдет в контрнаступление. Так и случилось. Израильтяне нанесли контрудар, переправились через Суэцкий канал и перенесли военные действия на территорию Египта.

— Эта контратака окончательно изматывает вас, — сказал Косыгин, — под ударом оказался Каир.

Садату показалось, что в этот день на обычно непроницаемом лице Косыгина читалось злорадство. Вероятно, египетский президент ошибался: всякий, кто помнит хмурое лицо Косыгина, поймет, что прочесть его истинные чувства было невозможно. Кроме того, если Косыгину и не нравился Садат, то Израиль он не любил всей душой.

— Где танки, о которых я просил? — ответил ему вопросом Садат.

— Мы сконцентрировали усилия на Сирии, — ответил Косыгин, — она за один день потеряла тысячу двести танков...

После короткого периода растерянности израильская армия действовала быстро и решительно. Египетские части на Синайском полуострове были окружены, а переправившиеся на другой берег израильские танки рвались к Александрии и Каиру.

Соединенные Штаты тоже организовали воздушный мост и перебрасывали в Израиль военную технику, боеприпасы и запасные части. Чаша весов начала склоняться в пользу израильтян.

«Я принял решение согласиться на перемирие, — вспоминал Садат, — потому что против меня были США и Израиль. А Советский Союз стоял за мной, готовый воткнуть кинжал мне в спину. Советский Союз хотел доказать нам, что мы не можем вести войну, потому что я выслал советских экспертов. Брежнев сказал алжирскому президенту Хуари Бумедьену, который ринулся в Москву просить о помощи арабским странам, что Садат дурак и погубит Египет».

Садат не отказался бы от помощи со стороны Москвы, если бы советские руководители пошли во имя Египта на прямую конфронтацию с американцами. Но к счастью для всех, Москва была достаточно осторожна и не хотела устраивать мировую войну из-за ближневосточного конфликта.

А тем временем военная ситуация окончательно изменилась в пользу Израиля. Военные специалисты видели, что если боевые действия продлятся еще день-другой, то Египет и Сирия потерпят новое поражение.

Теперь уже Садат взмолился о помощи. Ночью он вызвал к себе советского посла и умолял разбудить Брежнева и добиться через американцев немедленного прекращения огня.

В Москве Брежнев и министр иностранных дел Андрей Громыко обсуждали, что дальше делать на Ближнем Востоке. Эту беседу записал Анатолий Черняев, сотрудник Международного отдела ЦК КПСС.

Брежнев сказал Громыко: надо восстановить дипломатические отношения с Израилем. По собственной инициативе.

Громыко осторожно заметил: арабы обидятся, будет шум. Брежнев ответил очень резко:

— Пошли они к е... матери! Мы столько лет предлагали им разумный путь. Нет, они хотели повоевать. Пожалуйста, мы дали им технику, новейшую — какой во Вьетнаме не было. Они имели двойное превосходство в танках и авиации, тройное — в артиллерии, а в противоздушных и противотанковых средствах — абсолютное. И что? Их опять раздолбали. И опять они драпали. И опять вопили, чтобы мы их спасли. Садат меня дважды среди ночи к те-

лефону поднимал. Требовал, чтобы я немедленно послал десант. Нет! Мы за них воевать не станем. Народ нас не поймет...

Но об этом монологе генерального секретаря никто не знал. В том числе и Садат, который в поисках союзников повернулся лицом на Запад.

В октябре 1973 года Израиль потерпел не военное, а морально-психологическое поражение. Еврейское государство утратило ореол непобедимости. В этом и заключался триумф президента Анвара Садата. Насер терпел от Израиля одно поражение за другим. Садат же считал, что вышел из войны победителем.

Восстановив национальное самоуважение, Садат мог заняться поисками мира. Государственный секретарь Генри Киссинджер впервые приехал в Каир в ноябре 1973 года. Удостоенный Нобелевской премии мира за окончание вьетнамской войны, Киссинджер мечтал еще об одной дипломатической победе — на Ближнем Востоке.

Садат вспоминал:

«Наш первый разговор продолжался три часа. Впервые вижу истинное лицо Соединенных Штатов, на которое мне всегда хотелось посмотреть, — не ту маску, которую надевали Даллес, Дин Раск и Роджерс (сменявшие друг друга государственные секретари США. — Л. М.). Если бы кто-нибудь увидел нас с Киссинджером, он принял бы нас за старых друзей... Никто, кроме США, не смог бы сыграть роль посредника между двумя сторонами, люто ненавидящими друг друга, сторонами, которые разделены морем враждебности, насилия и крови».

Киссинджеру президент Садат тоже понравился.

«Садат был выше ростом, более смуглый и импозантный, чем я предполагал, и казался воплощением энергии и уверенности. Этому крестьянскому сыну были присущи достоинство и аристократизм, что так же не вязалось с его революционным прошлым, как и его повелительная манера и поразительное спокойствие».

Садат, по мнению Киссинджера, в отличие от сирийского президента Хафеза Асада, не был склонен к торгу. Египтянин с самого начала обрисовал свою истинную позицию и редко отступал от нее.

Генри Киссинджер, самый талантливый американский дипломат послевоенной эпохи, годами работал над тем, чтобы сблизить позиции Египта и Израиля. Он постоянно перелетал из Иерусалима в арабские столицы и обратно.

В какой-то момент заместитель Киссинджера в Государственном департаменте Джо Сиско, обращаясь к журналистам, которые сопровождали их в поездке, сказал:

— Добро пожаловать на борт египетско-израильского челнока.

Так появился термин «челночная дипломатия».

В июне 1975 года Садат сделал то, что отказывался сделать его предшественник Насер: открыл Суэцкий канал для свободного судоходства. США, Великобритания и Франция помогли очистить канал от мин. Советский Союз, не упустил заметить злопамятный Садат, предложил свои услуги с опозданием.

Весной следующего года Садат денонсировал Договор о дружбе и сотрудничестве с СССР. А еще через год, в сентябре 1977 года, в Марокко министр иностранных дел Моше Даян тайно встретился с заместителем премьер-министра Египта Хасаном ат-Тухами. Через два месяца Садат прилетел в Иерусалим.

В Вашингтоне уже была новая команда: на президентских выборах победу одержал провинциальный политик Джимми Картер. Он не просто пожинал плоды многолетней работы Киссинджера на Ближнем Востоке. Именно Картер, моралист и миссионер, близко к сердцу принял идею арабо-израильского мира. Он сумел создать особый моральный климат, который в Кэмп-Дэвиде привел президента Садата и премьер-министра Бегина к согласию.

Прийти к миру Израилю было так же трудно, как и Египту.

Пожалуй, только непримиримый Менахем Бегин сумел бы поладить с Анваром Садатом. Его предшественница Голда Меир не смогла преодолеть себя.

Умом она давно поняла, что Израилю придется уступить часть территории арабским государствам в обмен на мир. Но сама она не могла пойти на это. Весь окружающий мир казался ей враждебным по отношению к евреям.

Когда Генри Киссинджер заговорил о том, что формула «Мир в обмен на территории» вполне разумна, Голда Меир мрачно ответила ему:

— Как я пойду к людям и объясню им все это? Неужели я должна им сказать: была война и другая, и мы потеряли много людей ранеными и убитыми, но это ничего не значит, и теперь мы должны отдать территории, потому что арабы говорят, что это их земли?.. Я никогда не соглашусь, что между теми, кто нападает, и теми, на кого нападают, нет никакой разницы... Если мы на это пойдем, если наши соседи увидят, что можно воевать, не боясь ничего потерять, мы только поощрим их на агрессию.

А вот Менахем Бегин был подходящим партнером для Садата. Бегина, как и Садата, никто не мог заподозрить в слабости, либерализме или уступчивости. В этом смысле у него был запас доверия, который позволил ему отдать Египту Синайский полуостров и поверить в то, что президент Садат искренне желает мира.

И все же Менахем Бегин поверил в искренность Анвара Садата и понял, что его мирные предложения — исторический шанс, который может не повториться.

Когда Садат установил дипломатические отношения с Израилем и в Каире над зданием израильского представительства взвился флаг со звездой Давида, президент Египта превратился в главного врага всех арабских националистов — в самом Египте и за его пределами.

Упреки исламских фундаменталистов Садат встречал хладнокровно. Во всяком случае, он был не менее набожным человеком, чем богатые ханжи из Саудовской Аравии, которые даже во время поста умудрялись захаживать в увеселительные заведения Каира. Садат боролся с поклонниками покойного Насера, с левыми, с промосковским лобби, но недооценил самого опасного врага — «Братьев-мусульман». Эта подпольная организация была основана в 1928 году. Ее цель — создание всемирного исламского государства.

Его предшественник Гамаль Абдель Насер понимал, какая опасность от них исходит. Они дважды пытались его убить, и он бросил тысячи «братьев-мусульман» в тюрьмы, где многих пытками замучили до смерти.

Садат, придя к власти, оставшихся в живых выпустил из тюрем и даже назначил им пенсии. Он в юности познакомился с духовным вождем «братьев-мусульман» шейхом Хасаном аль-Банной. Садат бывал на его еженедельных проповедях, которые Банна читал каждый вторник после вечерней молитвы в пригороде Каира. Садат и аль-Банна тогда договорились о совместных действиях против англичан.

Садат симпатизировал фундаменталистам. Но он не понял, что именно эти люди, готовые без колебаний пожертвовать жизнью, никогда не простят ему мира с Израилем. Для них не было худшего преступления.

В последние годы своей жизни Садат демонстрировал редкостное упрямство, неожиданное для политика. Скажем, демонстративно предоставил убежище бежавшему в 1979 году из Тегерана иранскому шаху Мохаммеду Реза Пехлеви, которого никто не хотел принимать. Чем больше Садата в арабских странах поносили за союз с Западом, тем охотнее он демонстрировал особые отношения с США — словно назло своим врагам.

Садат стал любимцем западного мира — и врагом Востока. Жюри, составленное из таких признанных авторитетов, как Джина Лоллобриджида и Пьер Карден, включило египетского президента в десятку самых элегантных мужчин мира. Для Арабского Востока это было уже чересчур...

Когда Садата убили, на Западе многие решили, что за этим стоит КГБ. Бывший государственный секретарь Соединенных Штатов Генри Киссинджер сказал тогда:

— Не подлежит сомнению, что на Ближнем Востоке поднялась радикальная волна, подпитываемая советскими секретными службами...

В действительности Садата убили сами египтяне.

Его смерть не привела к большим переменам в политике Египта. В отличие от Насера, Анвар Садат более удачно выбрал себе преемника. Бывший военный летчик генерал Хосни Мубарак, спокойный и разумный, по существу, развивал то, что было заложено Садатом.

Избавление от насеровского социализма позволило Египту превратиться в достаточно благополучную страну со стабильной экономикой. Мир с Израилем не только

вернул Египту Синайский полуостров, но и избавил от необходимости постоянно вооружаться и ждать войны. Испорченные после Кэмп-Дэвида отношения с арабскими государствами постепенно восстановились.

Но Египет долгое время оставался единственной арабской страной, установившей дипломатические отношения с еврейским государством. Трагическая судьба Анвара Садата остановила тех арабских политиков, которые тоже хотели бы принести своим странам мир. Всех, кроме молодого ливанского президента Башира Жмайеля.

Глава 14

ДВАДЦАТЬ ТРИ ДНЯ ПРЕЗИДЕНТА ЖМАЙЕЛЯ

Арабские страны пришли к выводу, что пока они не могут победить Израиль в войне, поэтому решение палестинской проблемы следует предоставить самим палестинцам.

Палестинские боевики поставили перед собой задачу ослабить Израиль ударами изнутри и заставить его уйти с оккупированных территорий.

Палестинцы получали деньги, оружие и все остальное от богатых арабских стран и социалистического мира. Хотя отношение арабов к палестинцам оставалось двойственным.

На словах палестинцев поддерживали и подталкивали к вооруженной борьбе. В действительности же их использовали в собственных политических целях. Использовать территорию Египта для подготовки террористических акций им не разрешали. Из Иордании их в 1970 году вывели правительственные войска. С территории Сирии им разрешали действовать только тогда, когда президент Хафез Асад хотел досадить Израилю.

Тогда палестинцы обосновались в Ливане.

Утром 11 марта 1978 года две резиновые лодки пришвартовались к израильскому берегу, одиннадцать палестинцев высадились на берег. У каждого советский автомат «АК-47», десять полных магазинов, четыре гранаты и взрывчатка.

Первым они застрелили прилетевшего из Америки фотографа Гайла Рубина, который снимал редких птиц. Затем они прошли три километра до дороги Хайфа — Тель-Авив. Это главная автомагистраль Израиля. Они обстреляли несколько машин и остановили одно такси и два автобуса, на которых ехали на пикник водители автобусов и их семьи.

Палестинцы согнали всех пассажиров в один автобус и приказали водителю ехать в южном направлении — в сторону Тель-Авива. По пути они стреляли из окон в проезжавшие мимо машины и в преследовавшие их полицейские автомобили. Полицейские боялись открывать ответный огонь, чтобы не попасть в заложников.

Большое количество полицейских, пограничников и солдат было стянуто к оживленному перекрестку к северу от Тель-Авива. Когда автобус приблизился к перекрестку, он столкнулся с преградой. Солдаты и полицейские сначала стреляли по колесам, затем по окнам, из которых вели огонь террористы. Послышались взрывы гранат, и автобус загорелся.

Когда полицейские и врачи ворвались в автобус, они обнаружили там девять трупов террористов и много убитых израильтян. Некоторые тела обгорели. Погибло в общей сложности тридцать семь израильтян. Выжило четверо, они были тяжело ранены.

Никогда еще террористическая операция не заканчивалась столь кровавым исходом. Никогда еще палестинские боевики не наносили Израилю такой тяжелый удар.

После долгого заседания и жестокого спора правительство решило, что террористам надо дать достойный ответ. Через пять дней началась «Операция Литани» — вторжение в Ливан.

Начальник военной разведки Шломо Газит объяснял это таким образом:

«Когда происходит такого рода кровопролитие, правительство понимает, что не может не принять какие-то меры. Политики приходят в военную разведку, как в какой-то магазин, и спрашивают: что вы можете нам предложить? Мы говорим, что удар можно нанести по таким-то и таким-то целям. Они выбирают цель, и мы действуем».

«Операция Литани» носила ограниченный характер. Израильские войска очистили от палестинцев узкую полосу ливанской территории и остановились. Палестинские боевые отряды отошли, но продолжали действовать с территории Ливана.

Когда 3 июня 1982 года в Лондоне был тяжело ранен израильский посол Шломо Аргов, в Иерусалиме, в доме премьер-министра Менахема Бегина собралось срочное заседание кабинета министров.

Аврахам Шалом, руководитель контрразведки Шин-Бет, предположил, что покушение — дело рук небольшой палестинской группы, которую возглавлял известный террорист Абу Нидаль.

Но ни премьер-министр Бегин, ни начальник генерального штаба генерал Рафаэль Эйтан не прислушались к начальнику своей контрразведки. Они считали, что любой террористический акт это дело рук Организации освобождения Палестины и Ясира Арафата. Следовательно, нужно нанести ответный удар по позициям бойцов Арафата в Ливане.

Мнений директора Моссад Ицхака Хофи и начальника военной разведки Иешуа Сагая министры не спросили.

Оба главных разведчика были против военной операции в Ливане, но она состоялась. Вначале казалось, что операция развивается успешно — инфраструктура палестинских боевых отрядов была уничтожена, и лидером Ливана стал очевидный союзник Израиля Башир Жмайель...

12 сентября 1982 года в разгар ливанской операции был назначен новый директор Моссад — Наум Адмони.

Он был первым руководителем Моссад — выходцем из гражданской бюрократии. Прежде этот пост занимали военные, в основном выходцы из военной разведки.

Адмони получил этот пост, потому что более вероятный кандидат на должность руководителя Моссад генерал Иекутиел Адам, уже намеченный Бегиним для назначения, погиб — и погиб нелепо. Он отправился в Ливан с инспекционной поездкой. Он находился в пустом доме, откуда осматривал в бинокль окрестности, и в этот момент в здание случайно попал израильский снаряд. Вместе с ним погибло еще несколько офицеров.

Через день после назначения Адмони на пост директора политической разведки стало ясно, что ливанская война не увенчалась успехом...

Утром 14 сентября 1982 года только что избранный президент Ливана Башир Жмайель выступал в монастыре возле Бейрута, где его сестра была монахиней.

Монастырь, прохладное каменное здание, стоявшее на скале, было связано для Башира со светлыми воспоминаниями. Сюда он привозил погулять свою дочку, пока ее не убили, чтобы наказать отца.

Когда Башир произносил свою речь, двадцатишестилетний ливанец Хабиб Тану Шартуни в последний раз проверил гигантскую бомбу, которую накануне ночью он подложил в комнату на втором этаже штаб-квартиры возглавляемой Жмайелем фалангистской партии.

Детонатор был японского производства. Он позволял взрывать бомбу с расстояния в несколько километров.

Шартуни входил в штаб-квартиру фалангистов как к себе домой. Это и был его дом. Он жил в этом здании со своей семьей в небольшой квартире на последнем этаже. Его дядя был охранником отца Башира Жмайеля, сестра — подружкой одного из помощников Башира.

Из монастыря Башир поехал в резиденцию фалангистов: как президент страны он собирался отказаться от партийного поста и хотел всех поблагодарить за помощь.

Когда Башир поднялся в конференц-зал, Хабиб Шартуни покинул партийный дом и поехал в сторону Восточного Бейрута.

Примерно в четыре часа Башир начал свою речь. Ровно через десять минут Хабиб Шартуни, сидя в машине, нажал кнопку дистанционного управления взрывателем. Взрыв услышал весь Бейрут. Трехэтажное здание поднялось в воздух и рассыпалось.

Тело Башира Жмайеля откопали одним из первых, но лицо президента было изуродовано до неузнаваемости. Труп вместе с другими отвезли в морг. Его опознали на следующий день по кольцу и письму сестры, найденному в кармане.

Шартуни поймали. В последний момент он вспомнил, что в здании осталась его сестра. Он сказал ей, чтобы она

немедленно уходила, бросив все. Она выбежала из партийного дома с криками, и в этот момент произошел взрыв. Ее задержали и спросили, почему она решила, что с домом что-то должно произойти. Она честно ответила, что ее предупредил брат...

Шартуни после ареста сказал, что считал Башира предателем из-за его дружбы с Израилем. Следствие пришло к выводу, что Шартуни и человек, передавший ему взрывчатку (он сумел скрыться), были агентами сирийцев.

Башира Жмайеля в арабском мире называли «крестоносцем наших дней» — возможно, потому, что он принадлежал к христианам-маронитам. Это потомки членов католической секты, изгнанных из Сирии в V веке и нашедших убежище в Ливане.

В этой стране марониты процветают. За ними в конституции закреплено место президента (премьер-министром, напротив, должен быть мусульманин). Они занимают важнейшие посты в армии и в финансовом мире.

Башир Жмайель был младшим сыном лидера одного из трех крупнейших кланов христианского Ливана.

Клан Жмайелей правил своей частью страны на старофеодальный манер, поощряя верных вассалов, наказывая непослушных и взимая дань со всех подданных. Мальчика воспитывали в средневековых традициях, и это повлияло на его образ мыслей и действий. Он и от природы был наделен качествами вождя, способного убеждать и вести за собой людей.

В ливанских семьях наследником становится старший сын, но старший сын Пьера Жмайеля — Амин во всем уступал Баширу. Уступил и власть над кланом.

Амин Жмайель станет главой клана и президентом, когда убьют Башира, но старшему из братьев никогда не хватало магической силы, которой природа щедро наделила младшего.

— Когда мне было двадцать три года, — рассказывал Башир Жмайель американской журналистке Барбаре Ньюмен, — меня пригласил в Каир мой друг — сын Гамалея Абделя Насера. Я беседовал с египетским президентом. Насер олицетворял линию, с которой я борюсь:

пан-арабизм, тирания мусульманского большинства. Но я уважал его как великого патриота. Насер пожал мне руку, долго смотрел мне в глаза, потом сказал: «Тебе судьбой предназначено привести Ливан к свободе».

— Ты поверил ему? — спросила журналистка Жмайеля.

— Я поверил, потому что это правда.

Бескомпромиссный и жесткий вождь одного из трех христианских кланов, Башир Жмайель решил покончить с внутриливанскими распрями и восстановить сильное и единое государство.

В детстве Башир восхищался отцом, который принял участие в изгнании французов из страны. Ему тоже хотелось очистить Ливан от иноземцев — палестинцев и сирийцев. Он, как и многие ливанцы, считал, что в пучину гражданской войны страну ввергли палестинцы.

До 1970 года Ливан процветал. В 1970-м иорданский король Хусейн изгнал вооруженные отряды палестинцев из своей страны. Они осели в южной части Ливана, неподалеку от границы с Израилем. Руководители Организации освобождения Палестины обосновались в мусульманском Западном Бейруте.

Ливан с его слабой государственной машиной и расколотой религиозными разногласиями армией не мог помешать палестинцам создать государство в государстве.

Палестинцы легко выбили слабую ливанскую армию из южной части Ливана. Это привело к окончательному развалу центральной власти в Ливане. Тогда в Ливан вошли сирийские войска — под предлогом защиты христиан. Но когда чаша весов склонилась на сторону христиан, сирийцы внезапно повернулись против них.

Обосновавшись на юге Ливана, палестинцы использовали эту территорию для атак против Израиля, который отвечал немедленно и жестко. Жертвами чаще всего оказывались ливанцы.

Группа боевиков ООП, устроившая пышные похороны своего погибшего товарища, случайно попала в христианский квартал Бейрута и высокомерно потребовала, чтобы все торговцы закрыли свои лавки в знак траура. Ливанцы возмутились. В возникшем споре один из христиан был убит. Это оказался телохранитель Пьера Жмайеля.

Христиане сочли это попыткой покушения на Пьера Жмайеля, находившегося в тот момент неподалеку на богослужении. Через несколько месяцев фалангисты атаковали палестинцев в Бейруте, еще через несколько месяцев палестинцы напали на фалангистов. Война началась.

Молодой Жмайель был первым ливанцем, которого похитили люди из Организации освобождения Палестины. Они остановили машину Башира, вытащили его и повезли в свой лагерь. Для начала избили. Когда кто-то из палестинского начальства узнал, чей он сын, Башира поспешно отвезли назад в город.

Возле своего дома он увидел толпу: люди собрались, чтобы отомстить за похищенного. Все считали, что он уже мертв. Они стали ощупывать Башира, проверяя, не отрезали ли ему палец или ухо. Башир позвонил отцу, он был тогда министром. Ему ответили, что Пьер Жмайель на срочном совещании у президента. Башир набрал номер президентского дворца. Его не хотели соединять. «Неужели вы не знаете, что пропал его сын?» — укоризненно сказал один из секретарей.

— Я испытал величайшее унижение, — говорил потом Жмайель. — Унижен был весь наш народ тем, что иностранцы позволяли себе подобную наглость. Я заперся дома и неделю ни с кем не разговаривал. Я понял, что со мной произошло. Это было что-то вроде изнасилования.

— Вы возненавидели палестинцев? — спрашивали Башира Жмайеля журналисты.

— Палестинцы стали жертвой собственных лидеров и арабских стран, которые их цинично используют. Но мы тоже жертвы, а я должен думать о своей стране. Мы больше не будем базой для террора против кого бы то ни было. Когда ООП стала причинять слишком много неприятностей Иордании, король Хусейн вышиб палестинцев из страны. Тогда они пришли сюда, потому что Ливан слишком слаб, чтобы противостоять иноземцам. Они усугубили раскол страны. А в общем во всем виноваты мы сами, наша неспособность объединиться.

Отец Башира — Пьер Жмайель — основал партию «Катаиб» («Ливанские фаланги»). Фалангисты пользовались дурной репутацией, прежде всего потому, что Пьер Жмай-

ель после поездки в Берлин в 1936 году начал подражать многим гитлеровским ритуалам. Фалангистская униформа, приветствия, военное обучение молодежи — все очень походило на немецкие. Но дальше внешней стороны дело не пошло.

Три клана маронитов поддерживали между собой странные отношения дружбы-вражды. Они поделили страну на сферы влияния и убивали друг друга не из-за религиозных или политических разногласий, а из-за плодородных участков земли и права взимать дорожные пошлины.

Например, северной частью Ливана с незапамятных времен владеет клан Франжье, представляющий этот край и в парламенте. Без этой семьи в районе не совершалась ни одна сделка. С каждого центнера цемента, произведенного на заводе в Шекке, клану Франжье полагалась мзда примерно в один американский доллар.

В 1957 году Сулейман Франжье застрелил в церкви двенадцать единоверцев-христиан, мешавших предвыборной кампании его брата Хамида. После этой акции Сулейману пришлось бежать в Сирию, но уже через год благодаря амнистии он смог вернуться и шесть лет был президентом Ливана.

В 1975 году три удельных ливанских князя — Сулейман Франжье, Пьер Жмайель и Камиль Шамун — забыли о своих разногласиях и объединились против общего врага — палестинцев и мусульман. Но этот союз был недолгим, потому что финансовые интересы все равно оказались важнее политики.

Франжье первоначально не возражал, когда «его» крестьяне вступали в формирования фалангистов — у Жмайеля было больше денег и оружия. Но когда фалангисты Жмайеля захотели еще и сами получать налог с каждого мешка цемента, произведенного на заводе в Шекке, клан Франжье почувствовал себя обманутым.

Три боевика Франжье убили в Шекке управляющего банком не потому, что он вступил в партию Жмайеля, а потому, что его банк начал обслуживать интересы клана Жмайеля.

У Пьера Жмайеля в этот момент возникли такие же проблемы с Камилем Шамуном, чьи люди вознамерились

сбирать дань с двух пляжей и четырех ресторанов в зоне Жмайеля. Но союз Шамуна и Жмайеля устоял. А семейству Франжье был нанесен ответный удар.

Башир Жмайель послал своих боевиков на виллу Франжье. Они застрелили Тони Франжье, бывшего министра почт и коммуникаций Ливана, его жену, дочь, тридцать девять охранников, горничную, шофера и собаку...

С кланом Франжье Жмайели поссорились еще и потому, что старший Франжье — единственный из христианских лидеров — поддерживал хорошие отношения с соседней Сирией. Молодой Франжье даже породнился с младшим братом сирийского президента Хафеза Асада — Рифаатом, в тот момент начальником службы государственной безопасности.

Смерть Тони Франжье должна была стать ясным предостережением всем ливанским христианам, которые верили в сотрудничество с сирийцами.

Пьер Жмайель прочил младшего сына по юридической части. Подчиняясь воле отца, Башир закончил юридический факультет Бейрутского университета, опекаемого иезуитами. Получив диплом, он поехал в Соединенные Штаты и провел несколько месяцев в Хьюстоне, изучая международное право, и практиковался в известной юридической фирме в Вашингтоне. В семье полагали, что он всерьез займется правом. Но внезапно Башир собрал вещи и вернулся домой.

Некоторое время он работал в юридической фирме в Бейруте, но одновременно стал заниматься политикой в партии отца. Он быстро сблизился с молодыми христианами, возражавшими против присутствия в стране сирийских войск. Эти парни составили его личную гвардию.

В 1975 году, когда разгорелась война христиан с мусульманами, Башир Жмайель окончательно забыл о юриспруденции. Вскоре он сформировал пятнадцатитысячную милицию, которой палестинцы и мусульмане ничего не могли противопоставить. Из боев в Бейруте он вышел самым сильным человеком в Ливане.

Башир поклялся объединить ливанских христиан и исполнил свою клятву. Сын Камиля Шамуна — Дэни не желал подчиняться Жмайелю. Тогда войска Башира вне-

запно напали на отряды Дэни Шамуна. Они убили восемьдесят человек, остальные сочли за лучшее присоединиться к победителю.

Пьер Жмайель возражал против атаки на отряды Дэни Шамуна, но Башир не послушался отца. Он напал на Дэни в тот момент, когда Пьер ужинал с отцом Дэни — Камилем Шамуном.

— По-другому нельзя было, — объяснял потом Башир журналистам. — Неумные люди превратили страну в зоопарк, терроризировали людей. Даже когда им нужен был бутерброд, они отправлялись в магазин на танке. Семьи раскололись, братья убивали друг друга. Кто-то должен был положить этому конец. А кто еще, кроме меня, способен на это?

Журналисты смотрели на Башира с сомнением:

— Ваши люди уничтожили столько народу. Разве это можно оправдать?

Жмайель-младший пожимал плечами:

— Что вы хотите от людей, которые, увидев трупы своих братьев и отцов, превращаются в зверей?

Башир ощущал себя не просто воином, но и отцом нации. Он старался вести себя как подобает государственному деятелю, пытался наладить жизнь своих подданных.

Он создал свой телеканал и два радиоканала, один из них передавал только классическую музыку, которую он очень любил. Он старался даже контролировать цены. Каждый день его радиостанция передавала цены, установленные примерно на сто наименований товаров. Торговцы, нарушавшие правила, могли угодить за решетку.

Башир следил даже за тем, чтобы поезда ходили по расписанию, и сам регулировал трудовые споры. Он не знал усталости, работал двадцать четыре часа в сутки и требовал такой же отдачи от всех остальных.

Заседания руководства «Ливанского фронта» — так назывался маронитский блок, созданный Баширом, — происходили обычно между семью вечера и тремя часами утра.

Башир называл обсуждаемый вопрос. Желающие выступить поднимали руки, и Башир записывал их имена на листке бумаги. Потом по одному предоставлял слово. Каждый мог говорить пять минут. Башир слушал не прерывая.

Когда замолчал последний оратор, Жмайель объявлял решение.

Его жизнь не была ни легкой, ни радостной.

Дочке Башира было восемнадцать месяцев, когда взорвали машину, на которой ее везли к бабушке. В христианском лагере пришли к выводу, что это была месть палестинцев.

Но Башир выступил ночью по телевидению и сказал, что не станет никому мстить. Он даже послал своих личных телохранителей, чтобы перевезти пленных палестинцев в более безопасное место, где им не грозила бы расправа.

Он сразу заявил, что его главная цель — освободить Ливан от сирийцев и палестинцев:

— Многие думали, что сирийцы освободят ливанцев от палестинской оккупации. А в результате мы попали под власть Сирии, которая всегда мечтала расшириться до берегов Средиземного моря. Сирия виновна в том, что страна теперь в запустении. Сирия уничтожила наше государство. Сирия заставила весь мир поверить, будто страну разрушает Израиль, чтобы скрыть, что это она занимается уничтожением христиан.

Он возложил вину за это на старшее поколение ливанских политиков, ведь даже его собственный отец Пьер Жмайель в 1976 году приветствовал ввод сирийских миротворческих войск в Ливан.

Башир также возражал против того, что христианские политики одобрили Каирскую декларацию 1969 года, которая позволяла Организации освобождения Палестины наносить удары по Израилю с территории Ливана. Башир считал, что Каирская декларация дала палестинцам повод считать, что они могут пользоваться ливанской землей как своей, а Израиль спровоцировала на вторжение в Ливан.

В этой борьбе Баширу нужен был союзник. Он нашел его в лице Израиля, который хотел остановить террористов, действовавших с территории Ливана. Люди из Моссад первыми установили контакты со Жмайелем.

Палестинцы, ливанские коммунисты и мусульмане получали оружие из Советского Союза, Сирии. Израиль стал поставлять христианам оружие и боеприпасы.

— Возможна ли нормализация отношений между Ливаном и Израилем? — спросили Башира Жмайеля журналисты еще в середине 1978 года.

— Почему бы и нет? У меня нет никаких возражений, — ответил Башир.

Христиане-марониты никогда не враждовали с евреями, напротив, рассматривали евреев как такое же гонимое меньшинство, как и они сами. Во время «шестидневной войны» 1967 года фалангистская милиция окружила дома ливанских евреев, чтобы уберечь их от мусульманских фанатиков.

В апреле 1981 года Башир затеял полномасштабную войну с сирийцами. Но Сирия была сильнее фалангистов. Тогда Башир Жмайель и бывший президент Камиль Шамун обратились к премьер-министру Израиля Менахему Бегину за помощью. Израильтяне были рады новому союзнику. Военно-воздушные силы Израиля нанесли удар по сирийским формированиям в Ливане.

Сотрудничество ливанских христиан с Израилем вызвало раздражение в арабском мире. Даже американцы предостерегали Башира Жмайеля от контактов с Израилем, советуя переориентироваться на Саудовскую Аравию. Ливан был, есть и будет арабской страной, нельзя сближением с евреями настраивать против себя соседей, учили Башира практичные американцы.

Осенью 1981 года руководство «Ливанского фронта» официально объявило о прекращении связи с Израилем. Но секретные контакты сохранялись. Моссад и военная разведка обеспечивали доставку в порт Джуния оружия и боеприпасов для «Ливанского фронта».

Внутри Израиля мнения относительно Башира разошлись. Моссад его поддерживал. Другие говорили, что нельзя на него делать ставку: мусульмане никогда не примут христианина в качестве вождя государства.

Военная разведка одновременно пыталась установить связи с умеренными шиитами из движения «Амаль», которые ненавидели палестинцев и требовали, чтобы они ушли с юга Ливана. Общий враг, как известно, сближает. Начальник генерального штаба израильской армии Рафа-

эль Эйтан полагал, что шииты — лучшие союзники для Израиля, чем марониты Башира.

Но большинству израильских лидеров была все же симпатична идея сближения с христианами, а не с мусульманами. Так что генерал Эйтан, жесткий и несентиментальный, остался в одиночестве.

Еще в 1954 году первый премьер-министр Израиля Бен-Гурион, министр обороны Пинхас Лавон и начальник генерального штаба Моше Даян предложили оказать помощь ливанским христианам, чтобы они могли создать свое государство на юге Ливана. Это государство стало бы буфером между Израилем и мусульманами Ливана и Сирии.

Эта идея долго обсуждалась в кабинете министров. Но Бен-Гурион оставил свой пост, а сменивший его на посту премьер-министра либеральный Моше Шаретт принципиально был против такого рода подрывных акций, и правительство к нему прислушалось.

В 1982 году новые руководители Израиля попытались реализовать старую идею. Жмайель тайно встретился с министром обороны Израиля Ариэлем Шароном, который сыграл решающую роль в судьбе Башира.

Жмайель и Шарон, решительные и жестокие, в чем-то походили друг на друга: оба привыкли воевать, многого добились с оружием в руках и верили в то, что любую политическую проблему можно решить силовыми методами.

Ариэля Шарона, грубоватого располневшего человека среднего роста, с горящими глазами, многие молодые офицеры армии обороны Израиля считали образцом для подражания и восхищались его дерзкими операциями в арабских тылах. У него был один принцип: на каждую террористическую акцию арабов отвечать с еще большей жестокостью, возмездие должно быть неотвратимо.

В войне 1956 года он командовал воздушно-десантной бригадой, потом учился в командно-штабном колледже в Англии. Набрав лишний вес, Шарон лишился возможности прыгать с парашютом и перешел в бронетанковые войска. Во время «шестидневной войны» 1967 года танкисты генерала Шарона легко прорвали линию египетской обороны сразу на нескольких направлениях.

Он дважды снимал погоны, чтобы пройти университетский курс — изучал историю Востока и юриспруденцию, — и вновь возвращался в армию. Но его репутация помешала ему занять высший пост в армии — начальника генерального штаба. Разозлившись, он ушел в отставку и полностью посвятил себя политике. Он быстро стал министром обороны.

Шарон и предложил радикальное средство для избавления Израиля от атак палестинцев: ввести войска на территорию Ливана и уничтожить боевые отряды палестинцев. Важнейшим аргументом в пользу военной операции стала готовность Башира Жмайеля поддержать израильтян.

Повод для вторжения в Ливан нашелся. Когда палестинские террористы из группы Абу Нидаля тяжело ранили в Лондоне израильского посла, премьер-министр Бегин отдал приказ об осуществлении операции «Мир для Галилеи».

Израильские войска свою задачу выполнили: вся военная инфраструктура палестинцев в Ливане была уничтожена. Израильтяне захватили большое количество боевой техники и оружия. Остатки палестинских формирований эвакуировались из Бейрута в Тунис.

Ясир Арафат и его окружение говорили о том, что им пришлось уйти, потому что их предала Сирия, которая не пожелала помочь палестинцам. А на севере Ливана сирийские войска даже атаковали позиции палестинских боевых отрядов одновременно с наступлением израильской армии.

Для Арафата это была почти катастрофа. Палестинские боевые отряды потеряли последний опорный пункт — Ливан и вынуждены были рассеяться по всему миру.

После тяжких размышлений Ясир Арафат начнет думать о том, что силой оружия он ничего не добьется. Со временем он придет к мысли о необходимости вести переговоры с Израилем и признать право еврейского государства на существование.

А в Ливане 23 августа 1982 года Башир Жмайель был избран президентом.

Заседание ливанского парламента проходило в армейской штаб-квартире, охрану несли израильтяне из Шин-Бет. Башир был единственным кандидатом. Шеф его

службы безопасности Илиэ Обейка обеспечил нужные результаты. Мусульмане призвали к бойкоту выборов, но некоторые мусульманские депутаты все-таки проголосовали за Башира.

Новый президент готовился заключить договор с Израилем. Американские и французские войска высадились в Ливане, чтобы гарантировать мир и стабильность. Казалось, гражданская война заканчивается и страна переходит под контроль западного мира.

Министр Шарон торжествовал победу. Казалось, его план удался на все сто процентов. Но это был недолгий триумф. Башир Жмайель был убит. Его напуганный старший брат Амин, поспешно избранный президентом, заявил, что не собирается подписывать мирный договор с Израилем.

Через два дня после смерти Жмайеля ливанские христиане уничтожили всех обитателей палестинских лагерей Сабра и Шатила — это была месть. После этой резни гражданская война в Ливане между мусульманами и христианами разгорелась с новой силой.

Казармы американцев и французов в Бейруте были взорваны, и им пришлось спешно покинуть Ливан. Попытка восстановить единое государство не удалась.

Потом ливанские мусульмане взялись за израильтян.

4 ноября 1983 года грузовик, груженный взрывчаткой, взорвался рядом со штаб-квартирой израильской контрразведки Шин-Бет в ливанском городе Тире. Погибло три десятка израильтян, среди них пять офицеров службы безопасности. Это был ответ шиитов на израильское вторжение в Ливан.

Шииты, может быть, первоначально и были рады тому, что израильтяне изгнали палестинцев, но терпеть самих израильтян на своей земле они не хотели.

В конце 1982 года Шин-Бет, которая не занимается операциями за границей, была мобилизована на помощь армейским частям в Ливане. Директор Шин-Бет Аврахам Шалом не хотел в этом участвовать, но ему не оставили выбора.

Сотрудникам службы безопасности в Ливане очень не везло. Еще девять офицеров Шин-Бет погибли, когда был

взорван дом в Тире, в котором они поселились. Одного офицера Шин-Бет застрелили в машине.

У сотрудников Шин-Бет не было проблем с осведомителями и агентами в расколотом Ливане, где одни с удовольствием доносили на других. Но предателей так же быстро уничтожали.

Сколько бы контрразведчики ни выявляли врагов, их становилось все больше. Само по себе присутствие израильтян порождало сопротивление ливанцев. Командировка в Ливан была тяжким испытанием для контрразведчиков: бесконечная жестокая работа в состоянии постоянной деморализующей опасности рано или поздно приводит к нервному срыву. Контрразведчики ездили только в сопровождении взвода солдат, для конспирации пользовались машинами с ливанскими номерами.

Рафи Малка, начальник оперативного управления Шин-Бет, делился своими впечатлениями:

«В Ливане, для того чтобы спастись, надо было делать вещи, которые прежде считались неприемлемыми. Шин-Бет не была исключением. Это была жестокая война без правил, а если кто-то пытался вести себя по правилам, он просто погибал».

В результате операции «Мир для Галилеи» Израиль не обрел вожаемой безопасности. Место палестинцев заняли воинственные шиитские формирования, обосновавшиеся в долине Бекаа. Ариэль Шарон и Башир Жмайель ошиблись: военными средствами политические проблемы не решишь.

После убийства Башира Жмайеля долгое время ни один арабский политик, боясь террористов, не решался заключить мир с Израилем. Трагическая судьба трех ближневосточных миротворцев — иорданского короля Абдаллаха, египетского президента Анвара Садата и ливанского президента Башира Жмайеля — не располагала к оптимистическим суждениям о будущем Ближнего Востока. Можно сказать, что именно террористы определяли судьбу этого региона.

Часть четвертая

ИСПОЛНИТЕЛИ И ПОКРОВИТЕЛИ

Глава 15

УЧЕНИК ТРОЦКОГО: ПОЛКОВНИК МУАМАР КАДДАФИ

Муамар Каддафи мог бы считаться учеником Троцкого. Ливийский лидер тоже сторонник перманентной революции. Свергнув 1 сентября 1969 года ориентированного на Запад короля Идриса, полковник постоянно реорганизует систему собственной власти, уничтожая всех, кого считает врагом, и избавляясь от тех, кто недостаточно ему предан.

В какой-то мере его идеалом стал покойный президент Египта Гамаль Абдель Насер. После его смерти Каддафи решил, что теперь он должен взять на себя роль объединителя арабского мира.

— Я самый близкий к Насеру человек, — заявлял Каддафи, — я хранитель его заветов, я отвечаю в моральном и революционном плане за всех насеристов арабского мира. Я учился у Насера и вместе с ним намечал путь арабского единства и будущего арабов.

Громыко сделал доброе дело

Ливия — маленькая страна с трехмиллионным населением, большую часть которого составляют бедуины, трудно интегрирующиеся в современное общество. Каддафи

мог бы остаться никому не известным маленьким царьком, если бы не нефtedоллары, которые полились в страну рекой в 70-е годы.

Муамар Каддафи всегда делал то, что считал нужным. Каддафи, заметил один из ливийских диссидентов, «это бедуин. Если он едет на верблюде и хочет повернуть, он просто поворачивает. Он не ждет, пока зажжется зеленый свет».

Когда иностранные журналисты спрашивали его, что он намерен предпринять для улучшения экономического положения в стране, где людям приходится стоять в длинных очередях, Каддафи преспокойно отвечал:

— Очереди — это не так плохо, это значит, что у людей есть деньги и они хотят покупать.

Он провозгласил «прямую демократию», распустил министерства, объявил, что отныне страной управляет народ, а сам стал абсолютным и единоличным диктатором. Официально власть принадлежит революционным комитетам, на практике — многочисленным родственникам и членам клана Каддафи.

Формально он даже не является главой государства, единственный его официальный пост — верховный главнокомандующий. Он предпочитает, чтобы его именовали «лидером ливийской революции». Впрочем, его власть определяется не титулом, а полным контролем над армией, силами безопасности, аппаратом власти. Его не ограничивают ни парламент, ни партии, ни свободная печать.

Подобно многим восточным царькам, он испытывает непреодолимую тягу к опереточным мундирам и помпезным церемониям. У многих наблюдателей часто возникало сомнение в его умственной полноценности. Муссолини рядом с ним казался консервативным и разумным государственным деятелем.

Однако сумасбродство Каддафи имеет совершенно определенные рамки. Он никогда не рисковал своим положением. На митингах он мог кричать все, что угодно, но не позволял себе ничего, что могло привести к утрате власти. Он помнил историю угандийского диктатора Иди Амина, который по собственной глупости лишился всего и был изгнан из страны.

Каддафи не раз обещал американцам, что развяжет третью мировую войну, если Вашингтон «посмеет угрожать ливийскому народу». Но когда американцы топили корабли ливийского военно-морского флота или сбивали ливийские самолеты, Каддафи был очень осторожен. Он вовсе не хотел сколько-нибудь серьезного конфликта с Соединенными Штатами, боясь военного разгрома.

Он потратил множество нефтедолларов, покупая в Советском Союзе всевозможное оружие. В 1976 году он подписал контракт с Москвой на покупку вооружений стоимостью в двенадцать миллиардов долларов. Среди прочего он заказал две тысячи восемьсот танков. Но даже когда он вооружил свою сухопутную армию советскими танками и ракетами, военно-воздушные силы — полутысячей боевых самолетов, флот — шестью подводными лодками, он понял, что все равно не только не в состоянии противостоять Израилю в одиночку, но и вообще не может позволить себе участвовать в сколько-нибудь серьезной войне.

Поэтому Каддафи, как и некоторые другие ближневосточные лидеры, попытался в середине 70-х обзавестись ядерным оружием. И рассчитывал на помощь Советского Союза.

Но министр иностранных дел Андрей Громыко помешал попыткам Ливии купить в Советском Союзе полный ядерный топливный цикл, в том числе тяжеловодный реактор на природном уране, несомненно предназначенный для производства ядерных оружейных материалов. Эту сделку пробивало министерство среднего машиностроения и заместитель главы правительства Николай Тихонов. Но МИД подготовил материалы, которые позволили эту сделку торпедировать. Уже тогда можно было сослаться на то, что казна Ливии не так уж богата.

Москва на самом деле никогда не была в восторге от своего непредсказуемого союзника и в лучшие времена дружбы с Триполи не продавала Каддафи баллистические ракеты и самолеты дальнего радиуса действия, например «МиГ-29». Суперсовременное оружие могло толкнуть эмоционально неустойчивого полковника на большую авантюру, которая кончилась бы новой войной на Ближнем Востоке.

Пять миллионов долларов убийцам

Террор был выходом из этого обидного для Каддафи положения. Когда-то двадцатисемилетний офицер пришел к власти с готовым списком смертельных врагов. Израиль значился на первом месте. Дальше шли почти все развитые государства, которые тем или иным путем вызвали гнев лидера ливийской революции.

Первым признаком того, что Каддафи намерен поддерживать международный терроризм, были устроенные им в Триполи торжественные похороны пяти палестинских террористов, убитых в перестрелке с мюнхенской полицией в 1972 году, после того, как они расстреляли безоружную олимпийскую команду Израиля.

Полковник Каддафи возглавил тогда длинную процессию, которая прошла по центру ливийской столицы, и вручил пять миллионов долларов Ясиру Арафату, чья организация — ФАТХ — осуществила акцию в Мюнхене, укрывшись под псевдонимом «Черный сентябрь».

Когда трое оставшихся в живых убийц были выпущены в ноябре 1972 года из западногерманской тюрьмы — в обмен на захваченный ради этого самолет «Люфтганзы» — в Триполи их встречали как героев.

В 70-х годах Каддафи вдруг понял, что терроризм — это прекрасная игрушка, которая рождает ощущение власти над миром и заставляет газеты всего мира писать о нем. Кроме того, у него появилось большое количество нефтедолларов, которыми он мог оплачивать услуги террористов.

Ввязавшись в настоящую войну, он мог лишиться всего. Начиная кампанию террора, Каддафи не рисковал ничем.

Тогдашний ливийский министр иностранных дел ясно обрисовал ситуацию:

— Мы говорим открыто: да, в Ливии добровольцы из восемнадцати арабских государств готовятся к битве против Израиля. Стагнация в арабском мире закончилась с революцией в Ливии. И естественно мы, ливийцы, поможем каждой палестинской операции. Повторяю: каждой операции.

Полковник Каддафи действительно давал оружие, деньги, паспорта, предоставлял убежище множеству террористических организаций и жаловался на то, что у него слишком много берут и слишком мало убивают за такие деньги...

Его пропаганда всегда изображала Каддафи «отцом мировой революции». Потом, правда, выяснилось, что когда «дети» приезжали со списком того, что им нужно, они получали не так уж много. Каддафи давал оружие и деньги только в том случае, если видел для себя конкретную выгоду.

Он предельно эгоистичен: никакой филантропии, даже ради революции. Каддафи способен произнести на митинге длинную речь о необходимости помочь палестинцам, которые должны выбить израильтян с захваченной ими земли, а вернувшись в свой кабинет, подписать распоряжение о прекращении выдачи денег своим «палестинским братьям».

Это признал заместитель Арафата Абу Айяд:

— Каддафи уверен, что палестинцы должны выполнять только его приказы, что мы должны безоговорочно поддерживать его линию, что мы должны быть друзьями его друзей и врагами его врагов. Он обращался с нами как с наемниками, которым платят и которых заставляют отрабатывать полученные деньги.

По багдадскому соглашению, заключенному между руководителями арабских стран, обещавших поддержку ООП, Каддафи дал согласие ежегодно переводить на счета Арафата сорок миллионов долларов. Обещание свое он выполнял с большой неохотой, хотя передал Арафату часть советского оружия: ракеты «земля—воздух», ракетные установки «Град», 130- и 122-миллиметровые орудия, патрульные катера.

Когда ООП стала искать пути решения палестинского вопроса за столом переговоров, Каддафи не только перестал давать обещанные деньги, но и поддержал палестинские организации, выступившие против Ясира Арафата. Он создал «карманную» палестинскую группу — «Национальная арабская молодежь за освобождение Палестины». Ее возглавил Ахмед Шафур, бывший представитель ООП

в Триполи. Впрочем, люди Арафата его сразу убили как предателя...

Вокруг Каддафи группировались самые радикальные группировки. В феврале 1986 года в Триполи собралось примерно две сотни представителей палестинских, курдских, ливанских и иракских группировок. Обсуждались пути совместной борьбы с Израилем и Америкой.

Присутствовали: Жорж Хаббаш, глава Народного фронта освобождения Палестины, самая известная личность в мире террора; Ахмед Джibrиль из отколовшегося от Хаббаша Народного фронта освобождения Палестины — Главное командование; Мустафа Мурад, руководитель сирийского отделения группы Абу Нидаля; Абу Муса, возглавивший палестинцев, выступивших против Арафата; Абдель Ганем из Фронта освобождения Палестины — про-сирийской организации. В Триполи приехали также руководители правящей в Сирии Партии арабского социалистического возрождения. Всем им Каддафи обещал деньги и оружие.

Взорванная дискотека

В 1986 году США предприняли решительные меры против Ливии. В марте пилоты шестого американского флота доставили немало неприятных минут Каддафи, совершая полеты вдоль границ Ливии. 24 марта авианосец «Йорктаун» пересек «линию смерти», установленную Каддафи. Пойманный на слове ливийский лидер приказал своему флоту атаковать американцев.

Американцы только этого и ждали. Два ливийских корабля были потоплены, третий поврежден, обстреляны радиолокационные станции на берегу и пусковые установки ракет. Это было большим унижением для Каддафи.

Он решил отомстить чужими руками — и приказал взорвать какой-нибудь крупный объект в Западном Берлине, часто посещаемый американцами.

Теперь, когда раскрыты архивы министерства государственной безопасности ГДР, вся эта история стала известна.

О подготовке удара американцы узнали с помощью расшифрованного англичанами обмена радиограммами между Триполи и народным бюро (так стали называться ливийские посольства) в Восточном Берлине. В Вашингтоне попытались остановить Каддафи, обратившись к его главному союзнику — Москве.

Советник-посланник советского посольства в Вашингтоне Олег Соколов был приглашен в Государственный департамент, где ему представили доказательства того, что ливийцы что-то затевают. Такую же информацию американцы передали и советскому посольству в Восточном Берлине. Американцы надеялись, что СССР и ГДР заставят Каддафи отступить.

Но органы госбезопасности ГДР и СССР и так все знали. 20 марта начальник 2-го главного управления (контрразведка) министерства госбезопасности ГДР сообщил о том, что ливийцы готовят взрыв в Западном Берлине, министру госбезопасности Эриху Мильке.

24 марта было составлено спецсообщение для генерального секретаря СЕПГ Эриха Хонеккера. Хонеккер приказал ничего не предпринимать, предоставить ливийским товарищам полную свободу действий.

4 апреля была перехвачена шифровка из ливийского народного бюро в Берлине: акция должна быть осуществлена на следующее утро. Через несколько часов в западноберлинской дискотеке «Ла Белль», куда приходили расквартированные в Западном Берлине американские военные, взорвалась бомба. Погибли два американских морских пехотинца, позже в больнице умерла молодая турчанка. Двести человек были ранены. Ливийцы радировали в Триполи: «Акция осуществлена. Следов не оставлено».

На самом деле следы остались. Несколько лет судебные власти Берлина вели следствие. Они нашли исполнителей и посадили их на скамью подсудимых. Взрывное устройство в дискотеку принесла в своей сумочке немка Верена Беккер, по профессии телефонистка. Она состояла во «Фракции Красной армии», сидела в тюрьме, потом была освобождена и вышла замуж за палестинца Али Шанаа, агента ливийской разведки. Вместе с той парой судили одного ливанца и еще одного палестинца, кото-

рый как раз и работал в ливийском народном бюро. Он доставил взрывчатку.

Президент Рейган приказал тогда наказать Каддафи. Американцы нанесли ракетные удары по зданию ливийской разведки, аэропорту Триполи, тренировочному лагерю для террористов, военно-воздушной базе и казармам в Бенгази. Несколько ракет обрушилось на резиденцию Каддафи. Он не пострадал.

Домой полковник не вернулся

Террористические группы, которыми распоряжался Каддафи, в разное время пытались убить египетского президента Садата, иорданского короля Хусейна, марокканского короля Хасана, Арафата и некоторых умеренных палестинцев — последнее им чаще всего удавалось.

Обратная сторона его жестокости и всевластия — страх. Сам Каддафи безумно боится заговоров и покушений, переезжает с места на место, старается не ночевать на одном и том же месте две ночи подряд.

В 1985 году он уничтожил своего кузена и заместителя полковника Хассана Ишкала, который руководил силами безопасности. Вероятно, Каддафи решил, что его заместитель становится слишком самостоятельным. В ноябре они вместе съездили в Москву. После возвращения из Советского Союза кузена вызвали в штаб-квартиру Каддафи для доклада, домой он не вернулся.

Каддафи безумно боится оппозиции, состоящей из его же бывших соратников, отстраненных им от власти и бежавших из страны. Его агенты охотились и убивали ливийских эмигрантов, посмевших выступить против лидера революции, в Англии, Италии, ФРГ, на Кипре, в Греции, Египте.

Причем если его оперативную группу арестовывали, что называется, на месте преступления, Каддафи приказывал брать под стражу граждан соответствующей страны, находящихся в Ливии. В результате после переговоров убийц отпускали.

В Греции и в некоторых других странах агентов Каддафи вовсе перестали задерживать, а сразу высылали.

Никто не хотел связываться с Каддафи. У него те же преимущества, какими обладает уличный хулиган перед воспитанным человеком.

Ливийский бизнесмен, который обосновался в Лондоне, получил из Триполи указание помочь установить подрывные устройства в месте, где обычно собираются ливийские эмигранты. После серии из пяти взрывов британская полиция заподозрила этого бизнесмена. Для начала его вызвали на допрос. Другие ливийские агенты тут же убили его, боясь, что он может что-либо рассказать. Рядом с трупом они оставили записку: «Он наказан потому, что должен был выполнить задание, но не сумел». Убийц не нашли.

Каддафи составил список примерно из ста ливийских эмигрантов, подлежащих уничтожению, и практически никогда не пытался скрыть своей причастности к убийствам.

Пожалуй, за исключением случая, когда ливийский эмигрант был убит в Австрии. Каддафи не хотелось «подставлять» австрийского канцлера Бруно Крайского, который поддерживал хорошие отношения почти со всеми ближневосточными режимами, включая Ливию, и тогда в Триполи сообщили, что убийство — дело рук американцев...

Довольно часто агенты Каддафи терпели поражение.

В 1984 году радио Триполи торжественно сообщило, что приведен в действие смертный приговор, вынесенный бывшему премьер-министру Ливии Абдулу Хамиду Бакушу, который нашел убежище в Каире и создал там Организацию освобождения Ливии. Но люди Каддафи сами попались в ловушку.

На следующий день «покойник» участвовал в пресс-конференции, проведенной в Каире. Ливийский посол на Мальте действительно нанял двух англичан и двух мальтийцев убить бывшего премьера. Каждому было обещано по пятьдесят тысяч фунтов стерлингов. Но в Каире неудачливые террористы попали в поле зрения египетских спецслужб. Убийство было инсценировано. Бывшего премьера загримировали под труп и сфотографировали. Когда ливийская разведка получила фотографию, в Триполи поспешили сообщить о «победе»...

Группа захвата опоздала

Каддафи заявил в 1985 году, что имеет право убивать врагов повсюду. Ливийские дипломаты в Лондоне обстреляли антиливийскую демонстрацию, женщина-полицейский была убита. Английское правительство приняло решение разорвать дипломатические отношения с Ливией. В ответ Каддафи стал снабжать оружием Ирландскую республиканскую армию.

В Ливии по разным подсчетам было создано два десятка тренировочных баз для террористов: базовый курс преподается в течение полугода, затем специальная подготовка для тех, кому предстоит иметь дело со взрывчаткой.

К концу 80-х годов Каддафи в значительной степени потерял интерес к международному терроризму, но сеть лагерей сохранилась. Среди преподавателей были приглашенные Каддафи сотрудники специальных служб Кубы, ГДР и даже несколько бывших агентов ЦРУ.

Эдвин Уилсон был заметным человеком в ЦРУ. Он участвовал в подготовке вторжения кубинских эмигрантов в залив Свиней в 1961 году и воевал во Вьетнаме. Уилсон был специалистом по созданию подставных компаний, занимающихся поставкой оружия и передачей денег агентам за рубежом. Когда его уволили из ЦРУ, он создал еще одну такую компанию. На сей раз не для правительства США, а для себя.

Фрэнсиса Терпила — специалиста в области средств связи (он служил на Ближнем Востоке и в Бангладеш) — уволили из ЦРУ в 1971 году. Он обосновался в Ливане и занялся торговлей оружием, потом стал компаньоном Уилсона.

Вдвоем они создали тренировочный лагерь неподалеку от Триполи, где главным образом показывали, как делать мощные бомбы, маскируя их под абсолютно безобидные предметы. Они сумели завербовать, предложив сверхвысокие гонорары, несколько американских «зеленых беретов», специалистов по подрывному делу и даже создателей оружия из сверхсекретной лаборатории военно-морского флота в Калифорнии.

Осама бен Ладен — террорист номер один, как его назвали в США

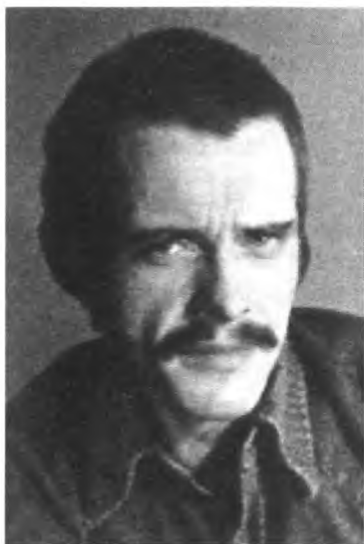

Фриц Тойфель и Райнер Лангханс,
основатели «секс-коммуны № 1»:
поначалу это казалось детской шалостью

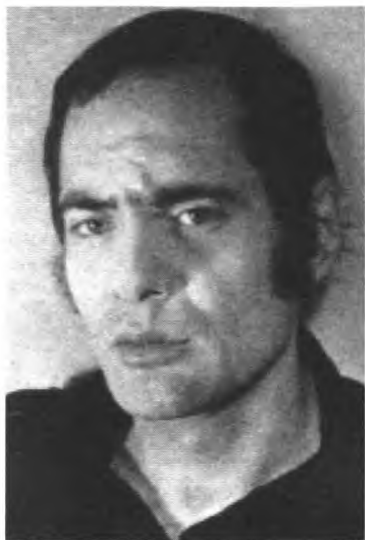
Исламские боевики, которые в 1993 году
пытались взорвать здание Всемирного
торгового центра в Нью-Йорке

Смерть студента Бенно Онезорга, которого 2 июня 1967 года застрелил западногерманский полицейский, привела к появлению первых террористических организаций европейской левой молодежи

Создатели западногерманской «Фракции Красной армии»: Ян-Карл Распе (слева) и Гудрун Энслин

Андреас Баадер — еще один из основателей «Фракции Красной армии»

Ульрика Майнхоф бросила семью, детей, работу ради террора. Она тоже покончила с собой в тюрьме — от отчаяния

Андреас Баадер застрелился в своей тюремной камере, хотя это казалось невероятным

Дочери Ульрики Майнхоф, Беттина и Регина, просили маму вернуться, писали ей письма. Она их не читала

Зигфрид Бубак, генеральный прокурор ФРГ, — одна из жертв «Фракции Красной армии»

Карлос — Ильич Санчес
Рамирес — в молодости

Эта фотография Карлоса висела
в каждом полицейском участке в
Западной Европе

Карлос, пока был на
свободе, умел
наслаждаться жизнью

А это люди, убитые и раненные Карлосом

Министр государственной безопасности ГДР Эрих Мильке помогал Карлосу и многим другим

Палестинец Вади Хаддад создал в конце 60-х международную сеть террора на деньги богатых арабских стран

Эта фотография человека в маске стала символом международного терроризма: в 1972 году на Олимпиаде палестинские боевики расстреляли безоружных израильских спортсменов

Палестинцы получали от Советского Союза оружие в огромных количествах и скоро научились им владеть

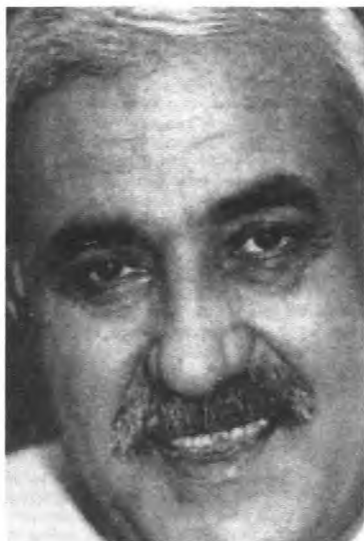
Л.И. Брежнев и Я. Арафат

Обычно террористы скрывают свои лица

Соха, жена Ясира Арафата. Он вступил в брак и стал отцом, когда ему было за шестьдесят

Жорж Хаббаш, руководитель Народного фронта освобождения Палестины, открыл новую страницу в истории терроризма, угнав первый самолет

Из-за Жоржа Хаббаша в сентябре 1970 года началась кровопролитная война между иорданской армией и палестинцами

Лейла Халед, помощница Хаббаша, угнала первый американский самолет

Ахмед Джибриль, лидер Народного фронта освобождения Палестины — Главное командование, которого называют «убийцей детей»

Абу Айяд, второй человек в Организации освобождения Палестины, боялся не столько израильтян, сколько своего ученика в терроре Абу Нидаля

Абу Аббас, который захватил итальянское судно «Акиле Лаура» и убил старика-инвалида, прошел боевую подготовку в Советском Союзе

Похороны Абу Джихада, уничтоженного оперативной группой Моссад

Абу Нидадь, сменивший множество хозяев, считается самым жестоким палестинским террористом. И самым богатым

Дискоотека «Ла Белль» (ее посещали американцы) в Западном Берлине, взорванная ливийцами, чтобы наказать Соединенные Штаты

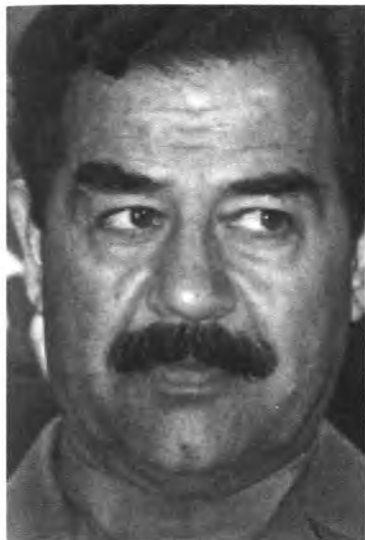
Муамар Каддафи и бывшие агенты ЦРУ Терпил и Уилсон, которые согласились работать на него

Муамара Каддафи сердечно принимали в Москве и прощали нежелание платить за полученное им оружие

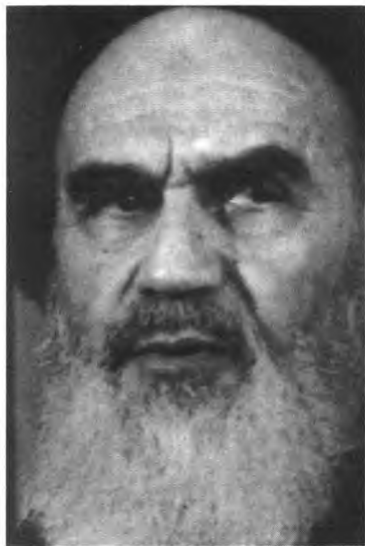
Ливийские агенты были признаны виновными в уничтожении американского самолета в 1988 году

Президент Ирака Саддам Хусейн поддерживал самые жестокие террористические группы

Король Иордании Хусейн до конца жизни не мог забыть, как исламские радикалы убили его деда, короля Абдаллаха

После прихода аятоллы Хомейни к власти в Иране появились шиитские камикадзе

Шейх Аббас Мусави создал ливанский филиал «Хезболла», которая превратилась в одну из самых мощных террористических организаций на Ближнем Востоке

Через несколько лет шейха Аббаса Мусави хоронили в Бейруте — израильский вертолет выпустил ракету прямо по его машине

Новым лидером «Хезболла» стал шейх Хассан Насралла

Когда его сын погиб во время перестрелки с израильской полицией, Насралла сказал: «Чем больше жертв, тем лучше»

Духовный лидер «Хезболла» Сейед Мохаммед Хусейн шейх Фадлалла

Фусако Сигэнобу — лидер японской «Объединенной Красной армии». Полиция искала ее тридцать лет

Ким Хен Хи взорвала в ноябре 1987 года южнокорейский лайнер вместе со 115 пассажирами

Кодзо Окамото, один из японских «красноармейцев», расстрелял христианских паломников в израильском аэропорту

Лидер военного крыла курдов Абдалла Оджалан. С его арестом
вооруженная борьба курдов не прекратилась

Они приобрели для Ливии двадцать одну тонну самой мощной в мире пластиковой взрывчатки и сто тысяч сделанных в Техасе электронных таймеров, необходимых для изготовления взрывателей с часовым механизмом.

Они также взялись в 1978 году устроить переворот в Чаде, но провалились. Каддафи много лет безуспешно пытался захватить контроль над этой страной, где живет много ливийцев. Сам Каддафи однажды сказал:

— Половина моего семейства, половина моего племени все еще находится в Чаде.

Ливийцы бежали в соседнюю страну в начале 30-х годов, спасаясь от итальянской армии. В войне в Чаде погибло несколько тысяч ливийских солдат, но Каддафи преспокойно утверждал, что не посылал туда ни одного ливийского бойца.

В конце концов Уилсон был арестован американской полицией и осужден за незаконные сделки с оружием и уклонение от уплаты налогов. Наказание, как всегда в таких случаях, было более чем суровым: пятьдесят два года тюремного заключения.

Терпила не нашли. В последний раз его видели в августе 1982 года в Бейруте, где он жил в качестве гостя Организации освобождения Палестины. Американцы попросили израильтян захватить его. Когда группа захвата прибыла в его отель, Терпил уже исчез.

Дружба с профессионалами помогла Каддафи создать собственную разведку, подготовить отряды оперативников, способных немедленно отправиться в любую точку земного шара.

Каддафи обещал помощь всем революционным организациям в мире: от Ирландской республиканской армии до филиппинских партизан. Одно время он даже собирался использовать марксистское правительство на Гренаде, для того чтобы проникнуть в Латинскую Америку. Но губернатор Гренады разорвал дипломатические отношения с Ливией и выслал с острова всех ливийских «дипломатов» вместе с советскими, кубинскими, северокорейскими, восточногерманскими и болгарскими советниками.

Каддафи превратил ливийские посольства, переименованные в народные бюро, в базы для террора. Про-

фессиональных дипломатов заменили люди из оперативных групп.

Дипломатический багаж, освобождаемый от таможенного досмотра, превратился в удобный канал переправки оружия и взрывчатки в нужное место. Ливийским террористам не надо было рисковать, они получали все, что им было нужно, в своем посольстве, которое снабжало их любыми необходимыми документами, в том числе и дипломатическими паспортами, позволявшими избежать ареста и суда.

Впрочем, ближневосточные террористы предпочитают пользоваться паспортами не той страны, от которой исходил заказ на проведение акции. Ливийский террорист, пойманный полицией в одной из европейских стран и согласившийся дать показания, рассказал, что после шестимесячного курса подготовки в лагере неподалеку от Триполи он получил тунисский паспорт и с ним вылетел в Европу.

Несколько недель он ждал приказа — регулярно звонил в Триполи из уличного телефона-автомата, пока не услышал условленный сигнал. После чего он отправился в местное народное бюро Ливии, назвал пароль и получил возможность выбрать оружие. Он предпочел израильский автомат «узи» и убил свою жертву. Арестовали его потому, что струсил человек, который должен был на мотоцикле отвезти его в аэропорт.

В охране только девушки

Каддафи обещал уничтожить Израиль и свергнуть «реакционные» арабские режимы. Но он прекрасно уживается с «реакционерами» и плохо ладит с «товарищами»: палестинцами, сирийцами, иракцами. Называя себя супермусульманином, он преспокойно помогал немусульманам уничтожать его единоверцев.

Он поддержал Москву, когда советские войска вторглись в мусульманский Афганистан, и благоразумно воздерживался от прямых столкновений с израильской армией.

Такая линия свидетельствует не о сумасшествии, а о предельной прагматичности и цинизме. Некоторые западные исследователи полагают, что лидер ливийской революции существует в каком-то шизофреническом мире. Но его иррационализм скорее следствие безнаказанности, типичной для тоталитарного государства. Хорошо знающие Каддафи люди считают его «толковым, ушлым парнем, воспитанным улицей».

Его не назовешь интеллектуалом, хотя он ощущает себя мыслителем мирового масштаба, но он чувствует пульс своей страны, а его соотечественники ценят его как человека, который умеет постоять за себя и который действительно сделал жизнь лучше, чем она была до него.

Каддафи, конечно, нравится распространять свою «Зеленую книгу» и произносить пышные речи, но думает он не о мировой революции, а о собственном выживании.

Когда он появляется на публике в экзотической форме и в сопровождении женщин-телохранительниц, это вызывает смех у иностранцев. Но в Ливии это многим нравится. У Каддафи есть харизма сильного человека, который делает все, что хочет. Впрочем, не надо забывать, что те ливийцы, которые не восхищаются Каддафи, имеют все основания опасаться его.

И здесь ваххабиты!

В последнее время Каддафи перестал произносить свои громкие речи с угрозами расправиться со всеми врагами. После крушения коммунистических режимов в Восточной Европе он оказался в изоляции.

Его телеграмма, отправленная 19 августа 1991 года на имя Геннадия Янаева с выражением полной поддержки ГКЧП, сделала его еще большим изгоем. Каддафи счел необходимым подчеркнуть впоследствии, что приветственная телеграмма путчистам не была случайностью:

— Я остаюсь при своем мнении и считаю телеграмму, все употребленные в ней выражения политическим документом, от которого никогда не отрекусь.

За мировой политикой и даже за ближневосточным процессом Каддафи теперь может наблюдать только со стороны. Былые союзники оставили его. Запад по-прежнему сторонится «бешеной собаки», как его назвал в свое время президент Рональд Рейган. Арабские власти в Каддафи не нуждаются.

Да и сам Каддафи, похоже, поостыл к своим друзьям с автоматами. Они не смогли помочь ему создать великую Ливию. Хуже того, теперь террористы охотятся на него самого.

В первых числах января 1997 года в Ливии были казнены по обвинению в шпионаже шесть старших офицеров и двое гражданских. Офицеров расстреляли, гражданских повесили. Их обвинили в работе на ЦРУ. Но специалисты полагают, что они, скорее всего, были причастны к попытке свергнуть Каддафи в октябре 1993 года. А может быть, это те самые люди, которые пытались убить Каддафи? В декабре 1996 года в сторону Каддафи бросили гранату. Вождь остался невредим.

Появились сообщения, что 2 июня 1998 года на Каддафи было совершено покушение в Бенгази. Террористы обстреляли его автоколонну. Погибла одна из его личных телохранительниц, которая его заслонила. Несколько других были ранены.

Бенгази — место, где группируются фундаменталисты. Они враждебно относятся к полковнику Каддафи и военному режиму. Они распространяют антиправительственные листовки в университетах Триполи и Бенгази, иногда дело доходит до рукопашной между исламистами и членами революционных комитетов, верными Каддафи.

Фундаменталисты концентрируются в восточных районах Ливии в силу традиционной обособленности Киренаики от Триполитании и ее тесных связей с Египтом. В этих районах живут мелкие племена, которые не любят подчиняться центральной власти.

Вооруженные фундаменталисты — прежде всего афганские ветераны — появились в Ливии лет семь-восемь назад. Они пытались уничтожить самого Каддафи, но это им не удалось. Они убили несколько высших офицеров и скрываются в горах, куда ни армия, ни полиция не за-

глядывают. Самая крупная оппозиционная организация — «Сражающаяся исламская группа». Она объявила джихад правительству. Правительство боится, что исламисты смогут проникнуть в армию и службу безопасности.

Полиция ищет фундаменталистов по всей стране. Именно с этой стороны Каддафи видит главную угрозу для себя.

Муамар Каддафи говорил, что «братьев-мусульман» надо не арестовывать, а уничтожать на месте. Их деятельность запрещена «Великой зеленой декларацией прав человека в эпоху народных масс» (так называется главный труд лидера ливийской революции). Каддафи несколько раз говорил, что приход к власти «братьев-мусульман» хуже, чем господство империалистов и сионистов.

«Братья-мусульмане» тесно сотрудничают с Национальным исламским фронтом Судана. В Ливии появились и ваххабиты — арабы, прибывшие из-за границы. Они финансируются Саудовской Аравией.

Фундаменталисты недовольны реформаторской деятельностью Каддафи в области ислама. С конца 70-х Каддафи пытается поставить духовенство под контроль.

Он захотел, чтобы составлялся единый текст проповедей — под контролем государственных чиновников. Сопротивлявшихся священнослужителей арестовывали и казнили.

Он ввел новый исламский календарь, отменил начальные и средние религиозные школы. Он позволял себе не соблюдать религиозные обычаи и выразил сомнение в необходимости всем мужчинам отращивать бороды, а женщинам закрывать лицо.

Фундаменталистам не понравилась его попытка ввести полное равноправие для женщин, которым он даже разрешил поступать в военные училища. Исламистам особенно ненавистна личная охрана Каддафи, состоящая исключительно из женщин.

Ненависть фундаменталистов подогревается и неважным экономическим положением. Из-за экономического эмбарго страна живет трудно. Надежной статистики нет. Но известно, что в 1980 году Ливия получила от продажи нефти двадцать миллиардов долларов. Для страны с не-

большим населением это огромные деньги. А через десять лет доходы от продажи нефти сократились в четыре раза.

Каддафи пытался воспользоваться советским опытом и развивать экономику на плановой основе. Но, как и в Советском Союзе, эксперимент не увенчался успехом. Две пятилетки подряд так и не были выполнены.

Экономические трудности заставили Каддафи пойти на реформы. Он освободил часть политических заключенных, разрешил своим подданным выезд за границу, была ограничена деятельность ревкомов.

Когда Каддафи гарантировал, что эмигрантов не станут преследовать, примерно сто тысяч ливийцев вернулись из-за границы. Эти люди не разделяют взглядов Каддафи. Но и без них заметно, что вождь в значительной степени утратил народную поддержку. Когда в начале 1989 года возникла угроза американского удара по Триполи, люди обратились в бегство. Заметно было, что у народа нет желания защищать режим Каддафи. По негласно объявленной мобилизации на призывные пункты явилось всего двенадцать процентов военнообязанных.

О пользе санкций ООН

Через четверть века после того, как лидер ливийской революции стал одним из покровителей международного терроризма, мировое сообщество решило наказать его.

Расследование обстоятельств гибели двухсот пятидесяти девяти пассажиров и одиннадцати членов экипажа американского «Боинга-707», взорвавшегося 21 декабря 1988 года в воздухе над шотландской деревней Локерби (где под обломками погибло еще одиннадцать человек), продолжалось много лет.

В конце концов, американские и английские следователи доказали: в самолет авиакомпании «Пан-Америкэн», летевший из Лондона в Нью-Йорк, ливийские агенты подложили бомбу.

Итоги работы американских, английских и французских следователей едва ли стали для кого-нибудь сюрпризом. Муамар Каддафи давно был назван покровителем

международного терроризма, но и двадцать, и десять, и даже пять лет назад лидер ливийской революции мог быть уверен, что союзников у него не меньше, чем врагов. Не только восточный блок, но и Западная Европа не стремилась присоединиться к Соединенным Штатам в противодействии Каддафи.

Никто не хотел ссориться с богатым арабским государством — экспортером нефти. Понимая, с кем они имеют дело, многие государственные деятели пытались вести диалог с Каддафи на равных. Многие наотрез отказывались называть руководителя государства покровителем террористов, уверяя, что речь идет о клевете на человека, который занимается исключительно благородным делом — поддерживает национально-освободительную борьбу народов третьего мира.

Наивных западноевропейцев смущало и то, что ливийцы как будто бы довольны своим лидером. В демократических странах не знают, что диктаторам это прекрасно удается: изобразить дело так, будто народ любит своего угнетателя.

Американцы несколько лет добивались, чтобы Каддафи выдал двух сотрудников ливийских спецслужб, обвиняемых в том, что они заложили взрывное устройство с часовым механизмом в самолет авиакомпании «Пан-Америкэн».

Каддафи поначалу наотрез отказался, и тогда вступила в силу резолюция № 748 Совета Безопасности ООН о санкциях против Ливии. Это был сильный удар по Каддафи, вызвавший подавленность и растерянность в Триполи. После долгих размышлений Каддафи выдал своих подручных международному суду, это привело к ослаблению экономических санкций.

Раньше он никогда бы так не поступил. Нынешний Муамар Каддафи уже не похож на себя молодого. Но раньше на его стороне были страны социалистического лагеря во главе с Советским Союзом, которые бросились бы ему на помощь. А теперь практически весь мир решительно выступил против него. И он испугался.

Так что Каддафи старается вести себя иначе и причинять миру поменьше неприятностей.

— Мир знал Каддафи как лидера революции, — говорит он сам о себе. — Настало время миру узнать Каддафи как лидера спокойствия и развития.

Он надеется, что изоляция страны когда-нибудь закончится. Ливия благодаря доходам от продажи нефти могла бы стать богатейшей страной в мире, но многие ливийцы живут в бедности. Возможно, неправильно было называть Каддафи «террористом номер один». Пожалуй, на это «почетное» место найдутся более «достойные» претенденты.

Глава 16

САМЫЙ БОГАТЫЙ УБИЙЦА: АБУ НИДАЛЬ

Руководитель палестинской террористической организации Абу Нидааль убил больше палестинцев, чем израильтян. Чтобы как-то объяснить этот феномен, в газетах социалистических стран его называли «агентом Моссад».

На самом деле израильские разведчики так же мечтают добраться до него, как и люди Арафата. Четверть века Нидаля разыскивает и Интерпол, и полиции всех стран Западной Европы и Северной Америки. Если он попадет им в руки, его казнят по приговору суда. Если первыми до него доберутся палестинцы, то казнят без суда.

«Даже моя дочь не знает, кто я»

Нидааль представляется бескомпромиссным борцом за идею. На самом деле террор стал для него бизнесом. Он заработал сотни миллионов.

Уникальный даже среди террористов, Нидааль соглашался работать на каждого, кто предлагал оплатить услуги его умелых и жестоких ландскнехтов.

Он был подчиненным Ясира Арафата, а потом несколько раз пытался его убить. Он организовал несколько акций против сирийцев, а потом стал служить сирийскому президенту Хафезу Асаду. Некоторое время он умудрялся иметь офисы одновременно и в Дамаске, и в

Багдаде, хотя Ирак и Сирия непрерывно враждуют друг с другом.

В Организации освобождения Палестины его считают психопатом, свихнувшимся на терроре.

Ему явно нравится убивать. Поссорившись со своим племянником, он подложил в его дом бомбу, которая убила жену и двоих детей. Нидаль, свидетельствует один из его бывших боевиков, вспоминал об этом с удовольствием.

Абу Нидаль никому не верит и никогда не забывает о своих врагах.

— Успех мне обеспечила полнейшая секретность, — сказал Нидаль. — Даже моя дочь не знает, кто я на самом деле.

Абу Джихад, помощник Арафата по военным делам, издевательски заметил, что «Нидаль такой человек, что даже жену подозревает в сотрудничестве с ЦРУ».

Он не притронется к чашке, если ее принес официант, а не хорошо ему известный человек. Он никогда не разговаривает по телефону, чтобы полиция не записала его голос, и не пользуется радиосвязью.

Лишь несколько раз он соглашался встретиться с журналистами. Лишь когда распространились слухи, что он умер, Нидаль дал сразу три интервью.

Детство, отрочество, юность

Детство Сабри Халиля эль-Банна прошло в богатом родительском доме в Яффе. Он родился от восьмой жены своего отца — и строго иерархические отношения в арабской семье посеют в его душе ненависть к истеблишменту. В 1945 году отец умер и вскоре семье пришлось покинуть родной город.

Сразу после решения ООН о разделе Палестины 29 ноября 1947 года арабские войска атаковали еврейские поселения. Бои скоро захватили и Яффу. Многие арабские семьи решили на время уехать из города, чтобы вернуться, когда все успокоится.

Семья эль-Банна поддерживала неплохие отношения с еврейской общиной. Отец будущего террориста был зна-

ком с доктором Вейцманом, будущим первым президентом Израиля, они ходили к нему в гости. Тем не менее в начале 1948 года они тоже покинули Яффу в полной уверенности, что вернутся через несколько дней. Но арабские армии потерпели поражение.

Политическая география Ближнего Востока изменилась. Территории, которые по плану ООН должны были отойти под палестинское арабское государство, поделили между собой Израиль, Египет и Иордания. Яффа стала израильской. Сектор Газа, где семья Сабри провела девять месяцев в лагере беженцев, — египетской территорией.

Им пришлось привыкать к новой жизни: вместо богатства — бедность, вместо виллы — палатка. И никаких слуг.

В начале 1949 года семья перебралась в Наблус, самый крупный город на Западном берегу реки Иордан. Эту часть Палестины оккупировали иорданские войска.

В 1955 году Сабри поступил на инженерный факультет Каирского университета. Через два года, не закончив учебы и не получив диплома (хотя позднее он станет для важности прибавлять к своей фамилии ученую степень), он вернулся в Наблус.

Он преподавал в местной школе, но быстро понял, что это занятие не для него. Один из братьев, устроившийся в нефтяной компании в Саудовской Аравии, усиленно звал его к себе. В 1960-м Сабри последовал примеру брата и нашел работу в строительной компании в Саудовской Аравии.

Здесь он вступил в партию Арабского социалистического возрождения (БААС). Основанная в Сирии в 1953 году, партия исходила из того, что весь арабский мир должен стать одним единым государством. Впрочем, сама партия быстро раскололась на два крыла, сирийское и иракское, и они много лет уничтожали друг друга. Идеология БААС оказала сильное влияние на Нидаля.

Он присоединился и к ФАТХ — палестинской организации, которую возглавил Ясир Арафат. Политические симпатии Сабри не понравились его нанимателям и полиции. Его уволили, посадили в тюрьму, где зверски

избивали. Семью выслали из страны... Абу Нидаля никогда не сможет забыть, как с ним обошлись в Саудовской Аравии.

Палестинец Иссам Сартави позднее заметит, что именно годы работы в Саудовской Аравии — простым техником в богатейшей стране, где никто не желает заниматься физическим трудом, предоставляя это иностранцам, — воспитали в Нидале классовую ненависть.

И сказали: «Действуй!»

Он вернулся в Наблус за несколько дней до «шести-дневной войны» 1967 года, которая закончилась полным разгромом арабских армий. Появление израильских танков в Наблусе было для него тяжелым шоком. Сабри уехал в Амман.

В Наблусе остался один из его братьев, он хорошо ладил с евреями и не собирался никуда бежать. Он продолжал ладить с ними и тогда, когда брат превратился в кровавого убийцу.

В Аммане Сабри по обычаю палестинских боевиков взял себе другое имя и стал именоваться Абу Нидаля. Он быстро продвигался вверх в штабе Арафата. В нем ценили исполнительность, жестокость, честолюбие.

Одним из первых он отправился на учебу в Китай и Северную Корею. Четыре месяца под руководством китайских и северокорейских инструкторов он изучал тактику диверсионных действий. На него произвели впечатление жесткая дисциплина и культ вождя в социалистических государствах.

В 1969 году Нидаля возглавил отделение ФАТХ в столице Судана. Его обязали координировать свои действия с суданскими спецслужбами, но те быстро увидели, что Нидаля намерен действовать самостоятельно.

Кончилось это тем, что Арафата попросили убрать Нидаля. Его перевели в Ирак, учитывая, что он был членом БААС, которая стала в Ираке правящей партией.

Это назначение стало поворотным пунктом в жизни Нидаля. В Багдаде в полной мере оценили его таланты.

Ему давали деньги, оружие, паспорта и говорили: «Действуй!» Новому иракскому лидеру Саддаму Хусейну, как и остальным молодым арабским лидерам, нужны были свои, «карманные», палестинцы.

Саддам Хусейн и его клан

У этого человека нет ни друзей, ни союзников. Одни только враги и подчиненные, вернее, подданные. Его боятся и ненавидят. Все последние годы его страна постепенно погружается в нищету. Но его по-прежнему почитают как великого вождя. Этот человек — председатель Совета революционного командования, генеральный секретарь регионального руководства Партии арабского социалистического возрождения, президент Ирака маршал Саддам Хусейн.

Президент Саддам Хусейн родом из местечка Тикрит на севере Ирака. Он родился в 1937 году. Женат на собственной двоюродной сестре. Все приближенные Саддама — это выходцы из его родного городка. Их называют «тикритской мафией». Среди выходцев из Тикрита — вице-президент, министры обороны и иностранных дел, мэр Багдада и командир столичного гарнизона, командующий республиканской гвардией.

Не партия, не армия, не гвардия, не служба безопасности, а выходцы из Тикрита — главная опора Саддама. Они позволяют ему контролировать страну, превращая управление богатым нефтью государством в семейное дело.

Когда Саддам казнил начальника контрразведки генерал-лейтенанта Фадыла Ат-Тикрити, то заменил его другим дальним родственником Рифаа Ат-Тикрити.

Выходцы из Тикрита делятся на два крыла. Одно крыло — родственники дяди Саддама, это люди, носящие фамилию Маджид. Другое крыло — это родственники его отчима, носящие фамилию Ибрагим.

Каждый из этих людей отличился по-своему. Один из Маджидов руководил операцией по уничтожению курдов в 1988 году, когда курдов травили боевыми отравляющи-

ми веществами. Один из Ибрагимов в юности убил директора школы, который не допустил его к экзаменам.

Выходцы из Тикрита верны Саддаму по двум причинам. Во-первых, они боятся своего родственника. Во-вторых, еще больше они боятся того, что если Саддам уйдет, то их всех вырежут. Они знают, какую ненависть вызывает в стране господство «тикритской мафии», и они знают, что в Ираке побежденные не уходят в оппозицию, побежденных в Ираке уничтожают.

Саддам родился в очень бедной семье, его отец, безземельный крестьянин, умер до рождения сына. Воспитывал Саддама отчим, который нещадно лупил пасынка. Саддама с детства учили, что окружающий мир враждебен, что жизнь — это бесконечная борьба за выживание и выжить можно только в том случае, если никому не доверяешь и успеваешь убить врага раньше, чем он убьет тебя.

Среди родственников будущего президента Ирака было немало убийц и грабителей. Они считали, что убить врага — это лучшее доказательство собственного мужества.

Саддам совершил свое первое убийство в очень юном возрасте. Затем он убил еще троих людей. Судя по всему, он сделал это для того, чтобы почувствовать себя настоящим мужчиной. А мог ли Саддам Хусейн стать президентом Ирака, не обладай он такими качествами? Какие люди берут власть в странах Востока? Да может ли сделать карьеру в этом жестоком мире мягкий и интеллигентный либерал?

Долгий путь Саддама Хусейна к высшей власти воспитал в нем жестокость и умение с легкой душой уничтожить вчерашнего соратника и друга. Ведь история последних десятилетий Ирака — это история военных и дворцовых переворотов.

В июле 1958 года восставший генерал Кассем уничтожил правившую в Ираке королевскую династию. Через пять лет убили самого генерала. Власть перешла к Партии арабского социалистического возрождения Ирака — БААС. Президентом Ирака стал генерал Хасан эль-Бакр, его заместителем — Саддам Хусейн. А в 1979 году Саддам сместил президента и занял его место.

Тогда Саддам мог взять власть без применения силы, но предпочел пролить много крови, чтобы показать стране и миру, кто отныне хозяин в Ираке. Он обвинил братскую Сирию, где власть принадлежит его же партийным товарищам, в заговоре против Ирака и пригласил своих министров и близких родственников понаблюдать за казнью семидесяти мнимых заговорщиков.

Человеческая жизнь в глазах Саддама ничего не стоит. Специалисты по Ираку уверены, что Саддам приказал убить своего шурина — министра обороны Ирака Аднана Хайруллы, который по официальной версии погиб в результате вертолетной катастрофы. Столь же легко он расправился со своими зятьями, которые бежали от него в Иорданию.

Зятья Саддама занимали очень важные посты.

Один из них — подполковник Саддам Камель Хассан аль-Маджид — возглавлял личную охрану президента. Другой — генерал-майор Хусейн Камель Хасан, бывший министр экономики, руководил программой вооружений, в частности производством химического и бактериологического оружия, и считался человеком номер два в стране, Камель входил в число тех, кто распоряжался деньгами Саддама, размещенными за границей. В основном они вложены в банки или в фиктивные компании в Иордании, Турции, Италии, Тунисе и Марокко. Двоюродный брат генерала Камеля — майор Изеддин Мохаммед Хассан, который бежал вместе с ним, как будто бы и занимался чисто денежными делами. Майор обычно сопровождал делегации иракских военных, которые осуществляли закупки вооружений.

Саддам очень болезненно воспринял бегство дочерей и зятьев. В стране, где семейные, родовые, клановые отношения имеют большое значение, бегство родных в Иорданию сильно повредило его образу отца нации. И он поклялся отомстить.

Сначала король Иордании очень хорошо принял изгнанников, поместил в дом для гостей. Затем правительство Иордании попросило их освободить комнаты. Они почувствовали себя в изоляции. А их жены, дети Саддама, стали требовать возвращения, плакали. Получив пись-

мо от матери из Багдада, они клялись, что дома их ждут, отец никого не станет наказывать, надо только попросить прощения у Саддама. Они поклялись на Коране: «Если с вами что-то случится, мы покончим с собой».

Наконец Хусейн Камель написал покаянное письмо Саддаму. Камель сказал журналистам, что не намерен умереть в изгнании. Его желание исполнилось. Он получил письменное прощение от Саддама Хусейна. И он имел наивность поверить Саддаму. Беглецы вернулись в Ирак.

Через сорок восемь часов после того, как они отправились в Багдад, иракское телевидение передало, что дочери Саддама получили развод — это означало, что они не разделят судьбу своих мужей.

Генерал Хусейн Камель и подполковник Саддам Камель по возвращении были убиты. Погибли их отец и младший брат. Как говорят, были убиты и их дети (внуки Саддама Хусейна), десятилетний Али и семилетний Ахмед.

За годы своего правления Саддам превратил Ирак из процветающего за счет нефтедолларов государства в нищее. Но в одном он преуспел — в сохранении личной власти.

Почему же он продолжает сохранять абсолютную власть в стране и почему не оправдались все прогнозы, предсказывавшие его скорое падение? Потому что многие иракцы по-прежнему его поддерживают.

Саддам сумел пробудить в иракцах чувство национального самоуважения. Когда он атаковал Иран в 1980 году или присоединил Кувейт в 1989-м, иракцы ему аплодировали. Саддам внушил иракцам уверенность в том, что они — лучшие арабы на всем арабском Востоке.

То, что кажется странным и непонятным для европейцев, спокойно воспринимается здесь, на Ближнем и Среднем Востоке.

Иностранцев всегда поражает, как часто политики здесь откровенно лгут, но никто не хватает их за руку.

Саддам вел две войны. Одна — против Ирана — продолжалась восемь лет, стоила жизни десяткам тысяч людей и закончилась если не поражением, то, по меньшей мере, оказалась пустой тратой сил. Вторая война — из-за

Кувейта — закончилась разгромом и унижением. Таким же унижением было уничтожение израильской авиацией его ядерного комплекса. Обычно проигравшего лидера свергают. Саддама же превозносят как блистательного полководца.

Сами иракцы говорят о том, что они на самом деле все еще воспринимают мир с позиции человека пустыни, скотовода, бедуина. Для бедуинов характерны эгоизм, клановость и привычка подчиняться начальнику.

Саддам, как и многие арабские лидеры, непримирим и нереалистичен, традиции и эмоции действуют на него сильнее доводов рассудка.

Как говорил президент Туниса Хабиб Бургиба, «у нас, арабов, эмоции подавляют разумные действия, эмоции оправдывают инертность. Мы, арабы, кричим, наносим оскорбления, мы погрязли в ругани, мы проклинаем и думаем, что таким образом мы выполняем свой долг. За всем этим стоит комплекс неполноценности».

В этом отражается и свойственная исламскому миру привычка противопоставлять себя остальному миру. Но арабы питают глубокое недоверие друг к другу. Поэтому главный враг Ирака — соседняя Сирия, где правит та же самая Партия арабского социалистического возрождения.

Да и внутри страны люди очень разобщены — на мусульман-шиитов, которые составляют большинство в Ираке, на мусульман-суннитов, к которым принадлежит, кстати, сам Саддам Хусейн, и на мусульман-курдов, которых власть методически уничтожает.

Иракского президента считают олицетворением зла, каким-то монстром, безжалостным диктатором, который залил страну кровью.

Весь мир ждет, когда, наконец, Саддам исчезнет с политической сцены. И мало кто задумывается над тем, что наследником Саддама Хусейна может стать только его двойник.

Это может быть его сын. Это может быть кто-то из его подчиненных-генералов или кто-то из руководителей его партии, которая все еще называется социалистической. Но в любом случае новый хозяин Ирака, пока добьется власти, здорово запачкается в крови.

Там, на Востоке к власти приходят по трупам своих соперников. Такова история современного Ирака.

Вот поэтому на самом деле никто особенно и не хочет свергать Саддама Хусейна. В 1991 году американцы могли его уничтожить, но явно не захотели этого делать. Все боятся перемен, ведь перемены в Ираке пока что происходят только от плохого к худшему.

«Карманные» палестинцы

В 1959 году египетский президент Гамаль Абдель Насер пообещал палестинцам создать им государство. Его слова вызвали взрыв энтузиазма среди палестинцев. Они поверили, что египетская армия поможет им с победой вернуться в Палестину и уничтожит Израиль.

Насер же надеялся с помощью палестинского национализма одержать победу на фронте внутреннего соперничества с другими арабскими лидерами, прежде всего с лидером Ирака генералом Абделем Керимом Касемом, который тоже претендовал на ведущее место в арабском мире и рассчитывал на палестинцев.

14 июля 1958 года генерал Касем совершил военный переворот и уничтожил правившую в Ираке ветвь Хашимитских королей и нацелился на другую ветвь королевского семейства, правящую Иорданией. Генерал призвал отобрать Западный берег реки Иордан у Иордании, а сектор Газа у Египта и создать на этих территориях палестинское государство.

Ни Египет, ни Иордания это предложение не поддержали.

В феврале 1963 года генерала убили. Власть перешла к партии БААС, президентом сначала стал генерал Хасан эль-Бакр, затем Саддам Хусейн.

В апреле 1968 года Сирия создала свою палестинскую организацию «Эль-Сайга», которая по количеству бойцов, оружия, денег вполне могла конкурировать с ФАТХ Арафата. «Эль-Сайга» не считала необходимым создание палестинского государства, а требовала объединения всех арабов под эгидой великой Сирии.

Тогда и Ирак обзавелся собственной палестинской группой — Фронтом арабского освобождения. Секретные службы Саддама Хусейна вербовали и уже существующие палестинские организации. Начали с группы, которую возглавлял доктор Иссам Сартави.

Со временем Сартави станет лидером умеренных внутри ООП и открыто признает право Израиля на существование, поэтому в апреле 1983 года боевики Нидаля убьют его в Португалии...

Роман Сартави с иракцами продолжался три года, в это время он часто встречался со своим будущим убийцей Нидалем. Сартави быстро понял, что служить другому государству опасно для палестинского дела, и присоединился к максимально независимой ФАТХ. Нидаль шел обратным путем.

Не поставив в известность руководство ООП и ФАТХ, Нидаль 5 сентября 1973 года организовал свою первую самостоятельную акцию. Пятеро его боевиков захватили посольство Саудовской Аравии в Париже.

Еще через два месяца люди Нидаля совершили угон самолета. Абу Айяд, второй человек в ФАТХ, писал позднее: «Захват самолетов оказался бессмысленным делом. За исключением самой первой акции, заставшей израильтян врасплох, сионистские лидеры отказывались вступать в переговоры с угонщиками. Зато захват самолетов серьезно помешал нам убеждать мировую общественность в значении нашей борьбы».

За «самодеятельность» Нидаля исключили из ФАТХ.

Лагерь в квартире

Его это не смутило. Он давно жаждал самостоятельности и создал с помощью иракских спецслужб собственную организацию. Ему дали радиостанцию, помогли организовать информационное агентство и издавать газету; она, правда, выходила настолько малым тиражом, что даже израильская разведка с трудом добывала экземпляр для своего архива.

От Саддама Хусейна группа Нидаля получила полную монополию на устройство палестинцев в иракские инсти-

туты: студентом мог стать только тот, кто обещал помогать Нидалю.

Группа Нидаля, насколько можно судить по отрывочным сведениям, никогда не превышала четырехсот человек. В значительной степени они связаны между собой семейными, клановыми отношениями. К тому же Нидаль всегда верил в силу денег, в материальный интерес и платил своим людям вдвое больше, чем Арафат своим.

В его организации строго соблюдали конспирацию. Каждая акция поручается отдельной ячейке, о которой другие члены организации ничего не знают. Им не разрешают встречаться друг с другом. Вся информация передается специальными курьерами. Даже когда людей Нидаля ловят, они могут выдать лишь одного или двух товарищей по борьбе.

Тренировки обычно проходят в небольшой квартире группами по два-три человека. Помимо традиционного «калашникова», в группе Нидаля предпочитали гранотометы и польские пистолеты-пулеметы с 25-зарядным магазином, к которым подходят патроны от «макарова».

Большая база Нидаля находилась в контролируемой сирийскими войсками части Ливана — в долине Бекаа. Курс боевой подготовки был рассчитан на шесть месяцев.

Утро начиналось с пробежки — восемь километров, потом четыре часа физической подготовки плюс стрельба. Цель: научиться убивать всеми возможными средствами, проникать в хорошо охраняемое здание, следить за теми, кто намечен в качестве жертвы, и исчезать бесследно...

Нет врага хуже Арафата

Знаменитое выступление Арафата в Организации Объединенных Наций в 1974 году, когда лидер Организации освобождения Палестины признал, что все живущие в Палестине евреи смогут спокойно жить там и после создания палестинского государства, Нидаль счел предательством.

Слова Арафата противоречили Палестинской национальной хартии 1964 года. Ее пятая статья гласит, что

палестинцы — это арабы, которые жили на палестинской земле до 1947 года, и те, кто после 1947-го родился от палестинского отца в любой точке земного шара. Из числа евреев палестинцами могут считаться только те, кто жил на этой земле до «начала сионистского вторжения».

Среди палестинцев всегда шли дискуссии: когда началось «вторжение»? В 1882 году, когда в Палестину вернулись первые группки религиозных евреев, или в 1917-м, когда была провозглашена Декларация британского лорда Бальфура, выступившего за право евреев создать свое государство в Палестине?

В любом случае не могло быть и речи о том, чтобы, как сказал Арафат в Нью-Йорке, разрешить всем евреям, живущим в Израиле, остаться в Палестине...

В ответ на это выступление боевики Нидаля угнали английский самолет в Тунис. Они потребовали освободить пятнадцать своих товарищей, сидевших в египетских тюрьмах, а также вернуть делегацию ООП во главе с Арафатом из Нью-Йорка, чтобы она не смела участвовать в заседании Генеральной Ассамблеи ООН.

Организация освобождения Палестины официально уведомила, что Абу Нидаль освобожден от всех постов.

Ответ последовал немедленно. В октябре около элегантной виллы, построенной недалеко от Дамаска, телохранители Мухаммада Аббаса, казначея ООП, задержали группу вооруженных людей, которые на допросе признались, что отправлены Нидалем убить не только Аббаса, но и самого Арафата.

В ноябре суд ООП приговорил Нидаля к смерти и потребовал от Саддама Хусейна выдать его, но в Багдаде даже не захотели разговаривать на сей счет.

Через четыре года Абу Нидаль вновь попытался расправиться с Арафатом.

В апреле 1978 года израильские войска в ответ на террористические акции атаковали палестинские базы в Ливане. Соратники Арафата требовали от него сражаться до последнего бойца. Арафат же настаивал на выполнении резолюции Совета Безопасности ООН о перемирии на юге Ливана.

От Арафата откололись непримиримые радикалы. Они решили сорвать перемирие. Нидаль немедленно перебрал сто пятьдесят своих бойцов в Ливан. Но Арафат оказался раскольникам не по зубам.

Формально Нидаль не является лидером группы. Себя он называет одним из членов революционного совета, утверждая, что все решения принимаются после дискуссии, в ходе которой каждый имеет равный голос. Но в арабском мире всем известно, что Нидаль — в своей организации абсолютный диктатор и не терпит возражений. Нидаль нуждался в союзниках, но ни с кем не желал делить власть. Поэтому его попытки привлечь в свою организацию заметных палестинцев ничем не закончились...

Не сумев добраться до хорошо охраняемого Арафата, Нидаль взялся за его помощников, придерживающихся умеренных взглядов. Особенно ошутимой потерей для Арафата было убийство в 1978 году Саида Хаммами в Лондоне и в 1983-м Иссама Сартави в Португалии. Оба представителя ООП играли важную роль в попытке Арафата наладить контакты с Израилем.

На деньги Саддама Хусейна Нидаль отправил в Лондон группу из трех человек, которая тяжело ранила израильского посла Шломо Аргова. Это послужило оправданием для операции «Мир для Галилеи» — вторжения израильской армии в Ливан.

В ходе этой операции палестинцы лишились всех своих баз в Ливане, понесли серьезные потери в живой силе и технике и вынуждены были рассеяться по разным странам.

В 1980 году Нидаль попытался убить своего бывшего наставника в ФАТХ Абу Айяда, находившегося в Белграде, но тот остался жив.

Готов выполнить любое поручение

На службе у президента Ирака Абу Нидаль вел свою маленькую войну и с сирийскими братьями. В июне 1976 года сирийские войска вошли в Ливан и фактически помогли ливанским христианам задавить палестин-

цев. Для Саддама Хусейна и Абу Нидаля это был желанный повод.

Четыре его боевика захватили в сентябре 1976 года заложников в гостинице «Семирамис» в самом центре Дамаска и потребовали освободить из сирийских тюрем ряд заключенных, большинство которых были просто агентами иракской разведки.

Президент Сирии Хафез Асад не пожелал вести переговоры. Во время военной акции один террорист был убит, но погибли и три заложника.

В октябре боевики Нидаля атаковали посольства Сирии в Пакистане и Италии. В декабре обстреляли машину министра иностранных дел Сирии Хаддама, убили охранника и ранили министра. Через год на него было совершено новое покушение — в аэропорту Абу-Даби. Хаддам чудесным образом спасся, зато погиб министр Объединенных Арабских Эмиратов.

У Нидаля были и другие поручения. В ноябре того же 1976 года Нидаль послал четырех человек захватить отель «Интерконтиненталь» в Аммане. Через четыре часа иорданские войска освободили заложников: погибло двое солдат, трое постояльцев отеля и трое террористов. Четвертого через месяц казнили по приговору военного трибунала.

В ноябре 1977 года, когда президент Египта Анвар Садат приехал в Иерусалим, чтобы договориться о мире с Израилем, у Нидаля появилась новая цель. Каддафи назначил цену за голову египетского президента. До Садата Нидаль не добрался, но его люди в феврале 1978 года убили в отеле «Хилтон» в столице Кипра Никозии друга Садата — главу египетского газетного синдиката Юсуфа Сибай.

Время от времени Нидаль напоминал о себе западноевропейцам, выбирая наименее защищенные объекты.

В мае 1981-го люди Нидаля убили видного австрийца — руководителя Общества дружбы с Израилем. Через полтора месяца четыре боевика ворвались в венскую синагогу, убили женщину и мужчину. Двоих нападавших застрелил охранник находившегося там венского бизнесмена, еще двоих арестовали. На следствии они признались в принадлежности к группе Нидаля.

Некоторые западноевропейские правительства пытались договариваться с Нидалем. Убийцы одного из палестинцев, участвовавших в переговорах с израильянами, были в 1978 году осуждены французским судом к пятнадцати годам тюремного заключения, а в 1986-м внезапно освобождены. Полагают, что это было частью сделки между Парижем и Нидалем, обещавшим впредь воздерживаться от акций на французской земле.

«Твой враг — мой враг»

В ноябре 1983 года сотрудники секретной полиции Саддама Хусейна арестовали Нидаля, который преспокойно отдыхал на вилле, подаренной ему самим Саддамом, в пригороде Багдада. Но времена меняются, а в этом мире старые заслуги и прежние обязательства ничего не стоят.

В тот момент иракский президент пытался предпринять очередную попытку улучшить отношения с Соединенными Штатами. Начались переговоры о восстановлении дипломатических отношений с Вашингтоном. И Нидадь пал жертвой большой политики.

Под конвоем его отправили в Сирию. Асад не стал вспоминать, как Нидадь охотился за его министром иностранных дел, а взял его на службу. Дело в том, что его собственный мастер грязных дел — лидер палестинской группы «Эль-Сайга» был убит во время отдыха на французской Ривьере.

Между тем Асаду угрожали «Братья-мусульмане», которых поддерживал иорданский король Хусейн. В ответ люди Нидаля атаковали иорданцев. Нидадь за первые шесть месяцев 1984 года по поручению сирийцев организовал около полусотни боевых операций. Но уже в следующем, 1985 году сирийский президент и иорданский король помирились, и Асад сплавил Нидаля дальше — в Ливию.

Нидаля принял официально сам Каддафи, и — редчайший случай — об этом появилось сообщение в печати. Для Каддафи главным врагом в тот момент был президент

Египта Хосни Мубарак. Нидаль с удовольствием взялся выполнить просьбу Каддафи. Он сам ненавидел египетских руководителей и заявил журналистам: «Садат подписал Кэмп-Дэвидский договор и умер. Так что это только вопрос времени, когда его наследник Хосни Мубарак заплатит своей жизнью за свое предательство».

В ноябре 1985 года Нидаль организовал похищение египетского самолета, совершавшего рейс из Афин в Каир. Угонщики посадили самолет на Мальте и расстреляли всех пассажиров. Тогда египетский спецотряд штурмом взял самолет, пятеро из шести угонщиков погибли.

В декабре того же года боевики Нидаля устроили резню в аэропортах Вены и Рима, обстреляв пассажиров, стоявших возле стоек израильской авиакомпании. У двух террористов, оставшихся в живых, нашли тунисские паспорта — те самые, которые полиция Каддафи конфисковала у тунисских рабочих, высланных из страны. Считается, что Каддафи заплатил Нидалю за Вену и Рим соответственно пять и шесть миллионов долларов.

Террорист на покое?

Ливия оказывала его группе обычные услуги, в которых нуждаются террористы: предоставляла дипломатические паспорта, освобождающие от таможенного досмотра и исключают возможность ареста, пересылала для его бойцов оружие в дипломатическом багаже.

Но когда Каддафи решил восстановить свои отношения с миром, он прежде всего избавился от Нидаля. Говорят, что он сделал это под давлением президента Мубарака. Возможно, Каддафи просто потерял интерес к Нидалю. Заодно он приказал расстрелять полковника Хасана Ашкала, который руководил операцией по захвату египетского самолета и лично передал Нидалю гонорар.

Из Ливии Нидаль перебрался в Иран. Потом он как будто бы нашел приют в Судане. После военного переворота в 1989 году власть там захватили исламские фундаменталисты, которые охотно поддерживают всех единомышленников.

В конце 1989 года появились сообщения, что Нидаль чуть ли не умирает в госпитале от рака и сердечной недостаточности. Он выкарабкался. А для его организации наступили трудные времена. Он стал настолько одиозен, что даже старые наниматели не рискуют прибегать к его услугам. Надежные союзники из братских социалистических стран канули в небытие. И Арафат сумел отомстить Нидалю. В борьбе с ООП Нидаль потерял полторы сотни бойцов. А вербовка новых идет плохо.

Фигура Абу Нидаля при всей ее исключительности кажется символической: его использовали так же, как уже много лет арабские лидеры используют в своих интересах все палестинское движение, не приблизив, а отдалив решение палестинской проблемы.

Террор бизнесу не помеха

Абу Нидаль не только руководитель «самой опасной из всех существующих террористических организаций», по оценке Государственного департамента США, но и multimillioner, крупнейший торговец оружием.

Борец за социальную справедливость Абу Нидаль скопил путем шантажа, грабежей и торговли оружием примерно триста пятьдесят миллионов долларов.

Только во время Первой войны в Персидском заливе, когда между собой воевали Иран и Ирак, Нидаль продавал оружие обеим сторонам и заработал около двухсот миллионов долларов. Эти деньги он разместил на различных банковских счетах в Швейцарии, Испании и Австрии.

Об этой стороне его жизни ничего не было известно до той поры, пока не открылись архивы секретных служб бывших социалистических стран.

Его важнейшим партнером в продаже оружия была ГДР, которая нуждалась в его услугах так же, как он в помощи восточно-германского министерства госбезопасности.

Скажем, в Восточном Берлине его часто просили купить западное оружие. Нидаль поручал это солидному лондонскому банку с широкими международными связями — «Бэнк оф кредит энд коммерс». Банкиры нахо-

дили готового к услугам военного атташе небольшого государства, обычно латиноамериканского. Он выписывал необходимый для вывоза оружия сертификат, и груз спокойно проходил таможенный контроль.

В первом же европейском порту груз менял назначение. Вместо, предположим, Сьерра-Леоне, оружие переправлялось в восточногерманский порт Росток, где секретный груз встречали представители министерства государственной безопасности ГДР. Часть груза забирало себе МГБ — для внутренних нужд социалистического государства, другая пересылалась Абу Нидалю.

В самом центре Берлина расположилась компания, принадлежавшая Нидалю, — «Зибадо компани фор трейд энд консалтинг лтд». Компания обещала поставлять в ГДР промышленные товары. Товар был один — оружие.

Главным партнером Нидаля был статс-секретарь министерства внешней торговли ГДР и одновременно офицер госбезопасности Александр Шальк-Голодковский, который занимался по поручению политбюро всеми незаконными операциями, приносящими выгоду. Шальк продавал Западной Германии восточногерманских диссидентов и на полновесные марки закупал на Западе оружие, бананы и видеофильмы для политбюро.

Шальк создал фирму «Имес импорт-экспорт ГмбХ», которая перепродавала западноевропейское оружие арабским государствам и террористическим группам. Контроль за этими операциями осуществляли сотрудники 18-го (обеспечение народного хозяйства) и 22-го (борьба с терроризмом) управлений министерства госбезопасности ГДР.

Шальк-Голодковский благодаря своим связям с западногерманским финансово-промышленным миром помог и Саддаму Хусейну, когда тот решил вооружить армию Ирака ракетным оружием — нашел компании, готовые продать Ираку необходимые чертежи и комплектующие.

ГДР действовала отнюдь не только в силу антиимпериалистической солидарности. Хусейн выделил на эту сделку восемнадцать с половиной миллионов западногерманских марок. Шальк-Голодковский сразу решил, что из этих денег западногерманские фирмы получают только три миллиона. Остальные пошли немецким чекистам.

В 1985 году Абу Нидаля, товарища по совместной борьбе, принял член политбюро и министр госбезопасности Эрих Мильке.

Министр разрешил двум отрядам Нидаля пройти подготовку на территории ГДР. Первая группа с апреля по июнь 1985 года изучала гранатометы и ракеты ручного управления. Вторая группа в начале 1986 года проходила военную подготовку на учебном полигоне МГБ под Бранденбургом.

В промежутке между учебой люди Нидаля совершили нападения на аэропорты в Вене и Риме, убив шестнадцать человек.

Нидаль действовал не только в ГДР, но и в Народной Польше. В Варшаве разместилась компания «САС трейд энд инвестмент», уставными целями которой являлись «международная торговля, маркетинг, строительство и инвестиции». Это была компания Нидаля.

Но осенью Абд эль-Фаттах эль-Сильвани, человек номер три в финансовой империи Нидаля, испугался своего участия в запутанных махинациях, удрал через Западный Берлин в Соединенные Штаты и обо всем рассказал.

Американский посол заявил протест правительству ГДР. В Восточном Берлине к протесту отнеслись спокойно. У американцев рыльце тоже было в пушку. ЦРУ имело счета в лондонском «Бэнк оф кредит энд коммерс» и покупало оружие в Восточной Германии у того же Шальк-Голодковского — то есть у его фирмы «Имес». Одна из сделок была крупной — на сорок миллионов долларов. В Пентагоне хотели получше ознакомиться с некоторыми образцами советского оружия. И восточные немцы помогли американцам.

Одновременно американцы стали выяснять номера счетов Нидаля в швейцарских банках и требовать от Цюриха, чтобы эти счета были заблокированы.

Но с Нидалем трудно играть в эти игры. В Ливане был похищен представитель швейцарского Красного Креста, появилось предупреждение о возможном нападении на аэропорт в Цюрихе.

Швейцарские власти правильно поняли предупреждение, и палестинцы получили возможность беспрепятственно пользоваться своими деньгами.

УЧЕНИКИ СТРЕЛЯЮТ В УЧИТЕЛЕЙ

Социалистические страны снабжали палестинских террористов оружием и укрывали их от правосудия. Эта помощь распространялась даже на тех, кого официально клеймили как «раскольников» и «предателей палестинского дела». Только теперь становятся понятны подлинные мотивы этой неразборчивости.

Запад всегда обвинял Советский Союз, весь социалистический блок в покровительстве международному терроризму. Ныне, когда открылись архивы восточноевропейских секретных служб, становится ясно, что действительность обогнала самые смелые предположения западных специалистов по терроризму.

Социалистический мир был идеальной базой для террористических акций. Здесь, за «железным занавесом», они были вне досягаемости полиции, а местные власти проявляли полнейшую готовность к сотрудничеству. Венгрия, Болгария, Чехословакия, Восточная Германия — палестинские террористы везде пользовались режимом наибольшего благоприятствования.

Руководители секретных служб социалистических стран обучали палестинцев, прежде всего людей Арафата, снабжали их оружием и взрывчаткой, разрешали использовать территорию своих стран для атак на международный империализм и сионизм.

Но отношения Москвы с палестинцами никогда не были безоблачными.

«Слишком расчетливы»

Среди высокопоставленных палестинцев, которые в какой-то степени осведомлены о деталях советско-палестинских контактов, существуют разные точки зрения. Одни безоговорочно благодарят Москву за все, что она сделала для ООП. Другие отзываются весьма скептически.

«Московские лидеры всегда громогласно заявляли, что поддерживают нашу борьбу, — жаловался один из членов

высшего руководства ООП журналистам, — но во время закрытых встреч они вели себя совсем иначе и были весьма расчетливы, когда дело доходило до того, чтобы нам что-то дать».

В Советском Союзе со времен Никиты Хрущева привыкли ориентироваться на Египет. Потом на Сирию. В Москве предпочитали иметь дело с влиятельными странами, от которых зависит ситуация на Ближнем Востоке. К созданию ООП в Москве отнеслись подозрительно.

Ее цель, провозглашенная в национальной хартии, — уничтожение Израиля, была близка определенным людям на Старой площади, но никак не соответствовала интересам Советского Союза. Перманентный арабо-израильский конфликт позволил Москве основательно расположиться на Ближнем Востоке, разместить там базы для средиземноморской эскадры, рассчитывать на поддержку арабских государств при голосовании в ООН. Уничтожение Израиля сделало бы советское присутствие на Ближнем Востоке ненужным.

Кроме того, Ясир Арафат не казался серьезным партнером. Он бесконечно лавировал и маневрировал, борясь за выживание. Что он мог дать Москве?

Первой из социалистических стран наладил отношения с палестинцами Китай, который не признавал Израиля. Мао Цзэдуну тоже нужны были какие-то международные контакты и партнеры, желательно младшие. Запад не имел с ним дел. Сравнительно большие государства третьего мира пока что пренебрегали Китаем.

Щедрость Мао первыми оценили те, кто не располагал ничем. Ясир Арафат побывал в Пекине в 1964 году. На следующий год там было открыто представительство ООП.

И оружие палестинцам первоначально предоставлял только Китай, причем не заикался о деньгах и давал больше, чем просили. Проблема состояла в том, что расстояние между китайскими портами и палестинскими базами в Ливане было слишком большим.

В Москву Арафат впервые приехал в 1968 году, тайно, под чужой фамилией, в свите египетского президента Насера, который нуждался в помощи врачей из

4-го Главного управления при Министерстве здравоохранения СССР.

После личного знакомства и секретных переговоров отношение к Арафату стало улучшаться. В частности, потому, что советские лидеры побаивались, как бы Арафат полностью не попал под влияние Китая. На Ближнем Востоке Москва соперничала с Вашингтоном, Пекин был уже третьим лишним. Но бюро Организации освобождения Палестины открылось в Москве только в 1976 году.

Помощь, за которую хорошо платили

Основная помощь из Москвы пошла после 1973 года, когда президент Египта Анвар Садат разочаровался в дружбе с Советским Союзом. Пик интереса к ООП пришелся на 1979—1982 годы. Каким был масштаб этой помощи?

Когда в 1982 году в результате военной операции «Мир для Галилеи» израильские войска выбили палестинские вооруженные формирования из Ливана, в Иерусалиме обнародовали список трофеев: 80 танков, 65 ракетных пусковых установок типа «катюша», 202 гранатомета, 158 противотанковых управляемых снарядов, 70 тяжелых артиллерийских орудий, 28 тысяч единиц стрелкового оружия, 4670 тонн боеприпасов...

Это была малая часть того, что Советский Союз поставил Организации освобождения Палестины. Но, судя по всему, это не было щедрым подарком Москвы ближневосточным товарищам.

ООП располагала немалыми средствами для того, чтобы платить за оружие. Нефтяной бум создал избыток денег в арабском мире, из которых можно было что-то давать и палестинцам. Давала даже Ливия, хотя Каддафи не находил денег, чтобы расплатиться за то советское оружие, которое получал сам. Да и среди палестинцев много богатых людей, они жертвовали деньги на общую борьбу.

После разгрома палестинцев в Ливане Москва продолжала помогать Арафату, но его стратегическое значение упало.

Кроме того, против Арафата выступил президент Сирии Хафез Асад, который, почувствовав его слабость, попытался подмять под себя палестинское движение. Он отколол от ООП несколько групп. Москва разрывалась между обязательствами по отношению к Арафату и лояльностью к своему важнейшему союзнику — Сирии.

На истинный характер взаимоотношений Москвы и палестинцев проливают свет документы, которые попали в руки израильтян в 1982 году и были опубликованы. Среди них запись беседы министра иностранных дел Андрея Громыко с Ясиром Арафатом от 13 ноября 1979 года.

Министр был холоден.

Громыко говорил, обращаясь к Арафату:

— Мы поддерживаем палестинскую, арабскую позицию. Мы, вне всякого сомнения, поддержим любое ваше предложение в ООН. Вам обеспечена поддержка наших социалистических друзей. Но последний вопрос — и это действительно только вопрос. Когда мы беседуем с американцами о палестинской проблеме, они спрашивают нас: разве можно признавать ООП и соглашаться на создание независимого палестинского государства, если ООП не признает Израиль?.. Рассматриваете ли вы возможность определенных тактических уступок в обмен на признание со стороны враждебного лагеря? Рассматриваете ли возможность признания права Израиля на существование?

Арафат даже на секретных переговорах отвечал союзнику столь же уклончиво, как и на пресс-конференциях:

— Наша позиция — создание совместного государства для евреев и арабов. Нам отвечают: это означает уничтожение Израиля. В 1974 году мы заявили, что создадим наше государство на любой части земли, с которой уйдет Израиль, и это наше право.

Громыко не хотел тратить время попусту и холодно закончил беседу:

— Если ваша позиция изменится, я прошу уведомить нас, поскольку избежать этого вопроса невозможно. Я прошу вас подумать об этом.

Если это подлинный документ, то он свидетельствует о весьма непростых отношениях между партнерами, ко-

торые на людях демонстрировали самую горячую любовь друг к другу.

Но политические расхождения не мешали сотрудничеству военному. Впрочем, то, что палестинцы именуют военными операциями, принято называть терроризмом.

По некоторым подсчетам, с 1973 года примерно три тысячи палестинцев прошли военное обучение в Советском Союзе — в Баку, Ташкенте, Симферополе и Одессе. Такие же группы палестинцев обучались в восточноевропейских государствах.

Между Симферополем и Алуштой с 1965 года находился 165-й учебный центр по подготовке иностранных военнослужащих при Министерстве обороны. В 1980-м учебный центр переименовали в Симферопольское военное объединенное училище. Через него прошло восемнадцать тысяч боевиков из развивающихся стран. Учили здесь разведывательно-диверсионной работе — как захватывать склады оружия, подкладывать взрывные устройства, сбивать самолеты...

Слишком много политинформаций

В брошенной палестинской канцелярии в Ливане израильтяне нашли один из отчетов палестинской военной миссии о поездке в СССР, датированный 22 января 1981 года.

В отчете о поездке в Советский Союз отмечалось, что часть прибывших на учебу палестинских курсантов пришлось отправить назад, потому что они торговали валютой, напивались, отказывались подчиняться советским инструкторам и не хотели изучать то, что полагалось по программе.

Побывавшие в лагерях палестинцы в свою очередь жаловались на то, что было слишком много политинформаций и слишком мало практических занятий. Во время боев в Ливане в 1982 году израильские офицеры отмечали, что лишь небольшая часть палестинских отрядов сражалась достаточно умело. Остальные действо-

вали неорганизованно, не умели пользоваться современным оружием и несли большие потери.

Этот отчет содержит крайне любопытную информацию:

«Наша группа прибыла в Симферополь. В группе 194 бойца. Представлены следующие фракции: ФАТХ, Армия освобождения Палестины, Народный фронт освобождения Палестины, Демократический фронт освобождения Палестины—Главное командование, Фронт освобождения Палестины...»

Московские политики и их союзники всегда утверждали, что Организация освобождения Палестины занимается чистой политикой, террор — дело рук каких-то других, «раскольнических» групп, не контролируемых Арафатом.

Но в советских учебных центрах палестинцев учили именно диверсионно-террористической деятельности. И среди курсантов в этих лагерях больше всего было людей Арафата.

Интересно, что Москва принимала на учебу и террористов из Демократического фронта освобождения Палестины—Главное командование, хотя публично жестокие акции этой группы осуждались.

Впрочем, Армия освобождения Палестины, действующая под руководством сирийского генерального штаба, тоже принадлежит к числу самых непримиримых и жестоких отрядов палестинского движения. Равно как и Народный фронт освобождения Палестины, возглавляемый Жоржем Хаббашем и Вади Хаддадом. Это они организовали большинство угонов самолетов и участвовали в самых кровавых акциях, начиная с расстрела пассажиров в израильском аэропорту Лод.

23 апреля 1974 года председатель КГБ Юрий Андропов обратился к генеральному секретарю ЦК КПСС Леониду Ильичу Брежневу (этот документ рассекречен):

«Комитет госбезопасности с 1968 года поддерживает деловой конспиративный контакт с членом политбюро Народного фронта освобождения Палестины (НФОП), руководителем отдела внешних операций НФОП Вади Хаддадом.

На встрече с резидентом КГБ в Ливане, состоявшейся в апреле с. г., Хаддад в доверительной беседе изло-

жил перспективную программу диверсионно-террористической деятельности НФОП... В настоящее время НФОП ведет подготовку ряда специальных операций, в том числе нанесение ударов по крупным нефтехранилищам в различных районах мира (Саудовская Аравия, Персидский залив, Гонконг и др.), уничтожение танкеров и супертанкеров, акции против американских и израильских представителей в Иране, Греции, Эфиопии, Кении, налет на здание алмазного центра в Тель-Авиве и др.

Хаддад обратился к нам с просьбой оказать помощь его организации в получении некоторых видов специальных технических средств, необходимых для проведения отдельных диверсионных операций...

Характер отношений с Хаддадом позволяет нам в определенной степени контролировать деятельность отдела внешних операций НФОП, оказывать на нее выгодное Советскому Союзу влияние, а также осуществлять в наших интересах силами его организации активные мероприятия при соблюдении необходимой конспирации.

С учетом изложенного полагали бы целесообразным на очередной встрече в целом положительно отнестись к просьбе Вади Хаддада об оказании Народному фронту освобождения Палестины помощи в специальных средствах... Просим согласия».

Согласие было дано. Таким образом, советское руководство стало соучастником уголовных преступлений.

Хаббаш и Хаддад были одновременно и самыми обычными уголовными преступниками. Они совершили несколько крупных ограблений и краж в Ливане, где они обосновались как у себя дома и обзавелись крупной коллекцией бесценных памятников искусства. Когда Вади Хаддад умер, Жорж Хаббаш не знал, что делать со своим богатством. О продаже награбленного где-то на аукционе не могло быть и речи. Даже частные коллекционеры не взяли бы награбленное.

Тогда Хаббаш предложил Москве выгодную сделку: он отдает Советскому Союзу эти драгоценности, древние монеты, статуэтки, которые специалисты оценивают в несколько миллиардов долларов, а взамен получает

оружие и взрывчатку на сумму в восемнадцать миллионов долларов.

Предложение было принято на заседании политбюро 27 ноября 1984 года. Этот документ, помеченный грифом «Особая папка. Особой важности», рассекречен. В документе говорится:

«1. Согласиться с предложением Министерства обороны и Комитета государственной безопасности СССР, изложенными в записке от 26 ноября 1984 г.

2. Поручить КГБ СССР:

а) информировать руководство Демократического фронта освобождения Палестины (ДФОП) о принципиальном согласии советской стороны поставить ДФОП специмушество на сумму в 15 миллионов рублей в обмен на коллекцию памятников искусства Древнего мира;

б) принимать от ДФОП заявки на поставку специмушества в пределах названной суммы;

в) совместно с Минкультуры СССР осуществить мероприятия, касающиеся юридической стороны приобретения коллекции.

3. Поручить ГКЭС и Минобороны рассматривать заявки Демократического фронта освобождения Палестины на специмушество на общую сумму в 15 миллионов рублей (в объеме номенклатуры, разрешенной для поставок национально-освободительным движениям), переданные через КГБ СССР, и предложения по их удовлетворению, согласованные с КГБ СССР, вносить в установленном порядке.

4. Поручить Минкультуры СССР:

а) принять от КГБ СССР по особому перечню коллекцию памятников искусства Древнего мира;

б) определить по согласованию с КГБ СССР место и условия специального хранения коллекции («золотая кладовая»), ее закрытой научной разработки и экспонирования в будущем. Совместно с Минфином СССР внести в установленном порядке предложения относительно необходимых для этого ассигнований;

в) решать вопросы экспонирования отдельных предметов и разделов коллекции по согласованию с КГБ».

«Не спекулировать!»

Одну из самых отвратительных террористических операций — захват итальянского пассажирского судна «Акилле Лаура» — осуществил человек, прошедший выучку в Советском Союзе. Это Абу Аббас, близкий к Арафату человек. Он возглавляет Палестинский фронт освобождения, входящий в ООП.

В Дамасском университете Абу Аббас изучал арабскую литературу, заинтересовался марксизмом и таким образом оказался в ООП. Его заметил Ахмед Джибриль, лидер Народного фронта освобождения Палестины—Главное командование.

Имя Джибриля стало широко известным, когда его люди захватили жилой дом в маленьком израильском городке и убили там восемнадцать мирных жителей. Джибриль заявил, что создает «новую школу борьбы с применением высшей степени революционного насилия».

В 1973 году Абу Аббас (ему было двадцать пять лет) отправился в Советский Союз получать военную подготовку. Обучение пошло ему на пользу. Он пытался захватывать самолеты и взрывать израильские порты.

Летом 1978 года боевики ФАТХ зафрахтовали греческое судно. В порту Латтакия, где проходят обучение палестинские аквалангисты-диверсанты, сирийцы загрузили на судно ракетные установки советского производства, в Триполи взяли на борт четыре тонны тринитротолуола.

Цель операции: обстрелять ракетами израильский порт Эйлат, стараясь поджечь нефтеперегонный завод. После чего экипаж намеревался покинуть судно на катере, а судно с грузом взрывчатки, направляемое автоматической системой наведения, должно было врезаться в причал. Взятой на борт взрывчатки хватило бы на то, чтобы почти полностью разрушить Эйлат и уничтожить множество мирных жителей.

Но в сорока милях от Эйлата израильский патрульный катер перехватил судно с палестинцами. Террористов судили и приговорили к различным срокам тюремного заключения.

Пойманнные палестинцы охотно беседовали с иностранными журналистами. Заместитель начальника группы Хадир рассказал, что учился на военных курсах под Севастополем: подрывное дело, закладка минных полей, взрывы мостов, ведение боевых действий в условиях применения ядерного, химического и биологического оружия.

— Перед поездкой, — рассказывал Хадир, — в нашем лагере в Шатиле мы одолели подготовительный курс по истории и культуре Советского Союза. Нам внушали, что мы должны привыкнуть беспрекословно выполнять приказы советских инструкторов и не вести дискуссии на политические темы.

Боевики ФАТХ приезжали в Советский Союз с паспортами умерших иорданцев и ливанцев, в которых были переклеены фотографии.

— Каждый получил на дорогу двести долларов, — продолжал Хадир, — потому что русские старались всеми средствами раздобыть твердую валюту. Нас предупредили, чтобы мы не занимались контрабандой и спекуляцией. Предыдущая группа на этом и погорела.

В 1982 году Абу Аббас поссорился с Джibriлем и его сирийскими друзьями, которые пытались взять под контроль всех палестинцев, и пришел к Арафату.

Захватив итальянское судно с туристами, люди Аббаса убили одного из пассажиров — шестидевятилетнего инвалида — только потому, что он был евреем. Президент Соединенных Штатов Рональд Рейган был настолько возмущен, что приказал применить военную силу для освобождения пассажиров.

Тогда Ясир Арафат заявил, что ООП не имеет никакого отношения к захвату судна, и приказал Абу Аббасу освободить заложников. Позднее стало известно, что Арафат объяснял своим помощникам:

— Операция была необходима, потому что заставила весь мир дрожать перед палестинскими воинами.

Личная организация Арафата — ФАТХ — старается не принимать участия в одиозных акциях. Остальные группы, входящие в ООП, считают убийства мирных людей нормальным средством борьбы с «сионистским образованием»:

— Все израильские граждане рассматриваются как солдаты противника и подлежат уничтожению, поскольку их смерть ослабляет Израиль.

Неверно было бы предположить, что советский КГБ, или министерство государственной безопасности ГДР, или спецслужбы других социалистических стран руководили террористическими операциями палестинцев или напрямую в них участвовали. Прежде всего, потому, что за малым исключением каждая палестинская группа уже имела своего сюзерена — сирийского президента Асада, иракского Хусейна, ливийского лидера Каддафи.

Только Ясир Арафат старался сохранить независимость своей организации — ФАТХ. Разумеется, не для того, чтобы выполнять приказы КГБ.

«Спасибо за то, что вы нас не тронули»

Сотрудники советской внешней разведки и их восточноевропейские коллеги старались поддерживать тесные контакты с палестинцами не только ради совместной борьбы с сионизмом и империализмом. С палестинскими террористами приходилось держать ухо востро и следить за тем, чтобы они проводили свои акции за пределами социалистического лагеря.

Из отчета, хранившегося в архиве министерства государственной безопасности ГДР:

«По поручению товарища Хонеккера министр государственной безопасности Эрих Мильке договорился с руководящим представителем Организации освобождения Палестины Абу Иджадом о помощи и поддержке справедливой борьбы арабского народа Палестины. Товарищ министр заверил представителя ООП, что корабельные подрывные заряды и ручные гранаты будут предоставлены в желаемом количестве».

Мильке просил также передать благодарность руководителю ООП Ясиру Арафату за то, что во время советско-американской встречи на высшем уровне в Вене не было предпринято никаких акций против американского президента. Эрих Мильке был признателен Арафату и за

то, что ООП согласилась не проводить террористические операции на территории ГДР.

Москва хотела все знать о ближневосточном, исламском терроризме еще и потому, что после вторжения в Афганистан она утратила симпатии исламского мира. Мусульмане повернулись спиной к бывшему другу. Теперь уже следовало позаботиться о том, чтобы жертвами палестинцев не стали граждане социалистического блока.

Но взращенный совместными усилиями зверь вышел из повиновения. Осенью 1985 года Советский Союз обеднел еще на одну иллюзию. Это произошло в тот момент, когда в Бейруте были похищены три советских дипломата и польский врач. Трех похитители вернули, одного — атташе по вопросам культуры Аркадия Каткова — убили.

Похищения давно стали стандартным методом борьбы в Ливане, только обычно их жертвами становились американцы, и это называлось борьбой с империализмом... Похищение советских людей и убийство одного из них было тревожным сигналом для Москвы.

Советские люди утратили свой иммунитет от террористических акций. Помощи пришлось искать не у старых друзей, а у прежних врагов. С началом перестройки это стало возможным. Советские спецслужбы начали консультироваться с коллегами из западных стран.

Так, в 1990 году, когда стало известно, что палестинские террористы готовят акцию против советской сборной по футболу, прилетевшей на чемпионат мира в Италию, КГБ обратился за помощью к итальянской контрразведке СИСМИ.

Помощь была оказана, советские футболисты избежали худшего. В Москве в полной мере оценили возможности международного сотрудничества с прежними врагами.

Глава 18

ОДИССЕЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ АРАФАТА

Этот человек любит повторять, что он «чувствует опасность». Похоже, это так. Много было желающих убить его. И враги, и те, кого он считал друзьями и соратни-

ками. Но ни одно из множества покушений на его жизнь не оказалось успешным.

Его полное имя — Абд аль-Рахман Абд аль-Рауф Арафат аль-Кудва аль-Хуссейни. Но называют его проще — Ясир Арафат.

Он переоделся женщиной

Я впервые увидел Ясира Арафата в Женеве в старом здании Европейского отделения Организации Объединенных Наций. Послушать его собрались, наверное, все, кто был в здании. Любопытная была картина. Благообразные ооновские джентльмены и неистовый Арафат. Джентльмены наблюдали за Арафатом с большим интересом, но несколько пренебрежительно и, пожалуй, высокомерно. Для них Арафат был экзотикой, а не партнером.

Он принадлежал к другому миру. Он говорил долго, по-восточному пылко и, судя по переводу, красиво. Он, конечно, прирожденный оратор, трибун, способный привлекать и увлекать за собой людей.

Но его главное достоинство состоит в уникальной политической гибкости. Вот уж его догматиком не назовешь. Он легко менял взгляды, союзников, друзей, партнеров.

Он происходит из знатной и богатой семьи. По образованию инженер. Служил в египетской армии офицером-подрывником. Женился только в шестьдесят три года и вскоре после этого стал отцом. Он создал самую известную боевую организацию палестинцев, которая называется ФАТХ. В переводе с арабского это означает «открытие дверей славы».

Ясир Арафат с юности верил, что когда-нибудь добьется славы в качестве вождя палестинцев. Так оно в конце концов и получилось. Но жизнь Арафата была тяжелой и опасной. С молодых лет ему приходилось скрываться от тех людей, которых посылали его убить.

Арафат принимал все меры предосторожности, которые только возможны. Но, ко всему прочему, ему еще просто везло. Даже авиационная катастрофа закончилась для него благополучно. Он родился в рубашке.

Четырежды израильское руководство обсуждало вопрос о ликвидации Арафата, однажды решение даже было принято, но операция успехом не увенчалась.

Вначале его решили выкрасть. В конце 1967 года он пробрался на Западный берег реки Иордан, населенный палестинскими арабами и оккупированный израильскими войсками после «шестидневной войны». На оккупированных территориях Арафат занимался вербовкой борцов для своей организации.

Израильская контрразведка получила сведения о том, где он ночует. Но когда контрразведчики ворвались в дом, Арафата уже не было. Он выскочил в окно и исчез. Он убежал в Иорданию в женской одежде и с чужим ребенком на руках. Больше он не рисковал переходить границу.

Расстрельный список

Во время Мюнхенской олимпиады 1972 года были убиты одиннадцать израильских спортсменов. Беззащитных людей расстреляла группа «Черный сентябрь» — террористическое подразделение организации Арафата.

Произошло это так. Западные немцы, стараясь, чтобы ничто не напоминало об Олимпиаде 1936 года, которая проходила в нацистские времена, ограничились чисто символической охраной Олимпийской деревни.

5 сентября 1972 года восемь палестинцев преодолели ограду вокруг Олимпийской деревни в Мюнхене и ворвались в помещение, которое занимала израильская команда. Двое спортсменов были убиты сразу, остальных взяли в заложники.

Террористы потребовали освободить двести арабских заключенных из израильских тюрем. Израиль отказался и попросил правительство ФРГ принять любые меры для освобождения заложников. Но немцы действовали на редкость неумело.

Власти ФРГ договорились с палестинскими террористами, что специальный самолет доставит их в столицу Египта.

Террористы и заложники были отправлены автобусом и вертолетом на военно-воздушную базу, где стоял самолет. В последний момент западногерманская полиция попыталась освободить заложников. Ничего хорошего из этого не вышло. Немцы не были готовы к такой операции. Им не хватило снайперов, и полицейские действовали каждый по своему разумению.

Палестинские террористы успели уничтожить одиннадцать израильских спортсменов. Погибло также пятеро палестинцев и один немецкий полицейский.

После этой трагедии премьер-министр Израиля Голда Меир сформировала тайный комитет, в который вошло несколько министров. Комитет решил уничтожить шестнадцать палестинских командиров, причастных к этой акции. Арафата тоже хотели включить в расстрельный список, но потом пришли к выводу, что он не обязательно лично руководил операцией.

Все шестнадцать боевиков из списка были убиты. Одному подложили бомбу в гостиничный номер в Никозии, другому — в телефонный аппарат в Париже... Израильский спецназ совершил рейд в Бейрут, чтобы уничтожить трех палестинских лидеров, один из которых подготовил захват израильской команды в Мюнхене. Руководил рейдом офицер-десантник Эхуд Барак, будущий генерал и премьер-министр Израиля...

Остальных из черного списка застрелили — или израильтяне, или сами палестинцы, которые в междоусобной борьбе за власть неумолимо уничтожали друг друга. У Моссад вышла только одна промашка — в июле 1975 года, когда оперативная группа Моссад отправилась в Норвегию, чтобы уничтожить Али Хассана Саламеха, одного из руководителей Организации освобождения Палестины, тоже включенного в черный список.

Но произошла ошибка, и люди Моссад убили невинного человека — официанта из Марокко, когда он выходил из кинотеатра в норвежском курортном городке Лиллехаммер. Несчастный официант был поразительно похож на Саламеха.

Норвежская полиция арестовала двух человек — мужчину и женщину с фальшивыми канадскими паспорта-

ми. У них в записных книжках нашли телефон резидента Моссад в Осло. Вскоре стали известны их настоящие имена — Сильвия Рафаэль и Абрахам Геймер. Они были приговорены к пяти с половиной годам тюрьмы. Сильвию освободили через два года. Она продолжала работу в Моссад, но в 1985 году была убита на Кипре боевиком из Организации освобождения Палестины.

Считается, что неудачной операцией в Норвегии руководил сам директор Моссад Цви Замир, который под чужим именем приехал в Норвегию. Он служил в армии, командовал бригадой и получил погоны генерала. Он заботился одновременно об использовании самых современных технологий в разведке и о создании оперативных групп, выполнявших акции возмездия. По большей части эти группы действовали с хирургической точностью. Но бывали и громкие провалы.

Трагическая история в Норвегии подарила Саламеху еще четыре года жизни. В 1979 году израильские агенты не промахнулись, и находившийся в Бейруте Саламех взорвался вместе с машиной...

А он опоздал

В 1973 году один из боевиков Арафата убил израильского агента в Мадриде. У израильтян опять возникла мысль в ответ уничтожить Арафата, и снова эта мысль была отвергнута.

Летом 1982 года израильские войска вторглись в Ливан, чтобы уничтожить находившуюся там военную структуру палестинцев. Во время захвата Бейрута спецслужбы получили указание уничтожить руководителя Организации освобождения Палестины. Они нашли его бункер.

Израильский снайпер держал Арафата под прицелом, но в последний момент приказ все-таки не был отдан. Возможно, израильтяне меньше боялись Арафата, чем его вероятных и очень радикальных преемников.

В 1985 году боевики из личной охраны Арафата убили трех израильтян, отдыхавших на Кипре. В ответ премьер-министр Шимон Перес приказал разбомбить штаб-квар-

тиру Организации освобождения Палестины в Тунисе, где Арафат должен был проводить совещание со своими командирами. Погибло семьдесят три человека. Бомба попала в комнату, где проходило совещание, но Арафат опоздал и остался жив. Судьба его хранила.

Помимо израильтян, Арафата многократно пытались убить товарищи по совместной борьбе за палестинское дело. Это была не просто борьба за лидерство. Хотя сам Арафат никогда не забывал вовремя распознать и устранить возможного соперника.

Главная причина разногласий внутри палестинского движения состояла в том, что в конце 70-х годов Арафат разочаровался в терроре.

Суперреалист

Изначально палестинское движение не признавало права Израиля на существование. Палестинцы хотели уничтожить Израиль, а вместо него создать арабское государство.

Боевая организация Арафата начинала с обычных актов террора против Израиля. Потом Арафат решил по примеру вьетнамцев создать партизанскую армию, воюющую против Израиля изнутри. Его советники ездили за опытом в Китай и в Северный Вьетнам. Но эти попытки израильтяне сорвали в самом начале.

Тогда Арафат принял новую стратегию: нападать на граждан Израиля за пределами Израиля, захватывать самолеты, брать заложников и таким образом привлечь к палестинскому вопросу внимание всего мира.

Но террор ни на шаг не приблизил Арафата к вожденной цели. Председатель Организации освобождения Палестины пришел к тому же выводу, который когда-то сделал египетский президент Анвар Садат: уничтожить Израиль не удастся, следовательно, нужно смириться с его существованием. Президенту Садату это признание стоило жизни.

Когда Египет и Израиль подписали в 1978 году Кэмп-Дэвидские соглашения, они договорились о предоставле-

нии палестинцам автономии на оккупированных территориях.

Палестинцы отвергли это предложение. Они приняли его через пятнадцать лет, в 1993 году, и начали свой путь к самостоятельному государству. На это решился Ясир Арафат, хотя многие палестинцы называли его предателем. Но Арафат всегда был реалистом и даже супер-реалистом.

С середины 70-х годов Арафат пытался вступить в контакт с американцами, чтобы с их помощью поладить с израильтянами. Но в Израиле председателю ООП не могли простить убитых палестинцами евреев. Для большинства израильтян Организация освобождения Палестины — символ террора.

Арафату приходилось вести двойную игру. Во время секретных бесед с американцами он пытался убедить их в своей искренности. Радикальных палестинцев успокаивал грозными обещаниями сокрушить сионистов. В результате ему не верили ни те ни другие.

Почему же израильтяне согласились в конце концов иметь с ним дело?

Умеренная Организация освобождения Палестины стала терять поддержку среди палестинцев на оккупированных территориях. Выросла популярность экстремистской организации «Хамас», отвергающей любые переговоры с «сионистским врагом».

У Арафата появилась пугающая альтернатива — куда более кровавые молодые фундаменталисты. С 1987 года на оккупированных территориях шла интифада. Израильские спецслужбы и армия оказались не в силах подавить это восстание.

Председатель ООП мечтал войти в историю создателем палестинского государства, что можно было осуществить только с согласия Израиля. Арафату уже много лет — он должен был торопиться, иначе кто-то другой стал бы лидером палестинцев. Фактически перед ним был открыт только один путь — навстречу Израилю. Арафат знал: если он создаст палестинское государство, он победил.

Иначе говоря, мир нужен был и Израилю, и Организации освобождения Палестины.

Возвращать или не возвращать палестинским арабам оккупированные территории? Эти споры всегда шли в Израиле.

Расширение границ крохотного государства однозначно считалось необходимым для самосохранения. Для всех предыдущих израильских правительств безопасность была тождественна военному присутствию на Западном берегу реки Иордан — территории, на которой палестинцы хотели создать собственное государство.

Премьер-министр Голда Меир отрицала само существование арабского народа Палестины. Она считала, что палестинское государство уже существует — это Иордания, большинство населения которой действительно составляют палестинцы.

Но в Израиле всегда были люди, которые придерживались иной, хотя и непопулярной, точки зрения и ее отстаивали. Они исходили из того, что арабский народ Палестины существует и что этому народу нужно отдать большую часть Западного берега реки Иордан и сектор Газа.

Когда премьер-министром стал Ицхак Рабин, а министром иностранных дел Шимон Перес, Израиль согласился на создание палестинской автономии и радикально изменил свои взгляды на национальную безопасность.

Египту отдал Синайский полуостров один из самых непримиримых израильских политиков — Менахем Бегин.

Признать Арафата рискнул человек с безупречной репутацией — боевой генерал Ицхак Рабин.

Ицхак Рабин изменил свои взгляды так же, как изменил их генерал де Голль, который обещал оставить Алжир в составе Франции и дал ему независимость, как изменил их президент ЮАР де Клерк, который обещал сохранить режим апартеида и дал черным свободу. Рабин, тогда начальник генерального штаба, был одним из тех, кто добился победы над арабскими армиями в «шестидневной войне», но высшим его достижением стали норвежские договоренности о мире с палестинцами.

Пожать руку убийце

В 1993 году палестинцы подписали мир с Израилем и с опозданием на сорок пять лет приступили к созданию собственного очага.

Правительство Израиля разрешило въезд на территорию палестинской автономии даже тем палестинским вождям, которые занимались террором, если они готовы признать существование еврейского государства. Такое разрешение получил даже генеральный секретарь Демократического фронта освобождения Палестины Найеф Хаватма, хотя он был виновен в убийстве больше двадцати граждан Израиля. Это его люди в 1974 году расстреляли в городе Маалот израильских школьников.

На похоронах короля Иордании Хусейна в Аммане в феврале 1999 года Хаватма как ни в чем не бывало подошел к президенту Израиля Эзеру Вейцману, бывшему командующему военно-воздушными силами, пожал ему руку и сказал:

— Вы борец за мир на Ближнем Востоке, мы признаем это.

Тогдашний премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху, увидев Хаватму, отошел в сторону, чтобы избежать рукопожатия:

— Мы должны разговаривать с теми, кто хочет видеть нас на земле, а не под землей.

Президент Вейцман потом, оправдываясь, говорил:

— Кто больше Арафата убивал израильтян, а мы же с ним разговариваем...

Разрешение Хаватме на въезд все-таки было аннулировано. Большинство израильтян не способно забыть, что на его руках кровь детей.

У палестинского движения много лидеров. Большинство из них решило для себя, что существует только один путь добиться победы. Этот путь — вооруженная борьба.

Они сражаются уже много десятилетий. Они состарились, но ни на шаг не приблизились к своей цели. Только Арафат сумел добиться своего. Пока его люди стреляли и убивали, у него не было никаких шансов создать палестинское государство. Когда он предложил мир своим

старым врагам, создание собственного государства стало возможным.

Тогда, в 1993 году говорили, что удивительная история Арафата и есть главный урок для тех, кто думает, что своего можно добиться только силой.

Палестинская автономия появилась. Город Рамаллах, штаб-квартира Палестинской национальной автономии, находится всего в нескольких минутах езды от Иерусалима. В Рамаллахе начался настоящий строительный бум. Богатые палестинцы, живущие за границей, присылали соотечественникам миллионы долларов.

Фактически это уже другое государство. Там все свое — от флага до полиции. Появление палестинской полиции многое означало для палестинских арабов. Трудно было жить, когда повсюду были солдаты чужой армии, оккупанты, а теперь у палестинцев своя полиция, которая вежливо говорит:

— Будьте добры, пройдите в сторонку.

Палестинская полиция прилично экипирована, и не только стрелковым оружием. У нее есть противотанковые ракеты, артиллерия, установки залпового огня «Град». У палестинцев есть свои спецслужбы и тюрьмы. Не хватает только возможности официально провозгласить свое независимое государство. Но они не могут это сделать, не договорившись с Израилем:

А Израиль говорит: палестинцы не выполнили своего главного обещания — гарантировать безопасность. Израильтян как убивали, так и убивают. Глава Палестинской автономии Ясир Арафат не остановил террор. Не захотел или не смог — это уже другой вопрос.

Та готовность, с которой тридцатитысячный корпус палестинской полиции повернул оружие против израильтян, укрепила израильтян во мнении, что палестинцы и после заключения мира остаются врагами и что они только и ждут возможности вонзить евреям нож в спину.

Не удастся договориться и о разделе густонаселенных территорий. Исторические ошибки исправлять крайне трудно. В 1948 году палестинские арабы легко могли создать свое государство. А полвека спустя возникает мно-

жество сложнейших, почти неразрешимых вопросов. Как, скажем, быть с Иерусалимом? На этот город претендуют и евреи, и арабы. И никто не готов уступить и уйти. Да это практически и невозможно.

Сейчас бы им премию не дали

Через несколько лет после заключения мирного соглашения между Израилем и Организацией освобождения Палестины разразилась настоящая война. Палестинцы вместо того, чтобы договариваться, перешли на язык силы. Они обрушили на Израиль волну террористических актов.

Судя по всему, они рассчитывали спровоцировать Израиль на применение военной силы, что вызвало бы осуждение мирового сообщества. А когда Соединенные Штаты и Европа давят на Израиль, ему приходится идти на уступки.

Такова, надо понимать, была тактика Ясира Арафата и его окружения. Но эта маленькая война с ограниченными целями приобрела совершенно иной характер. В эту войну вовлеклось все палестинское население, которое, как выяснилось, так и не смирилось с самим фактом существования еврейского государства. В палестинцах скопился такой запас ненависти, что заводить речь о мирных переговорах уже кажется нелепым.

Российские дипломаты по инерции внушают израильтянам: договаривайтесь, пока палестинцев возглавляет Арафат. Он не вечен. Ему уже за семьдесят. Он плохо выглядит. У него трясутся губы и руки. Полагают, что у него болезнь Паркинсона.

Но израильтяне задаются вопросом: а что будет на следующий день, когда они выведут войска и отдадут палестинцам земли, на которых возникнет враждебное государство?

Настроения среди палестинской молодежи определяет организация «Хамас» («Движение исламского сопротивления»), которая возникла десять с лишним лет назад как часть всемирной организации «Братья-мусульмане».

«Хамас» не признает права Израиля на существование и считает, что вся Палестина должна принадлежать арабам.

Деньги и оружие «Хамас» получает от Ирана. Боевиков «Хамас» обучают на территории Ливана. Недостатка в боевиках нет. Сражаться с Израилем готов чуть ли не каждый молодой палестинец, у которого нет работы и денег, чей отец или брат уже сидели в израильской тюрьме и чей дом был разрушен израильской армией в ответ на очередной теракт. А это, можно сказать, коллективный портрет всей палестинской молодежи.

Война, которая разразилась между Израилем и палестинцами, развеяла иллюзии многих людей, которые были уверены, что найден путь к решению ближневосточного конфликта. В 1993 году руководители Израиля и палестинских арабов договорились покончить с враждой и наконец помириться. Израиль обещал дать возможность палестинцам создать свое государство. Палестинцы обязались прекратить убивать израильтян.

Те, кто подписал это соглашение, получили Нобелевскую премию мира. Это воспринималось как колоссальная победа. Меньше чем через десять лет стало ясно, что все рухнуло.

Соглашение между Израилем и палестинцами от 1993 года было очень оптимистичным. Те, кто его подписал, исходили из того, что конфликт между евреями и палестинскими арабами носит чисто идеологический, психологический, эмоциональный характер. Поэтому сотрудничество, взаимодействие помогут преодолеть взаимную ненависть. Евреи и арабы перестанут видеть друг в друге врага, начнут доверять соседям и приучатся жить вместе. Но все оказалось сложнее.

Горечь, обида, гнев и ненависть к евреям, которые лишили их родной земли, — вот чувства, которые уже полвека культивируются в палестинских семьях.

А евреи не могут забыть погромы в Палестине еще до создания Израиля, попытки задушить еврейское государство сразу же после его провозглашения, несколько арабо-израильских войн, постоянные нападения палестинских террористов.

Когда убивают израильтян, армия наносит ответный удар, гибнут люди, и рождается новое поколение террористов. И нет силы, способной разорвать этот замкнутый круг.

Есть одно важное обстоятельство, которое дипломаты как бы не замечают: отношение арабского мира к Израилю в принципе не изменилось. Арабский мир в целом по-прежнему считает, что Израиль не имеет права на существование.

Официальные лица так, конечно, не говорят, но таково общественное мнение и в тех странах, которые подписали мир с Израилем, и в тех, которые мир не подписали.

Удивительным образом оппозиция миру с Израилем сильнее всего в Египте, стране, которая вступила в мирный процесс в 70-е годы. Правящие круги Египта и интеллектуалы, раздраженные особыми отношениями с Америкой, в определенном смысле испытывают ностальгию по временам 60-х, по временам неприсоединения и арабского национализма.

Египетская интеллигенция противостоит любым отношениям с Израилем, даже торговле с Израилем. Они не пускают израильтян на книжные ярмарки и кинофестивали. Поездки писателей, деятелей культуры в Израиль вызывают остракизм.

Конечно, этот конфликт существует не только в умах людей. На Ближнем Востоке слишком мало земли, которую можно было бы поделить так, чтобы все остались довольны. И слишком велик запас ненависти, чтобы его можно было погасить за несколько лет мирных переговоров.

Палестинские спецслужбы убивают арабов, которые продают землю евреям. Арафат поддержал эти убийства, сказав, что это предатели. Убитых палестинцев муфтий Иерусалима запретил хоронить по мусульманскому обычаю, назвав их неверными. Смертный приговор тем, кто продает землю евреям, основан на фетве пятидесятилетней давности, которая запрещала продавать землю евреям. Эта же фетва запрещала совершать молитвы и хоронить продавцов по мусульманским обрядам...

Палестинские экстремисты периодически устраивают зверские убийства «коллаборационистов» — палестинцев;

которые ездят в Израиль на заработки, чтобы кормить семьи. Под видом борьбы с «израильскими пособниками» сводятся личные или клановые счета.

Израильтяне могут согласиться на создание палестинского государства только в том случае, если они почувствуют себя в безопасности. Поэтому восстания палестинцев толкают израильтян в обратном направлении.

Все реальные уступки, в том числе территориальные, делает Израиль. И это уступки безвозвратные.

Уступки, на которые идут арабы, — признание Израиля, заключение мира, установление дипломатических отношений, — не материальны. Дипломатические отношения можно разорвать, мирный договор аннулировать.

Израильтяне боятся, что государство палестинских арабов рано или поздно попытается увеличить свою территорию, уничтожив Израиль. Большая страна может пойти на эксперимент, рискнуть. Для такой маленькой страны, как Израиль, любая ошибка чревата катастрофой.

Глава 19

ОТЕЦ СВЯЩЕННОЙ ВОЙНЫ: АБУ ДЖИХАД

Ночью заградительная система сработала сразу в пяти местах. Для оперативной группы израильской армии, которая прикрывала границу, это означало только одно: в страну прорвалось сразу несколько групп палестинских боевиков. Мобильные группы прибыли к точкам пересечения границы через несколько минут и начали преследование.

Переговоры невозможны

Террористы были хорошо подготовлены. Они шли быстро, укрываясь среди скал. Они спешили затемно дойти до большого арабского села, предполагая укрыться в нем. Потом следы разделились и вдруг вовсе исчезли. Мобильная группа израильской армии доложила в штаб, что по-

теряла след. Террористы словно растворились в ночном мраке.

Вскоре они объявились. И совсем не там, где их ждали и приготовились встретить.

Кирьят-Шмона — город, расположенный неподалеку от ливанской границы. В нем примерно пятнадцать тысяч населения. Город появился на месте временного лагеря для новых поселенцев, построенного здесь в 1949 году.

Название «Кирьят-Шмона» означает «город восьми» — в честь выходца из России, героя Русско-японской войны однорукого Иосифа Трумпельдора и его семи товарищей, которые погибли здесь в 1920 году, защищая от погромщиков кибуц Тель-Хая.

Полный георгиевский кавалер Иосиф Трумпельдор лишился руки при обороне Порт-Артура и был за мужество произведен в прапорщики. После революции он уехал из России в Палестину и попытался организовать оборону еврейских поселений...

Утром ликующий диктор сирийской радиостанции сообщил, что группа палестинских смертников захватила в городе Кирьят-Шмона школу и удерживает в ней заложников. Сирийское радио предупредило, что попытка освободить заложников силой приведет к смерти детей, поэтому сионистам придется вступить в переговоры с палестинскими патриотами и выполнить все их справедливые требования.

В Дамаске не подозревали, что, когда сирийское радио сообщало эту новость, все трое террористов были уже мертвы.

В семь утра они действительно проникли в школу, но никого там не нашли, потому что было слишком рано и детей не успели привезти. Тогда террористы перебрались в соседний жилой дом. Они врывались в одну квартиру за другой, бросали в безоружных жильцов ручные гранаты и расстреливали их из автоматов.

Соседи, увидев, что происходит, вызвали силы безопасности. Когда прибыли войска, палестинцы забаррикадировались на верхнем этаже.

Переговоров не начинали.

Жителей соседних домов эвакуировали из опасной зоны, чтобы никто не пострадал. Затем войска ворвались в дом. Все трое террористов были уничтожены. Они успели убить шестнадцать мирных жителей, из них восемь детей.

Офицеры контрразведки быстро и профессионально осмотрели трупы. Убитые палестинцы были молоды, аккуратно одеты, тщательно выбриты, хорошо пострижены. На улице никто бы и не заподозрил в них террористов. Эти молодые люди считали, что стрелять в женщин и детей — это героический поступок, которым можно гордиться.

На теле одного из террористов нашли взрывчатку. Но взорвать себя никто из троих не решился. Одно дело говорить о своей самоубийственной миссии, другое — действительно покончить с собой, когда акция провалилась.

Второй группе палестинских боевиков повезло больше. Они проникли в небольшой поселок, основанный в 1957 году из двух лагерей для переселенцев, в основном из стран Северной Африки. В поселке жило несколько тысяч человек.

Под утро боевики обстреляли машину, в которой группа женщин возвращалась с завода домой после ночной смены. Одна женщина была убита, десять человек ранены. Но в полицию сообщили слишком поздно, и боевики успели добраться до поселка, вошли в первый попавшийся дом и расстреляли спавшую семью.

Затем они ворвались в здание школы, где спали сто школьников и четыре учителя. Ребята приехали из другого города — они совершали экскурсию по Галилее.

Одного учителя и нескольких школьников палестинцы отпустили с письменным ультиматумом, который несколько раз повторили и по громкоговорителю.

Они требовали освободить двадцать палестинцев, которые отбывали различные сроки в израильских тюрьмах, и отправить их в Сирию. Когда сирийское радио сообщит об их прибытии, заложников освободят. В противном случае палестинцы обещали взорвать школу вместе со школьниками.

Когда израильские военные окружили школу, главным был вопрос: действительно ли школа заминирована?

В прежних случаях боевики оставляли себе пути отхода — минировали тропинку, по которой собирались отойти к границе. На сей раз они об этом не позаботились. Значит, были уверены, что спокойно улетят в Дамаск вместе с заложниками.

Эта группа боевиков принадлежала к числу самых непримиримых и жестоких отрядов палестинского движения, который организовал большинство угонов самолетов.

Когда израильтяне поняли, что произошло и с кем они имеют дело, возникли две проблемы: подчиняться ли шантажу террористов? И как осуществлять военную операцию, если террористы прикрываются детьми?

Выбор был сделан раз и навсегда: не соглашаться на требования террористов, а уничтожать их. Но здесь, в поселке, был особый случай — в заложники взяли детей.

Министр обороны прибыл в поселок вместе с начальником генерального штаба армии обороны Израиля и доложил оттуда о ситуации премьер-министру. В Иерусалиме непрерывно заседал кабинет министров. После короткого обмена мнениями с членами правительства премьер-министр связался с министром обороны:

— Я согласен освободить палестинских заключенных в обмен на захваченных террористами детей, но только если обмен произойдет одновременно. Ты понял меня?

Правительство не хотело оставлять детей на милость боевиков — оно ни на грош не верило их обещанию освободить детей, когда их товарищи уже вернутся в Дамаск.

Французского и румынского послов попросили быть посредниками в переговорах с боевиками. Но переговоры не получались. А время шло быстро, истекал срок ультиматума — в шесть часов вечера террористы обещали взорвать здание вместе со школьниками.

Премьер-министр нервничал. Министр обороны и начальник генерального штаба требовали не ждать, а действовать. Правительство колебалось. Когда до шести вечера оставалось всего ничего, правительство внезапно разрешило провести военную операцию. Это было ошибочное решение.

Операция была обречена на неуспех именно потому, что ее провели буквально в последние минуты. Утром вполне можно было улучшить момент, когда расслабившиеся террористы не ожидали нападения, но около шести часов они были настороже.

Вторая роковая ошибка была совершена уже в ходе операции. Солдаты бросились на третий этаж и, только увидев, что он пуст, спустились на второй, где находились дети.

Да еще один из солдат бросил дымовую фосфорную гранату. Дым мешал самим израильтянам видеть, что происходит. Они потеряли несколько драгоценных минут. Этого времени террористам с лихвой хватило на то, чтобы убить шестнадцать детей и ранить шестьдесят восемь.

Когда все закончилось, картина была страшной. На залитом кровью полу лежали убитые дети. Раненые кричали. Всех троих террористов застрелили. Но смерть преступников была слабым утешением. Гибель детей переживала вся страна.

Сотрудники контрразведки, которые осматривали школу, ожидая опасных сюрпризов, обнаружили пять упаковок взрывчатки: две на лестнице, две в классах, куда согнали детей, одну в коридоре. Взрывчатка приводилась в действие электродетонаторами. Батареи у террористов были, и у них оставалось время взорвать себя и школу, но они этого не сделали. Они не собирались умирать.

Ночная операция

После нападения на школу правительство Израиля наконец-то решилось нанести ответный удар.

Человек, который придумал и подготовил обе кровавые операции, был им хорошо известен. Он называл себя Абу Джихад, что в переводе с арабского означало «отец священной войны». Он жил в Тунисе, где после эвакуации из Бейрута обосновалось руководство палестинских боевых отрядов. Отец священной войны должен был ответить за смерть детей.

На заседании правительства Израйля министр внутренних дел доложил, что на оккупированных территориях начались столкновения палестинцев с полицией. По агентурным данным, палестинцы исполняли приказ все того же Абу Джихада, второго человека в Организации освобождения Палестины.

— Арабы думают, что мы уже не те, что были, что мы стали слабее и глупее, — резко сказал министр обороны. — Пора доказать им, что они сильно ошибаются.

Министр без портфеля Эзер Вейцман вскинул голову.

— Попытка убрать кого-то из лидеров палестинцев только повредит нам, — с нажимом сказал он. — Она не поможет борьбе с терроризмом, она отдалит приближение мира, усилит враждебность палестинцев и сделает нашу позицию более уязвимой в глазах мирового сообщества.

Эзер Вейцман был боевым летчиком и никого не боялся. Он обвел глазами своих коллег по кабинету министров и мрачно добавил:

— Одного Абу можно ликвидировать, от другого можно избавиться, но палестинскую проблему так не решишь.

Генерал-майор Амнон Шахак, начальник военной разведки, возразил Вейцману:

— Каждый, кто задумывает и проводит против нас террористические операции, делает себя мишенью для ответного удара. Таковы законы войны.

Премьер-министр Шимон Перес мрачно наблюдал за этой дискуссией. Военные давно требовали остановить Абу Джихада, который организовывал один теракт за другим. Перес был слишком опытен и понимал, что смерть второго человека в Организации освобождения Палестины будет, как это всегда случается на Ближнем Востоке, иметь самые неожиданные и неприятные последствия.

Ликвидация Абу Джихада конечно же не остановит террор против Израйля. Абу двадцать лет неустанно создавал свою сеть на Кипре, в Европе и в странах Персидского залива. Эта сеть, обладая деньгами и связями по всему миру, подпитывает палестинское восстание на оккупированных территориях.

Зато смерть Абу Джихада, вполне возможно, укрепит позиции радикалов внутри палестинского национально-

го движения, воспитает новых палестинских бойцов, которые окажутся еще опаснее, чем покойный Абу Джихад. —

Словом, эта операция, возможно, породит значительно больше проблем, чем решит. Но Абу Джихад виновен в смерти детей. Любой суд, выслушав все «за» и «против», приговорил бы его к смерти.

Поэтому сказать «нет», когда генералы и разведчики пришли к нему с планом операции по уничтожению Абу Джихада, премьер-министр не мог. В этом состояло безумие ситуации.

Передовая группа прибыла в Тунис заранее.

В пятницу три человека, которые выглядели типичными арабами, предъявив прекрасно сделанные ливанские паспорта, взяли в туристическом агентстве напрокат два микроавтобуса «фольксваген» и машину «Пежо-305». Они весело шутили и довольно улыбались в предвкушении приятного отдыха на Средиземноморском побережье.

Рассевшись по машинам, они двинулись в сторону моря. Через несколько часов они прибыли в фешенебельный пригород столицы, где обитало высшее общество. Они подогнали машины к условленному месту и приготовились ждать.

Ждать им пришлось долго — до самой ночи.

С берега ничего не было видно, но экипаж внезапно появившегося над морем «Боинга-707» точно знал, что происходит внизу. Оснащенный безумно дорогой аппаратурой самолет видел много больше того, что способен разглядеть человеческий глаз.

Когда окончательно стемнело, ракетный катер без опознавательных знаков спустил на воду одну за другой пять легких моторных лодок. На них разместились тридцать хорошо вооруженных бойцов. Все они были одеты в камуфляжную форму, похожую на ту, что носят солдаты тунисской армии. От тунисцев их отличала слаженность действий и молчаливость. Моторы приглушенно взревели, и лодки понеслись к пустынному берегу.

Бойцы прибыли раньше назначенного времени. Они расположились на песке и, достав сухой паек, наскоро перекусили. Они ели молча. Они столько раз проделыва-

ли эту операцию в тренировочном лагере, что обсуждать им было нечего.

В назначенный час они расселись по микроавтобусам, и все три машины двинулись в сторону города. Они проехали всего несколько километров и остановились. Машины сразу отогнали в темное место.

Командир группы приткнулся к прибору ночного видения. Он сотни раз разглядывал фотографии этой виллы и мог бы с закрытыми глазами описать здание во всех деталях. Он даже мог предположить, что именно происходит сейчас в этом белом двухэтажном доме, окруженном садом и высокой стеной.

Операция готовилась долго.

Моссад следил за Абу Джихадом пять лет, знал каждое его движение. Сведения о его доме, его привычках, его слугах и системе охраны раздобыть оказалось совсем нетрудно. Израильтяне были поражены, до какой степени этот мастер тайной войны был беспечен и уверен в своей безопасности. Он, видимо, полагал, что, пока находится на территории Туниса, ему ничто не угрожает. А ведь ему, как никому другому, следовало знать, с кем он затеял войну.

Даже известный всему миру лидер палестинцев, необыкновенно осторожный, избежавший десятков покушений на его жизнь, побывав в гостях у своего заместителя, сказал, что ему следует сменить квартиру — здесь небезопасно. Но Абу Джихад отказался покидать столь приятные места. Он только что оплатил аренду виллы за три месяца вперед и не хотел терять деньги.

После полуночи несколько бойцов выскользнули из микроавтобуса и перерезали все телефонные линии. Остальные по-прежнему терпеливо сидели в «фольксвагенах».

Где-то высоко над ними в ночном небе кружил «Боинг-707». Этот самолет никогда не возил пассажиров. Он был набит сложной электронной аппаратурой и мог подавить любые радиопереговоры в радиусе ста с лишним километров. Пока что его экипаж, составленный из радиооператоров высшего класса, напряженно прослушивал все разговоры, которые велись на земле. Операторы владели арабским как родным.

В случае опасности они должны были подать сигнал и предупредить боевую группу, чтобы она отошла в безопасное место.

Стояла жаркая и душная ночь. Ровно в час у ворот виллы, построенной в испанском стиле, остановилась машина. Первым из нее выскочил телохранитель. Он внимательно огляделся и только потом распахнул заднюю дверцу. Из нее вышел высокий человек в белом костюме и, не оглядываясь, стремительно вошел в дом. Это был Абу Джихад. Водитель, который исполнял обязанности телохранителя, выключил двигатель, но остался в машине.

Когда Абу Джихад вошел в дом, операция началась. Из обоих «фольксвагенов» бесшумно высыпали двадцать человек.

Восемь бойцов, среди них одна женщина — симпатичная блондинка, которая вместо автомата держала в руке видеокамеру, — проскользнули на территорию виллы. Остальные рассредоточились вокруг забора. Оба «фольксвагена» и «пежо» с двух сторон блокировали улицу.

Двое бойцов подбежали к машине и застрелили шофера, который даже не успел схватиться за оружие. Второго телохранителя убили возле дверей. Путь в дом был свободен. Слуга, который столкнулся в холле с незваными гостями, тоже получил пулю и рухнул на пол. Четверо бойцов, не теряя времени, бросились по лестнице на второй этаж.

Нападавшие были вооружены автоматами с глушителем, но убивать друг друга совсем не издавая шума люди еще не научились.

Хозяин дома сидел в своем кабинете на втором этаже. Днем ему принесли видеокассету с записью митинга палестинцев на оккупированных территориях. Ему не терпелось посмотреть ее. Сейчас он разглядывал места, где он не был сорок лет, и людей, которые восстали для того, чтобы он мог вернуться на родину.

Главной идеей, которую Абу Джихад пронес через всю жизнь, — была ненависть к Израилю.

В 1948 году, после первой арабо-израильской войны его семья покинула город Хайфу, в котором он родился.

Его родители не захотели жить под властью еврейского правительства.

Горечь, обида, ненависть к евреям — эти чувства культивировались в его семье.

Утром Абу Джихад вернулся из Ливии. Он участвовал в секретном пятидневном совещании, которое проводил у себя лидер ливийской революции Муамар Каддафи. Своевольный и капризный Каддафи неожиданно пообещал палестинцам деньги для продолжения борьбы на оккупированных территориях.

Каддафи дал не только деньги, но и выделил места в своих тренировочных лагерях. Абу Джихад обещал собрать около двухсот молодых людей, которые могли бы немедленно приступить к занятиям. Это будет целая армия бойцов, способных нанести тяжелый удар сионистам, с гордостью думал Абу Джихад.

И в это мгновение он услышал необычный шум на лестнице. Он не колебался ни секунды. Он слишком хорошо понимал, какие гости могут так шуметь среди ночи, хотя и не верил, что они когда-нибудь посмеют сюда явиться. Он бросился в спальню за своим пистолетом.

Его жена спала вместе с их двухлетним сыном. Она проснулась, когда муж прибежал за оружием. Он даже успел один раз выстрелить, прежде чем бойцы израильского спецназа ворвались в спальню и обрушили на него град пуль.

Когда он рухнул, его жена стала кричать, чтобы они ее тоже убили. Один из бойцов направил на нее оружие, но не выстрелил.

— Ты нам не нужна, — сказал он на чистейшем арабском языке.

Проснулась и ее служанка. Они обе плакали, пока симпатичная блондинка хладнокровно снимала все происходящее на видеопленку.

Бойцы обшарили весь дом и обнаружили в одной из комнат девочку-подростка — дочь убитого хозяина.

— Ступай наверх, к матери, — услышала она слова по-арабски, обращенные к ней.

Бойцы вошли в кабинет хозяина, вывернули ящики письменного стола, вскрыли сейфы, набитые бумагами,

собрали все документы, которые нашли в доме, и исчезли.

На улице они погрузились в ожидавшие их микроавтобусы и помчались к берегу. Там, бросив взятые напрокат машины, пересели на катера, которые доставили их на корабль. Было ровно четыре часа утра, как и предусматривалось планом.

«Молоко ненависти»

По злой иронии судьбы за три года до этого сам Абу Джихад планировал аналогичную операцию: он хотел высадить ударную группу палестинцев с алжирского корабля, чтобы они проникли в Израиль и нанесли удар изнутри.

Но ему не повезло: израильский ракетный катер перехватил палестинцев еще в море.

Жена убитого Абу Джихада тщетно пыталась дозвониться до полиции, кричала в трубку, стучала по аппарату, но телефонные линии бездействовали. Тогда она схватила пистолет своего мужа и выбежала на улицу. Она стреляла в воздух и кричала срывающимся голосом:

— Помогите!

К тому времени, когда полиция подъехала к вилле, бойцы израильского спецназа были далеко от тунисского побережья. Ракетный катер военно-морских сил Израиля на полной скорости шел в сторону Хайфы.

Передав в генеральный штаб армии обороны Израиля зашифрованную телеграмму о благополучном окончании операции, загадочный «Боинг-707» растаял в ночном небе. Самолет радиоэлектронной разведки военно-воздушных сил Израиля не только прикрывал оперативную группу, но и обеспечивал связь между самой группой, подразделением поддержки, которое ожидало бойцов на побережье, ракетным катером и генеральным штабом.

Разрешение уничтожить Абу Джихада мог дать только премьер-министр. Он, сколько мог, откладывал решение из опасения, что убийство Абу Джихада повлечет за собой ответную акцию против израильтян и, кроме того,

повредит репутации Израиля. Остальные члены кабинета министров узнали о предстоящей операции только за несколько часов до ее осуществления. Кабинет одобрил совместный замысел разведки и военных.

Когда ракетный катер с оперативной группой подходил к Хайфе, из полицейского участка в секторе Газа отпустили одного палестинца. Его выпустили так же неожиданно, как и арестовали.

Он был известным юристом и весьма уважаемым человеком, который старался не конфликтовать с оккупационными властями. Израильтяне ничего против него не имели. И тем не менее накануне вечером в его дом вошел наряд полиции. Его посадили в машину и увезли.

Его не допрашивали и вообще не проявляли к нему никакого интереса, только глаз с него не спускали, а потом отпустили без объяснений.

Израильская контрразведка на свой лад постаралась помочь оперативной группе. Палестинского юриста взяли в заложники на тот случай, если операция провалится и кого-то из израильтян схватят. Палестинца отпустили после того, как все участники операции вернулись домой благополучно.

Почему в заложники взяли именно его? Потому что мишенью операции был его двоюродный брат, который сам себя называл Абу Джихад, то есть «Отец священной войны».

Абу Джихад был самым умным, если не сказать гениальным террористом. Он вместе с Ясиром Арафатом учился в школе в Египте. Доверие Арафата и очевидные организаторские способности сделали его человеком номер два в палестинском движении — он руководил всеми военными и разведывательными операциями.

В общей сложности в его подчинении было одиннадцать тысяч человек. И он же контролировал финансовую империю палестинцев, которая распорядилась более чем миллиардом долларов.

Он единственный знал детали всех финансовых операций палестинцев, которые владели пакетами акций, газетными компаниями, пароходными линиями, фермами и успешно занимались операциями по отмыванию денег.

Найденные в сейфах Абу Джихада документы открыли израильтянам тайные источники финансирования палестинских боевых операций.

Абу Джихада собирались похоронить в Иордании, поближе к его родным местам. Но иорданский король Хусейн не хотел, чтобы похороны привели к манифестациям среди палестинцев, которые составляют две трети населения Иордании. Тогда решили, что Абу Джихад будет похоронен в Сирии, поскольку его родители жили в Дамаске.

Гроб с его телом обернули в палестинский флаг и погрузили на грузовик, украшенный увеличенной фотографией Абу Джихада и цветами. Выстроилась целая кавалькада машин, но потом гроб сняли с машины, и палестинцы несли гроб на руках до самого кладбища мучеников.

Когда гроб опустили в могилу, палестинцы в красных беретах выпустили в небо залп из автоматов. Мужчины кричали:

— Мы отомстим за твою кровь, наш мученик!

Палестинские женщины плакали:

— Мы будем вскармливать наших младенцев молоком ненависти.

Через неделю в центре Иерусалима взорвалась бомба. Худшие предположения Шимона Переса оправдались. Теперь в действие вступили террористы-камикадзе.

Часть пятая

КАМИКАДЗЕ В ВОЗДУХЕ И НА ЗЕМЛЕ

Глава 20

СЕМЬ ЖИЗНЕЙ ЗА ИМПЕРАТОРА

В небе над Америкой 11 сентября появились новые камикадзе, люди, готовые убить себя вместе с врагом. Эти новые камикадзе — террористы, фанатики-самоубийцы. Мир вновь столкнулся со смертниками, и эти новые смертники уже оставили свой след в истории...

В марте 1943 года в бою у деревни Чернушки в Псковской области погиб рядовой стрелкового полка Александр Матросов, закрывший своим телом амбразуру вражеского дзота. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза. До призыва в армию Матросов содержался в Уфимской колонии для малолетних преступников.

Пожертвовавших своей жизнью героев в войну было немало. Многие летчики шли на таран, направляли свои самолеты на вражеские позиции.

Но только в Японии летчики-камикадзе стали массовым явлением, которое для всего мира осталось загадкой. Почему эти люди с такой легкостью шли на смерть? Кто они: фанатики? Сумасшедшие? Величайшие патриоты?

И вообще, почему именно японцы дали миру камикадзе? Все дело в национальном характере и традициях или в чем-то еще?

Как лепестки вишни

«Подобно нежному цветку вишни, опадающему с утренними лучами солнца, вы должны бесстрашно расстаться с жизнью — пожертвовать собой ради Японии» — эти красивые слова звучали перед вылетом японских летчиков на последний в их жизни бой. Это были летчики-камикадзе, те, кто вызвался погибнуть, чтобы унести с собой в могилу как можно больше врагов.

Услышав свои имена, летчики со слезами счастья на глазах благодарили командира. Те, кто оставался, не могли скрыть своего разочарования.

Перед вылетом командиры произносили стереотипные речи:

— Японии грозит смертельная опасность. Только такие одухотворенные молодые люди, как вы, способны отвести угрозу от Японии и от императора. Вы уже боги. Сегодня же император узнает о ваших действиях.

На летном поле накрывали длинный стол. На белой скатерти стояли фляги с остывшим саке, рисовым вином и миски с сушеной каракатицей. Каждому пилоту наливали чашечку саке. Летчик, принимая чашечку, кланялся. Держа ее обеими руками, подносил к губам и делал небольшой глоток. Летчикам вручали небольшие коробочки с едой. В другое время летчики, вероятно, с удовольствием бы поели, но сейчас аппетита не было ни у кого.

Под барабанную дробь летчики разбегались по самолетам. У каждого под комбинезоном был белый шарф и белая повязка вокруг головы — традиционный символ решимости и мужества. Барабаны трещали не останавливаясь, заглушаемые шумом заводимых моторов.

Прощально помахав рукой из кабины, пилоты быстро взлетали навстречу восходящему солнцу и смерти.

От летчиков требовалось немного: взлететь, найти американский корабль и направить свой смертоносный груз на цель. Японцы исходили из того, что американские моряки будут деморализованы внезапным налетом и их зенитки не смогут сбить стремительно пикирующий самолет. Подлетая к цели, японские самолеты рассыпали

ворох оловянной фольги — единственное известное в то время средство противодействия радиолокаторам.

Японские камикадзе вошли в историю, но остались непонятыми и непонятными всему остальному миру.

Тактика массовых самоубийств

История камикадзе началась в декабре 1941 года, когда японцы напали на американскую военно-морскую базу в Перл-Харборе. Тогда пять японских мини-подлодок пытались прорваться в гавань, чтобы взорвать себя и американцев. Но первый опыт не удался: четыре японские подлодки были потоплены, пятой повезло больше в том смысле, что она села на мель, и ее командир стал первым пленным Тихоокеанской войны.

Через полгода еще четыре японские мини-подлодки пытались войти в гавань австралийского порта Сидней. Три лодки были потоплены, четвертая погибла при пуске собственной торпеды. Неудачное начало никого не смутило.

В последний военный Новый год император Японии отказался отмечать праздник как обычно. В полдень 1 января 1945 года военный адъютант подал императору белую деревянную тарелку с чашкой риса и красной фасолью, кусочком жареного морского леща и фляжкой sake.

— Ваше величество, — сказал адъютант, — вот что дают нашим камикадзе, когда они улетают на задание.

Рассказывают, что на глазах императора показались слезы. Он резко встал и вышел из комнаты, не притронувшись к еде. Целый час он ходил по саду, запущенному и поросшему сорняками. Император думал о камикадзе, так гласит история.

Эти размышления никого из камикадзе не спасли.

Напротив, летом 1945 года, когда стало ясно, что японская армия терпит сокрушительное поражение, что американцы скоро высадятся на Японских островах, императорские генералы сделали ставку на камикадзе, на смертников.

«Живые бомбы»

Императорская армия хотела заставить американцев, которые берегли каждого солдата, захлебнуться в крови. В Токио надеялись, что потери американцев окажутся настолько большими, что они откажутся от высадки и заключат с Японией мир. Так военное искусство было сведено к тактике массовых самоубийств.

И японская промышленность была переориентирована на выпуск оружия для самоубийц: мини-подлодки, скоростные катера, управляемые торпеды и самолеты для камикадзе.

Как выглядело это оружие и был ли военный смысл в использовании камикадзе?

В специальные управляемые торпеды усаживались камикадзе, которые направляли свои торпеды в цель. Но эти торпеды страдали конструктивными дефектами. Они часто взрывались, и камикадзе гибли, не успев причинить никакого ущерба противнику.

Флот получил катера с автомобильным мотором, которые громко назывались «Сотрясающие океан». На катер грузили две тонны взрывчатки. Но американские корабли обнаруживали катера на экранах радаров и расстреливали их с дальней дистанции.

Больше всего смертников было среди летчиков.

Будущих летчиков-камикадзе учили всего несколько месяцев. Ускоренный курс включал несколько коротких полетов с инструктором и без него. Япония задыхалась от недостатка горючего, и бензин выдавали только для боевых вылетов. В самолетах камикадзе бензобаки заполнялись ровно настолько, чтобы хватило долететь до цели, но не для того, чтобы вернуться.

Первоначально камикадзе сами устанавливали взрыватели на бомбах непосредственно перед атакой. Это все-таки оставляло летчику возможность вернуться на базу, если цель не будет найдена.

Ближе к концу войны взрыватели устанавливали еще на земле. Во-первых, потому, что несовершенный механизм часто заедало, а под обстрелом зениток возиться с ним было некогда. Во-вторых, были случаи, когда лет-

чики в страшном волнении просто забывали привести бомбовый груз в боевое состояние и разбивались напрасно.

Зато теперь у летчиков не существовало даже теоретической возможности выжить: посадить самолет, не взорвавшись, было невозможно...

В мае 1943 года японский летчик впервые пошел на таран, сбив американский бомбардировщик. Но лобовой таран не пользовался популярностью среди японских генералов: их не устраивал низкий счет — один вражеский самолет за один свой.

В 1945 году японское авиастроение уже не справлялось с плановыми заданиями. Самолеты, выходявшие из заводских ангаров, страдали серьезными дефектами. Некоторые двигатели отказывали в первом же полете. Лучшие японские летчики гибли, даже не успев встретиться с врагом, который безраздельно господствовал в воздухе.

Тогда появилось новое оружие, названное «Ока» — «Цветы вишни». Это уже был не настоящий самолет, а моноплан, сделанный просто из дерева. В носовой части помещался запас взрывчатки.

Деревянные монопланы крепились под фюзеляжем обычного бомбардировщика. В районе, где были обнаружены корабли противника, камикадзе отделял свой моноплан от бомбардировщика и начинал планировать. Приближаясь к цели, пилот включал реактивные двигатели и устремлялся вниз. Огромная для того времени скорость должна была спасти его от истребителей противника и зенитного огня.

До последней секунды, до того мгновения, как он рухнет на палубу и взорвется, летчик должен был держать глаза открытыми, чтобы не промахнуться...

— В этой войне, — говорили тогда японские генералы, — подготовка пилотов и техническое качество самолетов не имеют никакого значения. Все зависит от боевого духа и морального состояния людей.

Героями японской армии были «три живые бомбы» — три солдата, которые, обвязавшись взрывчаткой, бросились на противника и взорвали себя, чтобы проделать брешь в укреплениях. Этот опыт пропагандировался в

войсках во время летних боев 1945 года, когда всем стало ясно, что Япония терпит поражение. Но генералы не хотели прекращать войну. Они были готовы воевать до последнего солдата. И, повинувшись своим командирам, тысячи японских солдат, обвязавшись взрывчаткой, кидались на укрепленные позиции американцев и гибли под перекрестным пулеметным огнем.

Вот важный вопрос: действительно ли пилоты верили, что спасут Японию, что их жертвы имеют смысл?

Ни в одной армии мира никогда не создавались целые отряды смертников. Ни одна армия не отнимала у своих солдат надежды выжить. Кроме японской. Готовность умирать японские генералы считали проявлением силы духа, превосходства японцев над другими народами. Они даже гордились своей способностью расставаться с жизнью.

Пилоты верили в то, что они действительно смогут изменить ход войны? Или же понимали, что их миссия сколь почетна, столь и безнадежна, потому что война проиграна? Или думали о том, что величие человеческого духа, показанное камикадзе, вдохновит послевоенную Японию?

«Радуйтесь моей смерти»

Имена 4615 погибших камикадзе высечены в храме богини милосердия Каннон в Токио, столице Японии. Но говорят, что это лишь малая часть несчастных самоубийц.

Перед последним полетом камикадзе приводили в порядок свои вещи, раздавали книги и деньги тем, кто оставался. Писали завещание и по самурайской традиции клали в конверт, предназначенный для родных, прядь волос и ногти — для обряда погребения.

Я прочитал множество писем, написанных камикадзе перед вылетом. Эти письма, открывшие их душу, произвели на меня сильное впечатление. Я встречался и с немногими оставшимися в живых камикадзе, которые в те военные дни 1945 года горевали, что им не хватило самолета или бензина, чтобы героически погибнуть. И хотели

совершить харакири, чтобы не видеть поражения своей страны.

Письма погибших летчиков-камикадзе сохранились:

«Дорогой отец! Я сожалею только о том, что мне не удалось сделать в своей жизни ничего хорошего для вас и я ничем не могу отплатить вам за вашу доброту. Мне оказана огромная честь. Я спокойно выполняю свой долг. Я надеюсь, что последним ударом по врагу смогу хоть в малой степени показать, что достоин носить славное имя нашего рода...»

«Дорогая старшая сестра! Сегодня мой последний день. Судьба родины зависит от решающего сражения на Южных морях. Нанеся оглушительный удар врагу, я упаду в море, подобно цветам лучезарной вишни. Как я признателен командованию за эту возможность умереть достойно!

Передай всем нашим, что я не хочу, чтобы вы горевали обо мне. Я не против того, чтобы вы поплакали. Поплачьте, если вам от этого станет легче. Но поймите: моя смерть — во имя лучшего будущего родины. Я прошу вас радоваться, что мне выпала такая судьба. Пусть наша смерть будет мгновенной и чистой...»

В отряды камикадзе вступали не те, кого мы называем фанатиками, а те, кто искренне любил страну. Патриотизм и душевную чистоту этих молодых людей беззастенчиво использовали японские генералы. Десятилетиями они внушали японской молодежи, что ее долг умереть за императора, за императорскую Японию.

Я думаю, что камикадзе в большинстве своем были прекрасными молодыми людьми, которые не по глупости и не в силу слепого фанатизма, а совершенно сознательно жертвовали собой во имя императора и родины. Вернее, они думали, что жертвуют собой во имя родины. Их убедили в том, что это их долг.

Японское правительство тех лет совершило много преступлений. И в Китае, и в Корее, которые были оккупированы. Японские военные были необыкновенно жестоки по отношению к военнопленным. Но и к своему народу они были не менее жестоки. Я считаю отвратительным преступлением то, что правительство отправляло на смерть молодых людей без всякой военной необходимости. И то,

что японскую молодежь воспитывали в готовности умирать ради императора.

Один из героев японского эпоса говорил: «Я хотел бы родиться семь раз в этом мире, чтобы семь раз отдать жизнь за императора». Эти слова часто повторяли камикадзе. Отдать императору семь жизней никто из них не мог, а одну — приходилось. Они убивали и умирали без всякого смысла...

Все последние месяцы войны японская пропаганда повторяла: Япония может положиться только на духовную силу японской нации. На что же использовалась духовная сила народа? На то, чтобы сэкономить авиационный керосин или сжатый воздух, которым выталкиваются в море торпеды?

Страна сэкономила несколько баллонов сжатого воздуха, но никто не сожалел о гибели стольких прекрасных молодых людей. Жизнь человека оказалась в Японии дешевле баллона со сжатым воздухом...

Глава 21

ЯПОНСКИЕ «КРАСНОАРМЕЙЦЫ»

30 марта 1970 года самолет авиакомпании «Джапан эрлайнс» совершал обычный рейс из Токио в Фукуоку. Через несколько минут после взлета, когда пассажиры любовались вершиной горы Фудзи, несколько молодых людей вскочили со своих мест и вытащили самурайские мечи. Стюардесса, разносившая освежающие салфетки, остолбенела. Один из молодых людей закричал:

— Руки вверх! Мы летим в Северную Корею!

Террористы ворвались в кабину пилота и потребовали изменить курс:

— Когда мы долетим до Пхеньяна, отпустим всех. Мы никому не причиним вреда.

Командир корабля, бывший офицер императорской армии, объяснил, что не сумеет долететь до Северной Кореи без дозаправки — ведь самолет совершал внутренний рейс. Угонщики о топливе не подумали и согласились на дозаправку.

Застигнуты врасплох

Помимо мечей и кинжалов, у террористов были западные с двух концов обрезки металлических труб, которые можно было принять за самодельные мины.

Это было первое похищение японского самолета. Правительство в Токио было застигнуто врасплох и не знало, как действовать. Самолет сел в Фукуоке.

Аэропорт оцепила полиция, которая попыталась вступить с угонщиками в переговоры. Освободить заложников силой полиция не решалась. Во время дозаправки террористы отпустили двадцать трех пассажиров: детей, женщин и стариков.

Один пассажир-американец, оказавшийся в этом самолете, рассказывал позднее, что террористы были вполне вежливы. Связывая пассажирам руки, сняли у всех часы, но не забрали их, а аккуратно положили каждому в карман.

После этого самолет опять взлетел, и пилот сообщил угонщикам, что взят курс на Пхеньян.

Самая опасная ситуация возникла в момент посадки. Террористы собрались у выхода и стали поздравлять друг друга. Один из них открыл люк... Аэропорт не был похож на пхеньянский! Правда, на взлетном поле выстроились солдаты в форме северокорейской армии и девушки в национальной одежде. Но не было ни флагов Корейской Народно-Демократической Республики, ни портретов великого вождя Ким Ир Сена.

Насторожившиеся угонщики потребовали показать им большой портрет Ким Ир Сена. Требование оказалось невыполнимым, потому что самолет приземлился не в северокорейском, а в южнокорейском аэропорту Кимпо, возле Сеула!

Южная Корея попыталась оказать Японии услугу, но безуспешно. Форма северокорейской армии в Сеуле имела — для нужд специальных служб, но хранение портретов Ким Ир Сена приравнивалось к тяжкому преступлению.

После долгих переговоров угонщики согласились отпустить заложников в обмен на гарантированную возможность вылететь в Пхеньян. Японские власти с трудом

связались с властями КНДР, которые согласились принять «японских революционеров».

Живой гарантией согласился быть заместитель министра транспорта Японии Синдзиро Ямамура, который немедленно прилетел в Кимпо.

Его привезли к угнанному самолету на армейском джипе под белым флагом. Люк самолета открылся, появилось усталое лицо стюардессы, которая удостоверила личность заместителя министра. Начали выпускать заложников. После того как половина пассажиров вышла, Ямамура поднялся на борт, и тогда отпустили остальных.

В Пхеньяне они еще раз встретятся на приеме — экипаж, террористы и заместитель министра. Заместитель министра и экипаж вернутся на родину, в Японию. Похитители останутся в Северной Корее, некоторые из них — навсегда.

Японская полиция составила список воздушных пиратов: Такамаро Тамия, 27 лет, он руководил операцией; Ёсими Танака, 21 год, его помощник; Такахиро Кониси, 22 года, студент Токийского университета; Кинтаро Ёсида, 22 года, рабочий; Кимихиро Абэ, 24 года, студентка университета Кансай; Такэми Окамото, 26 лет, студент университета в Киото (через два года имя его младшего брата Кодзо облетит весь мир); Мориаки Вакабаяси, 28 лет, студент университета Досия; Сиро Акаги, 24 года, студент Осацкого университета.

Последним в списке был шестнадцатилетний школьник Ясухино Сибата, за несколько месяцев до этого бежавший из дома. Тогда полиция не назвала его имя журналистам — права подростка строго охраняются законом.

Через восемнадцать лет, в мае 1988 года, его арестуют в Токио по обвинению в подготовке террористических актов во время летней Олимпиады в Сеуле. К огорчению японской полиции, выяснилось, что Сибата еще три года назад сумел вернуться в Японию и преспокойно жил по фальшивому паспорту...

Все эти люди принадлежали к террористической организации «Фракция Красная армия». Успешный угон самолета в Северную Корею принес японским «красноармейцам» долгожданную известность.

Молодые люди с самурайскими мечами, которые угнали самолет, чтобы присоединиться к великому корейскому революционеру Ким Ир Сену, были порождением угасавшего студенческого движения. 60-е годы были временем его расцвета. Во взрослую жизнь входили юноши и девушки, чье детство пришлось на трудные послевоенные годы, когда разрушенная войной Япония восстала из пепла.

Неустроенность, ломка социальных структур, война во Вьетнаме, американское военное присутствие на Японских островах, злившее левых, — причины молодежного бунта были примерно теми же, что и во всех развитых странах Запада. На пороге нового десятилетия этот бунт кончился.

Весной 1969 года на собраниях коммунистического молодежного союза радикально настроенные юноши стали настойчиво говорить, что студенческое движение побеждено правительством, что массовые демонстрации бесполезны и нужна новая радикальная тактика — с использованием оружия. Пора создавать настоящую армию для борьбы с японским империализмом. Нужно вступать в союз с такими же антиимпериалистическими группами по всему миру, потому что грядущая революция в Японии станет частью мировой революции.

Более осторожные руководители коммунистического союза молодежи считали, что страна еще не созрела для вооруженной борьбы, и исключили экстремистов из своих рядов.

Исключенные не пали духом, а создали собственную организацию — «Фракция Красной армии». Они выбрали то же название, что и их западногерманские единомышленники, создававшие примерно в то же время свою «Роте армее фракцион».

Боевое крещение «Фракция Красной армии» приняла в схватке не с полицией, а с бывшими товарищами по коммунистическому союзу молодежи. Во время очередной идеологической стычки, которая перешла в потасовку, юные коммунисты взяли в плен несколько «красноармейцев». Но пленники сбежали, спустившись

по веревке из окна. Один из них упал и разбился. Это была первая жертва «Фракции Красной армии» — в ее собственных рядах.

В сентябре 1969 года набралось уже примерно четыреста «красноармейцев». Они не собирались проводить дни в изучении революционной литературы. Куда большим успехом у них пользовались самиздатовское руководство по изготовлению бомб. Они мечтали совершить какое-то крупное дело. Например, похитить премьер-министра.

3 ноября 1969 года члены боевого ядра «Фракции Красной армии» съехались в отдаленной гостинице в префектуре Яманаси. Вечером они обсудили план нападения на резиденцию главы правительства. На следующий день — технологию изготовления взрывных устройств. Больше они ничего обсудить не успели.

Полиция ворвалась в гостиницу и всех арестовала — пятьдесят три человека. При обыске нашли пятнадцать самодельных бомб, десять кинжалов, двадцать охотничьих ножей, химикалии.

За незаконное хранение оружия и подготовку нападения на премьер-министра организаторам дали по два года тюрьмы. Это время они провели с большой пользой для себя, обмениваясь письмами, в которых подыскивали моральные и теоретические обоснования террора. Они поняли, что действовать нужно небольшими группами, и оценили значение конспирации.

Они разработали три вида боевых акций: похищение видных политиков, чтобы обменивать их на арестованных товарищей, ограбление банков ради получения денег, необходимых для революционной борьбы, и нападения на склады оружия.

Весной 1981 года, совершив три ограбления, «красноармейцы» получили два миллиона иен — немалые по тем временам деньги. Летом ограбили еще один банк, взяли сразу шесть миллионов иен, но грабителям не повезло — их настигла полиция.

На магазин оружия совершила удачный налет родственная «Фракции Красной армии» террористическая группа с длинным названием — «Организация совмест-

ной борьбы против японо-американского договора безопасности».

Одни обзавелись оружием, другие — деньгами. Группы решили объединить свои усилия.

Смерть в горах

Руководителем «Красной армии» стал Цунэо Мори, студент Осацкого университета, сторонник жесткой дисциплины. Под стать ему была лидер группы, боровшейся против японо-американского договора безопасности, двадцатисемилетняя Хироко Нагата, почему-то считавшая себя «очень чувствительным человеком».

У нее было завидно счастливое детство. Родители исполняли все ее желания и капризы. В школе она была лучшей ученицей и по семейной традиции поступила в фармакологический колледж. Но знакомство с политикой изменило ее характер. Она отказалась от косметики, с безразличием относилась к своей внешности и одежде. Хриплый, грубый голос и глаза навывкате не прибавляли ей женственности.

Хироко Нагата была феминисткой и считала одной из своих задач освобождение женщин от мужского гнета. Но один из товарищей по революционному движению изнасиловал ее. За другого, которого она ненавидела, ей пришлось выйти замуж. Все это дополнительно ожесточило ее характер.

Именно Хироко Нагата летом 1971 года, опасаясь предательства, приказала убить двоих человек из своей группы. Произошло это так. Ясуко Хайки, которой только исполнился двадцать один год, хотела стать медицинской сестрой, но ее исключили из училища за участие в студенческих демонстрациях. От отчаяния она вступила в боевую группу, но быстро поняла, что это не ее дело. А группа не захотела отпускать ее живой — «предатели опасны».

В один из августовских дней к Ясуко Хайки пришло несколько членов группы. Они пытались напоить ее чаем со снотворным, но она отказалась. Тогда ее просто зачих-

нули в машину и повезли за город. По дороге били. Выволокли из машины, бросили на землю и стали рыть могилу.

Избитая до полусмерти, она пришла в себя и попыталась бежать. Но ее догнали. Обернули голову одеялом, чтобы не было слышно криков, и били, пока она не перестала сопротивляться. Потом задушили, сорвали с тела одежду и труп бросили в полуотрытую могилу.

Через пару недель симпатичная девушка из группы навестила второго приговоренного к смерти — Сигэнобу Мукаяма, который имел неосторожность сообщить Нагата, что он не только покидает группу, но и намерен написать роман о пережитом. Неожиданная гостья была на удивление любезна, пригласила вместе провести день, повеселиться.

Мукаяма удивился, но пошел с девушкой в бар. Платила она. Рассказывала — с намеком — о том, как она одинока. Мукаяма пил и слушал сочувственно. Потом она предложила вместе сходить в гости к одному старому знакомому. Не ожидавший ничего плохого Мукаяма согласился.

Но в квартире оказалось слишком много старых знакомых, и они совсем не были рады прежнему товарищу по совместной борьбе против мирового империализма.

Они стали избивать Мукаяма. Он почти вырвался, но его ударили бутылкой по голове. Убивать в квартире не стали, чтобы не оставлять следов. Стащили вниз, посадили в машину и тоже повезли за город. Там они действовали уже знакомым образом — задушили и закопали в могиле неподалеку от могилы своей первой жертвы Ясуко Хайки.

Узнав о том, как лихо Нагата расправилась со своими дизертирами, вождь «Красной армии» Мори заявил, что его люди тоже должны доказать свои революционные качества.

В последние дни 1971 года обе группы соединились в горном домике в одном малообитаемом местечке. Там юноши и девушки оказались в полной власти своих лидеров Мори и Нагата, которые решили устроить большую чистку.

Мори начал с Мицуо Одзаки, студента Токийского университета. Одзаки обвинили в том, что он откровенничал с человеком, который не пользуется доверием руководителей группы. Чтобы укрепить революционный дух студента, ему приказали тренироваться в кулачном бою с более крепким парнем.

Члены группы окружили место схватки, чтобы Одзаки не мог убежать. Он падал под ударами, вставал и снова падал. Когда он больше не смог встать и поблагодарить за предоставленную возможность испытать себя, это было сочтено признаком слабости. Его привязали к дереву. Он висел на веревках, слабый и беззащитный. Его опять стали бить. Но он так и не сумел обрести бойцовский дух, потому что к утру был уже мертв.

Следующей жертвой стал Рюдзабуро Синдо, бывший студент. Его вина состояла в том, что он слишком увлекался женщинами — в ущерб революции.

Затем принялись за Ёситаку Като и Кадзуко Кодзима. Като не спасло даже то, что оба его младших брата входили в группу. А Кодзима — то, что она сидела за рулем автомобиля, на котором везли на смерть первые две жертвы революционной чистки.

Миэко Тояма, студентка университета Мэйдзи, сама навлекла на себя беду. Члены «Объединенной Красной армии» сели обсуждать уроки, вытекающие из смерти Кодзима. Дошла очередь до Тояма. Она сказала, что хочет быть революционеркой, но честно призналась, что боится смерти.

Нагата всегда с подозрением относилась к Тояма, которая была слишком женственной, пользовалась косметикой и пришла в революционное движение только после того, как полиция арестовала ее парня — члена «Красной армии». Нагата не считала это серьезным мотивом и к тому же подозревала, что девушка на дежурстве, пренебрегая приказом, занимается любовью с Масатоки Намэката, бывшим студентом Токийского университета.

Самого Намэката не спасло даже то, что он считался ветераном — его пять раз арестовывала полиция. Намэката и Тояма тоже привязали к дереву перед домиком и оставили на ночь. К утру они умерли от холода.

Прежние заслуги, положение в группе — ничто не могло спасти тех, на кого пало подозрение в слабости.

Главные инквизиторы, Мори и Нагата, нацелились на Коити Тэраока, который одним из первых вступил в группу, посвятившую себя борьбе с японо-американским договором безопасности, и участвовал в ограблении оружейного магазина. Вероятно, Нагата решила, что он сам метит в лидеры, и перехватила инициативу.

17 января его стали допрашивать. Допрос плавно перешел в избивание. Его обвинили в том, что он планировал убить товарищей, изнасиловать женщин в группе и построить себе большой дом, чтобы жить в роскоши.

Мори неожиданно для всех ткнул его ножом в ногу и закричал, что предатель должен умереть. Все выразили одобрение. Тогда Мори воткнул ему в живот альпеншток. Но Тэраока все никак не умирал, и его в конце концов задушили.

Так продолжалось день за днем. Они изучали теорию революционной борьбы. Разрабатывали планы социального переустройства японского общества на началах равенства и справедливости. И убивали своих товарищей.

Штурм и перестрелка

В середине февраля Мори и Нагата покинули укрытие в горах, чтобы повидаться с нужными людьми и кое-что купить. В их отсутствие полиция наконец обнаружила место, где скрывались «красноармейцы».

Мори и Нагата были арестованы, когда они, возвращаясь из города, наткнулись на полицейские посты. Остальные пытались бежать. Четверых задержали на железнодорожной станции, где продавщица газетного киоска обратила внимание на молодых людей, чья одежда была в грязи. Еще пятеро забаррикадировались в маленькой туристической гостинице. У них было достаточно еды, телевизор, чтобы своевременно узнавать о всех действиях полиции, а также четыре пистолета и ружье.

Полиция сразу окружила гостиницу, но атаковать не решалась, избегая ненужных жертв.

«Красноармейцы» внимательно наблюдали за передвижениями полицейских и ранили двоих блюстителей порядка, когда те неосмотрительно приблизились к дому.

Привезли матерей двух террористов. Им дали громкоговоритель, они обратились к своим сыновьям с просьбой выйти. Но ответа не последовало.

Полиция не имела опыта антитеррористических операций и действовала методом проб и ошибок. На третью ночь в гостинице отключили электричество. На следующий день электричество включили, но стали обстреливать гостиницу гранатами со слезоточивым газом и дымовыми шашками. На другой день подтянули водометы и обрушили на дом поток ледяной воды, вылетели окна и двери, но террористы сдаваться не собирались.

Накануне решающего штурма вокруг гостиницы скопилось тринадцать тысяч полицейских и семьсот журналистов. Теле- и радиорепортеры вели прямой репортаж с места события. Вся страна следила за перипетиями борьбы.

28 февраля начался штурм. Стрелой подъемного крана выбили входную дверь и вновь пустили в ход водометы. Затем специальная группа токийской полиции ворвалась на первый этаж. Но действовали они неумело. «Красноармейцы» застрелили двоих офицеров полиции и, бросив бомбу, ранили нескольких полицейских. Забросав террористов гранатами со слезоточивым газом, полицейские ворвались на второй этаж, освободили заложников и арестовали террористов.

Один из телезрителей, увидев на экране своего арестованного сына и узнав, что он террорист, повесился.

Разносчики заразы

После того как Мори, устроивший кровавую чистку, покончил с собой в тюрьме, новым лидером японской «Красной армии» стала Фусако Сигэнобу.

Фусако Сигэнобу родилась в первые мирные дни 1945 года и принадлежала к поколению, обостренно ощущавшему социальную несправедливость мира. Ее

отец, в прошлом учитель, во время войны служил в полевой жандармерии и дослужился до капитана. После войны он открыл магазин, но коммерция не была его призванием. Сознание собственной бедности с юных лет мучило его дочь.

В юности Фусако занималась сбором пожертвований для нищих и калек. Однажды у нее даже взяли интервью и опубликовали ее фотографию в газете. Она получила сотню дружеских писем. После школы она работала на фабрике, где производили соевый соус. Инструктор внушал ей:

— Женщина должна вести себя по-женски. Улыбаться и смущаться.

Фусако Сигэнобу такая скромная роль не устраивала.

Переломный момент в ее жизни наступил в октябре 1967 года, когда она участвовала в демонстрации токийских студентов, протестовавших против войны во Вьетнаме.

Семь тысяч полицейских дубинками разгоняли студентов. Фусако Сигэнобу ударом сбили с ног. «Я лежала среди множества залитых кровью людей, — описывала она свое состояние. — И меня переполняла ненависть».

На следующее утро отец сказал ей:

— Фусако, если ты всерьез хочешь заниматься революцией, то все надо делать по-другому. Считается, что буддийский монах Иноуэ сформулировал принцип «Один человек — одно убийство». На самом деле он хотел сказать: «Один человек — много убийств». Ты понимаешь меня?

Ее отец, ультраправый националист, до войны состоял в тайной организации, члены которой поклялись убивать тех, кто мешает Японии идти по императорскому пути. Они внесли в список тринадцать человек и расписались кровью под обязательством их убить. Все это были умеренные политики и деловые люди, противники войны. Первой целью был министр финансов, в которого трижды стреляли. Следующим — один из владельцев концерна «Мицуи». Отец никогда не осуждал Фусако за ее ультраправые убеждения. Вскоре она вступила в «Красную армию».

Она очень серьезно следила за дискуссиями внутри «Красной армии». Размышляя над стратегией революционной борьбы, она пришла к выводу, что необходимо объединить усилия с более мощными боевыми группами. Свой выбор она остановила на палестинцах: у них большой опыт террористической деятельности, оружие, деньги и связи. Она решила отправиться на Ближний Восток.

В начале 1971 года Фусако Сигэнобу, только что вышедшая замуж за студента из Киото, покинула Японию. Поездка меньше всего напоминала свадебное путешествие. Фусако вступила в брак не по любви, а по расчету. По особому расчету: ее имя значилось в полицейских досье и ее могли не выпустить за границу. К ее мужу, чью фамилию она взяла, у полиции претензий еще не было.

Путь Фусако Сигэнобу лежал в Ливан, где тогда располагались основные базы палестинских боевых организаций. Здесь она предложила свои услуги Жоржу Хаббашу, лидеру Народного фронта освобождения Палестины.

В тот момент Хаббаш был палестинским террористом номер один. На его счету уже было несколько угнанных самолетов. Его группа сформировалась после оглушительного поражения арабских стран в «шестидневной войне» с Израилем, когда разочарованные слабостью арабского мира палестинцы решили, что им придется добиваться уничтожения Израиля собственными силами.

Хаббаш опирался на поддержку Ливии и Южного Йемена. Он считал наиболее эффективными атаки на гражданские объекты с большим количеством жертв, потому что о таких акциях говорил весь мир.

Располагая неограниченными средствами, получаемыми от арабских стран и от социалистических государств, он был готов снабдить новых японских товарищей деньгами и оружием, дать им паспорта и укрыть на своих базах. Но что японцы предложат взамен?

Фусако Сигэнобу выразила свою поддержку палестинскому делу в письме в газету «Аль-Хадаф»: «Если империалисты присвоили себе право убивать вьетнамцев и палестинцев, то и у нас должно быть право разнести Пентагон и убивать империалистов». По ее заказу был

снят фильм «Красная армия» и Народный фронт освобождения Палестины объявляют мировую войну».

Сигэнобу поняла, что только серьезная акция может укрепить репутацию «Объединенной Красной армии» и обеспечить ей достойное место среди палестинских террористов, которые не занимаются благотворительностью и не станут зря тратить деньги на японских гостей. И она доказала Хаббашу, что ее можно взять в дело. Если бы не ее дьявольский ум, десятки человек остались бы живы...

Его спасла Библия

Осенью 1971 года она вызвала из Японии несколько молодых людей, которых хорошо знала по леворадикальным группировкам, и предложила им пройти боевую подготовку в лагерях Хаббаша в Ливане.

Три молодых японца из «Красной армии» учились два месяца. К маю следующего года они были готовы и с поддельными документами вылетели в Европу. Три дня провели в Риме. Накануне отлета каждый нашел в своем гостиничном номере автомат чехословацкого производства, магазины к нему и советские ручные гранаты. Они сели в самолет, отправлявшийся в Токио. Одна из промежуточных посадок была в Тель-Авиве. Здесь все пассажиры вышли из самолета...

Шестьдесят семь пуэрториканцев — баптисты и пятидесятники, совершавшие паломничество на Святую землю, — сделали остановку в Тель-Авиве. Они собирали свой багаж и подтаскивали его поближе к таможенной стойке.

Трое японцев, на которых никто не обратил внимания, тоже взяли свой багаж, но не заняли очередь к таможенникам, а отошли в сторону. Убедившись, что за ними никто не наблюдает, они хладнокровно достали из своих сумок автоматы и открыли огонь.

Зал заполнился звуками автоматной стрельбы и грохотом взорванных ручных гранат. Паломники метались в ужасе, пытаясь найти укрытие. Хорошо обученные в палестинском лагере, японские террористы безостановочно стреляли из автоматов и бросали гранаты.

Первой погибла жена христианского священника, главы группы пуэрториканцев. Он сам был лишь ранен, пуля прошла сквозь Библию, которую он держал в руке, и потеряла убойную силу. Всего японцы убили двадцать шесть человек, из них семнадцать были христианскими паломниками. Такого количества смертей в Израиле не видели со времен «шестидневной войны».

Расстреляв все патроны, один из японцев взорвал себя гранатой. Другой упал рядом с ним. Третий бросился к стоявшему возле аэропорта самолету и швырнул в него гранату. Но самолет не взорвался. Покончить с собой он не успел, хотя с самого начала японцы, обсуждая план операции, решили, что станут новыми камикадзе, погибнут в бою и уж, как минимум, живыми в руки врагов не попадут.

Но третьего террориста израильтяне сумели схватить. Его звали Кодзо Окамото. Он сразу стал давать показания.

На суде он рассказал, что признался во всем следствию после того, как израильский генерал Рехвам Зееви обещал дать ему пистолет с одним патроном, чтобы он мог застрелиться. Генерал, правда, клялся на суде, что никогда бы не исполнил своего обещания, но эта история сильно повредила его репутации.

А люди Хаббаша, гордые собой, устроили пресс-конференцию. Один из журналистов спросил их, как они относятся к тому, что в результате устроенного ими теракта погибли совершенно невинные люди.

— Прекрасно, — последовал хладнокровный ответ, — теперь весь мир знает о нас.

Расстрел христианских паломников радостно отмечали во всем арабском мире. В то время министр иностранных дел Египта Азиз Сидки гордо заявил:

— Этот эпизод показывает, что мы в состоянии одержать победу над Израилем.

Лидер ливийской революции полковник Муамар Каддафи поставил японских террористов в пример палестинцам, которые «занимаются теориями, но не решаются поступить так, как поступили японцы».

А в штаб-квартире Народного фронта освобождения Палестины поздравляли Фусако Сигэнобу. Кровь двадца-

ти шести убитых сделала ее одним из признанных лидеров международного терроризма.

Когда один японский журналист получил возможность встретиться с ней в Бейруте, он сказал, что на родине многие считают ее банду чумой.

— Если это так, — немедленно откликнулась Сигэнобу, — то мы должны заразить весь мир. Я готова быть разносчицей этой чумы.

Последний успех

Она осталась с палестинцами, организуя все новые акции. Ей нравилось захватывать самолеты и посольства, брать заложников и вырывать миллионы долларов в качестве выкупа. Когда-то она была танцовщицей в веселом квартале Токио.

— Я ненавидела мужчин, которые использовали мое тело, чтобы удовлетворить свою похоть. В моем сердце была смерть. Но я улыбалась и использовала каждый поцелуй, чтобы собрать деньги для «Красной армии», — расскажет она позднее.

Между делом она избавилась и от ненужного ей теперь мужа, отправив его на задание, с которого не возвращаются. Люди интересовали ее лишь как исполнители все новых и новых замыслов. И среди японских террористов женщины оказались куда более жестокими и бесчеловечными, чем мужчины...

После резни в аэропорту Тель-Авива палестинцы охотно привлекали «Объединенную Красную армию» к различным акциям по всему миру.

Летом 1973 года «красноармеец» из Японии вместе с палестинцами захватил самолет компании «Джапан эрлайнс», летевший из Парижа в Токио.

В январе 1974 года двое «красноармейцев» и двое палестинцев — люди Жоржа Хаббаша — пытались поджечь нефтеперерабатывающий завод транснациональной корпорации «Шелл» в Сингапуре и захватили паром с пятью заложниками. Но их арестовали.

В сентябре 1974 года Фусако Сигэнобу возглавила штурм французского посольства в Гааге. Тогда ее объ-

явили в международный розыск, но нашли только двадцать шесть лет спустя.

В августе 1975 года пятеро членов «Красной армии» захватили американское консульство и шведское посольство в столице Малайзии и взяли пятьдесят заложников.

Последний крупный успех Сигэнобу — захват японского самолета в сентябре 1977 года в Бангладеш. Она получила от японского правительства шесть миллионов долларов выкупа и добилась освобождения шести террористов, осужденных на различные сроки.

Ядро «Красной армии» составляло человек сорок—пятьдесят. В распоряжении Фусако Сигэнобу в Ливане находилось двадцать пять — тридцать активных бойцов. Но больше не удавалось организовать такие крупные и удачные акции.

Правительства стран Запада научились эффективно бороться с терроризмом. В 1982 году во время вторжения в Ливан израильская армия уничтожила там всю инфраструктуру террористического подполья.

Японская молодежь не идет в террор — вот, что стало главной проблемой для Сигэнобу. Когда прежние бойцы постарели, они стали непригодными для боевых действий. Но Сигэнобу до последнего не хотела выходить из игры и отказываться от террора. Она старалась напоминать о себе, давала интервью, писала в газеты. Она никого не убила своей рукой. Возможно, поэтому ей так легко было посылать на смерть других.

Возвращение и арест

Несколько «красноармейцев» погибли в ходе терактов. Кое-кого властям удалось поймать и посадить.

В ноябре 1977 года Дзюн Нисикава, человек номер три в «Красной армии», был арестован в Боливии по обвинению в соучастии в угоне самолета японской авиакомпании «Джапан эрлайнс». Его переправили в Токио.

Еще один «красноармеец», Кадзуо Тохира, в начале 1995 года пытался получить гражданство Перу. Он вы-

давал себя за эквадорца. Его личность установили по отпечаткам пальцев. Но Тохира удалось скрыться.

В июне 1996 года в Перу была задержана с фальшивыми паспортами Кадзуэ Ёсимура, которая разыскивалась по обвинению в захвате французского посольства в Нидерландах в 1975-м. Ее передали японским властям.

Научилась бороться с терроризмом и японская полиция. Она арестовала нескольких видных членов «Красной армии», которые пытались, вернувшись на родину под чужим именем, восстановить старые связи и вербовать новых людей.

Все считали, что Сигэнобу по-прежнему находится в Ливане или нашла новое убежище где-нибудь на территории бывшей Югославии. Но палестинцы уже утратили интерес к ней, поскольку она стала для них бесполезной. От бойцов японской «Красной армии» стали избавляться, как от ненужного хлама.

Она тайно вернулась в Японию и, выдавая себя за мужчину, поселилась в гостинице в небольшом городе Такацука. 8 ноября 2000 года ее арестовали. Вероятно, кто-то из бывших товарищей выдал ее полиции. На этом история японской «Красной армии» практически окончилась.

В середине февраля 1997 года агенты органов государственной безопасности Ливана задержали в Бейруте четверых мужчин и одну женщину — японцев.

Полицейские окружили дом, заставили консьержа впустить их и вышли вместе с арестованными. Кроме того, они загрузили в грузовик много оборудования, которое, возможно, использовалось для изготовления фальшивых паспортов и виз.

В Ливане по-прежнему скрывается огромное количество действующих террористов. Но избавиться решили только от тех, кто уже был не нужен.

Через день премьер-министр Японии Рютаро Хасимото заявил, что в Ливане арестованы, возможно, шесть боевиков «Объединенной Красной армии». Японское правительство отправило в Ливан следователей, чтобы помочь их опознать.

Сразу же после этого все японские посольства в мире приняли меры предосторожности, опасаясь мести терро-

ристов. Ливанцы заявили, что среди арестованных сам Кодзо Окамото, единственный уцелевший участник бойни в тель-авивском аэропорту в 1972 году.

Он был приговорен к пожизненному заключению, но отсидел только тринадцать лет. В 1985 году его и еще 1150 палестинцев обменяли на трех израильских солдат, попавших в плен в Ливане. Говорят, что свобода пришла к нему слишком поздно — Кодзо Окамото был психически болен.

Теперь он называет себя Ахмедом и верит в Аллаха. В начале марта 2000 года, боясь, что его выдадут Японии, он прямо в ливанской тюрьме принял ислам. Сам Окамото говорит, что он заслужил право быть гражданином любого арабского государства.

Япония требовала выдать его, чтобы судить за терроризм, но в конце концов Ливан отказался его выдать.

Четырех японцев, которых посадили вместе с Окамото в тюрьму, выслали из страны за проживание в Ливане с поддельными документами. А для Окамото сделали исключение, он получил в Ливане политическое убежище, потому что участвовал в борьбе против Израиля и страдал в израильской тюрьме, заявил министр внутренних дел Ливана.

Фальшивомонетки

Все члены «Красной армии», которые в 1970 году угнали японский самолет в Северную Корею, получили там политическое убежище. Они, наверное, единственные «красноармейцы», избежавшие наказания. Но едва ли им можно позавидовать — они оказались в голодной, мрачной и отрезанной от всего мира стране.

Угонщиков было девять. Двое умерли. Один вернулся в Японию. Четверо остались в Северной Корее с семьями. Говорят, что их использовали в качестве преподавателей японского языка — они учили агентов северокорейской разведки, которых засылали в Японию.

Только один из них попытался заняться преступным бизнесом с помощью приютивших его северных корейцев...

В январе 1996 года два человека зашли в фотомагазин в тайландском курортном городке Паттая и попросили обменять пачку стодолларовых банкнотов. Владелец лавки занимался нелегальным обменом денег. Он считал себя знатоком в выявлении фальшивых купюр, но купюры показались ему подлинными. Он отсчитал двести двадцать пять тысяч батов. Чуть позже он понял, что его надули: доллары оказались поддельными.

После некоторых колебаний он обратился в полицию, которая по его наводке обнаружила пятерых человек, которые сбывали фальшивые стодолларовые банкноты в Паттая. Один из них признался, что получил их от японского бизнесмена. Полиция была обеспокоена тем, что поддельные купюры отличались превосходным качеством.

«Японского бизнесмена» быстро нашли — им оказался Ёсими Танака, бывший террорист из «Красной армии», который получил убежище в Северной Корее. Он выдавал себя за партнера родившегося в Камбодже японца по имени Кодама. Кодама жил в Пномпене и занимался торговлей подержанными автомобилями. Танака редко навещал своего партнера. Зато часто бывал в посольстве КНДР.

Бежавшие из Северной Кореи чиновники и дипломаты утверждали, что фальшивые купюры печатаются в Пхеньяне, потому что КНДР отчаянно нуждается в валюте. Перебежчики уверяли, что фальшивые купюры раздают корейским дипломатам, которые должны сбить их с рук. Верность родине определяется способностью раздобыть свободно конвертируемую валюту.

Когда полиция вышла на след Танака, северные корейцы попытались его спасти. Два дня он не покидал здание посольства КНДР в Камбодже. Затем «мерседес» с затемненными окнами и с дипломатическими номерами выехал из ворот посольства. В нем сидели четыре человека. Машина двинулась в сторону границы с Вьетнамом.

На границе пограничник попросил всех выйти, чтобы он мог сравнить фотографии на паспортах с оригиналами. Трое согласились, четвертый наотрез отказывался. Пограничнику предложили взятку в десять тысяч долларов со словами:

— Мы друзья короля Сианука. Если вы нас не пропустите, у вас будут неприятности.

Если бы они предложили обычные сто долларов, возможно, все бы получилось. Но размер взятки напугал пограничника. Теперь уже задержали «мерседес» и всех, кто в нем находился. Северокорейский посол в Камбодже обратился за помощью к королю Сиануку, который всегда поддерживал дружеские отношения с Ким Ир Сенем.

Когда в 1970 году в Камбодже произошел военный переворот и Сианук стал изгнанником, Ким Ир Сен предложил ему политическое убежище и построил для него прекрасную виллу. В 1991 году Сианук вернулся на родину на северокорейском самолете и в сопровождении северокорейских телохранителей. Но скандал с фальшивыми долларами уже получил огласку, и он сказал послу, что ничего не может сделать.

После переговоров Танака был передан властям Таиланда. У него изъяли фальшивый дипломатический паспорт и тридцать тысяч подлинных долларов. Судебные власти пришли к выводу, что Танака был отправлен в Камбоджу заниматься сбытом фальшивых денег. Поддельные купюры доставлялись дипломатической почтой. Фальшивок на полмиллиона Танака должен был сбыть в Камбодже, остальное — в более богатом Таиланде.

Официальное информационное агентство КНДР реагировало так: «Мы не можем отвечать за поведение членов японской «Красной армии», которые бежали к нам. Они по-прежнему являются гражданами Японии».

Глава 22

СЕВЕРНАЯ КОРЕЯ: ОТЦЫ И ДЕТИ

В Сеуле мы жили с ним в одной гостинице — только с промежутком в пять лет. Ким Сун Иль приехал в Южную Корею осенью 1984 года, а я осенью 1989 года.

Отнеслись к нам в Сеуле по-разному. Уже начался процесс установления отношений между Южной Кореей и Советским Союзом, но это не сделало меня менее подозрительным в глазах охранников аэропорта Кимпо.

Для них я был в высшей степени опасным человеком, приехавшим из враждебной коммунистической страны. Они ни на секунду не оставляли меня в одиночестве. Более чем тщательно изучили мой багаж и распрощались со мной, только сдав с рук на руки встречавшему меня севильскому журналисту, переписав с его удостоверения фамилию и должность.

Республика Корея боится террористов. В Сеуле я повсюду натыкался на группы одинаково одетых молодых людей с малоприятными лицами профессиональных волкодавов. Такое фантастическое количество сотрудников специальных служб я видел до этого только в Пхеньяне.

А вот Ким Сун Иль не заинтересовал ни охранников в аэропорту, ни сотрудников Агентства национальной безопасности, которое прежде называлось понятнее — Центральное разведывательное управление Кореи.

Правда, Ким Сун Иль прилетел в Сеул под чужим именем и с чужим японским паспортом, следовательно, проходил по другой категории — иностранец из дружественного государства. Он провел в Южной Корее неделю. За это время секретные службы Южной Кореи не смогли определить, что он воспользовался чужим паспортом, и не распознали в нем соотечественника. Из-за этой ошибки, раскрывшейся три года спустя, в ноябре 1987 года погибло сто пятнадцать человек.

Перемирие между Корейской Народно-Демократической Республикой и Республикой Корея было заключено в июле 1953 года после трехлетней войны. Ключевую роль в одном из самых кровавых эпизодов этой войны сыграл агент северокорейской разведки Ким Сун Иль, специалист по электронике.

Отец и дочь

Надо полагать, познакомились они в учебном лагере. В КНДР все засекречено, даже количество книг в библиотеке, но объекты ведомства государственной безопасности действительно представляют собой высшую тайну партии и государства.

Она моложе его на сорок три года, красивая, из хорошей партийной семьи, но новичок в этом деле, для нее это первое задание. У него семеро детей, он профессионал с большим опытом. Конечно, Ким Сун Иль мог бы выполнить задание и один, но ставка настолько высока, что на всякий случай кто-нибудь должен был его подстраховать. Для этого к нему и прикрепили юную напарницу — Ким Хен Хи. К тому же северокорейская разведка не любит отправлять даже самых стойких и проверенных бойцов за границу, где столько соблазнов, в одиночку.

У них хорошая легенда: во время путешествия Ким Сун Иль и Ким Хен Хи должны выдавать себя за японцев, отца и дочь. У него паспорт уже есть — на имя японца Синити Хатия. Это подлинный паспорт, что особенно ценно. Не слишком щепетильный владелец «одолжил» свой документ вместе с личной печатью, которой в Японии заверяют все документы, вместо того чтобы по европейской традиции их подписывать, некоему японскому бизнесмену по имени Акира Миямото.

Этим именем пользовался нелегальный резидент северокорейской разведки, который перебрался в Японию еще в 1948 году. В 1985 году, после разоблачения другого северокорейского агента, японская полиция начнет искать Миямото. Но тот бесследно исчезнет, а лишившийся своего паспорта Синити Хатия и не подумает навестить местный полицейский участок. Таким образом была упущена еще одна возможность спасти сто пятнадцать человек, которым остается всего два года жизни.

Для Ким Хен Хи подлинного паспорта не нашлось. Пхеньянские умельцы изготовили ей фальшивый. Искусство это в оперативно-техническом управлении северокорейской разведки, надо полагать, высоко развито, и Ким Хен Хи благополучно минует множество пограничных и иммиграционных пунктов. В паспорт ей вписали новое имя — Маюми Хатия, дочь Синити Хатия. -

Ким Сун Иль, как большинство корейцев старшего поколения, владел японским языком — до 1945 года в колонизированной японцами Корее его учили в школах как родной.

Ким Хен Хи пришлось засесть за учебники. У нее было много инструкторов и учителей. Среди них — женщина из Японии, оказавшаяся в Северной Корее не по своей воле.

В Японии проживает примерно семьсот тысяч корейцев. Абсолютное большинство — это потомки тех, кого японские власти когда-то привезли для выполнения трудовой повинности. Но даже для тех, кто родился в Японии, говорит только по-японски, носит японское имя, эта страна не стала настоящей родиной. Корейцы ощущают себя дискриминируемым меньшинством. Среди них немало тех, кто поддерживает КНДР как страну, где корейцы могут чувствовать себя хозяевами собственной судьбы.

А некоторых корейцев принуждают помогать Пхеньяну. По данным полиции, из Японии исчезло некоторое количество корейцев, которые вовсе не собирались бросать свои дома, семьи, налаженную жизнь. Куда они исчезли, стало ясно, когда один из живущих в Японии признался на допросе в полиции, что по заданию Пхеньяна заманил своего приятеля на побережье, где того тайно посадили на скоростной катер и вывезли в Северную Корею.

Через несколько лет, когда Ким Хен Хи начнет давать показания, выяснится, зачем японских корейцев переправляли в КНДР: северокорейской разведке нужны были инструкторы с аутентичным знанием японского языка и современных японских реалий. Весной 1991 года Ким Хен Хи из шестнадцати фотографий, присланных Главным полицейским управлением Японии, безошибочно выберет одну и опознает на ней свою бывшую учительницу из учебного лагеря северокорейской разведки.

Я был в Японии в это время, и коллеги показали мне токийский бар, где работала эта женщина до того, как ее похитили. Эта молодая кореянка в один из июльских дней 1978 года отправилась на работу и исчезла, оставив дома двоих детей.

По словам Ким Хен Хи, ее учительница часто плакала, когда ее не видели другие инструкторы, и говорила, что мечтает вернуться домой к детям.

Ким Хен Хи и Ким Сун Иль готовили к выполнению их миссии несколько лет. Осенью 1987 года в Пхеньяне решили: пора!

Радиоприемник и бутылка виски

12 ноября они вылетели из Пхеньяна в Москву. Им предстоял долгий путь. Прежде всего следовало из Северной Кореи, изолировавшей себя от остального мира, попасть на Запад. Самым удобным маршрутом был признан рейс Пхеньян—Восточный Берлин.

В Москве «отец» и «дочь» покинули самолет и провели несколько часов в посольстве КНДР. Из Москвы они полетели не в столицу ГДР, а в Будапешт, который сочли наиболее подходящим местом для акклиматизации в абсолютно чужом для них мире. 18 ноября на машине их перевезли через границу в Австрию. В машину они сели гражданами социалистической КНДР, а вышли подданными японского императора. Дальше они путешествовали как отец и дочь Хатия.

В Вене, ничем не выделяясь среди множества японских туристов, они купили тур по странам Ближнего Востока. Им предстояло побывать в Багдаде, Абу-Даби, Аммане... Маршрут составлен так, что двухчасовой отрезок пути из столицы Ирака в столицу Объединенных Арабских Эмиратов им предстоит проделать на самолете южнокорейской авиакомпании, выполняющем рейс номер 858.

23 ноября они вылетели в Югославию. Последние приготовления перед решающим днем. В Белграде, в гостинице «Метрополитен», расскажет позднее Ким Хен Хи, сотрудники местной резидентуры северокорейской разведки передали новоявленным отцу и дочери изготовленные по индивидуальному заказу радиоприемник с будильником и бутылку виски. Предметы, не вызывающие ни у таможни, ни у службы безопасности особого интереса. Еще через пять дней они отправились в Багдад, чтобы сесть на южнокорейский «боинг», вылетающий в Абу-Даби.

В багдадском аэропорту у Ким Сун Иля в зоне спецконтроля вытащили из приемника батарейки, объяснив, что вернут их после полета — таковы правила безопасности. Уже перед самой поездкой другой охранник тоже проявил интерес к приемнику Кима. Станным образом батарейки оказались на месте — Ким вставил новый комплект, но это никого не беспокоило. Ким включил при-

емник, демонстрируя полнейшую невинность своей техники. Охранник махнул рукой и пропустил пожилого японца в самолет.

Двумя часами позже отец и дочь сошли в Абу-Даби. «Боинг» полетел дальше. Ким Сун Иль и Ким Хен Хи должны были выйти из аэропорта и в тот же день покинуть Объединенные Арабские Эмираты. Но в Абу-Даби их везение кончилось.

Как ни тщательно готовилась эта операция, их руководители совершили элементарный промах. Отец и дочь не могли выйти в город, потому что у них не было виз. Им пришлось другим рейсом лететь в Бахрейн. Они прибыли туда примерно в тот момент, когда рейс номер 858 южнокорейской авиакомпании прервался. «Боинг» со ста пятнадцатью пассажирами на борту взорвался где-то между Бирмой и Таиландом.

Для того чтобы уничтожить пассажирский самолет, хватило трехсот пятидесяти граммов спрятанной в радиоприемнике пластиковой взрывчатки С-4, которую трудно обнаружить обычным детектором, и жидкой взрывчатки, залитой в бутылку из-под виски. Ким Сун Иль, который устанавливал взрыватель с часовым механизмом, дал себе и напарнице фору в девять часов, чтобы исчезнуть. Но через девять часов, когда самолет взорвался, они все еще были в Бахрейне, далеко от своих.

«Мальборо» опасно для жизни

Интерпол и полиция тех стран, через которые пролегал маршрут взорванного «боинга», принялись первым делом изучать списки пассажиров. Те, кто заблаговременно сошел с самолета, немедленно оказались в списке подозреваемых.

«Японцев» нашли в здании аэропорта. Когда к ним подошли полицейские, опытный Ким Сун Иль все понял. Он попросил «дочку» дать ему закурить. Она вытащила из сумочки пачку «Мальборо». Полицейские не знали, кого они задержали, поэтому не позаботились обыскать «японцев» и проверить их вещи.

Ким Сун Иль спокойно взял сигарету, но не закурил, а раскусил ампулу с цианистым калием, которую в Пхеньяне предусмотрительно засунули в табак, и рухнул на пол.

Ким Хен Хи тоже вытащила сигарету, но не успела последовать за своим старшим товарищем — полицейские наконец сообразили, что им следует делать. Впрочем, Ким Хен Хи, возможно, и не спешила покончить счеты с жизнью. Вообще, судя по ее дальнейшему поведению, руководители северокорейской разведки сделали неверный выбор.

Сомнения в подлинности ее японского паспорта возникли сразу, поэтому Ким Хен Хи отправили не в Японию, а сразу в Южную Корею, где полным ходом шло расследование обстоятельств гибели пассажирского лайнера.

Она заговорила на девятый день, выложила все, что знала. Еще через полмесяца ей устроили пресс-конференцию. Заплаканная террористка рассказала, что самолет взорвали с целью дестабилизировать положение в Южной Корее и заставить мировое сообщество отказаться от участия в приближавшейся Сеульской олимпиаде 1988 года.

Уничтожение пассажирского «боинга» стало самым крупным и кровавым терактом после взрыва в Рангуне четыремя годами ранее.

Признания Ким Хен Хи, уверяли меня тогда южнокорейские журналисты, не были результатом изощренной техники сеульских следователей. Эта молодая женщина, которая уже не выполнила приказ своих начальников — в случае ареста пскончить с собой, — хотела избежать тюрьмы. Она предпочла длительному тюремному заключению возможность насладиться красивой жизнью, которую сотрудники Агентства национальной безопасности показывали ей из окон автомобиля, кружившего по Сеулу.

Обе стороны выполнили свои обязательства. Ким Хен Хи помиловали. Она не единственный прощенный северокорейский агент. К тем, кто признает свою вину перед Южной Кореей и согласится публично покаяться, относятся со снисхождением, как к жертвам промывания мозгов в коммунистическом Пхеньяне.

В 1968 году отряд северокорейских агентов предпринял самоубийственную атаку на Голубой дом — резиденцию южнокорейского президента в Сеуле. Они успели застрелить тридцать четыре человека и сами погибли — кроме одного, который покаялся, все рассказал, заслужил прощение и стал процветающим бизнесменом и набожным христианином. Северокорейские пилоты, перелетавшие на Юг, не только получали крупную сумму денег, но и сразу же зачислялись в южнокорейскую армию в более высоком звании, чем у них было.

Подрывник ошибается один раз

Осень 1983 года была полна трагических событий для Республики Корея. Ранним утром 1 сентября 1983 года советский самолет-перехватчик «Су-15» двумя ракетами сбил южнокорейский гражданский самолет «Боинг-747» и все двести шестьдесят девять пассажиров погибли. Мир был потрясен.

А всего через месяц с небольшим по всей стране вновь были приспущены флаги. Ночные клубы, бары и кинотеатры закрылись на три дня. Государственные служащие явились на работу в черных галстуках.

Более миллиона человек пришли на траурную службу в Сеуле. На алтарь, украшенный тысячами желтых и белых хризантем, были установлены семнадцать урн. Перед каждой — фотография погибшего. Четверо были министрами южнокорейского правительства. Они погибли в Рангуне (ныне Янгон), столице Бирмы (ныне Мьянма), куда прибыла южнокорейская официальная делегация, совершавшая большую поездку по региону.

Гостей пригласили на центральную площадь для участия в торжественной церемонии. Опаздывал только глава делегации президент Республики Корея Чон Ду Хван — министр иностранных дел Бирмы заехал за ним слишком поздно. Это и спасло президента Чона.

Под трибуну, где собрались гости, были заложены мины с дистанционным управлением. Подрывник получил задание взорвать их, как только появится президент.

Но Чон Ду Хвана все не было. Наконец подрывник увидел, как подъезжает машина с южнокорейским флажком и из нее выходит человек, издав далеко похожий на Чона. Раздался взрыв.

Но подрывник ошибся. Он принял за президента посла Республики Корея в Бирме. Мины убили семнадцать человек, среди них министра иностранных дел Южной Кореи, который пытался установить какие-то отношения с Севером. Сорок восемь человек были ранены.

Чон Ду Хван прервал поездку и вернулся в Сеул, где назвал руководителей Северной Кореи «самыми бесчеловечными людьми на земле». Южная Корея пользовалась неважной репутацией, поскольку сеульский режим считался диктатурой. Сам президент Чон Ду Хван, бывший генерал-десантник, жестоко подавлял оппозицию. Но тогда все сочувствовали Южной Корее.

Несколько мин не взорвались. Прибывшие на помощь бирманской полиции южнокорейские специалисты уже видели такие взрывные устройства: в июле и августе того же 1983 года две группы террористов из Северной Кореи пытались проникнуть на Юг, но были убиты в перестрелке. У них были такие же взрывные устройства.

Одного из подрывников — корейца — бирманская полиция выследила почти сразу. Он пытался покончить с собой, взорвав гранату, но остался жив. На следующий день в деревне неподалеку от Рангуна обнаружили еще двоих корейских террористов. Они тоже пытались отбиться гранатами. Один был убит (при нем нашли радиопередатчик северокорейского производства), другого обнаружили только на следующее утро. Он успел убить троих бирманских полицейских, но был схвачен.

Охота на президента Чон Ду Хвана продолжалась несколько лет. Еще в 1982 году канадская полиция арестовала нескольких северных корейцев по обвинению в подготовке покушения на Чона во время его визита в Канаду. В 1982—1983 годах южнокорейская служба безопасности поймала восемь северокорейских агентов. Они упорно рвались к Голубому дому — президентской резиденции, помня о том, что в 1974 году их сослуживцам удалось убить если не самого президента Южной

Кореи (тогда им был Пак Чжон Хи), то хотя бы его жену...

А что касается террористки Ким Хен Хи, то она действительно вышла сухой из воды. Она написала три книги, которые изданы на корейском и японском языках, и заработала приличную сумму. В 1998 году она вышла замуж за преуспевающего южнокорейского бизнесмена. На свадебной церемонии со стороны жениха присутствовали многочисленные родственники, со стороны невесты — офицеры спецслужб, которые по-прежнему ее охраняют, понимая, что в Северной Корее она за предательство приговорена к смерти.

Этот печальный опыт северные корейцы явно угли. Они тоже перешли к тактике камикадзе. Сдаваться в плен запрещено.

В июне 1998 года у берегов Южной Кореи обнаружили затонувшую северокорейскую подводную лодку. Когда ее вскрыли, все девять моряков были мертвы — у каждого пулевое ранение в голову. Или они покончили с собой, или их убил командир, чтобы они не сдались врагу. Возможно, подлодка готовилась высадить разведчиков, возможно, она просто совершала поход, сбилась с курса и погибла.

Видимо, в таком духе воспитывают все население Северной Кореи. Некоторое время назад южные корейцы обнаружили в открытом море терпящее бедствие маленькое северокорейское рыболовное судно. В живых оставался один девятнадцатилетний рыбак. Но он наотрез отказывался быть спасенным, угрожал покончить с собой. Он кричал:

— Даже если великий лидер Ким Чен Ир и не узнает, как я погибну, я все равно не брошу лодку, которую мне доверил великий вождь! Стреляйте в меня, я готов к смерти!

Потом, умирающий с голоду и потерявший силы, он все-таки позволил себя подобрать. В порту он отказался отвечать на вопросы и есть. Через несколько часов согласился поесть, но потребовал, чтобы из комнаты убрали телевизор: он не позволит себя испортить капитализмом. Это была последняя линия его обороны...

Глава 23

В СТРАНЕ СЛЕПЫХ И КРИВОЙ — КОРОЛЬ: АСАХАРА И ЕГО СЕКТА «АУМ СИНРИКЁ»

Мир узнал о существовании секты Асахары, когда она устроила химическую атаку в токийском метро. В марте 1995 года они пытались отравить пассажиров метро боевым газом зарин.

Химический завод

Боевые отравляющие вещества были применены сразу на шестнадцати станциях токийского метро в понедельник, 20 марта 1995 года, примерно в восемь часов утра, в час пик. Десять человек погибли, более девяти-сот отравили в больницы, около ста — в очень тяжелом состоянии.

Это была хорошо продуманная и подготовленная операция. Для своей акции террористы выбрали утреннее, самое оживленное время, час пик, когда в токийское метро невозможно втиснуться. И контейнеры с отравляющими веществами были установлены в поездах, которые шли к центру, так, чтобы максимальный выброс ядовитых газов произошел на узловых станциях, где толпы пассажиров пересекаются с одной линии на другую.

Террористы в основном использовали боевой отравляющий газ зарин, на некоторых станциях был пущен в ход горчичный газ — иприт, а также ацетонитрил, который, возможно, был использован просто в качестве растворителя для транспортировки зарина.

Но террористы просчитались. События развивались не по их сценарию, служащие метро, полиция, служба скорой помощи действовали с японской быстротой и организованностью. Столица не была парализована, но страна была в шоке. Японцы еще не становились жертвой таких масштабных террористических акций.

Японцы возмущались беспечностью полиции и спецслужб: почему они вовремя не распознали в секте Асахары настоящих террористов? А ведь у японской полиции

были основания предполагать, что нечто подобное может произойти!..

За год до химической атаки в метро житель одного из небольших городков позвонил в полицию и сказал, что ему очень плохо и он ощущает странный запах. В течение нескольких часов двести человек из этой округи были госпитализированы с одинаковыми симптомами. Они стали жертвами боевого отравляющего вещества зарин. Семь человек умерли.

Через несколько недель на сходные симптомы пожаловались люди в одной горной деревушке. Сами же пострадавшие просили проверить членов секты «Аум синрикё», которые расположились по соседству. Кого-то из них даже видели в противогазах. Вокруг дома, где жили люди из «Аум синрикё», на деревьях — в разгар лета! — пожухли листья. Но полиция даже не потрудилась взять образцы почвы. Потом выяснится, что именно в этом доме «Аум синрикё» устроила настоящий химический завод.

В начале марта 1995 года пассажиры электрички, которая шла из Токио в Йокогаму, пожаловались на симптомы отравления, вызвали «скорую помощь». Через десять дней на станции токийского метро, которая находится рядом с правительственным кварталом, были найдены три чемоданчика со странным содержимым — какая-то жидкость, батарейки, непонятное устройство.

Более опытные сыщики уже сообразили бы, что готовится крупный террористический акт. Но «Аум синрикё» везло — сектой занимались несообразительные полицейские.

Через две недели Асахара нанес свой главный удар.

За последние полвека создался образ прекрасной страны Японии — бесконечно трудолюбивой, достигшей фантастических успехов, страны, которую миновали беды и проблемы других государств. Мы воспринимаем Японию как страну, живущую в иной цивилизации, где все разумно устроено, чудесно организовано, где существует красивая и совершенно безопасная жизнь.

В эту картину совсем не вписывается массовое убийство в токийском метро.

Как впасть в нирвану?

Секта «Аум синрикё» называется буддийской, но она далека от подлинного буддизма. Это причудливое сочетание индуизма, йоги, мистицизма и культа самого Асахары.

Его подлинное имя Тидзуо Мацумото. Его отец работал на фабрике по производству татами, соломенных матрасов. У мальчика с детства были серьезные проблемы со зрением, поэтому его послали в школу для слепых, где полуслепой юноша стал лидером. В стране слепых и кривой — король...

Он изучал акупунктуру и хотел поступить в медицинский институт в Токио. Его не приняли, потому что был огромный конкурс — в Японии поступить в высшее учебное заведение вообще очень трудно. Для молодого человека это был удар.

Он стал продавать лечебные травы. Его арестовали за нарушение правил торговли. Это тоже не улучшило его отношения к властям. В 1986 году он совершил путешествие в Гималаи и, вернувшись, заявил, что достиг нирваны, что он наделен способностью преодолевать силу гравитации и одной силой воли способен подняться в воздух на несколько секунд.

Вокруг него стали собираться люди, которых он обещал научить предвидеть будущее, читать мысли других людей. Как ни странно, желающих оказалось немало.

В конце 80-х его секта была зарегистрирована. Он учил несколько тысяч поклонников чему-то вроде йоги. Они пили чай, заваренный на его волосах, а воду после его мытья использовали для приготовления пищи. Члены секты передавали свое имущество и деньги секте. Чем больше отдал, тем более высоким было положение внутри секты.

Членов секты заставляли принимать ледяные ванны, есть испорченную пищу и подвергали электрическому шоку, чтобы подготовить к трудностям жизни.

Секта действовала в рамках закона, пока по приказу Асахары его подручные не убили целую семью — адвоката Цуцуми Сакатомо, его жену и годовалого сына. Адво-

кат пытался помочь некоторым членам секты уйти от Асахары.

Высшие руководители секты побывали у хирурга, который срезал им кожу на кончиках пальцев, чтобы они не оставляли отпечатков. Убийство адвоката было лишь первым преступлением, пробой сил, и они хотели обезопасить себя на будущее. Если нет отпечатков пальцев, полиция ни в чем не сможет их обвинить.

В феврале 1990 года Асахара и еще двадцать четыре члена секты выставили свои кандидатуры на выборах в парламент. Все проиграли. Обиженный Асахара заявил, что выборы нечестные. Теперь у него уже был не один какой-то враг, врагом стало само государство.

Асахара сказал, что надо готовиться к обороне против государства и запастись оружием. Он предупредил, что в 1997 году наступит конец мира в результате ядерной войны между Соединенными Штатами и Японией.

Владеть оружием члены секты учились на полигонах российской армии. Впервые Асахара приехал в Россию в 1992 году в сопровождении двухсот учеников. Асахара подружился с бывшим секретарем Совета безопасности, бывшим первым вице-премьером Олегом Лобовым, который был очень близок к Ельцину.

По приказу бывшего в то время министром обороны Павла Грачева три группы боевиков «Аум синрикё» прошли короткий курс боевой подготовки в Таманской и Кантемировской дивизиях...

«Голубой № 1»

Ходили слухи, что и технологию производства боевых отравляющих веществ преступники получили из России. Нужды в этом не было. Как делать химическое оружие, в Японии знают давно.

В годы Второй мировой войны Японская империя была единственной страной, которая в нарушение Женевского протокола от 17 июня 1925 года «О запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных

газов и бактериологических средств» пустила в ход химическое оружие.

Только вспоминают об этом нечасто, потому что Япония не посмела использовать химическое оружие против американцев или англичан. Японская императорская армия применяла отравляющие газы в войне с Китаем, который в 30-е годы оккупировала шаг за шагом.

Приказ о создании химического оружия был отдан в 1919 году, когда японские войска высадились на российском Дальнем Востоке. Боевыми отравляющими веществами заряжали авиабомбы, артиллерийские снаряды, мины и канистры — для распыления с воздуха.

На вооружении японской армии находилось десять видов боевых отравляющих веществ. Все они хорошо известны — фосген, иприт и другие. Японские ученые присвоили им свои наименования: «голубой № 1», «желтый № 1А», «белый № 1»...

В 1933 году, сразу после прихода нацистов к власти, Япония тайно закупила у Германии оборудование для производства иприта и производила газ в префектуре Хиросима.

Применением химического оружия занимался специальный отряд № 516. Он тесно сотрудничал с другим отрядом — № 731, который более известен — он занимался созданием бактериологического оружия и испытывал его на живых людях.

Отряд № 516 разместился в Китае, в Маньчжурии. Боевые отравляющие вещества испытывались на военнопленных и просто на китайских крестьянах, которых ловила жандармерия. В отряде была своя газовая камера. Для полевых испытаний выезжали на полигон: там людей привязывали к деревянным столбам и обстреливали химическими снарядами.

С 1937-го по 1945 год японская армия периодически применяла отравляющие вещества против китайцев. Погибли тысячи человек. Жертв могло быть больше, но химическое оружие оказалось не очень эффективным.

К 1945 году на армейских и флотских складах хранилось 4900 тонн боевых отравляющих веществ — 118 тысяч снарядов и 574 тысячи канистр для распыления химического оружия.

В августе 1945-го, сразу же после капитуляции, был отдан приказ сжечь всю документацию, относящуюся к химическому оружию, и уничтожить сами вещества. Канистры вывозили на лодках в море и топили. Со временем канистры проржавели, и хранившиеся в них вещества стали причиной смерти нескольких японцев. В основном пострадали рыбаки, которые вылавливали канистры сетями, и строительные рабочие, натывавшиеся на снаряды при рытье котлованов и кладке фундамента.

А некоторые японские специалисты сомневаются и по сей день: все ли отравляющие вещества были тогда уничтожены? Не попали ли они в руки поклонников Асахары? Но изготовить элементарное химическое оружие при современной технологии не так трудно.

Где живут японские чекисты?

Японское ведомство государственной безопасности еще более таинственное, чем в других странах. У него нет вывески, и оно прячется в огромном здании министерства юстиции.

Его сотрудникам запрещено носить оружие. Они никого не имеют права арестовать. Они могут только следить за теми, кто представляет опасность для государства. Если дело дойдет до арестов и обысков, сотрудники госбезопасности обратятся за помощью к полиции.

Только одно объединяет их с сотрудниками российской Федеральной службы безопасности или американского Федерального бюро расследований. Они избегают теле- и фотокамер. Они не хотят, чтобы их знали в лицо.

Ведомство государственной безопасности было создано в 1952 году и называется так: Бюро расследований общественной безопасности. В японском уголовном кодексе нет статьи, карающей за шпионаж. Япония — рай для шпионов.

Иностранцев, уличенных в шпионаже, высылают. А со своими им еще труднее. Гражданских вовсе не за что судить. Офицеров сил самообороны, которые работают на иностранную разведку, судят за служебные нарушения.

Трех офицеров, которые были агентами советской разведки, приговорили к двум годам тюремного заключения.

Бюро расследований занимается террористами и подрывными организациями. От террористов, которые доставили массу неприятностей в конце 60-х — начале 70-х годов, остались единицы.

Самое крупное дело японской госбезопасности последнего времени — это дело буддийской секты «Аум синрикё», которая готовилась совершить в Японии государственный переворот и которая устроила свою базу в России.

Но секта, которая, казалось, практически уничтожена после активных рейдов полиции, арестов, вновь оживает. После химической атаки в токийском метро полиция арестовала четыреста двадцать семь активистов «Аум синрикё». Почти всех выпустили, большинство из них вернулись в секту. Они по-прежнему поклоняются Асахаре и вербуют новобранцев.

Секта формирует в разных концах страны новые коммуны, построенные на культе Асахары и жесточайшей дисциплине. При вознесении молитв используется наркотик ЛСД. Провинившихся или желающих убежать запирают в подвал и подвергают пыткам. В секту легко вступить, но почти невозможно ее покинуть.

В лучшие времена в «Аум синрикё» состояло двенадцать тысяч человек. Сейчас максимум полторы тысячи. После ареста Асахары и его ближайшего окружения секте не хватает харизматического лидера. Как только кого-то из них выпустят из тюрьмы, жизнь в секте преобразится. Временно обязанности лидера исполняет его дочь Рика.

Главная задача секты — зарабатывать деньги. Эти люди продают разные вещи — печенье, которое пекут сами, украшения с портретом Асахары и знаменитые телепатические наушники, которые будто бы настраивают их обладателя на волну, излучаемую мозгом Асахары.

Но главный источник денег секты — компьютерный бизнес. Секта владеет шестью крупными компьютерными магазинами в Токио. Товарооборот — четыре миллиарда иен. Продавцы в этих магазинах очень вежливы, но не любят, когда их спрашивают, действительно ли они при-

надлежат к секте «Аум синрикё». Излишне настойчивых журналистов могут и с лестницы спустить.

Некоторые покупатели знают, кому принадлежит магазин, но все равно приходят сюда, потому что здесь все товары продают вдвое дешевле, чем в других местах.

Многие японцы и по сей день боятся открыто говорить об «Аум синрикё», опасаясь этих людей. Они не верят, что полиция способна справиться с сектой.

Распустить секту «Аум синрикё» и добиться ее запрещения японскому ведомству госбезопасности не удалось. Комиссия при премьер-министре Японии решила, что «Аум синрикё» имеет право на существование.

Есть молодые члены секты, которые говорят, что, если Асахара прикажет им повторить химическую атаку и убить тех, кто заслуживает смерти, они это сделают.

Рядом со знаменитой горой Фудзи по-прежнему находится химический завод, который использовался «Аум синрикё» для производства отравляющих газов. Правительство не может найти денег, чтобы его уничтожить.

Отрезанные уши

Когда мир узнал о химической атаке в токийском метро, всех занимал один вопрос: почему именно в Японии сформировалась целая организация, которая сочла возможным пустить в ход химическое оружие, оружие массового поражения?

В истории непростых взаимоотношений Японии с внешним миром были периоды, когда японцев обвиняли во всех смертных грехах, в прирожденной жестокости, в том, что презрение к жизни у них в крови, в том, что они бесчувственны к страданиям, в том, что они могут смеяться, слыша предсмертные стоны ребенка.

О японцах писали, например, так: «Японцы находят удовольствие в жестокости, кровопролитии. Жажда крови у японцев не ограничивается их восхищением убийствами в политических или патриотических целях».

Я никогда не смогу забыть, — писал один английский профессор, — массовых убийств беззащитных корейцев после страшного японского землетрясения 1923 года».

В Японии возник слух, что корейцы намеревались, воспользовавшись разрухой после землетрясения, совершить нападение на Японию. Как могли корейцы осуществить это нападение — оставалось тайной, когда у них не было даже судов, чтобы доплыть до Японии. Корея была колонией Японии. Но слухи распространялись, и японцы, которые жили в Корее, вооружились мечами и отправились убивать каждого — мужчин, женщин, детей, кто не мог доказать своего японского происхождения.

Погромщики появились, держа в руках обнаженные самурайские мечи, на которых была кровь. Они были пьяны жадой крови. Они повторяли, что «корейцы уже совершили нападение на Японию, что корейцы виноваты в землетрясении». Не менее восьми тысяч корейцев было убито. «Такова психология современных японцев», — писал в 30-е годы английский профессор.

В годы Второй мировой войны японские солдаты совершали зверства, сравнимые с преступлениями нацистов. Особенно жестоки японцы были на оккупированных территориях, прежде всего в Китае. Они закалывали штыками жителей целых деревень, расстреливали мирных людей из пулеметов, отрубали пленным головы самурайскими мечами.

И это далеко не первый случай в истории, когда японцы неожиданно проявляют какую-то невиданную жестокость и безразличие к человеческой жизни.

Японские солдаты в годы Второй мировой войны по части зверств на оккупированных территориях не уступали немецким фашистам.

Один из ветеранов британской армии вспоминал, что жителям северных деревень в Бирме японцы платили за каждое ухо убитого ими англичанина:

— Крестьяне, увидев нас, стреляли, каждому убитому и раненому отрезали ухо. Отрезанные уши они нанизывали на бамбуковую палочку. Когда набиралось достаточное количество ушей, бирманцы отправлялись в японский штаб за деньгами.

Неужели и в самом деле в японцах есть что-то, что делает их в определенных условиях жестокими и безжалостными?

Чем иначе можно объяснить особую жестокость, проявленную японцами в годы Второй мировой войны? Особенно опыты, проводившиеся японскими военными врачами на живых людях?

А как объяснить фантастическую безжалостность японских террористов из «Объединенной Красной армии» и секты Асахары? Способность причинять зло, не испытывая страдания, сочувствия и раскаяния, помноженная на психологию камикадзе, на готовность погибнуть вместе с врагами, дала взрывоопасную смесь. Но на Дальнем Востоке не было условий для масштабного терроризма. Зато опыт японских камикадзе был учтен и использован на Ближнем Востоке.

Часть шестая

ЗЕЛЕНОЕ ЗНАМЯ ДЖИХАДА

Глава 24

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВОЙНЫ

Разделение христианского мира на католиков, протестантов и православных произошло много веков назад. Но до сих пор разногласия между ними не преодолены. Люди, не посвященные в теологические тонкости, не понимают, почему продолжается давний спор христиан между собой.

Лютеране, мормоны, методисты, пресвитериане, баптисты с трудом признают друг друга. Но если все они верят в Иисуса Христа, то почему возносят молитву ему в разных храмах? И отчего христианские конфессии относятся друг к другу, мягко говоря, недружелюбно?

Есть люди, которые пытаются сблизить христиан, помочь им преодолеть это разделение. Движение к диалогу христианских религий называется экуменизмом.

Тоска по единству

Экуменическое движение появилось в начале XX века, но прогресса за истекшее столетие добилось небольшого. Экуменическое движение стало заметным после Второго Ватиканского Собора, который закончился обоюдным снятием анафем, провозглашенных в XI веке римской и константинопольской церквями.

Главной темой Второго Ватиканского Собора, созванного папой Иоанном XXIII в 1959 году и завершенного папой Павлом VI в 1965-м, стала «неоспоримо глубокая тоска по единству» христианства.

Вопрос о диалоге христианских церквей давно волнует многих священнослужителей и верующих. Они понимают, что пора ликвидировать разногласия внутри христианства, покончить с эрой фанатизма и конфликтов.

Современные теологи говорят, что любая религиозная нетерпимость — это грех. Нетерпимость разрушает возможность какой бы то ни было веры. Каждый верующий сам определяет свое отношение к Иисусу Христу и не может навязывать его другим. Теперь даже говорят, что религий не столько, сколько существует вероисповеданий и конфессий, а столько, сколько существует верующих людей.

Мы видим колоссальное многообразие разного рода промежуточных форм и видов религиозной веры. Мы видим религиозный плюрализм в рамках одной и той же церкви.

Скажем, в англиканской церкви сочетаются элементы католицизма и протестантства. Протестантская церковь давно занялась тем, что можно назвать переводом Евангелия на язык сегодняшнего дня. Приспосабливая религию к изменившимся историческим условиям, протестантские теологи меняют методы и формы деятельности церкви.

Современные люди создают себе такого Бога, который удовлетворяет их желаниям и потребностям. Они хотят иметь современного Бога современной эпохи.

В прошлые века христиане разных исповеданий стремились прежде всего доказать, что они правы. Теперь сторонники экуменизма есть во всех церквях.

Но на практике церкви не торопятся пойти навстречу друг другу. Скажем, некоторые иерархи Русской православной церкви считают экуменизм лжеучением. Они считают, что есть истинные и ошибочные вероисповедания и их нельзя смешивать.

Вот уже сколько лет не могут встретиться российский патриарх Алексей II и глава католической церкви папа римский Иоанн Павел II. Это была бы встреча двух

церквей, которые разошлись почти тысячу лет назад, в 1054 году. Но Священный синод Русской православной церкви считает встречу с папой римским несвоевременной — по причине миссионерской деятельности католиков в России.

Русская православная церковь очень обеспокоена тем, что в Россию приезжают посланцы других церквей, умелые проповедники, послушать которых приходит множество людей. «Иностранному» Богу у нас не рады, хотя совсем непонятно, как Бог может быть иностранцем.

Завершится ли когда-нибудь вечный спор различных церквей и религий? Не похоже. Спор о том, чья вера старше и правительнее, неразрешим в принципе.

Так что отношение к экуменизму есть вопрос скорее политический, чем религиозный. Неприятие экуменизма обычно отражает стремление отгородиться от мира. Это проявление ксенофобии, страха перед миром.

Есть, конечно, еще и узкие интересы разбухшего бюрократического аппарата разных церквей. Аппарат заботится о собственном благополучии и совсем не по-христиански выбивает себе льготы и привилегии. Не у Бога, так у государства.

Говорить об организационном единстве церквей не приходится. Это едва ли возможно в ближайшее столетие. Но примириться друг с другом христианские церкви в состоянии. Тем более, что такое примирение будет иметь политическое значение, ослабит и накал межгосударственных противоречий.

Католики и протестанты в Ольстере

В 1969 году британское правительство ввело войска в Ольстер, северную часть Ирландии, которая осталась частью Великобритании. В Северной Ирландии католики и протестанты ведут между собой настоящую войну.

Семена этой войны были посеяны еще в XVII веке. Война и чума выкосили половину ирландского населения, и земля ирландских католиков в Ольстере досталась протестантам.

Католики ненавидят протестантов и мечтают выйти из состава Великобритании и присоединиться к католической Ирландии. Протестанты хотят остаться в составе Великобритании. Они составляют большинство в Северной Ирландии. Католики в меньшинстве.

Вероятность того, что католики добьются своего на выборах или на референдуме, практически равна нулю. Поэтому выяснение отношений между представителями двух религий быстро переросло в террор. Католики-экстремисты создали террористическую организацию Ирландская республиканская армия. На счету террористов сотни убийств.

Британское правительство ввело в Северную Ирландию армию — в помощь полиции, которая не справлялась. Боевиками занялись великолепно обученные специалисты по борьбе с террористами. Боевики ИРА действуют изо щренно, тщательно готовят свои операции и очень осторожны. Тем не менее несколько человек погибло при странных обстоятельствах. Знающие люди уверяют, что британские спецслужбы могут записать их на свой счет.

Но армия и спецслужбы не могут ни остановить насилие, ни заставить католиков отказаться от мысли выйти из состава Великобритании. Уже после ввода войск в Северной Ирландии погибло три с половиной тысячи человек... Периодически в Лондоне звучат взрывы. Это означает, что, несмотря на все меры безопасности, англичане практически беззащитны перед террористами.

Англичанам не удалось перекрыть каналы поставки оружия для Ирландской республиканской армии. У воинственных католиков нашлись сторонники и поклонники по всему миру, которые поставляют им оружие и снабжают их деньгами.

Двадцать лет назад Ирландская республиканская армия просто вербовала самых жестоких своих сторонников, давала им оружие и взрывчатку и отправляла на операцию.

Теперь британские специальные службы внимательно следят за всеми известными активистами армии в Северной Ирландии, и если кто-то вдруг исчезает, значит, он

готовится к какой-то акции, и его начинают искать по всей Англии с удвоенной энергией.

Поэтому теперь руководители армии подбирают людей, которые никому не известны и ни в чем не подозреваются.

Новое поколение террористов из Ирландской республиканской армии — молодые ребята с чистым прошлым, не имевшие неприятностей с полицией. Юношей вовлекают сначала в политические дискуссии, приглашают на митинги и встречи. Затем предлагают совершить что-нибудь полезное для организации.

Ирландские террористы легко вербуют молодежь. Эти молодые люди охотно поддаются внушению и считают, что сражаются за благородное дело. Но на самом деле мало что знают и плохо понимают, что происходит.

Вступление в секретную организацию возвышает молодого человека над сверстниками. Он получает доступ к оружию, взрывчатке, он общается с таинственными и могущественными людьми.

Среди террористов есть профессионалы-вербовщики. Они говорят:

— Я могу войти в комнату, где сидят сорок человек, и сразу же вижу того, с кем можно договариваться.

Часто это наивные, романтически настроенные люди, которые не интересуются обычной жизнью, карьерой и семьей.

Такому парню внушают, что он принадлежит к элите нации, к касте избранных, к числу тех, кому предназначено добиться великой цели. После небольшой подготовки его просят переселиться в Англию, обосноваться там и ждать приказа. А менее ценных новичков Ирландская республиканская армия отправляет грабить банки, чтобы добывать деньги.

Англичане недоумевают, почему правительство не поручит своим спецслужбам любыми путями покончить с террористами из Ирландской республиканской армии?

Но все дело в том, что основные базы террористов находятся не в Великобритании, а на территории другого государства — Ирландии. Англия не может позволить себе засылать части специального назначения в другую стра-

ну. Тем более, что все последние годы ирландское правительство демонстрирует готовность помогать Англии бороться с террором.

Есть и другие причины.

Если английские десантники без суда и следствия просто начнут стрелять в подозреваемых на улицах городов, разразится скандал. Сейчас террористы из Ирландской республиканской армии изолированы, их мало кто поддерживает. Но если правительство попытается действовать незаконными методами, очень многие люди начнут террористам помогать.

Кроме того, Англия сразу утратит моральное право преследовать террористов, если уподобится им в выборе методов и средств. Англичане выбрали такую тактику. Спецслужбы охотятся за боевиками. Политики пытаются вести переговоры с теми, кто сам не стреляет и не взрывает.

Христианство и ислам

Ситуация в мире такова, что впору говорить и о суперэкуменизме — диалоге христианства с нехристианскими религиями. Неформальный диалог между мировыми религиями идет уже давно. Никакого единства он не предполагает, но жизненно необходимо устранение ошибочных мнений друг о друге.

Это тоже отнюдь не чисто религиозный вопрос. Диалог христиан с мусульманами важен для России как внутриполитическая проблема, поскольку среди россиян много людей, исповедующих ислам. И это вопрос внешнеполитический, потому что южные соседи России — это в основном исламские государства.

Религиозная окраска придает многим конфликтам ожесточенный, непримиримый, фанатичный характер. Это происходит, скажем, на Ближнем Востоке. Войну с Израилем многие арабские страны считают войной ислама против всей христианской цивилизации.

Палестинец с Западного берега реки Иордан Салех Абдел Рахим записал на видеокамеру свое обращение:

«Молодые люди любят джихад и готовы умереть во имя Аллаха». После этого он взорвал себя в автобусе в Тель-Авиве, вместе с ним погибло двадцать два человека.

И афганские талибы вместе с Осамой бен Ладеном тоже воспринимают себя прежде всего как воинов Аллаха.

На территории бывшей Югославии три враждующие стороны представляли разные религии — православие, католицизм и мусульманство. Войны в бывшей Югославии отнюдь не были религиозными, как это пытались представить, но религиозные различия сделали эти войны еще более кровавыми.

Некоторые специалисты говорят о том, что современный международный терроризм есть крайнее проявление конфликта цивилизаций. Поэтому столкновения в Чечне, на Ближнем Востоке, в Афганистане приняли такой ожесточенный характер, и им конца-краю не видно.

Охваченные религиозной истерией индуисты нападают на мечети и мусульман в Индии. Члены японской секты «Аум синрикё» травят газом людей в токийском метро. Исламисты в Алжире поджигают школы и перерезают горло девочкам, которые не одеваются так, как того требуют фундаменталисты.

Бывший пресвитерианский священник Пол Хилл убил врача, который работал в американском штате Флорида в клинике, где делались аборты. Дэвид Трош, католический священник, которому епископы запретили служить, разослал примерно тысяче человек письмо с предупреждением: «Скоро наступит день, когда начнется массовое уничтожение тех, кто делает аборты».

Религиозные войны стары как мир и как сама религия. Христианство печально прославилось Крестовыми походами.

Но походы армий под религиозными знаменами — это одно, а индивидуальный террор во имя Бога — это нечто иное.

Фанатично верующие люди находят в религии теоретическое обоснование для того, чтобы убивать других людей. Теологи часто пытаются доказать, что священные книги исключают право на убийство в мирное вре-

мя, но террористы, видимо, незнакомы с трудами этих теологов.

После падения халифата в 1922 году, когда был свергнут последний султан Османской империи, мусульмане лишились своего духовного центра, сравнимого со значением Ватикана для католиков. С тех пор при желании любая группа мусульманских теологов может вычитать в Коране нечто напоминающее смертный приговор своим врагам.

Коран — основной источник исламского вероучения — внутренне противоречив. Сторонники противоположных точек зрения с одинаковым успехом находят в Коране (как и христиане в Библии) доказательства своей правоты. Зато неоднородность ислама помогла ему выжить в условиях меняющегося мира.

Когда члены «Хезболла» погибают в борьбе с израильянами в южной части Ливана, их соратники выставляют вдоль дороги огромные портреты «мучеников», пребывающих в раю — среди цветов и водопадов.

Глава 25

ВСЕМИРНАЯ ИСЛАМСКАЯ СОЛИДАРНОСТЬ

В исламском мире не любят, когда задевают единоверцев. После вторжения советских войск в Афганистан Москва не очень популярна среди мусульман. Война в Чечне тоже многими была воспринята как попытка Москвы подавить стремление мусульманского населения к самостоятельности. И события в Чечне — для радикальных кругов в исламском мире — это прежде всего восстание мусульман, которые желают жить по своим законам. Страшные видения единого мусульманского фронта — вдоль внешних границ России — преследуют многих политиков.

Война в Чечне заставила исламскую молодежь в самой России осознать свою принадлежность к мусульманскому миру, почувствовать свое единство со всеми, кто исповедует ислам. Это, говоря сегодняшним языком, новые мусульмане. Причем новое поколение, похоже, выбирает радикальный ислам.

Почти миллиард человек

Можно смело говорить о существовании всемирной исламской солидарности. Ведь ислам не признает границ, ислам безграничен. Любая страна, где исповедуется ислам, является родиной любого мусульманина.

Вот почему исламисты считают возможным и необходимым приходить на помощь единоверцам по всему миру, в том числе в Афганистане или Чечне.

Когда, скажем, в поддержку палестинцев поднимается огромный мусульманский мир, на европейцев и американцев это производит пугающее впечатление.

А мусульманский мир — это почти миллиард человек. В тридцати пяти государствах мусульмане составляют большинство населения. В двадцати восьми странах ислам признан государственной религией.

Сегодня ислам — единственная религия, которая стремительно распространяется по всему миру. Не только на Ближнем Востоке, а в Северной Африке, в бывших советских республиках, в Индии и даже в западной части Китая — везде, где есть мусульмане, ислам вновь стал важной политической силой.

Воинственный ислам проникает и в развитые страны. Европейцев и американцев больше всего пугает то, что исламское население не желает интегрироваться в общество, а живет отдельно, подчиняясь своим законам.

Иногда кажется, что исламский радикализм наступают по всем направлениям, что его главная цель — полностью исламизировать мир.

Подсознательно многие относятся к исламу и исламскому миру как к чему-то чуждому, враждебному и опасному. Но почему это так? Почему именно с радикальным исламом в текущей политической практике связаны негативные эмоции? Почему вообще одна из крупнейших мировых религий воспринимается немусульманским миром с подозрением и даже страхом?

Прежде всего, из-за жестоких и кровавых террористических акций, которые совершаются под исламским знаменем и во имя ислама. Так, во всяком случае, утверждают сами террористы.

Но и сами по себе различия между исламской и христианской цивилизациями весьма значительны. Христианские общества пришли к концепции политической демократии. Исламисты считают единственно разумным всевластие ислама, когда общество подчинено шариату.

Шариат — это комплекс предписаний, которые формируют убеждения, нравственные ценности мусульман и определяют их поведение и образ жизни.

Исламские теологи запрещают есть мороженое мясо, играть в шахматы, слушать эстрадную музыку. Они требуют от женщин носить чадру и вводят телесные наказания, вплоть до отсечения руки вору и избивания камнями за супружескую неверность.

Две модели

Когда говорят об исламском государстве, то представляют себе Иран, Судан или талибский Афганистан. Это теократическое государство, которым управляет духовенство. Такая модель вызывает страх у соседей.

В качестве противовеса рассматривается так называемая турецкая модель, которая поощряет политический плюрализм и рыночную экономику. Иначе говоря, это попытка создать западную демократию в исламском государстве.

Ислам обладает достоинством приспособляемости, потому что он может интерпретироваться различным образом. Ислам в Африке или в Индонезии отличается от арабского или персидского ислама. Может ли ислам существовать в демократической и светской стране?

Еще Османская империя хотела стать частью Европы, но ей этого не позволили. Европа, мыслящая категориями Крестовых походов, так и не признала, что на континенте может существовать исламское государство.

Турки и сегодня считают, что Европейский союз намерен оставаться исключительно христианским клубом. Подозрительность в отношении Турции в немалой степени объясняется прежними военными столкновениями исламского и христианского миров.

Одни турки возмущаются, видя пренебрежение со стороны Европы. Другие смотрят на это холодно-расчетливо. Раз Европа не хочет нас принимать, то Турция может считать себя свободной от необходимости соблюдать европейские правила поведения. Американцы обеспокоены тем, что, если Европа будет отвергать Турцию, там усилится радикальный исламизм, поэтому Америка настаивает на том, чтобы с Турцией, членом НАТО, обращались как с европейским государством.

Кемаль Ататюрк провел на развалинах Османской империи революцию сверху, он модернизировал города, оставив деревню практически без внимания. Это привело к созданию двух культур — сельской, традиционалистской и недоразвитой, и городской, модернистской, развитой. В последние годы турецкие города заполнились выходцами из деревни, это горючий материал, именно эти люди поддерживают исламистов.

Политическая элита должна преодолеть последствия демографического взрыва и повысить уровень жизни значительной части населения. Если это не удастся, турки окончательно разочаруются в нынешней власти. Они повернутся к политическому исламу или пантюркизму. Оба пути ведут отнюдь не в Европу.

В Турции продается журнал «Плейбой», люди ходят в шортах, но это не мешает им пять раз в день возносить молитвы Аллаху.

Ататюрк добился уменьшения влияния ислама в общественной жизни, но за этим не последовали реформы, которые привели бы к модернизации, как это было в Европе, где религия была отделена от государства. Политический ислам в Турции достаточно влиятелен и уступает только армии.

В Турции ислам контролируется государством. Важнейшие проповеди согласовываются с государственным аппаратом.

Турция сама не знает: европейская ли она страна, как того хотел Ататюрк? Или исламская, как того хотят турецкие исламисты, за которых голосует треть избирателей? Или же некий конгломерат и того и другого, пантюркистское образование с европейским фасадом, как считают турецкие националисты?

Турецкие исламисты не похожи на своих радикальных собратьев в Иране, Алжире или Судане. Они не революционеры и не террористы. Они интегрированы в политическую жизнь, как и в Иордании, Ливане, Кувейте и Йемене. Но одна вещь объединяет все исламские страны. Популярность исламистов прямо пропорциональна беспомощности правительства. Это тоже объясняет, почему нет недостатка в религиозных фундаменталистах и политических радикалах.

Мэр одного из турецких городов выступил против того, чтобы турки чистили зубы. Ведь раньше зубные щетки изготавливались из щетины свиньи, нечистого для мусульман животного, и, по его словам, являются «изобретением сионистов в борьбе с исламом». Поэтому он против того, чтобы дети «совали в рот эту дьявольскую штуковину».

Турецкая армия, турецкие генералы считают, что они в силах предотвратить торжество ислама.

Генералы постоянно говорят об опасности религиозной реакции, которая способна расшатать устои светской республики и превратить ее в исламское государство. Но военные вмешиваются в политику только одним способом — совершают военный переворот. После очередного военного переворота исламисты затихают, затем опять переходят в атаку. Они стараются действовать среди студентов и офицеров. Главная задача — проникнуть в армию, которая является опорой светской республики.

Исламисты чувствуют себя разочарованными тем, что им не удастся добиться своего. Постоянно появляются сообщения о том, что фундаменталисты запасаются оружием и готовятся к схваткам. Но армия остается при своем мнении, что Турция не должна превратиться во второй Иран.

Молодая религия?

В христианском мире ислам многими воспринимается как идеология отсталости, как нечто устаревшее, реликт прошлого. Но для самих мусульман ислам — очень современная идеология, которой принадлежит будущее.

Обновляя или вообще отказываясь от неэффективных политических систем, люди ищут альтернативные решения у религии.

Возрождение ислама можно сравнить с европейской реформацией. Исламские страны проходят сейчас путь, который многие христианские государства Запада прошли в XVI—XVII веках, когда люди устанавливали новые отношения с Богом.

Подъем исламизма часто имеет под собой социальную основу. Он усиливается там, где люди недовольны жизнью. Ислам с его идеями равенства и справедливости в современном мире превратился в мощное орудие социального и политического протеста. Чаще всего это не вызов, а ответ.

Исламские идеологи исходят из того, что ислам — это не просто религия, а целая система, включающая и политику, и экономику, и общественную жизнь, программа жизни человечества во всех ее сферах. Для них ислам — это решение любых проблем. Многие исламисты стараются привести религиозные догматы в соответствие с реальностями современной жизни, приспособить ислам к жизни в начале XXI века. Они добиваются создания исламского государства, построенного на принципах шариата.

Исламский фундаментализм — это стремление вернуться к некоему идеальному прошлому. Фундаменталисты отвергают все формы политической демократии и требуют строжайшего подчинения законам шариата. На практике это ведет к религиозному фанатизму, когда культивируется стремление умереть за ислам в борьбе с неверными.

Преимущество исламской культуры перед западной, утверждают исламские теологи, заключается в ее большей духовности. Правда, не очень ясно, в чем это проявляется. Так, советские пропагандисты когда-то утверждали, что социалистическое общество духовно богаче капиталистического.

Инакомыслие в исламском обществе рассматривается как тяжкое преступление или как болезнь. Тюрьмы приравниваются не только к больницам, но и университетам, где заключенные «познают правду об исламе, где они сознаются в своих проступках и раскаиваются».

Наши ваххабиты

С тех пор как на Северном Кавказе появился ваххабизм, ислам стал вызывать особый интерес в нашей стране.

Ваххабизм — это религиозно-политическое течение в суннитском исламе. Оно возникло в Аравии в середине XVIII века на основе учения Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба.

Он говорил о том, что мусульмане отошли от принципов, установленных Аллахом, польстившись на ненужные новшества. Необходимо очистить ислам, вернуться к его изначальным установлениям.

Ранних ваххабитов отличали крайний фанатизм в вопросах веры и экстремизм в борьбе со своими политическими противниками. Ваххабиты призывали к джихаду, священной войне против мусульман, отступивших от принципов раннего ислама.

Ваххабиты есть в странах Персидского залива, в Индии, Индонезии, Восточной и Северной Африке. В Саудовской Аравии ваххабизм — основа официальной идеологии. Поэтому считается, что Саудовская Аравия покровительствует ваххабитам на Кавказе, помогает им.

Говорят, что ваххабизм проник на Северный Кавказ, когда мусульманам разрешили совершать хадж и они стали ездить в Саудовскую Аравию. Потом саудиты сами стали приезжать на Северный Кавказ. Они привозили с собой деньги на строительство мечетей и вооружили один из боевых отрядов, который участвовал в чеченской войне.

Ваххабизм в последние годы стал синонимом террора, экстремизма, радикализма. Ваххабиты воспринимаются как опасные, жестокие люди. В реальности все значительно сложнее. Сами ваххабиты чувствуют себя гонимым меньшинством, на которое хотят свалить чьи-то грехи и преступления.

Большая часть ваххабитов далека от политики. Все, чего они хотят, это иметь возможность исполнять каноны ислама так, как считают нужным.

Ваххабиты — очень религиозные люди, которые жаждут истинного ислама. Они плохо относятся к нынешнему, официальному духовенству — за сотрудничество с властью.

Надо помнить, что мусульманское население России будет быстро расти. Прирост населения в стране происходит как раз за счет мусульман. Проблема тут вовсе не демографическая и не религиозная, а политическая...

Во всем мире, в любой стране, где есть мусульмане, существуют и фундаменталисты, и политически активные исламисты, и просто радикалы, готовые взяться за оружие.

Все началось не сегодня... В Иране произошла исламская революция. В Афганистане моджахеды атаковали советские войска. В Египте исламисты убили президента Садата. По всему миру проявился новый тип политического ислама...

НАСЛЕДНИКИ ВЕЛИКОГО АЯТОЛЛЫ

Исторический эксперимент, поставленный исламской революцией в Иране, продолжается два десятка лет.

Иран — это абсолютно безалкогольное общество. Выпивка приравнена к уголовному преступлению. Страждущим иностранцам предлагают утешиться чаем или даже безалкогольным пивом местного производства.

Вечером за столиками сидят компании молодых людей, которые пьют чай из маленьких стеклянных стаканчиков вприкуску — с белым мелко наколотым сахаром, с желтыми кружочками жженого сахара, с финиками, с лимонами. Курят кальян, который, впрочем, не заменяет обычной сигареты, и часами ведут беседы. Иранцам всегда есть о чем поговорить.

И семейные пикники тоже проходят под чай, лепешки и помидоры. Поскольку закусывать в Иране незачем, то и огурцы перекочевали в разряд фруктов, их подают на десерт вместе с яблоками и апельсинами.

Вырабатывать спиртные напитки, причем только для собственного употребления, разрешено лишь многочисленной армянской общине. Продавать спиртное мусульманам запрещено. Правда, поговаривают, что запреты слабнут, что теперь можно встретить на улице человека, от которого несет перегаром.

Брадобреем здесь делать нечего

Уж не знаю, что тому причиной — безалкогольный образ жизни, климат, полноценная еда или хорошие гены, но мужчины в Иране высокие, крепкие, выглядят очень здоровыми.

Этнически Иран разнороден, собственно персы составляют половину населения.

— Нет, нет, национальных меньшинств у нас нет. Все мы иранцы — и азербайджанцы, и курды, и белуджи, — рассказывал группе российских журналистов глава парламента. — У нас в стране все иранцы, но не все мусульмане. Национальных меньшинств нет, но есть религиозные меньшинства.

В знак уважения к другим религиям конституция позволяет живущим в Иране зороастрийцам, христианам (армянам) и иудеям иметь по одному депутату в парламенте. Ассирийцы и халдеи вместе выбирают одного депутата.

Для теократического государства естественно призвать не этническое, а конфессиональное деление. Но дело не только в этом. Тегеран всегда боялся распада страны, поэтому и не признает этнические меньшинства.

Курды мечтают воссоединиться со своими братьями, разделенными между четырьмя государствами. Москва после войны пыталась присоединить к советскому Азербайджану иранский. В Тегеране опасаются, что арабы, живущие в провинции Хузестан на юге страны, могут поддаться арабскому национализму, который проповедует соседний Ирак. А белуджи (в Иране их примерно миллион) захотят объединиться со своими сородичами в Пакистане (больше трех миллионов). А есть еще туркмены...

Дискуссия о многоженстве

Даже в жару мужчины в Иране ходят в темных, теплых, шерстяных костюмах. Руки бесконечно перебирают четки. У молодых бородачей решительный, иногда суровый и даже пугающий вид. В Иране не заработаешь на жизнь продажей бритвенных принадлежностей. Скорее уж стоит торговать средствами для ухода за бородой.

Есть очень красивые лица. Рассмотреть иранских женщин труднее — подчиняясь исламским обычаям, они избегают чужих глаз. Правда, в богатых районах Тегерана, где нравы либеральнее, все же можно убедиться в том, что поэты не напрасно воспевали красоту персидских женщин. Здесь даже позволяют себе малую толику косметики. Но обычно группы женщин, укутанные в черное, производят тягостное впечатление. Таково требование ислама. А Иран — исламское государство.

Почему в автобусах в Иране женщины и мужчины занимают места в разных концах машины, мужчины впереди, женщины сзади?

— Иранские женщины сами попросили, чтобы им выделили отдельные места, — объясняют в Тегеране. — В общественном транспорте много людей, пассажиры стоят впритык друг к другу. Иранским женщинам неприятно быть вместе с мужчинами.

Полтора десятилетия назад иранские женщины надели чадру или платок в знак протеста против шахского режима, а теперь отказаться от ношения традиционной одежды — значит подчиниться западным ценностям, предать семью и веру.

Зачем в магазинах продается много красивой современной одежды, украшения, если женщины обязаны ходить в черном?

— Иранские женщины все это носят. Где? Как где? Дома, в гостях, на приемах.

Почему представительницы иных религий, иностранки, приезжающие в Иран, обязаны одеваться как исламские женщины?

— Обязанность любой женщины, даже приехавшей из-за границы, носить такую одежду закреплена в конституции, принятой всенародно. Закону должны подчиняться все, кто находится на территории Ирана.

Как быть иранским спортсменкам, которые хотят заниматься, например, плаванием, если им нельзя раздеваться в присутствии мужчин?

— Для спортсменок выделены специальные, закрытые для посторонних места.

Это означает, что иранские девушки лишены возможности участвовать в международных состязаниях, добиваться успехов, побеждать?

— Профессиональный спорт среди женщин мы вообще не приветствуем. Разрешаем те виды, в которых можно выступать в традиционной одежде. Прекрасный вид спорта — стрельба из лука. Медали и рекорды не стоят того, чтобы ради них сбросить одежды, растоптать свои традиции. Иранские женщины это понимают.

Существует ли в Иране многоженство, разрешенное исламом? Этот вопрос мы задали дочери бывшего президента страны Фатиме Хашеми. Она возглавляет комитет иранских женщин.

— Многоженство позволено только в том случае, если мужчина способен одинаково любить всех своих жен и содержать их, — ответила Фатима Хашеми. — В Иране многоженство практически не существует. Иранская женщина при внешнем смирении не намерена терпеть дома соперницу. Вторую жену можно взять только с согласия первой. Если бы мой муж привел в дом вторую жену, я бы немедленно дала мужу развод.

Суетившиеся вокруг нее женщины с переговорными устройствами принесли ей Коран в кожаном переплете на «молнии». Фатима стала сверяться с первоисточником.

По-человечески понятно, что дочь бывшего президента решительно против многоженства. Но тут очевиден отход от заветов имама Хомейни, который сразу после исламской революции провозгласил: «Закон, позволяющий мужчине иметь четырех жен, весьма прогрессивный закон. Он был написан на благо женщин, потому что женщин больше, чем мужчин. Женщина нуждается в мужчине. Что же тогда делать, если женщин в мире больше, чем мужчин?»

Шах Пехлеви и аятолла Хомейни

Иранцы исповедуют шиитский вариант ислама. Шиизм возник как форма протеста против трехвековой арабской оккупации Персии, против арабов-захватчиков,

которые исповедовали суннизм, другой вариант ислама. Исторически получилось так, что шиизм — это и религиозный, и политический протест против власти. Шииты признают только власть двенадцати имамов — прямых потомков пророка Мухаммеда. Шииты ждут пришествия двенадцатого имама, который исчез десять веков назад.

Шиизм для иранцев нечто большее, чем религия, хотя персы в принципе никогда не считались фанатично религиозными. Это целая культура, образ жизни, мораль, руководство относительно того, как нужно себя вести.

Исламская революция была протестом древней культуры, силу которой никто толком не представлял, против западного влияния, против попыток шаха модернизировать страну.

Шах упустил свой исторический шанс. Задуманные им реформы, прежде всего аграрная, которая предусматривала передачу крестьянам земли, были скомпрометированы коррупцией, интригами и жестокостью секретной службы САВАК.

Шах Пехлеви был типичным восточным самодержцем, он содержал пышный двор, уничтожал всех, кто ему противостоял. Несмотря на его устаревшее самодержавие, у него были идеи и деньги для реализации этих идей, поэтому казалось, что Иран способен совершить рывок и присоединиться к развитым индустриальным странам. Запад был очарован шахом, который говорил, что к концу 80-х Иран станет пятой по значению великой державой.

Его отец, шах Реза, был националистом. Ему не нравилось, что Запад смотрел на его страну с презрением, как на отсталое общество. Он хотел придать Ирану облик прогрессивного государства. Принятая им конституция пыталась сочетать принципы западной либеральной демократии с подчинением политической жизни шариату.

27 января 1963 года шах Пехлеви провозгласил так называемую «белую революцию». Она предусматривала аграрную реформу, национализацию вод и лесов, участие рабочих в прибылях предприятий, реформу избирательного права, включая предоставление женщинам избирательного права.

При дворе шаха понимали, что необходимо перенимать лучшее, что есть во внешнем мире, в Европе, но советовали говорить, что это взято не у Европы, а непосредственно из ислама, тогда это будет с радостью воспринято как доказательство неисчерпаемости ислама.

Но шах хотел избавиться от реакционных аспектов ислама, которые мешали продвижению вперед. Узость мировоззрения и ограниченность образования мулл заставляли их быть в оппозиции реформам. Все реформы шаха нанесли удар прежде всего по исламскому духовенству.

Шах недооценил их силу и лидерские данные своего главного противника — аятоллы Хомейни, который превратил шиизм в инструмент борьбы за власть.

Аятолла Рухолла Мусави Хомейни родился 9 апреля 1900 года в небольшом местечке возле Исфахана. Он сын представителя высшего духовенства. Хомейни всегда выступал против шахских реформ. В этих либеральных реформах он увидел «подготовку почвы для иностранного господства».

Он стал фигурой номер один в шиитском духовенстве после смерти в 1961 году аятоллы Боруджерди.

В 1963 году он выступил против «белой революции». Его арестовали, что вызвало бурю протестов, потом выпустили. Но в ноябре 1964 года отправили в изгнание в Турцию, затем в Ирак — в Неджеф. Это одно из святых для шиитов мест, здесь находится гробница первого имама Али. В сентябре 1978 года под давлением шаха Саддам Хусейн выставил Хомейни из Ирака. Он переселился во Францию, откуда триумфально вернулся на родину, когда шаха свергли.

Спор о велосипедах

Имам Хомейни говорил так: «Ислам означает все, в том числе то, что на Западе называют свободой и демократией. Да, в исламе содержится все. Ислам включает в себя все. Ислам — это все».

Священнослужители-идеалисты ринулись в исламскую революцию, рисуя себе картину лучшего из мусульманс-

ких миров. Они мечтали об идеальном, чистом обществе, в котором объединится в единое целое религиозная и политическая жизнь. В мечтаниях им виделась республика, живущая по законам шариата, республика простая, суровая, бедная материально, но богатая духовно.

Получилось все иначе. Исламскому духовенству, соблазнившемуся властью, удалось полностью взять контроль над страной в свои руки. Каждый четвертый депутат парламента Ирана принадлежит к духовенству. Но не отвлекает ли муллу политика от служения Аллаху?

— Для иранских священнослужителей политика — часть религиозной деятельности, — объяснил мне глава иранского парламента. — Если допустим отделение религии от политики, Аллах нас накажет. Ведь мы столько мечтали о создании исламского государства, и, наконец, сбылось.

Шииты исходят из того, что любое светское правительство с религиозной точки зрения незаконно.

В Тегеранском университете любой иранский студент, вне зависимости от того, собирается ли он стать ветеринаром, инженером или астрономом, должен изучить основы ислама, этику ислама и историю ислама.

Но вот что удивляет: постоянно живущие в Иране иностранцы утверждают, что мечети пустеют. Раньше духовенство было в оппозиции к власти, и симпатии людей были на стороне мулл. Потом духовенство и стало властью, и люди переносят на мулл свое недовольство жизнью, считая, что после революции разбогатели только сами муллы.

Люди становятся аполитичными, они циничнее относятся к религии и к духовенству, иранцы лишились прежнего душевного подъема.

Иранское духовенство исходит из того, что страна находится во враждебном окружении. Все, что происходит в мире, кажется муллам одним большим заговором против Ирана и их власти. Духовенство, которое обещает защитить народ от всех врагов, надеется доказать тем самым, что оно нужно народу.

Но ничто не остается прежним.

Пока исламское духовенство проповедует против влияния западной культуры, дети священнослужителей бла-

гополучно отправляются за рубеж — учиться или отдыхать.

Участие в антиамериканском митинге не мешает потом насладиться у себя дома новой видеокассетой с записью американского фильма, доставленного в Иран контрабандой.

Постоянно идет борьба между сторонниками послаблений и противниками любых отступлений от заветов Хомейни.

Скажем, умеренные политики разрешили студентам летом носить рубашки с короткими рукавами. Фундаменталисты тут же бросились в бой, требуя запретить женщинам кататься на велосипедах. Теологи исходят из того, что у велосипеда тоже есть седло, а раз женщинам запрещено ездить на лошадях, то и катание на велосипедах тоже не должно быть разрешено.

Большая тройка

В Иране в любом кабинете, общественном заведении, магазине, даже в чайной на стенах неизменный фототриптих: цветные снимки покойного имама Хомейни, его преемника на посту лидера страны (это официальный титул) аятоллы Али Хаменеи и президента Мохаммада Джавада Хатами.

В каком порядке расположить портреты? Это зависит от политического чутья хозяина кабинета или владельца магазина.

Иногда три портрета выстроены в единую линию. Иногда — духовные лидеры повыше, президент пониже. Иногда большая тройка располагается как на пьедестале почета: сверху аятолла Хомейни, пониже аятолла Хаменеи, совсем внизу — президент.

Высшие посты в Иране занимают только ученики и соратники имама Хомейни.

Новый лидер исламской революции Али Хаменеи не оказывает на толпу такого магнетического действия, какое оказывал Хомейни. Но духовенство верно Хаменеи, потому что государство соблазнило самих священнослу-

жителей — соблазнило властью, должностями, деньгами. Теперь уже им трудно вернуться к чисто религиозной деятельности. Духовенство создало очень сильное государство, более сильное, чем оно было при шахе.

Власть Хаменеи основана на пятой статье новой конституции: «Во время отсутствия двенадцатого имама шиитов Вали-е-Аср (да приблизит Аллах его явление!) в Исламской Республике Иран управление делами правоверных и имамат в исламистской умме (нации) возлагается на справедливого и набожного, обладающего широким кругозором и имеющего организаторские способности факиха».

Факих — правовед, знаток закона Аллаха.

Аятолла Хаменеи был в июне 1981 года ранен в результате взрыва бомбы, которую, по официальной версии, подложили левые группировки. В том же году Али Хаменеи был избран президентом Ирана. Он стал лидером исламской революции сразу же после кончины Хомейни 4 июня 1989 года.

Какие требования предъявляются к кандидату на пост лидера страны? Он должен быть компетентным для вынесения фетв по различным вопросам мусульманского права, быть справедливым и набожным, обладать правильным мировоззрением...

Он объявляет войну, он является главнокомандующим.

Хаменеи родился в 1938 году в Мешхеде. Учился в священном городе Неджефе, затем в Куме, где был учеником великих аятолл Боруджерди и Хомейни. За антишахские высказывания его арестовывали шесть раз. После свержения шаха Хомейни назначил его членом революционного совета. Хаменеи был заместителем министра обороны, курировал корпус стражей исламской революции, был пятничным имамом Тегерана.

Лидер исламской революции Хаменеи осуществляет высшее руководство страной, он следит за моралью общества. Законодательная, исполнительная и судебная власть по конституции функционируют под абсолютным контролем имама (факиха). Он не вмешивается в конкретную политику или в принятие экономических решений. Это прерогатива президента. Но все делается с одобрения ли-

дера исламской революции. Президент не сможет работать, если у него будут разногласия с лидером.

У лидера исламской революции есть представители во всех важнейших институтах общества. Например, в армии — что-то вроде начальника ГЛАВПУРа. У представителей обширнейшие полномочия — опять же во всех сферах.

Лидер исламской революции, ко всему прочему, единолично распоряжается всеми пожертвованиями мусульман, которые, естественно, не облагаются налогом.

Сто миллионов долларов

Иранцы очень гордятся своей страной. Как-никак Персия была первой сверхдержавой Древнего мира. Для иранцев нет ничего хуже пренебрежения ими.

Даже трудно представить себе, как ненавистна иранцам изоляция от внешнего мира. Иран мечтает участвовать в мировых делах, он хочет, чтобы его замечали, чтобы на него обращали внимание. Умеренные иранские политики пытаются сделать так, чтобы к Ирану перестали относиться как к дьявольскому государству, а воспринимали его как нормальную страну со своими недостатками, которые она старается исправить.

На это аятолла Хаменеи, выступая перед верующими, сказал: «Нам не нужны переговоры с Соединенными Штатами. Режим США — враг исламской республики. Враг ислама. Враг нашей независимости и нашей чести. Они хотят разрушить наш ислам, нашу честь и нашу независимость».

Арабским странам не нравится высокомерие иранских политиков. Аятолла Али Хаменеи назвал лидера Египта Хосни Мубарака «бесчестным и невежественным президентом».

Мубарак ответил, что не опустится до площадной брани и не будет отвечать Хаменеи в выражениях, присущих языку лавочников, а не духовному лидеру крупной мусульманской страны. Зато египетские журналисты называли тегеранских правителей «шайкой воров», «бандой гангстеров».

Халед аль-Исламбули — так звали убийцу египетского президента Анвара Садата. Его именем названа улица в Тегеране. Из-за того, что в Иране чтят убийцу Садата, Египту так не хотелось восстанавливать отношения с Ираном, которые тот разорвал в 1979 году после заключения мира между Египтом и Израилем.

Два крупнейших государства в исламском мире оказались также двумя полюсами в исламе: Египет олицетворяет суннизм, Иран — шиизм.

В Тегеране продается переведенное на русский язык завещание имама Хомейни, полное гневных и презрительных слов в адрес Советского Союза.

— Эти слова Хомейни относятся ко временам советского вторжения в Афганистан и правления коммунистов, — убеждали меня руководители министерства иностранных дел Ирана. — К тому же напавший на нас Ирак был до зубов вооружен советским оружием. Тегеран бомбили самолеты советского производства. Все тогда неодобрительно отзывались о Советском Союзе. Но мы больше не считаем вашу страну проамериканской. Что же удивляться недовольству Ирана, если КГБ закладывал тайники с оружием для членов запрещенной марксистской партии Туде. И в декабре 1985 года по решению Секретариата ЦК КПСС переводил нелегально через границу группы активистов Туде. А в конце 1986 года Секретариат ЦК принял решение принять и разместить на территории Узбекистана активистов ЦК Организации федаинов иранского народа, которым угрожал арест в Иране.

Еще одна традиция шиизма — традиция насилия и мученической смерти. Это готовность к войне и к смерти в защиту угнетаемой веры.

В завещании имама Хомейни можно прочитать:

«О, борющийся народ, ты идешь под знамя, которое веет над всем материальным и нравственным миром. Путь, по которому ты идешь, единственный путь к абсолютному счастью. И это тот стимул, который побуждал всех имамов с радостью встречать мученическую гибель и считать ее слаще меда. Наша молодежь вкусила его на фронтах и пришла в восторг...»

Духовенство считает весь мир враждебным. Все, что происходит в мире, кажется муллам одним большим заговором против Ирана и их власти. Поэтому иранские агенты охотятся за представителями оппозиции, которые бежали за границу. Теперь они более осторожны, но их манера угрожать создает впечатление, что они стоят с поднятым мечом.

Министр иностранных дел Ирана заявил, что мусульманский мир будет чувствовать себя более спокойно и уверенно после того, как Пакистан испытал свое ядерное оружие. Иранский министр первым приехал в Пакистан после испытания ядерного оружия, чтобы полюбоваться на мусульманскую бомбу...

Иран может быть следующим членом ядерного клуба. Иранцы считают, что их историческое и культурное величие не позволяет им отставать от других стран, которые уже имеют ядерное оружие.

По сведениям Государственного департамента США, Иран ежегодно передает исламским террористическим группам сто миллионов долларов.

Американцы подсчитали, что с момента свержения шаха в 1979 году иранские боевики провели двести пятнадцать операций и уничтожили больше трехсот противников исламского режима, бежавших за границу. В этом списке значится убийство четырех иранских курдов на территории Ирака, двух суннитских священнослужителей в Пакистане, бывшего министра шахского правительства в Париже, члена эмигрантского Иранского национального совета сопротивления в Турции...

Верующий человек обязан выполнить фетву, приказ религиозного лидера. Во время войны с Ираком имам Хомейни призвал народ выступить против Саддама Хусейна, и люди пошли воевать добровольно. Призыва в армию не понадобилось, вполне хватало добровольцев.

Лицензия на отстрел писателей

В Иране наказывают за то, что в других странах правонарушением не считается: за алкоголизм, за внебрачные половые связи. В Иране казнят публично. Зачем?

— По просьбе местного населения, люди хотят убедиться, что злодей наказан, — объяснил мне глава судебной власти страны аятолла Мохаммад Язди.

Хомейни обосновал подобную строгость: «Следует ли называть это жестокостью?.. То, что разлагает народ, надо вырывать с корнем, как вырывают с поля сорняки... Пророк сам исполнял эти законы: он отрубал руки у воров, побивал камнями... Исламское право прогрессивно, совершенно, всемирно».

Аятолла Мохаммад Язди, еще один ученик Хомейни, занимал тогда четвертый по значению пост в Тегеране. Он возглавлял всю судебную власть Ирана, то есть следил за тем, чтобы судьи руководствовались исламским правом. Он подписывал наиболее строгие приговоры. У аятоллы мрачное, суровое лицо.

Незадолго до своей смерти в 1989 году Хомейни приговорил к смерти английского писателя Салмана Рушди, индееца по происхождению, автора книги «Сатанинские стихи». Хомейни объяснил каждому мусульманину, что, убив нечестивого писателя, тот совершит угодное Аллаху дело.

Хомейни был предельно строг к неверным и нечестивым:

«Если кто-то позволяет неверным продолжать играть роль развратников на земле, их окончательное моральное наказание будет еще более сильным. Таким образом, если мы убиваем неверных, чтобы положить конец их развратным действиям, мы, в конце концов, оказываем им услугу. Окончательное наказание для них будет меньшим. А разрешить неверным остаться жить — значит позволить им сделать больше нечестивых дел. Убивать их — значит совершать хирургическую операцию, исполнять волю Аллаха... Те, кто следует правилам Корана, знают, что мы должны подчиняться законам возмездия и должны убивать...»

Салман Рушди, который обратился за помощью к британской полиции, просто не оценил гуманности и благородства Хомейни, намеревавшегося оказать писателю услугу — избавить его от греховной жизни.

Не собирается ли Тегеран отменить смертный приговор писателю Салману Рушди?

— Приговор остается в силе, — ответил аятолла Язди. — Приговор Салману Рушди был вынесен не судом. Это фетва имама Хомейни, обязательная для исполнения мусульманами всего мира. Иранский суд не вправе отменить фетву имама.

«В вере не должно быть насилия... Будь снисходителен и неси добро. О, люди, ваше насилие обернется только против вас самих...»

Что общего между этими словами из Корана и призывом Хомейни убивать? Или Аллах говорит двумя голосами? Или люди говорят за Аллаха?.. Как получилось, что люди с Кораном в руках стали выписывать лицензии на отстрел мирных жителей?

Нелепо рассуждать на тему, хорош или плох ислам. Ислам, как и другие мировые религии, многолик и противоречив.

И умеренные, разумные люди, и радикалы, фанатики, склонные к насилию, — все находят в Коране подтверждение своим взглядам. Широкий простор для различных толкований целей и задач ислама. И всегда найдется умелый религиозный деятель, имам или аятолла, который потребует от мусульман фанатичного служения исламу и объявит джихад — священную войну — неверным.

Некоторые специалисты говорят о том, что ислам — сравнительно молодая религия — просто еще не вышел из эпохи Средневековья, которому свойственна крайняя нетерпимость.

Тем не менее не надо считать ислам идеологией экстремистов. Мусульманский мир находится в развитии, и еще неизвестно, как будет выглядеть его политическая карта через несколько лет, кто возьмет верх — умеренные или радикалы.

После победы исламской революции в Иране в 1978 году исламисты нигде в мире прийти к власти не могли. Потом они добились нового успеха — к власти в Афганистане пришли фундаменталисты (хотя сунниты — талибы, с шиитским Ираном они на ножах). Фундаменталистские настроения упали на еще одну благодатную почву — они распространились в Чечне, а шире говоря, на всем Северном Кавказе.

Агрессивный фундаментализм, как показывает опыт Ближнего Востока и Северной Африки, быстро приводит радикально настроенную молодежь к идее террора.

Террор — это метод, который нравится всем, кто хочет очень быстро добиться своих целей и заполучить то, что он желает, — власть, деньги, оружие. Террор — это попытка малыми средствами добиться больших целей, создания всемирного исламского государства.

ИСЛАМИСТЫ НА ЧЕРНОМ КОНТИНЕНТЕ

Африканисты говорят, что Африка — это отравка, это наркотик. Стоит один раз посетить Черный континент, и ты не можешь оттуда уехать. Эта отравка проникает в кровь, излечиться от нее невозможно.

В Африке можно увидеть все. В наши дни в Сьерра-Леоне люди ели людей. В Руанде убивали друг друга деревянными копьями. В Лесото, Заире, Конго-Браззавиле уничтожали свое будущее, сжигая и грабя собственные столицы.

Хрупкие африканские культуры легко разрушаются, и людей охватывает сумасшествие и анархия. В Африке нет ничего тривиального, ничего обычного. Африка — мир крайностей: агония и экстаз, красота и дьявольщина.

Доживут ли культуры африканских племен, которых из железного века сразу пытаются ввести в современный мир, до следующего столетия? У Запада было две тысячи лет, чтобы пройти через все испытания, несчастья, войны и геноцид. Тем не менее, как показывают войны на территории бывшей Югославии, цивилизованные европейцы легко превращаются в варваров.

Колониальные завоевания искусственно рассекли границы племен и этносов: соединили тех, кто не хочет жить вместе, и разделили тех, кто должен быть вместе. Став независимыми, эти страны не захотели пересматривать границы — по понятным причинам. Но территориальные споры стали поводом для выяснения отношений.

Столкновения между племенами усугубились «холодной войной». Сомали — характерный пример. В 70-е годы стра-

на находилась под советским влиянием, советскому флоту были нужны базы. Советские руководители поддерживали режим Сиада Барре, который начал войну против соседней Эфиопии, находившейся под американским влиянием.

Когда император Хайле Селасие был свергнут и в Эфиопии к власти пришли люди, называвшие себя марксистами, Советский Союз перешел на сторону Эфиопии. Сомалийцы стали терпеть поражение. Сиад Барре пал, в стране началась анархия. В 1992 году в Сомали высадились американские войска, чтобы остановить хаос, но вынуждены были ретироваться, потому что их стали убивать.

Такой же жертвой «холодной войны» стали и Мозамбик, и — особенно — Ангола, богатая природными ископаемыми, но не знающая мира с тех пор, как ушли португальцы. Попытка Советского Союза устроить там военную базу только усилила желание ЮАР и американцев поддержать повстанцев из УНИТА. Победы оппозиции привели к военной интервенции кубинцев. В Анголу хлынул поток оружия. Борьба продолжалась так долго, что в конце концов к власти пришло поколение, которое вообще не получило никакого воспитания.

Какое-то время назад казалось, что Африка вступила в эпоху демократизации. Западные страны оговаривали предоставление помощи проведением всеобщих выборов, созданием условий для появления многопартийности.

Внутри африканских стран тоже началась коррозия прежней авторитарности: новое поколение, более образованное, выросшее в городах, уже ничего не знает о белом колониализме. Но, увы, многое оказалось иллюзией: африканцы убивают друг друга с невероятным ожесточением.

По всей Африке военные вожди вербуют под свои знамена молодежь, совсем подростков. Им обещают деньги после победы. Неграмотные, обработанные местными пропагандистами, они не знают иного авторитета, кроме винтовки.

Это не борьба между политическими партиями или различными племенами. Это даже не борьба между правительством и повстанцами. Это война молодых против старых, деревни против города, провинции против более процветающих городов.

Многие черные жители Соединенных Штатов смотрят на Африку как на мир, где черные занимают подобающее им место.

Но реальная Африка выглядит иначе. Конечно, страны получили независимость, свои флаги, гимны. Но во многих странах власть просто перешла от белых диктаторов к черным, а в результате режим стал более жестоким. Для простых, долго страдавших африканцев мало что изменилось. Но об этом говорить никто не любит.

Статистика печальна: больше всего детей в возрасте до пяти лет умирает в Африке. Здесь меньше всего людей доживает до пятидесяти лет. Здесь больше всего болеют заразными заболеваниями, здесь меньше всего учатся. Доля мирового рынка, которая приходится на африканские страны, упала вдвое с 70-х годов.

Особенно поучительно сравнить Африку с Азией. Юго-Восточная Азия совершила скачок от нищеты к процветанию, вошла в круг развитых стран. Почему Юго-Восточная Азия стала примером экономического успеха, а Африка так и осталась голодной и нищей, живущей за счет финансовой помощи Запада? Почему в Азии создаются современные телекоммуникационные системы, а в Африке по-прежнему нельзя позвонить соседу домой? Почему руководители стран Азии сражаются за отмену торговых барьеров, а африканские лидеры перерезают горло соседям, потому что те принадлежат к другому племени?

Африканцы говорят о проклятом прошлом, о колониализме, о «холодной войне», о том, что Африка была полем боя между Советским Союзом и Соединенными Штатами. Людей Запада постоянно подозревают в том, что у них менталитет рабовладельцев.

Малайзия и Сингапур тоже были колониальными державами, но это не помешало им добиться успеха. Что же говорить о колониальном прошлом Африки? Мало ресурсов? В процветающем Сингапуре вообще нет ничего.

Самое поразительное происходит, когда выходцы из Азии перебираются в Соединенные Штаты. Они самозабвенно учатся, заводят свой бизнес и добиваются всего, чего не могут добиться черные американцы.

Легче всего свалить беды Африки на старые стереотипы: азиаты — работающие и сообразительные от природы, а африканцы ленивы и довольны своей примитивной жизнью.

Наверное, дело в другом.

Черные считают, что белые у них в неоплатном долгу, и все ждут, что им вернут долг. Это старое чувство зависимости от белых никуда не ушло. Африканцы продолжают требовать помощи. Они рассматривают деньги как своего рода репарации за преступления прошлого. И мало что пытаются сделать сами.

И коррупция в Африке просто не знает предела.

Вот анекдот, который мне рассказали в Сингапуре. Африканец и азиат когда-то учились вместе. Через много лет африканец приезжает к гостю к азиату. Видит прекрасный дом, «мерседес», плавательный бассейн и слуг.

Завистливо спрашивает:

— Как тебе это удалось?

Азиат подводит африканца к окну:

— Видишь эту дорогу?

Тот видит прекрасную современную дорогу. Азиат скромно говорит:

— Десять процентов ассигнований мои.

Через год азиат приезжает в гости к африканцу. Видит огромное поместье, дюжину «мерседесов», армию слуг.

— Как тебе все это удалось?

Африканец подводит азиата к окну:

— Видишь дорогу?

Азиат изумленно говорит:

— Но здесь нет никакой дороги!

— Верно, — довольно говорит африканец, — все сто процентов ассигнований мои.

Разочарованные африканцы обращаются к исламу. Прежде африканский ислам считался либеральным, но все меняется. Шиитские проповедники в Африке становятся активнее, возбуждая ненависть к суннитам.

Ислам быстро распространяется в Южно-Африканской Республике, где существует большая мусульманская община. В 1995 году в ЮАР образовалась организация «Народ против наркотиков и гангстеризма», которая ставит

своей целью создание исламского государства на юге континента. Эта организация наладила контакты с террористическими организациями «Хезболла» и «Хамас».

Члены организации «Народ против наркотиков и гангстеризма» ходят на манер палестинских террористов в масках.

Южноафриканские фундаменталисты получают помощь от Ирана. Полиция считает, что несколько боевиков с поддельными документами побывали в Иране и прошли подготовку в одном из учебных центров, где особое внимание уделяется умению работать со взрывными устройствами.

Африканских исламистских радикалов поддерживают Судан и египетские радикалы.

«Братья-мусульмане»

Именно в Египте в 1928 году появилось первое современное исламистское движение — «Братья-мусульмане».

В 70-е власть покровительствовала исламистам, потому что видела в них оплот против левых. В 80-е под лозунгом «Ислам — это ответ» исламисты взяли верх во многих общественных, в том числе студенческих объединениях, получили представительство в парламенте. Сторонники светского государства оказались в обороне.

В начале 90-х правительство перешло в наступление: начались массовые аресты радикальных исламистов, военные трибуналы выносили им смертные приговоры. Исламисты отвечают непрекращающимися терактами.

Один каирский суд констатировал, что некоторые радикально настроенные священнослужители нуждаются в психиатрическом лечении. Судья заявил, что в Египте просто эпидемия религиозного экстремизма, которой управляют несколько психически больных людей, решивших, что Аллах поделится с ними своей властью карать и миловать людей.

Египетские власти стараются контролировать исламских священнослужителей. С XIV века египтяне привыкли последние десять дней рамадана молиться, спать и есть

вместе в мечетях. Теперь это запрещено. Министерство по религиозным делам полностью контролирует все шестьдесят семь тысяч мечетей Египта и благотворительные фонды, чтобы исламисты не получили в свое распоряжение деньги.

Дело в том, что теократический режим создает собственный аппарат — в роли местных наместников выступают пятничные имамы. Мечети превращаются в политические ячейки, через которые осуществляется не только пропаганда, но и контроль за настроениями людей.

«Братья-мусульмане» ведут себя крайне осторожно и действуют исключительно политическими методами.

Одни полагают, что «братьям» надо предоставить больше возможностей для политической деятельности, что отвлечет часть молодежи от экстремистов. Другие считают, что нельзя недооценивать опасность, исходящую от «братьев»: вместе с экстремистами они представляют собой два крыла единого движения, намеренного захватить власть.

В Египте существует несколько тысяч радикальных группировок. Они нападают на полицию, чтобы добыть оружие, и на банки, чтобы обзавестись деньгами. Фундаменталисты проникли во все слои общества, в полицию и даже в армию. Но они разобщены, не имеют лидеров общенационального масштаба и находятся в состоянии идейных споров.

Некоторые специалисты предсказывают, что в Египте в ближайшие годы произойдет исламская революция. Другие уверены, что Египет не повторит историю Алжира. Алжирцы жестче египтян. Они — горцы, египтяне — жители равнин. У алжирцев есть горы и леса, где могут спрятаться террористы, чтобы вести нескончаемую войну против власти. Египтянам спрятаться негде.

«Отец нации» и его подручные

В Судане после государственного переворота 1989 года власть взяли военные. Главой режима стал президент страны генерал-лейтенант Омар аль-Башир. Духовным отцом нации — лидер Национального исламского фрон-

та шейх Хасан аль-Тураби. Он друг и единомышленник Осамы бен Ладена.

Хасан аль-Тураби закончил юридический факультет Хартумского университета, учился в Лондоне и в Париже — в Сорбонне. Он задался целью превратить Судан в исламское государство и взял на себя миссию распространения исламской революции по всему миру.

Он создал постоянно действующую Международную арабскую исламскую конференцию, в которую вошли террористические группировки из разных стран, прежде всего боевики из «Хезболла» и группы Абу Нидаля. Все желающие принять участие в джихаде получили в Судане убежище и возможность готовиться к боевым действиям.

По мнению египетских спецслужб, в Судане укрылось около четырех тысяч боевиков, которые разместились в двадцати тренировочных лагерях, где их обучают инструкторы, но не суданцы, а профессионалы из числа «Иранских стражей революции».

На территории Судана нашла убежище «Джамаа аль-исламийя» — крупнейшая египетская террористическая организация. Духовный лидер организации шейх Омар Абдель Рахман был осужден за организацию первого взрыва во Всемирном торговом центре в Нью-Йорке 26 февраля 1993 года. Взрывчатку заложили в подземный гараж.

В июне 1995 года боевики «Джамаа аль-исламийя» попытались убить президента Египта Хосни Мубарака, который приехал в Аддис-Абебу для участия в заседании Организации африканского единства. Мубарак обвинил в покушении Судан и аннексировал спорную территорию Халаиб (площадь в семнадцать тысяч квадратных километров), богатую нефтью.

Трое покушавшихся на Мубарака были схвачены эфиопской службой безопасности (пятерых убили). Выяснилось, что они воевали в рядах афганских моджахедов, затем прошли подготовку в лагере на территории Судана.

А ведь после военного переворота 30 июня 1989 года в Хартуме, когда было свергнуто прежнее правительство, казалось, что именно Египет помог Омару Хасану Ахмеду аль-Баширу прийти к власти. Египет послал новому

правительству судно с 20 тысячами тонн нефти, поддержал в средствах массовой информации. Большинство из входивших в Совет командования революции офицеров учились в Египте. Но видимо, произошла ошибка. Египет, похоже, что-то готовил в Судане, но к власти пришли другие люди. И судно с нефтью получило приказ вернуться.

Население Судана составляет примерно двадцать пять миллионов человек. Это одна из беднейших африканских стран. В Судане живут и арабы, и черные африканцы. На севере обитают мусульмане. На юге, на восточном берегу Нила живут христиане, которые считают себя частью Африки, но не частью арабско-исламского мира. Исламский север вот уже много лет ведет войну, чтобы исламизировать христиан на юге. Правящий режим уничтожил уже сотни тысяч христиан.

На стороне правительства сражается милиция, которой не платят. Комиссия ООН по правам человека сообщает, что правительственные силы зарабатывают тем, что, врываясь в христианские деревни, убивают всех мужчин, а женщин и детей продают в рабство — это бесплатные рабочие руки.

Генерал Омар аль-Башир и шейх Хасан аль-Тураби не поделили власть в стране. Омар аль-Башир распустил парламент, чтобы лишиться поддержки Хасана аль-Тураби, а в феврале 2001 года посадил его под домашний арест. Против аль-Тураби возбудили дело по обвинению в подготовке антигосударственного заговора. Осенью аль-Тураби отпустили, но прежнего влияния внутри страны он лишился.

ОХОТА НА ПРЕЗИДЕНТА

Исламисты хотят превратить Алжир в религиозное государство, такое же, как Иран. Война, которую исламские террористы в Алжире ведут против правительства и армии, удивительным образом напоминает прошлую войну, которую нынешние власти страны вели против французов.

Французы так долго не хотели отпускать Алжир на свободу, что лидерами алжирского общества стали люди,

привычные к насилию. Добившись свободы, они повели Алжир по социалистическому пути. Когда их политика провалилась, симпатии людей оказались на стороне еще больших радикалов — исламских фундаменталистов.

Алжир был колонией Франции с 1830 года. Осенью 1954 года в Алжире началось вооруженное восстание. Алжирцы требовали независимости. Оружием их снабжал Египет. Французская Служба внешней документации (разведка) получила указание «нейтрализовать» лидеров Фронта национального освобождения Алжира. Спецслужбы не справились с этой задачей. Подавить восстание не удалось. Но многие французы продолжали считать, что Алжир должен остаться французским.

«Это часть нашей территории, — говорили французы. — Мы вложили в Алжир слишком много денег. В Алжире живет миллион французов, которых мы не можем бросить на произвол судьбы. И вообще — нельзя отдавать часть территории своей страны».

Но сохранять за собой Алжир Франции было очень накладно. Ей приходилось держать там полмиллиона солдат. Весь мир наблюдал за безысходной драмой. Французское правительство, с одной стороны, не хотело предоставлять Алжиру независимость, а с другой — не решалось прибегнуть к массовым репрессиям против непокорных алжирцев.

Внутри французской армии, сражавшейся в Алжире, нарастало недовольство бессилием правительства. Армия не хотела уходить. Для некоторых офицеров слова «французский Алжир» обрели просто мистический смысл.

Армия требовала решительных действий. Раз гражданская власть на это не способна, военные решили, что они сами возглавят страну. Десантники перестали подчиняться гражданским властям. В Алжире появились самозванные комитеты национального спасения. Стало ясно, что дело идет к государственному перевороту.

В корпусе, сражавшемся в Алжире, выделилась элитная группа войск, которая занималась уничтожением алжирских повстанцев. Самым непримиримым был 1-й полк парашютистов Иностранного легиона, состоявший из профессиональных головорезов. Военные стали всерьез об-

суждать такой вариант: перебросить военной авиацией в Париж десантников и установить диктатуру.

И тогда Париж обратился за помощью к Шарлю де Голлю. Это был 1958 год. Генерал к тому времени вот уже шесть лет как отдалился от политической деятельности и жил в деревне в полнейшем уединении. Де Голлю было шестьдесят семь лет, и он писал мемуары.

«Спасти положение мог только общенациональный авторитет. Он должен был взять власть в свои руки и восстановить государство. Ни у кого, кроме меня, такого авторитета не было», — скромно скажет о себе позднее сам генерал де Голль.

Правительство надеялось, что де Голль утихомирит армию. Армия надеялась, что де Голль разрешит им огнем и мечом подавить восстание алжирцев.

Если бы де Голль занял сторону армии, ему бы аплодировали как настоящему патриоту, который заботится о величии державы. Но в таком случае де Голль должен был продолжать войну, выиграть которую было нельзя. Побывав в Алжире, де Голль, как он писал, «смог удостовериться, что бесконечное продолжение борьбы губительно для души нашей армии». Америка поймет это много позже во Вьетнаме, Россия — в Афганистане.

Ударные части французской армии уничтожали оставших алжирцев с помощью массированного применения артиллерии и бомбардировочной авиации. Но подавить восстание не удавалось, потому что бойцов алжирского Сопротивления поддерживало население.

Де Голль увидел, что алжирцы будут сражаться за свою свободу до бесконечности. А вот французы не могут до бесконечности умирать во имя величия империи.

В январе 1961 года семьдесят шесть процентов французов, принявших участие в референдуме, поддержали идею предоставления независимости Алжиру.

Де Голль обратился к французам и призвал дать Алжиру независимость. Он говорил:

— Совершенно естественно чувство тоски по былой империи, подобно тому, как можно сожалеть и о мягком свете керосиновых ламп, о величии парусного фло-

та, об очаровании эпохи экипажей. Но что поделаешь? Нет политики, стоящей вне реальности.

Генерал де Голль выступил против армии, частью которой он всегда был, и против людей, которые считали себя настоящими патриотами. Тогда его самого назвали предателем. И французские военные, лучшие офицеры его армии, начали охоту на своего президента...

Два покушения

Президенту Франции была вручена телеграмма командующего войсками в Алжире с грозным предупреждением:

«Вся французская армия, как один человек, будет глубоко оскорблена, если мы откажемся от этого национального достоинства. Нельзя предугадать, что армия предпримет в своем отчаянии.

Генерал *Салан*».

Офицеры, которые решили не допустить ухода Франции из Алжира, создали «Секретную вооруженную организацию» (ОАС).

Оасовцы запрещали французам покидать Алжир, угрожая казнить «беглецов-предателей». Потом они стали поджигать школы, мэрии, предприятия, магазины — «Оставим Алжир таким, каким он был в 1830 году!».

В конце апреля в Алжире вспыхнуло восстание. В нем приняли участие полки парашютистов. Служившие в Алжире генералы образовали что-то вроде директории и объявили, что руководители восстания берут на себя всю полноту власти.

Они пообещали, что «лица, непосредственно принимавшие участие в отказе от Алжира и Сахары, предстанут перед военным трибуналом, специально созданным для рассмотрения преступлений против безопасности государства». Первым мятежники собирались наказать де Голля.

Франция растерялась и, возможно, была готова капитулировать перед мятежниками. Не растерялся только де Голль. Он действовал жестко и уверенно.

Он приказал прекратить морское и воздушное сообщение с Алжиром и потребовал от армии выступить против мятежников. Его поддержали правительство и начальник генерального штаба.

Во Франции приступили к превентивным арестам — брали военных, чьи взгляды давали основание полагать, что они могут присоединиться к восставшим.

Генерал де Голль выступил по телевидению. Он был в военной форме и потребовал не подчиняться приказам узурпаторов. Речь звучала патетически, но де Голлю она удалась. «Француженки и французы! Помогите мне!» — говорил он. Генерала услышали. Его твердая позиция произвела впечатление на тех, кто присоединился к бунтовщикам. Мятеж был подавлен.

Последние участники мятежа покидали город Алжир, распевая припев песенки Эдит Пиаф «Я ни о чем не сожалею». Несколько генералов ушли в подполье, чтобы руководить деятельностью ОАС. Другие сдались. Для суда над заговорщиками де Голль создал Высший военный трибунал, который выносил суровые приговоры.

Оасовцы совершали террористические акты в Алжире и попытались сделать то же самое во Франции. Они надеялись сорвать переговоры о предоставлении Алжиру независимости.

Оасовцы стреляли из автоматов на улицах — по посетителям магазинов, кафе. За год они убили и ранили двенадцать тысяч человек. Им сочувствовала администрация и французское население Алжира.

Мятежники, которым удалось ускользнуть от правосудия, попытались отомстить де Голлю.

9 сентября 1961 года ночью в Париже мятежные офицеры попытались взорвать машину де Голля. В машине находились жена президента, его адъютант и охранник. Машину охватил огонь — воспламенилась детонирующая смесь, но десять килограммов пластической взрывчатки по счастливой случайности не взорвались.

Один из мятежников, французский офицер, обратился за помощью к Ицхаку Барону, помощнику военного атташе Израиля во Франции. Они встретились с соблюдением всех правил конспирации. Француз сделал изра-

ильской разведке деловое предложение. Израильтяне одалживают им одного из своих арабских агентов, который убьет предателя — президента де Голля. В знак благодарности новое правительство Франции даст Израилю любое количество оружия.

Барон немедленно доложил в Иерусалим об этой встрече. Военная разведка предлагала на всякий случай французским властям об этой встрече не сообщать. Но директор Моссад убедил премьер-министра Бен-Гуриона, что отношениями с французами нельзя рисковать и глупо скрывать от них такую информацию. Премьер-министр всегда прислушивался к своему главному разведчику. Французы узнали имя еще одного заговорщика — его арестовали и казнили.

Тем не менее через год последовало новое покушение. 22 августа 1962 года машину де Голля обстреляли на пути к самолету. В машине находились, помимо президента, его жена, зять и шофер. И опять, к счастью, никто не был даже ранен. Де Голль выиграл эту маленькую войну со своими офицерами.

У генерала де Голля была уникальная способность превращать отступление и поражение в победу. Многие его соотечественники считали уход из Алжира поражением Франции. Сейчас очевидно, что де Голль, отказавшись от исламского Алжира, спас Францию.

Теперь даже странно вспоминать, что когда-то французы надеялись растворить десять миллионов алжирцев-мусульман среди пятидесяти миллионов французов.

Де Голль сомневался, что это возможно:

«Мусульманское население, учитывая его этническое происхождение, его религию, его образ жизни и принимая во внимание тот факт, что с ним слишком долго обращались как с низшими существами, не позволит растворить себя или господствовать над собой, особенно в эпоху, когда от одного края вселенной до другого все народы брали свою судьбу в собственные руки...»

Сегодня французы с испугом наблюдают за своим исламским населением, которое составляет несколько миллионов человек. Если бы Франция все же попыталась силой сохранить за собой Алжир, то сегодня мусульмане,

возможно, составили бы почти половину населения Франции. В алжирских семьях рождается больше детей, чем во французских. И чем дольше Алжир оставался бы французским, тем более воинственными и радикальными становились бы ненавидящие Францию исламисты.

Сам генерал де Голль однажды заметил: «Тот или иной поступок, продиктованный честью и честностью, может вдруг оказаться хорошо помещенным политическим капиталом».

Генерал де Голль при всем своем цинизме профессионального политика дважды совершал поступки, продиктованные честью и честностью. В 1940-м, когда после капитуляции Франции он заявил, что будет продолжать сражаться с немцами. И через двадцать лет, когда дал Алжиру независимость.

И что самое удивительное — честный политик был вознагражден. А это уж и вовсе редко бывает в истории. Франция обращалась к де Голлю в трудную минуту, и в памяти французов он остался великим государственным деятелем.

Приказ: найти и уничтожить

Алжир обрел независимость, и первое время большие запасы нефти и газа в Сахаре позволяли молодому государству чувствовать себя уверенно. Когда цены на нефть упали, наступили тяжелые времена разочарования в социалистическом режиме, который скомпрометировал себя коррупцией и неспособностью что-либо сделать.

Революционный президент Алжира Хуари Бумедьен отказывался совершить государственный визит во Францию, чтобы не стоять при исполнении «Марсельезы». Но подписал с французским правительством выгодный для себя секретный протокол, который позволил французам иметь на территории Алжира завод по производству химического оружия и продолжать ядерные испытания в пустыне Сахара.

Алжир превратился в нищее государство с разочарованным и несчастным населением. Тогда в стране стало

распространяться влияние все тех же «Братьев-мусульман». Фундаменталисты нашли сторонников среди разочарованной молодежи. Радикализм распространялся, как вирус, среди студентов и школьников.

Восстания исламистов заставили правящую партию — Фронт национального освобождения — пообещать свободные выборы. Первые выборы на многопартийной основе прошли в декабре 1991 года. Когда стало ясно, что побеждают исламисты, военный режим отменил выборы, запретил исламистский фронт и объявил чрезвычайное положение.

Исламисты ушли в подполье и объявили властям войну. Военные стирали с лица земли целые деревни, жители которых подозревались в симпатиях к исламистам. Чтобы остановить дезертирство из армии, власти расправлялись с семьями солдат, которые перебежали к фундаменталистам.

Исламский фронт спасения — вооруженное крыло исламских террористов — объявил священную войну Франции. Цель — заставить Францию прекратить помощь военному правительству Алжира. Вот исторический парадокс: Франции, чтобы не допустить к власти исламских радикалов, пришлось помочь тем, кто выставил французов из Алжира.

Подвиги террористов, которые безнаказанно взрывают и убивают, в том числе высших государственных чиновников, создают им ауру загадочности и привлекают к ним молодежь. Юные алжирцы говорят о подпольщиках с восхищением.

Появилась еще более радикальная организация — Вооруженные исламские группы. Они состоят из безработных и неграмотных молодых людей, которых учат в подпольных медресе. Им приказывают убивать тех, кто не разделяет их убеждения, им внушают, что, убивая, они просто исполняют волю Аллаха. Они искренне верят, что, убивая ребенка, они спасают его душу и сами становятся ближе к Аллаху.

Вооруженные исламские группы начали тотальный террор в стране. По ночам молодые парни с ружьями, топорами и длинными ножами врывались в деревни. Они рас-

стреливали мужчин, затем перерезали горло женщинам и детям и исчезали в темноте.

Ислам веками формировал психику и культуру этих народов. Шариат строго регламентировал обычную, бытовую жизнь. Исламские общества очень устойчивы. Они легко переносят смену власти, но жестко реагируют на попытку изменить течение их бытовой жизни. Отсюда и внезапные вспышки насилия.

Чтобы понять происходящее в Алжире, надо прежде всего принять во внимание, что страна была травмирована долгой войной с французами за независимость.

Война была необыкновенно жестокой — с обеих сторон. Пленных старались не брать. Во время одной из демонстраций алжирцев в Париже полиция убила больше двухсот человек, но об этом молчали. Тела тайно сбросили в реку. Эту акцию проводил начальник полиции Парижа Морис Папон. Через несколько лет станут известны архивные материалы о его сотрудничестве с гестапо в годы нацистской оккупации...

Немногие алжирцы признают, что и Фронт национального спасения был столь же жесток во время войны за независимость. После того как французы ушли, бойцы Фронта уничтожили десятки тысяч алжирцев, которые сражались на стороне Франции. Им перерезали горло, их расчленили на части — так, как это сейчас делают воинственные исламисты. Целое поколение алжирцев воспитано в уверенности, что пытки и убийства безоружных — неотъемлемая часть жизни.

Во время Второй мировой войны французские офицеры учили лидера алжирцев Ахмеда Бен-Беллу сражаться против немцев. Он получил за храбрость ордена от французов, а потом применил то, чему его учили, против самих французов во время войны за независимость.

Алжирцы, воевавшие в Афганистане, заняли заметное место среди террористов из Вооруженных исламских групп, которых отличает особая жестокость.

Военные уничтожают всех, кого подозревают в симпатиях к исламистам. Но остановить террор не могут. Активных боевиков — порядка двух тысяч. При этом примерно триста пятьдесят алжирских террористов действуют

в других странах, прежде всего в Ливане и в Афганистане, в отрядах Осамы бен Ладена.

Люди не в состоянии понять, почему армия и спецслужбы не могут спасти их от расправ. Как странно, что террористы столь свободно действуют в стране, где среди любой группы из пяти человек четверо — обязательно агенты полиции.

Когда исламисты нападают на деревню, солдаты не спешат прийти на помощь, хотя их казармы иногда находятся совсем рядом. На совести правительства полицейские расправы с людьми, секретные расстрелы, таинственные исчезновения людей, которых, видимо, убивают спецслужбы. Правительство Алжира немногим лучше своих противников.

Больше всего убийств совершается в районе, жители которого на выборах голосовали за исламистов. Возникает подозрение, что власти специально не вмешиваются, словно мстят им и хотят дать им возможность умереть, оставив их один на один с воинственными исламистами. Этот район теперь называют «треугольником смерти»...

Глава 26

«ЖИВЫЕ БОМБЫ» И ШИИТСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Всякая армия нуждается в героях, отчаянных парнях, готовых на все, хотя не каждая армия принуждает солдата героически жертвовать своей жизнью. В наше время вновь появились героини-самоубийцы. Палестинский террор и выходки Муамара Каддафи показались детскими игрушками, когда в международный терроризм вступил иранский аятолла Хомейни. Каддафи надеялся на деньги, Хомейни — на религиозный фанатизм. Обычные террористы не планируют самоубийственных миссий. Исламские террористы изначально отказываются думать о путях отхода. Они взрывают себя вместе с врагами, понимая, что им не выжить. И, как выяснилось, тысячи людей готовы жертвовать собой во имя ислама.

То, что Хомейни заставлял молодых людей совершать самоубийства во имя его идей, казалось безумием в кон-

це XX века. Но различия между суннитами и шиитами, которые представляют две основные ветви ислама, привели к кровопролитной войне между Ираном и Ираком и породили новую волну террора на Ближнем Востоке.

Призыв в отряды камикадзе

Возрождение шиитов началось в 60-х годах в суннитском Ираке, в святом городе Неджеф, где молодой философ Саид Мохаммед Бакир Садр основал новое движение — «Призыв ислама». После иранской революции тегеранское радио заговорило о Садре как об «иракском Хомейни». Этого было достаточно для президента Ирака Саддама Хусейна, который приказал казнить Садра и его сестру и множество других шиитских философов. Остальные бежали в Тегеран.

Шииты всегда считали, что с ними плохо обращаются, а появление Хомейни восприняли как возможность сквитаться за былое унижение и наказать еретиков-суннитов.

Аятолла Хомейни, который после изгнания из Ирана жил несколько лет в Неджефе, сам попал под влияние идей Садра.

Хотя уже в роли хозяина Ирана аятолла с готовностью жертвовал религией во имя политики.

Аятолла Хомейни ненавидел Израиль. Но когда в сентябре 1980 года началась ирано-иракская война, Хомейни понадобилось оружие и боеприпасы. Ни Советский Союз, ни Соединенные Штаты, ни Европа не хотели продавать ему оружие. Тайную помощь аятолле оказал Израиль.

По некоторым подсчетам, в общей сложности Иран получил оружия на сто миллионов долларов. О продаже израильянами оружия Ирану стало известно после того, как в 1984 году иранский летчик перелетел на своем F-4 «Фантом» в Саудовскую Аравию. В самолете нашли части и приборы, которые американцы поставляли только Израилю, а тот передавал иранцам.

Израильское правительство знало, что новое иранское руководство ненавидит еврейское государство, что ливанские террористы, которые атакуют израильские объекты,

обучаются иранцами, получают из Ирана деньги и оружие. Но в Израиле по-прежнему считали, что главный враг — это Ирак, поэтому надо помогать Ирану, который воевал с Ираком.

В Израиле существовало, условно говоря, проиранское лобби — военные и разведчики, действующие и отставные, которые долгое время при шахе сотрудничали с Ираном. Они верили, что и новые иранские лидеры, успокоившись, захотят вернуться к тесному взаимодействию с Израилем. Сторонников противоположной точки зрения — Иран при аятолле Хомейни представляет большую опасность, чем Ирак, — было совсем немного.

Официальные отношения Израиля с Ираном закончились сразу после свержения шаха в 1978 году. При Хомейни Иран превратился в злейшего врага еврейского государства. А раньше иранский шах был, по существу, негласным союзником еврейского государства.

Первая партия израильских противотанковых ракет — девяносто шесть штук — отправилась с одобрения США в Тегеран в конце августа 1985 года. Правда, и американский государственный секретарь Джордж Шульц, и министр обороны Каспар Уайнбергер сомневались в разумности этой сделки. Тем не менее в Иран послали еще четыреста ракет. Через несколько дней иранцы отпустили одного из американцев, взятых в Бейруте год назад...

Хомейни и в других случаях демонстрировал циничный практицизм. Аятолла, всегда призывавший к искоренению социалистических идей, снабжал дешевой нефтью Сирию с ее полусоциалистической партией БААС, стоящей у власти. Иранцы продавали Сирии нефть на три доллара дешевле официальной цены, а один миллион тонн ежегодно Хафез Асад получал бесплатно. Щедрость аятоллы объяснялась просто — Асад поддержал Иран в войне против Саддама Хусейна.

Первым пострадал маленький Бахрейн, где по команде Хомейни поднялись местные шииты. Затем в Саудовской Аравии шииты попытались захватить здание великой мечети в Мекке, что закончилось кровопролитием.

В марте 1982 года триста восемьдесят лидеров шиитских общин со всего мира собрались в Тегеране и реши-

ли, что Хомейни должен огнем и мечом распространять ислам среди неверных. Тогда же в Иране была создана сеть учебных лагерей для террористов, на что ассигновали примерно сто миллионов долларов. В иранском министерстве иностранных дел появился департамент по делам освободительных движений (или, как его чаще именуют, по экспорту исламской революции).

В мае 1984 года Хомейни одобрил декрет о создании групп террористов-камикадзе. Армия получила приказ выделить лучших инструкторов для обучения полутора тысяч террористов.

Всеядность опасна для жизни

Шииты, составляющие большинство ливанцев, — это сельское население, бедное и необразованное. Все важные должности в стране занимали христиане и мусульмане-сунниты. Шиитами пренебрегали. Они почувствовали себя силой после того, как их единоверцы в Иране свергли шаха.

Лидером ливанских шиитов, который сначала брал деньги от шахской тайной полиции САВАК, а затем перешел на сторону Хомейни, был имам Муса Садр, сын основателя религиозного университета в Куме. В конце 60-х годов он создал Движение обездоленных, привлекая к себе шиитскую бедноту обещаниями счастья в будущей жизни.

Муса Садр начал готовить своих боевиков в лагерях палестинцев. Помогал ему лидер Народного фронта освобождения Палестины Жорж Хаббаш. Впрочем, Муса Садр никоим образом не был сторонником палестинцев и даже, наоборот, считал, что им нечего делать в Ливане (он требовал от палестинцев прекратить атаки на Израиль с ливанской территории, потому что ответные удары израильтян приходится и по шиитским деревням).

Он умудрялся получать поддержку у всех сил на Ближнем Востоке, даже от израильтян, и создал организацию «Амаль» с мощным военным потенциалом.

Эта всеядность для него плохо кончилась. В августе 1978 года председатель Высшего исламского совета ши-

итов имам Муса Садр отправился в Ливию, чтобы получить очередную порцию денег у Каддафи, и исчез. Считается, что Садр был убит по приказу начальника службы безопасности Ливии генерала Мустафы Харруби, хотя в Триполи, разумеется, это категорически отрицают. Вероятно, Муса Садр добивался ухода палестинцев из Ливана, а Каддафи, напротив, требовал от палестинцев большего ожесточения в борьбе с израильтянами.

Именно в Тире, где преподавал Муса Садр, зародилась идея «живых бомб». Считается, что ее предложил студент инженерного факультета Мохаммед Саад.

Через несколько лет после смерти Мусы Садра движение «Амаль» раскололось. Из нее выделились сторонники аятоллы Хомейни, создавшие в Ливане филиал партии «Хезболла». Ее возглавил шейх Аббас Мусави. Когда его боевики совершают террористические акции, они говорят, что представляют организацию «Исламский джихад».

Более умеренные шииты остались в «Амаль», которую возглавил Набих Берри. Он вошел в правительство Амина Жмайеля, сформированное после вторжения в Ливан израильских войск в 1982 году. Берри был против того, чтобы оказывать сопротивление израильтянам, поскольку он хотел, чтобы сначала Израиль выбил из Ливана палестинцев. Затем, когда палестинцы эвакуировались, он приказал своим отрядам атаковать израильские части.

Семейная профессия клана Мусави

· Партию «Хезболла» основал аятолла Махмуд Гаффари в 1973 году в Куме. Он был впоследствии арестован шахской полицией и умер в тюрьме. В год его смерти партия состояла из одного человека — из него самого. Теперь численность партии превышает миллион человек.

О ней вспомнил аятолла Хомейни, когда ему надо было расправиться со своими политическими противниками. Члены «Хезболла» — в основном люмпенизированная молодежь, безработные — ухватились за возможность не только заработать (а им платили за участие в каждой ак-

ции), но и расправиться с теми, кто им был ненавистен. Боевики «Хезболла» убивали лидеров оппозиции, журналистов, которые не прислушивались к указаниям власти.

Об идеологии «Хезболла» можно судить по словам одного из ее лидеров шейха Рагиба Харба:

— Ты начнешь жить только тогда, когда убьешь свое «я». «Я» — это замаскированный сатана. Убей его, и ты будешь спасен. Мусульмане счастливы потому, что они могут полностью уничтожить свое «я». В исламе есть ответы на любые вопросы. Что должен делать человек, так это повиноваться правилам и не задавать вопросов.

После убийства имама Мусы шиитское движение в Ливане раскололось. Группу «Амаль ислами» возглавил Хусейн Мусави. Он окончил Тегеранский университет, обладал мощными связями в окружении Хомейни и был заместителем лидера «Амаль». Его двоюродный брат был первым секретарем в иранском посольстве в Бейруте. Еще несколько родственников занимали видные посты в Тегеране, один из них — Мир Хусейн Мусави — был даже одно время премьер-министром.

Когда Израиль в 1982 году выбил из Ливана палестинские боевые формирования, там возник вакуум. Тогда Иран перебросил на юг Ливана полторы тысячи бойцов из корпуса стражей исламской революции. Иранцы привезли с собой оружие, деньги и стали учить шиитскую молодежь военному делу.

Осенью 1982 года Хусейн Мусави установил контроль над северной частью долины Бекаа, изгнав оттуда войска ливанского правительства.

Его боевые группы «Хезболла» разместились на территории Ливана как у себя дома. Впрочем, его группа действовала не только в Ливане, но и в Ираке, в Персидском заливе, Северной Африке и даже в Афганистане.

С иранской помощью там сформировалась «Хезболла», «Партия Аллаха», которая поставила перед собой одну задачу — изгнать израильтян из Ливана. Как и в Иране, ключевую роль играют шиитские священнослужители. Они не только призывают в мечетях сражаться с неверными, но и сами руководят боевыми операциями.

Духовным лидером «Хезболла» стал Сейед Мохаммед Хусейн шейх Фадлалла, утвержденный на этот пост Ираном. Он постоянно приезжал в Тегеран. Его принимал сам аятолла Хомейни, который лично присвоил ему почетное религиозное звание ходжат-оль-эслама. Потом Фадлалла был провозглашен аятоллой. Он заявил, что намерен установить в Ливане исламский режим по типу иранского. В те годы Фадлалла во время пятничных намазов провозглашал лозунг «Смерть Советскому Союзу!».

Когда-то Фадлалла бежал из Ирака. Он и шагу не делал без личной охраны, вооруженной «калашниковыми». Он объяснял иностранным журналистам, что оружие — самый убедительный аргумент для тех «людей, которые не понимают мою концепцию мира». Он сам напутствовал юных самоубийц (некоторым из них было не больше четырнадцати) перед тем, как отправить их на задание, с которого не возвращаются.

Ему помогало примерно двести кадровых сотрудников министерства исламской ориентации Ирана и комитета стражей исламской революции. Все они были выходцами из иранской провинции Хузестан, где говорят по-арабски, что позволяло им легко общаться с ливанцами.

«Хезболла» получила артиллерию, минометы, зенитные ракеты и бронетранспортеры. Помимо религиозных фанатиков и уголовных элементов, в отряды «Хезболла» охотно вступала безработная шиитская молодежь, потому что там хорошо платили — иранскими деньгами. Сонные деревни, как в Афганистане, а до этого во Вьетнаме, превратились в очаги сопротивления.

Асад готов помочь

Шиитские террористы заставили говорить о себе весь мир в 1983 году. Как ни странно, именно Израиль дал им возможность развернуться, выгнав из Ливана палестинцев, которые были на ножах с шиитами. Одновременное появление в Ливане американцев, французов и израильтян означало появление врагов, которых следовало уничтожать.

В апреле 1982 года в столице Ливана два террориста врезались на машине в здание посольства Соединенных Штатов. Погибло шестьдесят девять человек.

В октябре еще один смертник направил свой грузовик, начиненный взрывчаткой, в казарму американских пехотинцев там же, в Бейруте. Погиб двести сорок один человек.

Затем другой самоубийца взорвал себя вместе с пятьюдесятью восемью французскими парашютистами.

Израильская контрразведка Шин-Бет поняла, что столкнулась с новым противником, когда молодой человек в «мерседесе», полном взрывчатки, врезался в казарму израильской армии в Южном Ливане. Погибло шестьдесят семь человек, половина из них были местные ливанцы.

У всех террористов-самоубийц было нечто общее — они были шиитами.

Прежде террористы не планировали самоубийственные миссии. Все-таки они не могли отказаться от естественного стремления выжить. Но шиитские террористы нового поколения изначально отказались думать о выживании. Если террористы упрямо повторяют: «Никто из нас не боится умереть. Наши принципы и цели важнее наших жизней», то как же с ними бороться?

Идея самоубийственных акций тоже была позаимствована у Ирана. Во время войны с Ираком иранских подростков посылали на минные поля — чем больше мучеников, тем выше моральный дух армии. «Хезболла» воспитывает детей в убеждении, что, отдав жизнь в бою, они будут вознаграждены вечным пребыванием в райских кущах, которых им не видать, если они мирно доживут до старости.

В камикадзе арабские террористы берут в основном молодых людей, часто девушек, тех, кого полиция менее всего склонна подозревать в преступных намерениях.

В 1985 году Национал-социалистическая партия Сирии, которая действует в Ливане, первой послала на самоубийственное задание молодую женщину. Ее прощальное обращение к родным было записано на видеомэгнитофон и затем показано по ливанскому телевидению.

Одетая в европейский костюм, в малиновом берете, юная террористка уверенно произнесла в объектив видеокамеры, что чувствует себя совершенно спокойно, потому что просто выполняет свой долг перед народом.

Сказав своим родителям, что идет в магазин, она села в белый «пежо», начиненный взрывчаткой, и направила его на израильский джип.

Израильтяне ответили обычным способом. Они нашли учебный лагерь национал-социалистов, где готовили камикадзе. Два израильских самолета обстреляли ракетами этот лагерь, почти полностью его уничтожив.

Но эту новую волну терроризма остановить очень трудно.

Израильская разведка располагала достаточно большой агентурой в среде палестинцев, но шиитами прежде никто не интересовался. Обычный израильский ответ на теракты — воздушные налеты на палестинские лагеря — в данном случае был неэффективен. Бомбы сыпались на деревни, где невозможно было отличить террориста от обычного крестьянина.

Ответственность за все акции брала на себя организация «Исламский джихад», этим именем пользовалась «Хезболла». Она сотрудничала не только с иранской, но и с сирийской разведкой, которая располагает хорошей агентурой в Ливане. Без сирийцев «Хезболла» не смогла бы так успешно атаковать американцев, французов и израильтян. Первая встреча руководителей «Хезболла» и сирийского президента Хафеза Асада состоялась в ноябре 1984 года.

Тогда Асад разрешил доставку иранского оружия ливанским шиитам через свою территорию. Вскоре после этого в Дамаске состоялась уже трехсторонняя встреча между иранцами, сирийцами и ливанскими шиитами. Речь шла о сотрудничестве и взаимопомощи в организации террористических акций.

Хафез Асад и его сын Башар, сменивший его на посту президента страны, принадлежат к небольшому алавитскому меньшинству — эта секта близка к шиитам. Летом 1988 года руководители «Хезболла» еще раз встретились с Асадом и обещали учитывать то, что Ливан входит в сферу интересов Сирии.

Все это, впрочем, нисколько не означало, что у Сирии и Ирана интересы в Ливане совпадают. Иран желает видеть Ливан вторым шиитским государством. Сирию же интересуют не конфессиональные проблемы, а полная подчиненность соседнего государства ее политике. В начале 1988 года это привело к жестокой войне между «Хезболла», поддерживаемой Ираном, и движением «Амаль», которому симпатизирует Сирия.

На грузовике в рай

После взрыва казармы американских морских пехотинцев американская и израильская разведки впервые приблизились к тайнам шиитских террористов.

Им удалось выяснить, что грузовик, который наполнили взрывчаткой, раздобыл двоюродный брат Хусейна Мусави — Хайдар Мусави. Расследование позволило назвать имя еще одного человека, который помог организовать взрыв, — это был подполковник сирийской разведки, который до этого под дипломатическим прикрытием занимался организацией террористических акций в Париже.

Взрыв, подобный бейрутскому, прогремел в декабре 1983 года в столице Кувейта: грузовик, тяжело груженный взрывчаткой, взорвался на территории американского посольства. Погибло пять человек, ранено восемьдесят семь.

В планировании и проведении акции участвовали восемнадцать боевиков-шиитов, изгнанных из Ирака и нашедших убежище в Иране. Еще двое принадлежали к группе Хусейна Мусави.

На кувейтских и американских следователей произвел большое впечатление профессионализм террористов. Все участвовавшие были разбиты на семь ячеек, которые действовали самостоятельно. Провал одной ячейки не мог привести к провалу остальных.

Постепенно «Хезболла» создала в Ливане свое мини-государство, изгоняя из контролируемых ею районов друзов, христиан и суннитов. Несколько тысяч человек лидеры «Хезболла» держали у себя в тюрьмах. «Хезболла»

превратила захват заложников в постоянную кампанию, особенно она охотилась за американцами.

Шииты сменили палестинцев в качестве главных угонщиков самолетов. Летом 1984 года один иранец и два ливанца захватили самолет «Эр-Франс», вылетевший из Франкфурта-на-Майне, и посадили его в Тегеране. Французы отказались выполнить требование угонщиков — освободить пять иранцев, осужденных за попытку убить живущего в эмиграции бывшего иранского премьер-министра. В конце концов угонщики все же освободили заложников. Иранские власти, естественно, не стали наказывать правоверных.

В середине декабря того же года шиитская группа захватила кувейтский самолет, летевший в Пакистан, и посадила его в Иране. На сей раз похитители были очень жестоки. Они убили двух американцев, ранили двух кувейтцев и мучили остальных пассажиров, получая все, что им было необходимо, от иранских властей.

В июне 1985 года они захватили самолет американской авиакомпании «ТВА», летевший из Афин в Рим. Оперативники из американского спецподразделения по борьбе с терроризмом «Дельта» были срочно переброшены на Ближний Восток, но ничего не смогли сделать. Опасаясь атаки, террористы все время перегоняли самолет из Алжира в Ливан. Они убили одного из пассажиров — американского военного моряка — и в результате добились своего.

По просьбе Соединенных Штатов Израилю пришлось выпустить пятьсот осужденных шиитов из своих тюрем ради того, чтобы «Хезболла» освободила экипаж и пассажиров.

В апреле 1988 года «Хезболла» захватила самолет кувейтской авиакомпании и потребовала освободить семнадцать своих бойцов, которые отбывали срок в кувейтских тюрьмах по обвинению в терроризме.

Искусство метать бомбы

Бойцов «Хезболла» вербует прежде всего из числа иракских шиитов, бежавших от Саддама Хусейна. Во время ирано-иракской войны их сводили в отдельные батальоны и они сражались на стороне Тегерана.

Все новички проходят подготовку в лагере неподалеку от священного города Кум. Там не только учат обращению со взрывчаткой и изготовлению бомб, но объясняют величие миссии воинов Аллаха, отдающих жизнь во имя идей Хомейни.

Шиитский интернационал действует не только на Ближнем Востоке, но и в Европе. В 1984 году шиитская террористическая группа убила в Париже трех иранских эмигрантов. В апреле 1985 года подложила бомбу в кино-театр, где шел фестиваль еврейских фильмов. Тогда же взорвала бомбу в испанском ресторане, часто посещаемом американцами, которые служат на расположенной неподалеку военной базе. Погибло восемнадцать человек, из них четырнадцать женщин.

В Мадриде шиитские террористы подложили бомбу в здание аэропорта и попытались убить ливийского дипломата — в отместку за убийство Мусы Садра.

Швейцарская полиция в 1984 году арестовала в цюрихском аэропорту ливанца, который пытался провести в Рим детонаторы, чтобы взорвать американское посольство в Италии. Не получилось. Тогда подложили бомбу в багажное отделение римского аэропорта. Так начинался шиитский терроризм.

Шейх Аббас Мусави превратил «Хезболла» — благодаря помощи иранцев — в одну из самых процветающих организаций. «Хезболла» — это исламские школы, больницы, клубы и магазины. «Хезболла» располагает восьмитысячным отрядом боевиков. Каждому партия платит четыреста долларов за теракт и накануне выезда на задание устраивает им краткосрочное «приятное свидание» с кем-то из вдов погибших бойцов.

Главная цель шиитских боевых формирований — Израиль. «Хезболла» обстреливает Израиль с помощью полученных от палестинцев советских ракетных установок «катюша». Задача «Хезболла» — сорвать мирные переговоры на Ближнем Востоке, а со временем и уничтожить еврейское государство.

Израиль отвечает ударом на удар. Контрразведка Шин-Бет полагала, что сможет подавить «Хезболла», если станет методично уничтожать лидеров партии. А если еще

местное население наказывать за каждый теракт, совершенный «Хезболла», то рано или поздно деревни повернутся против шиитских боевиков...

Получилось иначе. Всякий раз, когда израильская авиация наносила ответный удар по базам «Хезболла», которые находятся в густо населенных районах, гибли невинные люди, и сразу новые добровольцы вступали в партию.

В 1992 году израильские ВВС уничтожили кортеж, в котором ехал генеральный секретарь «Хезболла» шейх Аббас Мусави. Израильские военные хотели реабилитировать себя за успешные операции «Хезболла» и вообще сквитаться с Мусави за все его преступления.

Но, как ни странно, «Хезболла» это было только на руку. В тот момент в Ливане закончилась гражданская война, страна готовилась к выборам. Ливанцы хотели мира. Убийство шейха дало повод возобновить борьбу. Ситуация на юге ухудшилась. «Хезболла» обстреливала из «катюш» израильские деревни, в ответ израильская авиация бомбила шиитские деревни.

Новым генеральным секретарем избрали шейха Хассана Насраллу. Он заявил, что атаки на Израиль будут продолжаться.

Когда его восемнадцатилетний сын погиб во время перестрелки с израильской полицией, Насралла сказал:

— Я горжусь тем, что мой сын погиб в сражении. Чем больше будет среди нас жертв, тем сильнее будет стремление уничтожить сионистского врага.

«Хезболла» оказалась куда более опасным противником, чем палестинцы. Разведывательная сеть израильской армии в Ливане практически перестала существовать. «Хезболла» уничтожала всех, кого подозревали в сотрудничестве с израильтянами.

За один год «Хезболла» схватила больше ста человек, которых подозревали в сотрудничестве с израильтянами. Некоторые из агентов оказались двойниками. Один из них осенью 1997 года заманил взвод морского спецназа в ловушку, одиннадцать израильтян погибло на минном поле.

Внутри «Хезболла» существует сразу несколько специальных служб.

Специальная служба безопасности, которая действует в тесном контакте с иранскими коллегами и занимается террористическими акциями. Часто совершала операции от имени организации «Аль-Джихад аль-Ислами»;

Служба внешней безопасности осуществляет теракты за пределами Ирана. Когда кого-нибудь убивает, утверждает, что это совершила «Организация революционной справедливости»;

Агентурная служба — занимается проникновением в ливанские правительственные структуры и партии;

Служба безопасности — ведет борьбу с проникновением в «Хезболла» чужой агентуры, располагает сетью осведомителей.

«Хезболла» получила от Ирана ракеты, которые пробивали броню американских танков «центурион». Эти танки вывели из Ливана. Тогда «Хезболла» модернизировала ракеты, и они теперь пробивают броню израильского танка «меркава», который считался неуязвимым.

«Хезболла» — не только боевая организация и политическая партия, это государство в государстве. Она обзавелась своими школами, больницами, заводами, магазинами, газетами и телевидением. «Хезболла» заботилась о больных и стариках, о вдовах погибших, а взамен требовала самопожертвования в войне с Израилем.

Израильтяне проиграли эту войну. Ариэль Шарон, который в роли министра обороны руководил операцией по вторжению в Ливан, в роли министра иностранных дел предложил вывести войска из Южного Ливана. Правда, с одним условием: если «Хезболла» прекратит нападать на израильтян. Израильтяне ушли из Ливана.

Но лидеры «Хезболла» вслед за Ираном заявили, что Израиль не имеет права на существование и борьба с ним будет продолжаться до полного уничтожения еврейского государства.

А противостоять шиитским террористам очень трудно. Что можно противопоставить людям, которых сумели убедить в том, что смерть лучше жизни?

МОЖНО ЛИ ИХ ОДОЛЕТЬ?

Всякий раз, когда террористы добиваются успеха, когда им удается кого-нибудь убить, взорвать, когда они берут заложников и начинают их убивать, власть кажется жалкой и бессильной, неспособной справиться с террором. Люди обвиняют полицию, специальные службы, армию обвиняют в скандальном бездействии, потакании преступникам.

И в самом деле: почему государство, армия, специальные службы не в состоянии справиться с группкой негодяев, которые держат в страхе все общество?

Почему государство не использует все средства и силы, которыми оно распоряжается? И если речь идет о людях, для которых закон не существует, то почему бы и не поставить их самих вне закона? Не стоит ли обращаться с террористами так, как они обращаются со своими жертвами?

Последовательные либералы считают, что бессильное государство лучше безжалостного. Соображения гуманности исключают жестокость даже по отношению к террористам. У государства нет цели важнее, чем сохранение жизни человека.

Есть противоположная точка зрения: безжалостное к террористам государство лучше бессильного, неспособного справиться с террором.

Сторонники этой точки зрения считают, что переговоры с террористами и выполнение их требований невозможны. До тех пор, пока террористы добиваются своего, террор продолжается. Государство не может позволить террористам шантажировать себя. Поэтому власти приходится быть сильной и безжалостной. Ведь обязанность государства состоит в обеспечении безопасности всего общества как целого. Ничего не поделаешь — в борьбе с террором приходится идти на очень многое. И прежде всего во имя безопасности страны и людей изменять собственным убеждениям.

Такая точка зрения имеет много сторонников. Вопрос состоит в том, что понимать под силой государства.

Для кого-то достаточно сильной рукой может быть только его собственная рука, которая владыка.

На самом деле сильное государство — это правовое государство, принявшее необходимые законы и создавшее службы, способные эти законы исполнять.

Так же пытались действовать испанцы в Басконии, англичане — в Ольстере. Французские власти вполне умеют быть жесткими. После того как в 1983 году в Ливане исламские террористы взорвали казарму французских парашютистов и погибло пятьдесят восемь человек, тогдашний президент Франсуа Миттеран приказал специальным службам найти и уничтожить исполнителей. Приказ был выполнен.

«ЧЕТВЕРТЫЙ МЕЧ РЕВОЛЮЦИИ»

Эти люди принадлежали к сливкам перуанского общества. Но несколько месяцев они по очереди сами чистили туалеты и спали на холодном полу. Эта судьба была уготована семидесяти двум заложникам, которых в конце 1996 года захватили перуанские террористы из левацкой группировки «Революционное движение имени Тупака Амару».

17 декабря 1996 года шестьсот гостей приехали в японское посольство в перуанской столице, чтобы участвовать в самом пышном дипломатическом приеме года.

Четырнадцать боевиков стремительно захватили посольство, и никто не сумел их задержать. Они отпустили большинство гостей, оставив семьдесят два человека. Террористы заявили, что согласны обменять заложников на четыреста своих товарищей, которые сидят в перуанских тюрьмах.

Террористы рассчитывали захватить и самого президента Перу Альберто Фухимори. Но в тот день президент ездил в одну из деревень, пострадавших от террористов. Он вернулся в столицу слишком поздно, чтобы отправиться на прием.

Среди террористов оказались две девушки, одной из них было всего семнадцать лет. Девушки приветствова-

ли тележурналистов, окруживших посольство, и слали им воздушные поцелуи. Заложники говорили, что девушки время от времени уединялись со своими парнями и возвращались очень довольные.

Министр — дежурный по туалету

В захваченном посольстве водопровод и канализация не работали. Министр иностранных дел Перу организовал дежурство по уборке туалета. Воду, одежду и белье взялись доставлять сотрудники Красного Креста. Заложников разместили на первом этаже посольства по двадцать человек в комнате. Сначала они спали на паркетном полу, потом все тот же Красный Крест привез матрасы. Кровати японского посла террористы использовали, чтобы укрепить двери на случай атаки.

Заложников поднимали с восходом солнца. Но иногда они просыпались еще раньше от грохота военных маршей, которые неслись из громкоговорителей, — так солдаты перуанской армии, блокировавшие посольство, щекотали нервы террористам.

Завтрак привозил Красный Крест — кофе, хлеб, сыр, джем. Точно так же доставлялись обед и ужин. Японцев даже угощали суси — любимым ими блюдом из риса и сырой рыбы. В посольстве находился порядочный запас спиртного, но террористы держали его под замком. Сигаретами заложников снабжал Красный Крест. Газеты террористы запретили, но разрешили слушать транзисторные приемники — батарейки доставлял все тот же Красный Крест.

Местный прохладительный напиток под названием «Инка-кола» получил грандиозную бесплатную рекламу, потому что его в больших количествах доставляли в захваченное посольство по просьбе Нестора Серпы, главы террористов.

Заложники читали книги из библиотеки посла, учили друг друга иностранным языкам, играли в карты, домино и шахматы. Две гитары прислали родственники. Комнаты не запирались, но заложники постоянно находились под присмотром минимум двух террористов.

По четвергам и воскресеньям заложники могли написать родным — на стандартных бланках Красного Креста. Террористы внимательно просматривали письма и всякую опасную для себя информацию вычеркивали.

Несмотря на внешне приличные условия содержания, с каждым днем состояние заложников ухудшалось. Лишь несколько человек бегали утром по балюстраде на первом этаже посольства, чтобы снять напряжение. Остальные погружались в тяжелую депрессию, предполагая, что эта история добром не кончится. Либо их расстреляют террористы, либо они погибнут при штурме посольства правительственными войсками.

Президент Фухимори сказал, что не прикажет атаковать посольство, пока все заложники в порядке. И пригрозил террористам, что немедленно отдаст приказ о штурме, если кто-то из них умрет.

Судьи в масках

«Революционное движение имени Тупака Амару» захватило японское посольство в Перу как раз в тот момент, когда считалось, что эта группа находится при смерти.

Лидер группы Виктор Полей Кампос сидел в тюрьме. При прежнем президенте страны, с которым они когда-то дружили, ему один раз удалось убежать из самой охраняемой в стране тюрьмы по аккуратно прорытому и даже освещенному подземному тоннелю. В следующий раз его поместили в подземный бункер, построенный под зданием штаба военно-морских сил.

Тупак Амару, чье имя взяла перуанская группа, — легендарный вождь индейцев, племянник и наследник последнего властителя инков. В конце XVI века он поднял восстание против испанского владычества. В 1571 году его схватили, и ему отрубили голову.

«Движение имени Тупака Амару» появилось в начале 80-х в качестве боевого крыла левого Народного демократического союза. Движение состояло из городской молодежи и студентов, чей кумир — кубинец Че Гевара. Они

надеялись повторить успех Фиделя Кастро и Че Гевары и взять власть в стране.

Члены группы всегда испытывали страсть к публичным акциям, которые привлекли бы к ним внимание. Они любили, например, захватив универмаг, раздавать еду нуждающимся.

Когда у группы возникала потребность в деньгах, она грабила банк. Поэтому группа могла похвастаться хорошим вооружением и современной техникой связи. Боевики распространяли свою газету в Интернете и несколько раз прерывали передачи перуанского телевидения, чтобы показать свой ролик.

Численность «Революционного движения имени Тупака Амару» и в лучшие времена не превышала двух тысяч человек. Многие из них бежали из страны в 1992 году, после того как тогдашний президент Перу Альберто Фухимори ввел чрезвычайное положение.

Пожалуй, только в Латинской Америке остались такие фанатичные поклонники левой идеи, которые не могут существовать без живительного воздуха революции.

В 1974 году в Париже сформировался координационный комитет латиноамериканских террористических организаций — Совет по координации революционной борьбы. В него вошли уругвайские «Тупамарос», аргентинская «Народная революционная армия» и боливийский «Фронт национального освобождения».

До 70-х годов кубинцы помогали всем латиноамериканским радикалам. Позднее — только избранным. Фидель Кастро стал налаживать нормальные отношения с Латинской Америкой, потому что почти весь континент числился во врагах Кубы. Политика оказалась важнее мировой революции. Латиноамериканские боевики обиделись на Фиделя, считая, что их предали.

Но они все равно пользуются любой возможностью, чтобы побывать на Кубе и вдохнуть живительный воздух революции. Для бывших чилийских партизан, никарагуанских сандинистов, сальвадорских борцов, перуанских боевиков поездка на Кубу — это словно возвращение в молодость. Трудностей жизни кубинцев

они не замечают. Латиноамериканцы, посвятившие себя революции, не могут освоиться в обычной жизни. Им было легче сражаться в подполье, чем вести нормальный образ жизни.

Обилие террористов-леваков угрожало нормальной жизни Перу, и президент Фухимори поклялся тогда извести террористов. С теми, кто подозревался в участии в террористической деятельности, в Перу обращались необыкновенно жестоко. Их судил военный трибунал в упрощенном порядке. Причем судьи сидели на процессах в масках, чтобы их нельзя было опознать.

Осужденных держали в тесных камерах без окон, полчасовая прогулка — раз в неделю. Иногда их не кормили, иногда они буквально умирали от холода — тюрьма для террористов вырублена в горе, и температура в камерах ниже нуля.

По некоторым сведениям, в тюрьмы попали примерно четыреста членов «Движения имени Тупака Амару». Этим людей и требовали освободить те, кто захватил японское посольство в Перу.

Никто не ожидал от них такой дерзкой и хорошо подготовленной акции.

Шампунь — лучший друг Мао

За два года до этой операции «Движение имени Тупака Амару» попыталось счастья, захватив заложников. Но тогда полиция действовала решительно, освободила заложников. Оставшиеся в живых повстанцы сдались. Был арестован и второй по значению человек в организации — Мигуэль Ринкон. Считалось, что с группой практически покончено. Это оказалось ошибкой.

На «Движение имени Тупака Амару» долго не обращали внимания потому, что оно действовало в тени более знаменитой маоистской партизанской армии «Сендеро луминосо» — «Сияющий путь». Ее лидер — бывший университетский профессор Абимаэль Гузман по прозвищу Шампунь. Почему его так называли? Потому что он мастерски промывал головы своим соратникам.

«Сияющий путь» получал вспомоществование от китайцев, поэтому террористы носили с собой красные цитатники Мао Цзэдуна. Группа вдохновлялась еще и мистицизмом древних инков.

Когда Мао умер, перуанские радикалы лишились поддержки. Зато они стали считать себя центром мирового коммунистического движения. Сам Гузман требовал именовать его «четвертым мечом мировой революции» или «вождем мировой революции». Тех, кто не признавал за ним этих титулов, он уничтожал.

В 1977 году «Сияющий путь» ушел в подполье. Боевики создали себе базу в Андах, запугивая крестьян и убивая тех, кого подозревали в сотрудничестве с армией. На счету группы не одна тысяча жизней.

Люди Гузмана предоставляли помощь и защиту наркомафии в Перу и таким образом зарабатывали деньги. Это нормальное явление для латиноамериканских ультралевых. Точно так же помогали наркомафии колумбийские террористы из «Революционных вооруженных сил Колумбии», которые вели войну с правительством тридцать с лишним лет. «Революционные силы» состоят из двенадцати тысяч боевиков. Они зарабатывают деньги, охраняя кокаиновые плантации и лаборатории...

В сельских районах Перу боевики «Сияющего пути» методично уничтожали все институты государственной власти и брали на себя управление. Профессор Гузман вел собственную народную войну по рецептам Мао Цзэдуна. При этом он сурово порицал происходившие после смерти Мао перемены в компартии Китая. Его люди развешивали на улицах Лимы плакаты с надписью «Дэн Сяопин — сукин сын».

Когда армия Перу спохватилась, было поздно: «Сияющий путь» умело противостоял регулярной армии. Был момент, когда казалось, что он сумеет свергнуть правительство и взять под контроль всю страну. Но президент Альберто Фухимори безжалостно подавил террористов. В 1993 году самого профессора Гузмана поймали и посадили...

Боевики из «Движения имени Тупака Амару», вероятно, полагали, что президент Альберто Фухимори, обыч-

но избегающий светской жизни, придет на прием в японское посольство, которое славится своей кухней.

Президент не только не скрывал своего японского происхождения, а, напротив, всегда говорил, что японцы — трудолюбивые и честные люди. Но он не пошел на прием, хотя там оказались его мать, сестра, которых террористы отпустили вместе с другими женщинами, и брат, который остался в руках террористов.

Почему решительный в других случаях президент Фухимори не приказал немедленно начать военную операцию по освобождению заложников?

Сын бедных иммигрантов из Японии, Фухимори был плохим оратором, но человеком дела. Его ужасный испанский не сравнишь с гладкой речью его предшественников, которые славно говорили, но довели Перу до бедности.

Фухимори бывал откровенным лишь с немногими. Те, кто знает его хорошо, говорят, что в трудный момент Фухимори предпочитает, чтобы его противники знали о нем как можно меньше. Молчание — это его политика.

Говорят, что президент с самого начала решил переиграть террористов, а потом их захватить. Фухимори террористов презирал и считал, что с ними можно разговаривать только языком силы. Но Фухимори не мог приказать взять посольство штурмом без разрешения правительства Японии. А премьер-министр Японии Хасимото требовал решить дело миром.

Поэтому президент Фухимори предложил террористам покинуть страну и даже сам съездил на Кубу, чтобы попросить Фиделя Кастро приютить террористов.

Но террористы отказывались уезжать из страны, а заложников соглашались обменять только на всех своих товарищей, которые отбывают сроки в перуанских тюрьмах. Эта операция закончилась для террористов провалом. Выждав время, Фухимори, который все-таки получил от японского правительства карт-бланш, приказал взять посольство штурмом и освободить заложников, что и было сделано. От этого сильнейшего удара боевики из «Революционного движения имени Тупака Амару» так и не оправались.

ИНЖЕНЕР-1 И ИНЖЕНЕР-2

Обычно сторонники жесткого ответа на любые террористические акции ссылаются на израильский опыт. Израиль, который ведет борьбу с террористами всю свою недолгую историю, всегда отвечает ударом на удар. Но демократическое государство все равно не может встать на одну доску с преступниками. И в этом его слабость...

Пример первый: скандал

12 апреля 1984 года четыре молодых палестинца сели на 300-й автобус в центре Тель-Авива, который отправился на юг, в город Ашкелон. Примерно на середине пути один из тридцати пяти пассажиров заподозрил неладное. Он попытался обратить внимание водителя на четырех подозрительных арабов, но ему это не удалось, и тогда он вскочил со своего места и закричал: «Террористы! Террористы!» Но было поздно...

То, что происходило в течение последующих двенадцати часов, стоило карьеры многим людям. Начальнику израильской контрразведки Шин-Бет Аврахаму Шалому пришлось уйти в отставку.

Один из палестинцев по имени Джамал показал водителю автобуса нож и ручную гранату и приказал ему ехать дальше. Второй палестинец — Мохаммед Барака — держал в руке некий распылитель. Третий занял позицию в середине автобуса, у него в руках был чемоданчик, из которого торчали провода. Его двоюродный брат Субни встал у задней двери и сказал, что у него есть граната.

— Не двигаться! — кричал пассажирам один из палестинцев. — К вам нет претензий. Мы просто хотим освободить наших товарищей из тюрьмы.

Они отпустили беременную женщину на остановке у портового города Ашдода, она и предупредила полицию.

Автобус пытались задержать, но он продолжал ехать, пока в нескольких километрах от города Газа солдаты не начали стрелять по скатам. Автобус остановился рядом с брошенной железной дорогой. Водитель выскочил из ав-

тобуса и побежал. Его сбили с ног солдаты, считая, что он один из террористов.

В 8:30 вечера, когда министру обороны Моше Аренсу доложили о захвате автобуса, полицейский отряд специального назначения и спецподразделение армии уже окружили автобус и ждали приказаний.

На месте событий собрались начальник генерального штаба генерал-лейтенант Моше Леви, командующий воздушно-десантными войсками бригадный генерал Ицхак Мордехай, директор Шин-Бет Аврахам Шалом, его заместитель Реувен Хазак и еще несколько старших офицеров контрразведки и большое количество оперативников.

Начались переговоры с руководителем группы террористов Джамалом, который все еще находился на водительском месте. Он потребовал устроить ему встречу с послом Египта и немедленно выпустить из израильских тюрем пятьсот палестинских заключенных.

Тем временем на соседнее поле доставили точно такой же автобус, и группа захвата приступила к тренировкам. Через пару часов она доложила о готовности приступить к освобождению заложников.

В 4:43 утра (наступил уже следующий день, пятница) группа захвата начала атаку. Телевизионщики чуть было не загубили дело: в поисках выгодного ракурса для съемок они осветили группу захвата в самый ответственный момент.

В перестрелке два террориста были убиты. Когда началась стрельба, все пассажиры бросились на пол, но нескольких ранили. Одна женщина позднее умерла от ран.

Двух оставшихся в живых террористов захватили. Когда их вывели из автобуса, командующий десантными войсками бригадный генерал Мордехай устроил короткий допрос. Его интересовало, нет ли у них еще оружия и не установлен ли какой-то хитроумный взрыватель-ловушка в чемоданчике со взрывчаткой.

Сапер благополучно обезвредил взрывчатку, и двух террористов передали сотрудникам Шин-Бет. В семь утра радио сообщило, что двое террористов убиты и двое арестованы. Но позднее представитель армии сообщил, что радиожурналисты ошиблись: двое террористов были уби-

ты на месте и еще двое умерли по пути в госпиталь в Ашкелоне.

Этой версии никто не поверил. Иностранные корреспонденты написали, что двоих палестинцев разъяренные контрразведчики, судя по всему, убили после поимки.

28 апреля министр обороны Моше Аренс поручил инспектору министерства обороны отставному генералу Меиру Зореа провести расследование. Министр Аренс позволил директору Шин-Бет Шалому ввести в состав комиссии своего сотрудника — Иосэфа Гиноссара.

Гиноссар был руководителем управления Шин-Бет в северном округе и руководил борьбой с шиитскими и палестинскими террористами в Южном Ливане.

Руководитель контрразведки объяснил министру, что хочет избежать ненужных трений между Шин-Бет и армией. Министр Аренс нашел его аргументы справедливыми.

Но ему быстро стало известно, что Гиноссар просто передает своему директору все, что становится известно комиссии. Каждый день поздно вечером они встречались в доме юридического советника Шин-Бет и решали, как им вывести контрразведку из-под удара.

Шалом принимал участие во всех серьезных операциях Шин-Бет. Но он так и остался оперативником и не очень годился в начальники.

Правительственная комиссия пришла к выводу, что палестинских террористов убили после задержания. Тогда уже было назначено формальное расследование. Его проводил прокурор, педантичный юрист в очках Иохан Блаттман.

Когда он и его помощники допрашивали сотрудников Шин-Бет, выходило, что приказ убить пойманных палестинцев отдал командир десантников генерал Мордехай.

Все показания сотрудников Шин-Бет были согласованы. Они рассказывали, что палестинцев поставили на колени, а Мордехай бил их рукояткой пистолета по голове.

Генерал Мордехай был хорошим офицером с замечательным послужным списком. Армия встала на его защиту. Нашлись свидетели, которые утверждали, что десантники передали пленных шинбетовцам живыми. Но это не помогло генералу. Закончив расследование, про-

курор Блаттман предложил привлечь Мордехая, пятерых контрразведчиков и троих полицейских к суду.

Заместитель директора Шин-Бет Реувен Хазак пришел к своему директору Шалому и потребовал от него, чтобы тот ушел в отставку. Он обвинил своего начальника в том, что он, спасая честь мундира, пытался скрыть правду и лжесвидетельствовал против генерала Мордехая.

Возмущенный Хазак и два его близких друга — Рафи Малка, начальник оперативного отдела Шин-Бет, и Пелег Радаи, начальник отдела охраны, — долго обсуждали эту историю между собой. Они пришли к выводу, что попытка замолчать происшедшее дискредитирует репутацию Шин-Бет и моральные принципы ее сотрудников.

Но директор Шин-Бет Шалом отказался уйти в отставку. Тогда Хазак дождался отъезда Шалом за границу и на правах исполняющего обязанности директора Шин-Бет пришел с докладом к премьер-министру Шимону Пересу.

Хазак и его друзья занимали высокие должности в спецслужбе, они были приравнены к армейским генералам. Обычно в правительстве к ним прислушивались. Но разговор с премьер-министром не получился.

Опытный директор Шин-Бет уже успел настроить Переса против своего излишне амбициозного заместителя. Перес дал понять, что понимает личные мотивы Хазака — он пытается свалить директора и намерен занять его место. Хазак немедленно изъявил готовность подать в отставку, если это необходимо для того, чтобы ушел Шалом. Перес покачал головой. Он верил начальнику контрразведки.

Премьер-министр предложил или отправить Хазака в отставку, или послать учиться за границу. Хазак подал рапорт и ушел из Шин-Бет. Затем убрали и его друга Малку. Из тех, кто поднял бунт против начальника, остался один Радаи. Вскоре ему тоже пришлось уйти.

Тогда Хазак совершил нечто неожиданное — вынес сор из избы. Он пошел к генеральному прокурору Израиля профессору Ицхаку Замиру и все ему рассказал.

Допрос Хазака и его друзей продолжался несколько дней. После чего генеральный прокурор отправился к премьер-министру Шимону Пересу и потребовал отпра-

вить в отставку директора Шин-Бет. Об этом очень быстро стало известно всей стране.

Теперь уже ничто не могло остановить скандал.

Заговорили об ответственности правительства. В момент захвата автобуса премьер-министром был Ицхак Шамир, но затем премьером стал Шимон Перес — после создания в сентябре 1984 года правительства национального единства. Ему и предстояло расплачиваться за чужие грехи.

Директор Шин-Бет признался, что приказал убирать террористов, но отдал такой приказ, подчиняясь премьер-министру Шамиру, который недвусмысленно объяснил ему, как следует обращаться с террористами, взятыми с поличным.

Шамир сказал полицейским, что помнит такой разговор, но его никак нельзя было понять как разрешение убивать арестованных. Следствие пришло к выводу, что бывший премьер-министр не виноват в убийстве двух арестованных.

Генеральный прокурор отметил, что Шин-Бет находится в сложном положении, пытаясь совместить необходимость соблюдать законы и обязанность любыми средствами выполнять свои задачи. Следователи признали, что трудно проводить эффективные операции, строго следуя закону. Но ничего иного государственные учреждения позволить себе не могут.

Отставка директора службы безопасности в июне 1986 года плохо повлияла на настроения оперативников. Младшие офицеры были разочарованы. Они считали, что политики и юристы были несправедливы к офицерам Шин-Бет, что их тяжелая и неблагодарная работа осталась недооцененной.

Пример второй: успех

На май 1996 года были назначены очередные парламентские выборы. Премьер-министр Шимон Перес имел все основания полагать, что он победит. По опросам общественного мнения, он опережал своего соперника —

молодого лидера правых Биньямина Нетаньяху — на целых двадцать пунктов.

Когда выборы уже были назначены, руководитель службы безопасности пришел к премьер-министру, чтобы сообщить ему сенсационную новость. Контрразведчики все-таки выследили палестинского террориста, который так ловко мастерил взрывные устройства. Это он сооружал бомбы, которыми были убиты семьдесят мирных жителей и двести пятьдесят ранены. Террориста звали Ихья Аяш, и он носил кличку Инженер.

Его искали четыре года. Он скрывался на Западном берегу реки Иордан, населенном арабами. Он был неприметным человеком, ни у кого не вызывавшим подозрений. Но и у него оказалось одно слабое место — с другими террористами он связывался по мобильному телефону. Эта незаменимая новинка нашего времени погубила изобретательного террориста.

Для начала контрразведка сумела выяснить его номер. С помощью телефонной компании устроили так, что Инженер решил, будто его аппарат испорчен, и понес его в ремонт. В мастерской агенты контрразведки тайно заложили в телефонную трубку взрывчатку, вернули аппарат владельцу и попросили у начальства разрешения уничтожить врага.

Такой приказ мог отдать только премьер-министр.

Шимон Перес, опытный политик, знал, что теперь все надо делать в расчете на приближающиеся выборы.

Надо думать, Перес понимал, как опасно вступать в вендетту с профессиональными террористами. Но накануне выборов он не мог позволить себе выглядеть слабым политиком. Шин-Бет нашла бы возможность довести до сведения всего общества, что премьер-министр не позволил наказать убийцу мирных граждан. Словом, Перес сказал «да».

Через несколько дней работавший на израильскую службу безопасности друг Инженера позвонил террористу домой. Когда тот ответил, взрывчатку взорвали с помощью радиосигнала. Инженер отправился в мир иной.

Тогда многие сочли эту акцию справедливой. Око за око. Убив семьдесят человек, Инженер заслужил смерт-

ную казнь. Лишь немногие в тот момент задумались над тем, что на Ближнем Востоке месть никогда не приводила ни к чему хорошему.

Через семь недель после устранения Инженера террористы из радикальной организации «Хамас» взорвали пассажирский автобус в Иерусалиме. Погибло шестьдесят человек. Террористы объявили, что они мстят за Инженера, чьим именем палестинцы называли одну из площадей в Иерихоне. Это было только начало. Поднялась настоящая волна террора. И вскоре появился Инженер-2.

Его звали Мухи аль-Дин Шариф. Он подготовил целое поколение подрывников, которые беспрекословно подчинялись приказам лидеров организации «Хамас». Она появилась в 1988 году, отпочковавшись от всеарабской организации «Братья-мусульмане». Ее цель — очистить Палестину от израильтян.

«Братья-мусульмане» широко распространились в Египте, Иордании, Ираке, Тунисе и Сирии. Официально они отрицают свою причастность к политической жизни, говорят, их задача — «нести религию в массы, воспитывать молодое поколение в духе ислама и внушать молодежи безразличие и неприязнь к светской жизни».

В реальности «Братья-мусульмане» ставят перед собой задачу захватить власть в каждой отдельной арабской стране, чтобы в конечном итоге образовать единое исламское государство. Скажем, в Сирии численность глубоко конспирированной организации превышает пятнадцать тысяч человек.

После того как президент Хафез Асад в 1982 году жестоко подавил восстание «Братев-мусульман», исламисты ушли в подполье и перешли к террористическим акциям. Они взрывают нефтепроводы, опоры линии электропередач, которые связывают Евфратскую плотину с Дамаском. Они пытались взорвать Хомский нефтеперерабатывающий завод, направив на него автомашину, начиненную взрывчаткой.

Ненависть к Советскому Союзу трансформировалась в теракты, направленные против построенных с советской помощью объектов. В 80-е годы от рук исламистов погибло девятнадцать советских специалистов, работавших в Сирии.

Боевые структуры «Братьев-мусульман» насчитывают две с лишним тысячи боевиков — это физически подготовленные и фанатично настроенные молодые сирийцы. Боевая организация действует по приказам исполнительного бюро. Военно-диверсионную подготовку они проходят на территории Афганистана и Ирака, который на ножах с Сирией.

«Хамас» значительно радикальнее Организации освобождения Палестины. Для руководителей «Хамас» Ясир Арафат — предатель, потому что он ради создания независимого палестинского государства согласился на переговоры с израильтянами, вместо того чтобы их убивать. В 1992 году военное крыло «Хамас» приступило к боевым действиям.

Главная тактика — самоубийственные акции, когда молодой парень или девушка взрывали себя где-нибудь на людной улице или на рынке.

Инженер-2 был неуловим. Однажды его почти настигли, но ему удалось убежать из дома за какие-то секунды до того, как за ним приехала полиция. В другой раз полицейские обстреляли подозрительную машину, которая не подчинилась приказу остановиться. Один из пассажиров был убит, другому удалось скрыться. Считается, что это был Инженер-2.

Его родственники рассказывали, что Инженер-2 — спокойный, уравновешенный человек, склонный к уединению и не нуждающийся в компании. В первый раз он попал в тюрьму за участие в интифаде — восстании палестинцев, которые забрасывали полицию камнями. Но тюрьма, как известно, мало способствует исправлению нравов и перевоспитанию молодежи. В случае Инженера-2 боевиком его сделала тюрьма. Он вошел в тюрьму бунтарем, а вышел из нее террористом.

Он вел себя крайне осторожно, встречался только с теми, кого давно знал, постоянно менял квартиры и иногда переодевался в женскую одежду.

Шин-Бет была почти в отчаянии из-за неспособности поймать Инженера-2. Тем более, что контрразведчики получили информацию о том, что он готовит группу боевиков, которая постарается убить Ясира Арафата.

Тогда власть над палестинцами перешла бы к лидерам «Хамас», которые никогда не смирятся с существованием Израиля.

После того как очередной палестинец взорвал себя вместе с еще тринадцатью израильянами, большинство которых были школьниками, даже самые либеральные политики в Израиле заговорили о мести. А ястребы требовали крови — выслать всех арабов с территории Израиля или, как минимум, снести с лица земли деревни, в которых жили террористы.

Министры не знали, что делать. Один из них горько сказал на заседании кабинета:

— Невозможно видеть по телевизору восьмилетнюю девочку, которая в ужасе рассказывает о том, как она увидела свою подружку без головы, а потом поняла, что голова лежит рядом, отдельно от тела.

Министр повернулся к главе правительства Шимону Пересу:

— Это настолько ужасно, Шимон, что требует какого-то ответа.

До выборов оставалось два месяца.

Перес отверг все требования о жестокой мести. Он был как камень, вспоминал один из участников совещания, он ни на минуту не потерял своего спокойствия, ни разу не возвысил голос. Он выслушал всех, потом сказал:

— Не будем тратить времени. Вы же понимаете, что произойдет, если мы проведем военную операцию. Я жду реальных предложений.

Перес не отдал приказа о жестком ответе, не привел в действие военную мощь Израиля, но потребовал бороться с террористами методами спецслужб.

История с Инженером показала Пересу: какой бы вариант он ни принял, все равно он что-то проиграет. Если он проявит мягкость, люди скажут, что надо голосовать за другого человека, который пообещает сокрушить терроризм. Если он будет слишком жесток, то Арафат и палестинцы восстанут и его обвинят в неспособности управлять страной...

Так и получилось. Палестинский террор, с которым не смогла справиться Шин-Бет, заставил израильян прого-

лосовать не за Шимона Переса, а за его соперника Биньямина Нетаньяху.

Если бы Перес в январе того года не дал Шин-Бет санкцию на уничтожение Инженера, он, скорее всего, остался бы премьер-министром. Правда, Инженера-2 все-таки уничтожили. Его застрелили, когда он сидел в машине, а потом взорвали ее. Его останки были так изуродованы, что на опознание ушло несколько дней...

Пример третий: провал

30 июля 1997 года израильский кабинет министров срочно собрался в Иерусалиме. Министры обсуждали только один вопрос: как ответить на серию взрывов, организованных «Хамас», в результате которых погибло шестнадцать человек?

Больше всего досталось контрразведке Шин-Бет за неспособность совладать с подрывниками «Хамас». Но работать Шин-Бет стало значительно труднее после того, как в Осло, столице Норвегии, после долгих секретных переговоров в сентябре 1993 года израильтяне согласились на создание независимого палестинского государства.

Когда премьер-министр Израиля Ицхак Рабин и председатель Организации освобождения Палестины Ясир Арафат подписали мирное соглашение, больше всего горевала израильская контрразведка.

В Шин-Бет понимали, что соглашение с палестинцами было необходимо, но с этого момента офицеры Шин-Бет лишились права свободно действовать на палестинских территориях. Имелось в виду, что их обязанности возьмет на себя палестинская полиция, которая будет бороться с террористами. Но получилось иначе, и начальник Шин-Бет Карми Гилон говорил, что соглашения, подписанные в Осло, — это ошибка. Израильская контрразведка лишилась своей агентуры на оккупированных территориях, а палестинской полиции не так-то просто было сажать за решетку тех, кто боролся с Израилем.

Палестинскую спецслужбу «Аль-Мухарабат аль-Амма» (Общая секретная служба) возглавил Амин аль-Хинди. В

Израиле считают, что он причастен к убийству израильских спортсменов на Олимпиаде 1972 года в Мюнхене.

Больше всего офицеры Шин-Бет сожалели, что они больше не могут допросить любого подозреваемого. Проникнуть в боевые ячейки исламских террористических групп почти невозможно. Одну такую группу, которая убила пять человек, удалось раскрыть только после того, как один член группы взорвал себя вместе с посетителями кафе в Тель-Авиве. В кармане куртки нашлись обгоревшие обрывки удостоверения личности, это позволило арестовать всю группу.

Поэтому, захватив кого-то с оружием в руках, следователи Шин-Бет любыми путями старались развязать ему язык и заставляли называть имена тех, кого он знал. Арестовывали их, и тоже допрашивали, и тоже заставляли называть имена. Так шинбетовцы шли по цепочке, пока не добивались до руководителей боевой группы... Теперь они были лишены такой возможности.

После серии взрывов в Иерусалиме оперативная группа Шин-Бет схватила одного из террористов в тот момент, когда он мирно пил кофе в одном из палестинских городов, уверенный в том, что его никто не тронет. Это было нарушением договоренностей, и палестинские власти были недовольны. А офицеры Шин-Бет говорили, что в прежние времена они бы допросили всех посетителей кафе, потому что среди них мог быть связной террористической группы.

Репутация Шин-Бет сильно пострадала из-за того, что она не смогла спасти премьер-министра Израиля Ицхака Рабина от покушения. В 1995 году его застрелил фанатично настроенный молодой человек, считавший, что мир с палестинцами — это предательство интересов Израиля. После этого число желающих работать в контрразведке уменьшилось, и это сказалось на уровне ее работы...

На экстренном заседании правительства Израиля, созванном после взрывов в Иерусалиме в июле 1997 года, начальника Шин-Бет сменили. Вместо Карми Гилона, который руководил операцией по уничтожению Инженера — главного подрывника «Хамас», контрразведку возглавил бывший военный моряк Ами Аялон.

После заседания кабинета премьер-министр Биньямин Нетаньяху приказал директору Моссад нанести ответный удар. Он ни с кем не посоветовался, в результате операция была подготовлена из рук вон плохо. В принципе операции по физическому уничтожению врагов перестали приносить успех. Но Нетаньяху требовал мести.

Руководство «Хамас» находилось в Иордании, туда и отправилась оперативная группа Моссад.

Через полтора месяца, 19 сентября, несколько агентов Моссад с поддельными канадскими паспортами прибыли в столицу Иордании и разместились в амманской пятизвездочной гостинице «Интер-Континенталь», что было странным выбором, потому что в этой гостинице всегда полно иностранных журналистов и сотрудников иорданских спецслужб.

25 сентября в пятнадцать минут одиннадцатого утра председатель политбюро организации «Хамас» Халид Мешал прибыл в свой офис вместе с детьми и охранниками.

У входа к нему подошли два человека, один из них ткнул его в ухо неким аппаратом. Мешал почувствовал нечто вроде электрошока, закричал от боли и рухнул на пол.

Его охранники попытались задержать нападавших, но те вырвались, сели в машину и уехали. Охранники бросились их догонять и с помощью иорданской полиции задержали.

У арестованных обнаружили канадские паспорта. Но когда канадские дипломаты посетили арестованных в тюрьме, те обреченно сказали, что не нуждаются в дипломатической помощи. Быстро выяснилось, что паспорта поддельные.

Остальные «канадцы», то есть сотрудники Моссад, обеспечивавшие эту операцию и разместившиеся в той же гостинице, поспешно исчезли, бросив свои вещи. Они укрылись в израильском посольстве.

Канада в знак протеста против использования оперативниками Моссад канадских паспортов отозвала своего посла из Израиля. Он вернулся после того, как министр иностранных дел Израиля Давид Леви принес Канаде официальные извинения и пообещал, что это никогда не повторится.

Мешала доставили в больницу. Ему было очень плохо, он начал задыхаться. В больнице его подключили к аппарату искусственного дыхания. Врачи сказали, что он отравлен, но они не знают, какое нужно противоядие, поэтому Мешал не проживет и двух дней.

Разгневанный король Иордании Хусейн позвонил премьер-министру Израиля Нетаньяху и потребовал, во-первых, сообщить, какой яд был использован, и, во-вторых, прислать врачей или противоядие. Хусейн сказал, что, если Мешал умрет, пойманные израильтяне будут повешены.

Нетаньяху приказал немедленно отправить противоядие. Но израильтянам не верят. Король Иордании позвонил президенту Соединенных Штатов Биллу Клинтону и поделился своими сомнениями: он не знает, можно ли ввести больному присланный из Израиля шприц с лекарством, или же это попытка добить лидера «Хамас»?

Американцы связались с израильтянами. Тогда Нетаньяху приказал отправить королю химическую формулу препарата, и в тот же день израильский посол при Европейском союзе и бывший заместитель директора Моссад Эфраим Халеви передал формулу королю. В ответ ему было разрешено вывезти четырех сотрудников Моссад, которые укрылись в израильском посольстве в Аммане.

На следующий день Нетаньяху отправился в Иорданию извиняться. Вместе с ним прилетели министр иностранных дел Ариэль Шарон и министр обороны Ицхак Мордехай. Король Хусейн Нетаньяху не принял. С израильтянами беседовал наследный принц аль-Хассан бен-Талал, единственный арабский лидер, который свободно говорит на иврите.

Чтобы вернуть двух своих агентов, арестованных в Иордании, Израилю пришлось освободить двадцать с лишним палестинских заключенных и — главное — отпустить из тюрьмы духовного лидера «Хамас» шейха Ахмеда Яссина.

Кроме того, король Хусейн потребовал убрать из израильского посольства в Аммане всех сотрудников Моссад и снять с должности директора Моссад Данни Ятома. Король заявил, что не будет никакого сотрудничества с

Израилем в сфере безопасности, пока люди, ответственные за покушение, остаются на службе в Моссад. А резидентура Моссад в Аммане была главным центром по добыванию информации о ситуации в Сирии и Ираке. Кроме того, Моссад сотрудничал с иорданскими коллегами в борьбе против радикальных палестинцев.

Так что Нетаньяху пришлось принять все требования иорданцев. Только после этого король Хусейн позвонил Нетаньяху, это означало, что инцидент исчерпан.

Халид Мешал поправился, но отказывался признавать, что его спасло израильское противоядие.

— Меня спас Аллах, — говорил он. — Тот, кто верит в Аллаха, в его дело и в его правоту, способен справиться с чем угодно...

Переговоры или перестрелка?

Специалисты уверены, что террористов можно победить. Для этого требуется одно: твердая позиция правительства — никогда не идти на уступки террористам и с помощью специальных служб методично отлавливать боевиков.

Когда террористы берут заложников, они ставят правительство в безвыходное положение. Если правительство попытается силой освободить заложников, может погибнуть больше людей, чем в том случае, если правительство пойдет на попятный. Поэтому террористы часто начинают убивать заложников по одному, чтобы доказать: если их требования не будут выполнены, они убьют и остальных.

Но принимать требования террористов, по мнению некоторых специалистов, очень опасно. Надо держаться твердо, и это принесет успех. Если террористы понимают, что их требования не будут приняты, что им будет нанесен ответный безжалостный удар и их могут убить, то желание совершить террористический акт ослабнет.

Нерешительность правительства, нежелание или неумение ответить немедленно ударом на удар, противоречит принципу уголовного права: наказание неотвратимо.

И террористы должны почувствовать это на собственной шкуре.

Мнения специалистов на сей счет расходятся. Одни убежденно говорят:

— Если вы решите кого-то из террористов уничтожить, то вы, конечно, доставите себе некое удовольствие, но с практической точки зрения это будет совершенно бесполезно.

Даже представители правопорядка отмечают:

— Конечно, для меня имеет значение, кто передо мной: террорист, взорвавший двадцать человек, или вор, укравший кусочек мыла. Но как полицейский я обязан исходить из того, что и тот и другой преступник находятся под охраной закона. И они обладают определенными правами. Если правительство само совершает преступление, то это уже не правительство. Аморально и непрактично действовать незаконными методами. Государство обладает достаточными средствами, чтобы защищаться от преступников, но закон не должен нарушаться.

Другие не менее справедливо возражают:

— Если есть возможность арестовать террориста, передать его правосудию, это прекрасно. Пусть суд определяет меру его вины. Но что делать, если террорист представляет угрозу для людей, и никак иначе нельзя эту угрозу устранить? Когда действует террорист-фанатик, то обезвредить его заранее крайне трудно. И если его можно уничтожить, это необходимо сделать. Это антигуманно? Терроризм страшнее. Когда видишь убитых детей, то понимаешь, что обычные полицейские меры не смогут решить эту проблему в корне.

Обычно правительства отказываются применять силу, если есть риск гибели мирного населения. Это высокоморальный принцип. Но в реальности это означает, что террористы остаются безнаказанными и что они будут убивать мирных людей вновь и вновь. Террористы могут рассчитывать только на одно: им сохранят жизнь, если они немедленно капитулируют. Правительства обязаны действовать именно так, чтобы защитить жизни своих граждан.

Разумеется, для того, чтобы энергично противодействовать террористам, нужны специальные подразделе-

ния, которые успевают добраться до террористов раньше, чем те успеют убить заложников.

Террористы могут сначала ответить на жесткость правительства увеличением числа своих акций. Но вскоре их активность пойдет на спад.

Террористы боятся ответных действий. И решительность в применении силы оказывает на них сильное сдерживающее действие. Обычно в пример приводят тот же Израиль. В 70-е годы палестинские террористы постоянно брали израильтян в заложники, похищали их самолеты, захватывали школы с детьми и пассажирские автобусы. Израильское правительство всегда отказывалось выполнять требования террористов. Израильские спецслужбы и армейские отряды освобождали заложников силой, террористы обычно гибли.

Принципиальность израильского правительства в конце концов привела к тому, что заложников брать перестали. Не потому, что палестинцы не в состоянии провести такую операцию. А потому, что они поняли: операция неминуемо провалится, они сами будут или убиты, или арестованы. За малым исключением террористы хотят выжить и избежать наказания.

Но покончить с террором Израилю не удалось. Появилось новое поколение террористов. Они заложников не берут, они подкладывают бомбы и взрываются вместе со своими жертвами.

Справиться удается только с политическим терроризмом.

Почему они так любят деньги?

Появились новые террористы — с одной стороны, это фанатики-самоубийцы, которые взрывают себя вместе с врагами, а с другой — полутеррористы-полууголовники, которые террором прикрывают криминальные операции.

Террористы, совершающие громкие преступления, часто представляются бескомпромиссными борцами за идею. На самом деле террор давно превратился для них в выгодный бизнес. Их считают психопатами, свихнувшимися на

терроре. И им действительно нравится убивать. Они с удовольствием рассказывают о том, скольких людей им удалось уничтожить. Они никому не верят и никогда не забывают об опасности. Они знают, что живы до тех пор, пока соблюдают все меры предосторожности.

Поскольку для террористов-камикадзе смерть слаще жизни, акции возмездия кажутся бессмысленными. Но это не совсем так, потому что их руководители вовсе не хотят умирать. Организаторы террора — и есть слабое звено.

Они предпочитают отправлять на смертельно опасное задание других, а сами хотят жить долго, потому что научились террором зарабатывать хорошие деньги и создали себе неплохую, вполне комфортную жизнь.

Терроризм — это в любом случае преступление. Даже если он начинается с чисто политических акций, он все равно заканчивается уголовщиной.

Чем больше терроризм сближается с уголовщиной, тем большую опасность он представляет для самого широкого круга людей. Если террористы начинают заниматься доставкой и продажей наркотиков, то они угрожают здоровью и жизни десятков тысяч людей. И это уже проблема не только политиков, но и всего общества.

Между террористами и уголовниками и раньше было много общего. Террористы всегда грабили банки и магазины, чтобы раздобыть деньги на новые операции. Но раньше это было средство, а не цель, как теперь.

Прежде международный терроризм в основном получал деньги, взрывчатку, оружие от государств, которые поддерживали террористов. В последние годы многие террористы стали сами зарабатывать себе на жизнь и увлеклись этим приятным занятием. Например, курдские или ирландские террористы от чисто политического террора перешли к тривиальным уголовным преступлениям. А с другой стороны, политическим террором занялись обычные уголовные преступники.

В прежние времена на Сицилии, где хозяйничает мафия, различные преступные кланы убивали друг друга. Теперь итальянская мафия атакует правительство, убивает политиков. Раньше это было невозможно. Мафия вме-

шалась в политику и занялась террором для того, чтобы защитить свои деловые интересы. Иначе говоря, произошло слияние чистого терроризма и чистой преступности, и появился новый очень опасный симбиоз.

Специалисты считают полутеррористической-полууголовной организацией Рабочую партию Курдистана. В Турции боевики этой партии, которая требует создания независимого курдского государства, убивают государственных чиновников и полицейских, а в Европу они ввозят наркотики с Ближнего и Среднего Востока.

Этим же занимается и Ирландская республиканская армия, террористическая организация, которая добивается отделения Северной Ирландии от Великобритании. Ирландская республиканская армия добывает в год примерно девять миллионов фунтов стерлингов. Террористы помогают мафии отмывать грязные деньги, занимаются рэкетом, грабят банки.

Во Франции террористы находят себе подручных, которые соглашаются подкладывать бомбы, среди обычных уголовников — воров, торговцев наркотиками, мелких грабителей.

Бывшие террористы целиком сосредотачиваются на добывании денег. Они полностью переходят в криминальный мир — со своими боевыми навыками, агентурной сетью, оружием. С ними труднее справиться, чем с обычными преступниками.

Полицейские в своих не стреляют

Новое поколение террористов — это объединившиеся в небольшие группы профессионалы, в основном религиозные фанатики. Они куда опаснее террористов старого типа, «красноармейцев» и других ультраревolucionеров 70-х, вдохновлявшихся идеями марксизма-ленинизма.

Международный терроризм стал более сложным явлением. Операторы, которые руководят маленькими группами, объединенными единой целью, способны осуществить массированный удар даже по тщательно охраняемым объектам.

Каждая из этих групп — это тесно связанный между собой клан численностью в несколько сот человек. И лишь немногие из них посвящены в дела террора. Они редко говорят по телефону. Они почти ничего не записывают на бумаге. Единственный вид обмена информацией — разговоры в комнатах, где невозможно установить подслушивающую аппаратуру.

Они создали собственную эффективную контрразведку, способную противостоять проникновению спецслужб и полицейских осведомителей. У них есть все необходимое для боевых операций. Они действуют с редкой даже для террористов жестокостью и свирепостью.

Годы тщательной вербовки позволили террористическим группам создать широкую опорную сеть среди своих сторонников. Эти ячейки приводятся в действие при проведении операции.

Каждая акция поручается отдельной ячейке, о которой другие члены организации ничего не знают. Им не разрешают встречаться друг с другом. Вся информация передается специальными курьерами. Даже когда одного из террористов ловят, они могут выдать лишь одного или двух товарищей по борьбе.

Эффективные террористические организации считаются очень трудным объектом для проникновения в них агентов спецслужб.

Девяносто девять процентов успеха в борьбе с терроризмом — это хорошая разведка, сеть осведомителей. Надо знать не то, что террористы делали вчера, а что они собираются делать, где они завтра нанесут удар.

Все это создает дополнительные проблемы для полиции. Если полицейский агент внедряется в террористическую группу, а ему приходится совершать уголовные преступления, он сам становится преступником. Полицейские не соглашаются ставить себя в столь опасное положение. Это очень сложная ситуация, когда человек, исполняя свой долг, должен убить другого человека. В Германии существует специальная программа реабилитации коллег, которые вынуждены были, оказавшись в экстремальной ситуации, убить другого человека.

Пусть они боятся

Стратегия террористов основана на возможности внезапно нанести удар там, где никто этого не ждет. Страх перед террористами основан именно на том, что никто не знает, где и когда они нанесут удар в следующий раз.

Поэтому главная задача в борьбе с террористами — это лишить их возможности наносить неожиданные удары. Но как это сделать? Террористы находятся в подполье, и только в полицейском государстве можно держать под контролем всю страну.

Обычно говорят, что главный вопрос не в том, как должно государство реагировать на атаки террористов: идти на переговоры или прибегать к силе? Вопрос в том, что по-настоящему террор можно остановить, только ликвидировав его причины.

Но это практически невозможно. Даже если в экономику бедных стран будут вложены огромные деньги и ситуация начнет меняться к лучшему, все равно найдутся люди, которые скажут, что их эксплуатируют, унижают, поэтому неверные и нечестивые должны быть наказаны. Борьба с терроризмом остается в первую очередь задачей правоохранительных органов, профессионалов.

Государства, которые поддерживают терроризм, уязвимы. Они поддаются политическому, экономическому и дипломатическому давлению. Давить на самостоятельные террористические группы труднее. Борьба с ними не имеет политического решения. Им надо показывать, что с ними будут вести такую же неустанную и систематическую борьбу.

После того как летом 1998 года боевики Осамы бен Ладена организовали взрывы у американских посольств в Танзании и Кении, Соединенные Штаты нанесли ракетный удар по объектам в Афганистане и Судане. Это была безумно дорогая операция, и многие тогда говорили, что деньги выброшены впустую — сам бен Ладен не пострадал.

Но ценность ответного удара состоит скорее в психологическом измерении. Террористы вынуждены скрываться, они чувствуют, что за ними охотятся, что они вовсе не неуязвимы. Террористы стараются быть осторожными, если понимают, что им будет нанесен ответный

удар. Тактика сдерживания — это прежде всего психологический вопрос.

Осенью 2000 года озверевшая палестинская толпа линчевала двух израильских резервистов, которые по ошибке попали на территорию Палестинской автономии и обратились за помощью к полиции. Один из них был эмигрантом из России. Над убитыми надругались, привязанные к джипу тела возили по улицам. Все это засняло итальянское телевидение, и о мерзком преступлении узнал весь мир.

Меньше чем через год израильская служба безопасности Шин-Бет арестовала палестинца Азиза Салхи, который, как видно на телезаписи, довольно показывал свои окровавленные руки, демонстрируя, что ненавистные израильцы убиты...

За головы террористов надо объявлять награду. Если это и не приведет к прямому результату, то, по крайней мере, усилит паранойю, свойственную всем террористам. Постоянные переговоры со странами, на территории которых находятся террористы, тоже необходимы. Пусть они все равно не выдадут террористов, но террористы будут нервничать, видя, что переговоры на сей счет идут. Эти люди не верят друг другу. Их надо постоянно выводить из себя, держать в нервном напряжении, не давать им спокойно спать.

Скажем, иракский президент Саддам Хусейн в последние годы остерегается открыто поддерживать террористов. Он понимает, что последует немедленный ответ, что его будут бомбить, уничтожат его любимые дворцы и его армию, что ему придется, как во время операции «Буря в пустыне», скрываться. Вот именно так террористов и их покровителей нужно заставить метаться, как крыс, в поисках убежища и делать так, чтобы на земле оставалось все меньше мест, где они могут укрыться.

Глава 28

ИГРЫ МИЛЛИОНЕРОВ: ОСАМА БЕН ЛАДЕН

Саудовский миллионер Осам бен Ладен по гороскопу Рак. Считается, что мужчины-Раки очень заботятся о своих семьях. Так оно, видимо, и есть. У Осамы бен Ла-

дена четыре жены и десять детей, которых он обожает. Беда в том, что он не любит чужих детей. И убивает их.

Осама бен Ладен родился 28 июня 1957 года в саудовском городе Джидде. Он был семнадцатым ребенком в большой семье. Его покойный отец Мохаммед бен Ладен обзавелся двумя десятками жен и пятьюдесятью семью сыновьями и дочерьми. Мать Осамы родом из Сирии. В семье к Осаме относятся неважно, некоторые откровенно называют его «паршивой овцой». Официально семья отреклась от него еще в 1994 году.

Двадцать четыре его родственника учились в различных американских колледжах, когда он попытался взорвать Америку. Боясь, что им придется ответить за преступления брата, они обратились за помощью к посольству Саудовской Аравии.

По просьбе посольства всех взяли под охрану агенты ФБР и спецсамолетом вывезли на родину. Остался только один из братьев Осамы — Абдулла Мохаммед, который защитил в Гарвардском университете докторскую диссертацию в области права.

Глава семьи, Мохаммед бен Ладен, был бедным крестьянином в Йемене, работал грузчиком в порту Адена, а стал главой самого процветающего строительного концерна в Саудовской Аравии. Он построил почти все дороги в стране, множество торговых центров и получил подряд на реконструкцию мечетей в Медине и Мекке. Это не только большие деньги, но и, прежде всего, высокая честь.

Семья бен Ладен — влиятельный и многочисленный клан в Саудовской Аравии. Достояние семьи оценивается в пять миллиардов долларов. Глава семьи погиб в авиакатастрофе, когда Осаме было всего одиннадцать лет. Из отцовского наследства ему досталось не менее трехсот миллионов.

Он не хранил деньги в чулке. Они работали и приносили ему доход. Он понимал, что американцы ищут его деньги, чтобы их отобрать, поэтому его инвестиции трудно было проследить. Известно, впрочем, что его фирмы поставляли в Соединенные Штаты гуммиарабик, который используется в производстве прохладительных напитков и сладостей.

Осама вырос в Джидде, изучал инженерное дело.

Осама в юности не считался особенно религиозным. Но когда советские войска вошли в Афганистан, он отправился на войну. Он взял с собой бригаду строителей, и она все годы войны строила для моджахедов дороги и укрытия.

Сначала он набирал по всему арабскому миру добровольцев и переправлял их в Афганистан. Затем он взялся за оружие сам. «Он всегда был на линии огня, он был впереди других, — вспоминают моджахеды. — Он давал не только деньги, он сам воевал».

Война в Афганистане превратила его в очень религиозного человека. Он пять раз в день отправлялся в ближайшую мечеть на молитву. Набожность соединилась в нем с политическим экстремизмом, и он превратился в исламского радикала.

С помощью руководителя разведки Саудовской Аравии принца Турки аль-Фейсала, с которым он дружил, бен Ладен обосновался в пакистанском городе Пешаваре и открыл там контору под названием «Мактаб аль-Хидмат» («Бюро обслуживания»). Это была вербовочная контора для желающих сражаться в Афганистане против советских войск. Добровольцу платили несколько сот долларов в месяц.

Бен Ладен занимался и сбором денег на войну, основав Исламский фонд спасения, через который собирали по всему миру пожертвования. Фонд потом преобразовался в личную организацию бен Ладена под названием «Аль-Каида» («База»). Он по-прежнему собирал деньги, но теперь уже не для афганских моджахедов, а для масштабных террористических акций. В «Аль-Каиде» состоят люди, которых он давно знает: это египетские, суданские и саудовские радикалы.

После ухода советских войск Осама решил, что теперь вместо Советского Союза Соединенные Штаты стали главным врагом ислама. Он объявил священную войну правительству собственной страны — Саудовской Аравии, которая слишком сблизилась с Соединенными Штатами. С его точки зрения, саудовский королевский дом совершил преступление, разрешив американским солдатам во время

подготовки войны с Саддамом Хусейном вступить на священную землю Мекки и Медины.

Первую свою крупную акцию он организовал 13 ноября 1995 года в Саудовской Аравии. Там возле организованного американцами центра подготовки саудовской армии взорвалась машина, начиненная взрывчаткой. Погибло шесть человек, шестьдесят было ранено — в основном американцы. 25 июня следующего года он организовал еще один теракт против американцев в Саудовской Аравии, снова взорвав грузовик со взрывчаткой. Погибло девятнадцать и было ранено около пятисот человек.

Его лишили саудовского подданства. Бен Ладену пришлось переехать в Судан, где у власти находятся такие же, как он, фанатичные исламисты. Он дал суданскому правительству деньги и завел там бизнес. В Судане у него была строительная фирма, экспортная компания и ферма, где выращивали подсолнечник, кунжут, фрукты. Его компания построила «Революционную дорогу» из Хартума в Порт-Судан.

В Судане он создал три тренировочных лагеря, где обучались террористы из Египта, Алжира и Туниса.

Но под давлением этих стран суданские власти попросили его уехать. Тогда он перебрался в Афганистан, где власть захватили его соратники по совместной борьбе с Советским Союзом. Эти дружеские чувства были подкреплены несколькими сотнями миллионов долларов, которые сам бен Ладен и его деловые партнеры дали талибам.

Он приумножал свой капитал для того, чтобы финансировать исламских боевиков. У него было так много денег, что его боевики, пожалуй, единственные, кто мог действовать самостоятельно — даже без поддержки одного из тех государств, которые обычно оказывают необходимую террористам помощь.

Бен Ладен выписывал деньги на строительство мечетей в Боснии или на покупку продовольствия для голодающих в Сомали, он финансировал сотни религиозных школ в Афганистане и в Пакистане; но основные его деньги шли террористам.

В выпущенной им фетве (богословско-правовое заключение в исламе) говорится: «Мы от имени Аллаха призы-

ваем всех правоверных мусульман выполнить долг перед Всевышним — убивать американцев, где бы они ни находились».

На территории Афганистана он построил целый городок для ветеранов афганской войны, которые присоединились к нему.

В начале 1998 года он основал «Всемирный исламский фронт борьбы против иудеев и крестоносцев». 7 августа 1998-го прогремели взрывы у американских посольств в Танзании и Кении. Погибло двести двадцать четыре человека, из них двенадцать американцев. Соединенные Штаты получили сведения, что это дело рук бен Ладена. Спецслужбы предложили президенту Клинтону высадить в Афганистане отряд спецназа, чтобы похитить бен Ладена и предать его суду либо, на худой конец, просто уничтожить. Но шансы на успех были невелики, и Клинтон отверг предложение.

С помощью американцев в разных странах были арестованы десятки исламистов, связанных с бен Ладеном. Эти аресты нанесли серьезный удар его организации, но, как выяснилось позднее, не подорвали ее боевых возможностей.

Структура «Аль-Каиды» такова, что арест одного боевика — даже если он дает показания — не позволяет выловить остальных. Террористы разбиты на немногочисленные группы, которые ничего не знают друг о друге. О всех планах осведомлены только несколько соратников бен Ладена.

12 октября 2000 года взорвал себя камикадзе, который на лодке, груженной взрывчаткой, подошел к американскому эсминцу «Коул», стоявшему в йеменском порту Аден. Погибло семнадцать моряков. В организации этой акции тоже обвинили бен Ладена.

Бен Ладен построил себе несколько домов в Кандагаре и Желалабаде. В каждом кабинете — письменный стол и компьютеры, соединенные с Интернетом с помощью спутникового телефона. В спальне — большая библиотека, это исламская литература. В соседней комнате — его личный арсенал, автоматы, гранатометы и боеприпасы. Даже ночью он не расставался с «калашниковым»,

который, как утверждал, взял у убитого советского генерала.

Один пакистанский журналист, беседовавший с бен Ладеном, обратил внимание на то, какие у него мягкие руки — он никогда не занимался физическим трудом. Он говорил тихим голосом и постоянно пил воду — у него проблемы с почками. Он обычно утверждал, что его дело — не организовывать теракты, а поднимать мусульман против Соединенных Штатов.

Бен Ладен многозначительно говорил журналистам, что его мечта — принять мученическую смерть за веру. Но умирать он явно не собирался и очень берег себя.

Он постоянно переезжал из одного места в другое — не ночевал в одном доме больше пяти дней подряд. Охрана неотступно следовала за ним. Все его дома охранялись зенитными орудиями. Боевые расчеты — его старые товарищи по оружию. По ночам они, подбадривая себя, палили в воздух.

Численность его личной армии, которая занималась террором, оценивалась примерно в три тысячи человек. В основном это саудиты и суданцы, ветераны афганской войны, хорошо обученные, с боевым опытом.

Его люди располагались в нескольких лагерях на территории Афганистана. Тренировка начиналась до восхода солнца молитвой, после чего бег по горам и завтрак. Затем собственно военная подготовка, включающая владение оружием — автомат Калашникова, гранатометы, управляемые ракеты, использование взрывчатки. После обеда и молитвы время отдавалось изучению Корана и спорту. После ужина сон.

Главная политическая цель бен Ладена — создание всемирного исламского государства, поэтому он старался помогать единомышленникам по всему миру. Ему организовали встречу с одним из руководителей иранских «стражей революции». Они сумели договориться о совместной подготовке боевиков и координации усилий, несмотря на дурные отношения талибов и Ирана.

Бен Ладен помогал египетским террористам, которые вот уже много лет пытаются убить президента Хосни Мубарака. Он давал деньги палестинцам из террористи-

ческой организации «Хамас», которая тоже широко использует боевиков-смертников.

Но основные его усилия были направлены на борьбу с Соединенными Штатами, которые, как считают исламисты, являются главным препятствием для распространения ислама во всем мире. Он считал, что ислам одержал убедительную победу над Советским Союзом в Афганистане, и был уверен, что сумеет точно так же победить и другого дьявола — Соединенные Штаты.

Скорее всего, Осама бен Ладен не стал бы террористом, если бы не советское вторжение в Афганистан. Занимался бы он бизнесом и никого не беспокоил. Но Соединенные Штаты в определенном смысле тоже способствовали появлению своего опаснейшего врага.

Осама бен Ладен — порождение самой широкомасштабной тайной операции Соединенных Штатов со времен войны во Вьетнаме и Лаосе. Американская разведка помогла исламским террористам в Афганистане устроить Советской армии кровопускание.

Сначала он вместе с американцами сражался с советскими войсками в Афганистане, а потом повернулся против бывших друзей. Многие афганские ветераны — египтяне, алжирцы, саудиты, которых когда-то обучали инструкторы, нанятые ЦРУ, — продолжают джихад уже против самой Америки.

Можно сказать, что Соединенные Штаты расплачиваются за свой прежний союз с мусульманскими радикалами в борьбе против Советского Союза.

В современной политике слишком опасно полагаться на старинную формулу: «Враг моего врага — мой друг».

Почему талибы не выдали бен Ладена, несмотря на то что это грозило им, мягко говоря, большими неприятностями? Потому что они абсолютные единомышленники.

Когда-то, сразу после исламской революции в Иране, аятолла Хомейни и его сторонники напугали всех своим тотальным неприятием остального мира, когда все делятся на своих и чужих. Причем у чужих выбор небольшой: либо они становятся своими, либо подлежат уничтожению.

Талибы в своей ортодоксальности не уступают Хомейни, а может быть, и пошли дальше него — поскольку они еще и совсем неграмотные. И надо еще иметь в виду, что это люди, прошедшие через афганскую войну. Поэтому Россию они ненавидят не меньше, чем Америку.

Глава 29

БУМЕРАНГ ВОЗВРАЩАЕТСЯ: ТАЛИБЫ

До Апрельской революции 1978 года, то есть до прихода коммунистов к власти, население Афганистана составляло пятнадцать с половиной миллионов человек. Примерно миллион человек погибло в междоусобных схватках. Еще два миллиона стали инвалидами. Шесть миллионов бежали в соседние Иран и Пакистан, и оттуда вернулось меньше половины. Это данные Организации Объединенных Наций.

Афганистан всегда был отсталой страной, но все-таки в нем шла нормальная жизнь, там существовало правительство, чиновники, школы, больницы. Апрельская революция, ввод советских войск, междоусобная война, оружие, которое щедро раздавали афганцам, — все это разрушило государство.

Сейчас Афганистан — это территория, которую раздирают на части группы неграмотных молодых людей, вооруженных «калашниковыми». Эти юноши уверены в том, что они знают абсолютную истину. Они говорят, что во всем следуют Корану. Но они не читали эту святую книгу, потому что они неграмотны.

Беседа с Наджибуллой

Советские войска оставались в Афганистане до 15 февраля 1989 года.

Осенью 1990 года я побывал в Афганистане. В Кабуле у власти по-прежнему находился Наджибулла, хотя многое уже изменилось. Партии, которой советские строители сделали подарок — новое здание ЦК, больше не суще-

ствовало. Народно-демократическая партия Афганистана, совершившая революцию, была переименована в партию «Отечество».

Но президента Наджибуллу я увидел именно в новеньком здании ЦК бывшей НДПА, где все казалось знакомым: те же крашенные масляной краской коридоры, как в любой нашей больнице или обкоме, те же желтушные телефонные аппараты правительственной связи — только вместо выпуклого советского герба на диске цветной афганский.

Склонив голову, президент тихим голосом произнес полуторачасовой монолог. К тому времени в Москве уже пришли к выводу, что продолжение безвозмездной экономической помощи режиму Наджибуллы нашей стране не по карману, а военной — аморально.

Президент Наджибулла изложил все аргументы против прекращения помощи. Его исходная позиция: кабульский режим сильно изменился, и не стоит по инерции считать его тоталитарным. Политика национального примирения приносит свои плоды. Оппозиция прекращает борьбу с правительственными войсками. Войну продолжают пакистанские марионетки.

А чем полезен нынешний режим Советскому Союзу? Кабул гарантирует стабильность на южных рубежах СССР и оберегает северного соседа от «исламского фактора». Если в Кабуле верх возьмут исламские фундаменталисты, то они прежде всего постараются поднять советских мусульман, посылая им оружие и проповедников.

— В Афганистане погибло пятнадцать тысяч советских солдат, — говорил Наджибулла, — и я сочувствую горю их матерей. Но сколько советской крови прольется, если афганские фундаменталисты поднимут советских мусульман?

Прежняя романтическая лексика: «дружеская помощь», «интернациональный долг» — уступила место жесткой калькуляцией интересов: геополитических и военных. Страх перед «исламским фактором», мусульманская Средняя Азия как «мягкое подбрюшье» Советского Союза, Афганистан — в роли буфера...

Когда президент Наджибулла закончил свой монолог, объясняющий, почему Советский Союз должен продол-

жать помогать Кабулу, я спросил президента: не считает ли он теперь, после всего, что пришлось испытать его народу, что Апрельская революция была ошибкой?

— Идеи и цели революции, — ответил Наджибулла, — были правильны. Но когда мы взяли власть, благие побуждения были забыты. То, что делалось после революции, попытки построить здесь коммунистическое общество быстрее, чем в Советском Союзе, было большой ошибкой...

Наш вертолет обстреляли

Что бы ни говорили потом о Наджибулле, этот выпускник медицинского факультета Кабульского университета и бывший начальник ХАД — афганской госбезопасности, в последние годы демонстрировал политическую гибкость, сочетая ее с безжалостным применением военной силы.

Когда министр по делам ислама вдохновенно рассказывал мне в Кабуле, как президент Наджибулла пригласил его, чтобы расспросить о некоторых малопонятных местах в Коране, и продемонстрировал поразительное знание главной книги ислама, стало ясно, что кабульский лидер готов поступиться любыми идеологическими табу.

Не следует упускать из виду, что в обществе, где актуальна формула Мао Цзэдуна «винтовка рождает власть», армия, милиция, органы госбезопасности до последнего оставались на стороне Наджибуллы. Весной 1990 года член политбюро ЦК Народно-демократической партии Афганистана министр обороны Шах Наваз Танай пытался поднять армию и свергнуть Наджибуллу, но армия осталась с президентом.

В афганском обществе стараются держаться за сильного и богатого человека. А благодаря советским поставкам Наджибулла в определенном смысле был самым богатым человеком в стране. Он кормил тех, кто его поддерживал.

Безоблачное небо над Кабулом было исчерчено запятыми: взлетая и садясь, самолеты «Аэрофлота» и афганской «Арианы» отстреливали тепловые снаряды, чтобы обмануть «стингеры». Стены кабульского аэропорта были

выщерблены осколками. В Кабуле слышались автоматные очереди. Во время одного из перелетов по стране обстреляли и наш вертолет.

Но все это не шло ни в какое сравнение с тем, что происходило еще недавно. Ушла советская 40-я армия, которой командовал генерал Борис Громов, ушла и война в нашем понимании. Война превратилась в стычки, перестрелки, засады, в запуски одиночных ракет. Оппозиция не могла в открытом бою противостоять прекрасно вооруженной правительственной армии, обладавшей полным господством в воздухе и обученной советскими офицерами выжигать целые районы ракетными системами «Град» и «СКАД».

Но и правительственные войска не в силах были отойти от своих баз в крупных городах. Возникло хрупкое равновесие. Но эта мрачная стабильность означала продолжение ежедневного смертоубийства и полнейшее раздробление страны.

Командующий зоной «Восток» в Желалабаде генерал-полковник афганской армии Лудин развернул карту города на русском языке, составленную советскими военными картографами, и показал нам, что контролируемая правительственными войсками зона увеличилась с прошлого года вдвое.

Каким образом это удалось? Мощными огневыми ударами — патронов и снарядов (равно как и самой боевой техники) можно было не жалеть: каждый день в кабульском аэропорту садились полтора десятка советских транспортных самолетов с оружием и боеприпасами.

Кроме того, за годы, прошедшие после Апрельской революции 1978 года, в городах сформировались целые социальные слои, тесно связанные с властью и полностью зависимые от нее. В Кабуле не упускали случая отметить, что бойцы оппозиции воюют за деньги. Но и правительственные войска тоже. Для бедного афганского парня служба в армии — единственная возможность прокормить семью.

Десятки тысяч членов партии понимали: исчезнет режим, кончится и их сытая жизнь. В городах многие — от партийных функционеров до купцов — боялись прихода

оппозиции. Моджахеды озлобились до последней степени. Если они ворвутся в города, то устроят резню и всех ограбят. Вот почему, даже желая ухода режима Наджибуллы, горожане откликнулись на его призыв защитить города...

Долгое время Кабул ожесточенно обстреливали из курортного местечка Пагман, которое осенью напоминало дачное Подмосковье. Незадолго до моего приезда правительственные войска сожгли Пагман, сровняли его с землей. Больше здесь никто не живет, но и обстреливать Кабул стали меньше.

Мы проехали через Пагман на бронетранспортерах. В подмосковном золоте я увидел сталинградские пейзажи. Ни одного целого дома, руины, засыпанные желтым песком.

Генерал-лейтенант Мохаммед Каюм, заместитель командира 10-й дивизии национальной гвардии, продемонстрировал нам, что теперь на каждой из кажущихся неприступными гор выставлен пост. При нашем появлении командир поста приказал расчехлить пулемет. Потом ствол протерли тряпочкой. Но пулемет не понадобился. Мы приехали туда в пятницу, это спокойный день, когда на обеих сторонах фронта в основном пьют чай.

В неприступных горах сильный ветер, жгучее солнце, множество пустых бочек из-под бензина с советской маркировкой и стреляных гильз.

Правда, когда мы уезжали, укрытая в лощине установка залпового огня «Град» страшно ухнула и выплюнула куда-то в сторону гор серию реактивных снарядов. Если попали, значит, на той стороне вместо выходного дня похороны.

Тогда было ясно: пока Урал бесперебойно-работает на кабульский режим, оппозиции Кабул не взять.

Губернатор. Он же комдив

В городе Мазари-Шариф мы приземлились на огромном вертолетодроме. Этой армады, вооруженной ракетами, достаточно было для того, чтобы сорвать любое наступление в открытой, пустынной местности. Афган-

ские летчики виртуозно водили вертолеты, прижимаясь к земле и уходя от зенитного огня.

Кроме того, оппозиция не была единой. В нашем представлении моджахеды — это банды головорезов, которые бродят по горам. Были и такие. Но большей частью — это восставшие крестьяне, которые вели войну с правительством на своей земле. В этом заключалась их сила и слабость.

С одной стороны, они у себя дома. С другой — залп тяжелых ракет «СКАД» уничтожал их отряд вместе со всей деревней и всеми ее жителями. Поэтому непримиримые воевали, остальные предпочитали договариваться с правительством.

Кабул просил только сохранять лояльность, не перерезать дороги, не нападать на конвои. Взамен предоставлял полную свободу, не претендуя на власть над жизнью селения, или уезда, или целой провинции. Иногда за такую лояльность просто платили деньгами.

В этом, собственно говоря, и заключалась политика национального примирения. Она логична в условиях феодальной структуры Афганистана, где местный властитель — и бог, и царь, и воинский начальник.

Меня познакомили с молодым человеком в модном пиджаке, сыном главы исмаилитов в Баглане. Он был полным хозяином своего города, потому что одновременно занимал пост губернатора, командира местной дивизии и еще являлся религиозным авторитетом. Он зависел от правительства, которое запросто могло испортить ему такую славную жизнь. Но и правительство зависело от его благорасположения. У молодого губернатора было полное лицо с тонкими усиками и пышная шевелюра. Он не улыбался, ощущая собственную значимость. Старики в чалмах осторожно пожимали ему руку обеими руками, демонстрируя особую почтительность.

Дом крупного предпринимателя Расула Барата в Мазари-Шарифе напоминал резиденцию описанного Марио Пьюзо крестного отца итальянской мафии. Дом, хозяйственные постройки обнесены толстой стеной. Повсюду бродили охранники. Круглые сутки через ворота въезжали и выезжали легковые машины, в которых сидели люди

с автоматами. Занимаясь исключительно торговлей, Барат одновременно содержал целый пехотный полк.

Годы после Апрельской революции перечеркнули попытки объединить и модернизировать государство, усугубили традиционную раздробленность Афганистана. Эта ситуация устраивала Кабул: искусное лавирование помогало режиму разобщать своих противников.

В нашем представлении в Афганистане шла борьба между революционерами и контрреволюционерами, между прогрессистами и ретроgrадами, между теми, кто тянет страну назад, и теми, кто ведет ее к светлому будущему. Но эта картина не имела ничего общего с реальной действительностью. В Афганистане шла борьба между различными кланами. А идеологические знамена, камуфлировавшие эту схватку, — красные или зеленые, — мало кем принимались за чистую монету.

История исламских партий и организаций, организовавших борьбу против советских войск и кабульского режима, представляет собой бесконечную историю расколов, предательств и комбинаций. То, что со стороны кажется странной неспособностью объединиться даже перед лицом общего врага, отражает характерное для афганского общества отсутствие унитаризма.

Политические, религиозные и социальные структуры рассечены по вертикали приверженностью афганцев своему лидеру и их крайне независимым характером. Каждая из группировок превыше всего ценит самостоятельность.

Так было до появления талибов.

Правительство Наджибуллы продержалось три года, пока хватало ресурсов, оставленных Москвой. Эти запасы позволяли поддерживать приличный уровень жизни в городах. Когда ресурсы закончились, положение Наджибуллы стало безвыходным. Некоторое время его еще спасало то, что местные вожди маневрировали и не хотели нового сильного правительства. Наконец, они стоворились, и 25 апреля 1992 года моджахеды без крови вошли в город.

Падение правительства Наджибуллы означало формальное окончание джихада. Началось возвращение беженцев из Пакистана и в меньшей степени из Ирана.

Но тихое время продолжалось недолго. Оставшись без внешнего врага, лидеры моджахедов начали выяснять отношения между собой на бейрутский манер — прямо в городе строились баррикады и велись бои. На власть претендовали президент страны Бурхануддин Раббани и министр обороны Ахмад Шах Масуд. Им противостояли премьер-министр Гульбуддин Хекматиар и генерал Абдуррашид Дустум.

Убивали они друг друга так ожесточенно, что люди бежали из города. Лидеры моджахедов обстреливали Кабул ракетами. Такого ужаса еще не было. Сельская местность превратилась в поле боя между местными вождями и просто бандитами. В стране воцарились хаос и бандитизм.

Верх в этой борьбе стало брать движение талибов. Молодые и не уставшие еще от войны, они уверенно теснили более опытных моджахедов, которым уже все надоело.

Талибы побеждают

Талибы появились осенью 1994 года в Кандагаре. Правительство Пакистана отправило караван с продовольствием и товарами первой необходимости в соседний Афганистан. На караван тут же напали вооруженные грабители — бойцы одного местного властителя. И тут появились другие вооруженные люди и разогнали грабителей. Это были талибы.

Они доставили груз в Кандагар, город, который вот уже несколько лет страдал от анархии. Им правили местные вожди и полевые командиры, которые убивали друг друга и попутно грабили жителей.

Талибы обещали навести в городе порядок, покончить с коррупцией и установить справедливое правление, основанное на идеях ислама. Талибы потребовали от горожан сдать оружие, и люди подчинились.

Талибам удалось установить порядок в Кандагаре, и это создало им репутацию святых воинов, которые не знают поражения. Люди охотно вступали в их ряды. Некоторые из них, не думая о себе, шли на минные поля и

прорывались. Это делало талибов мистически неуязвимыми. Это имело значение для необразованных и падких на предрассудки афганцев, которые заранее считали битву с талибами проигранной.

В сентябре 1995 года они взяли Герат, где их встретили не так хорошо. Герат был более просвещенным городом. Образованные горожане встали в очередь к консульству Ирана в надежде найти там приют. Но основная масса афганцев скорее приветствовала талибов, которые брали город за городом.

Бои за Кабул, которым управляло правительство моджахедов, шли много месяцев. Звук взрывающейся мины знаком в Афганистане каждому. Вокруг Кабула насчитывается пятьдесят два минных поля.

Каждая схватка между противоборствующими сторонами оставляла еще одно новое минное поле. Бои стогнали людей с насиженных мест. А когда они возвращались, то попадали на минные поля.

Множество кабульских детей подорвались на минах. Противопехотные мины калечат, отрывают ноги. Если ребенка сразу доставить в больницу, он может выжить. Но в кабульских больницах не было ни крови для переливания, ни электричества, ни отопления. Нужны антибиотики, их обычно тоже не хватало. Кабульским врачам часто приходилось оперировать в момент обстрела, когда на город сыпались снаряды и ракеты.

Кабул хронически голодал. Талибы перерезали дороги, по которым в столицу везли продовольствие. Международный комитет Красного Креста пытался доставлять гуманитарную помощь самолетами из Пакистана. Самолеты садились на авиабазу Баграм — бывшую советскую военную базу. Этот аэродром в тридцати двух километрах от Кабула еще находился под правительственным контролем.

Когда талибы осадили Кабул, жители столицы восприняли их как освободителей, несмотря на слухи о нетерпимости талибов. Наступая, талибы обещали быстро прекратить кровопролитие и избавить мирное население от тягот войны, а затем уступить власть законному правительству, которое будет сформировано после всеобщих выборов.

Но очень скоро талибы стали, как все, безжалостно обстреливать Кабул тяжелой артиллерией да еще бомбить с воздуха — талибы тоже обзавелись несколькими самолетами.

Кто мог, бежал из Кабула. В 1992 году, когда моджахеды вошли в столицу, там было два с лишним миллиона человек. Когда к столице подступили талибы, осталось примерно в два раза меньше. За годы боев в Кабуле погибло несколько десятков тысяч человек — много больше, чем в те же годы погибло в Сараеве, где тоже шли бои. Но трагедия боснийской столицы была в центре внимания всего мира. И мировое сообщество сделало все, чтобы остановить войну в Боснии. На то, что происходило в Афганистане, никто не обращал внимания.

— Афганистана больше не существует, — с горечью говорили кабульцы. — Мир нас бросил.

Ошибка бывшего президента

Когда моджахеды весной 1992 года взяли Кабул, они довольно спокойно отнеслись к своим недавним врагам.

Свергнутый президент Наджибулла не успел бежать в Индию, где нашла приют его семья. Моджахеды остановили его в кабульском аэропорту. Но и не тронули. Его приютили в кабульском представительстве ООН, где он провел долгие четыре года вместе со своим братом, помощником и охранником.

В последние месяцы перед приходом талибов Наджибулла установил нормальные отношения с правительством моджахедов. Он верил, что еще сможет вернуться в большую политику, несмотря на то что многие афганцы его ненавидели как промосковского политика и бывшего главу секретной полиции. Он признался, что в бытность начальником госбезопасности приказал убить сотни заключенных, которых подозревал в сотрудничестве с моджахедами. Но он оправдывал себя тем, что вынужден был подчиняться приказам московских советников.

Когда талибы 27 апреля 1996 года вошли в Кабул, к зданию миссии ООН подъехала группа вооруженных людей. Они сказали бывшему президенту:

— Ты нам нужен. Мы хотим расспросить тебя о ситуации. Не бойся. Мы разрешим тебе вернуться.

Наджибулла им поверил. Племя, к которому принадлежит Наджибулла, поддержало талибов, и бывший президент поверил, что как пуштун он сумеет с ними поладить, что он им нужен и, может быть, даже сумеет вновь возвыситься с их помощью. Это была смертельная ошибка. Он переоценил силу пуштунской солидарности.

Его привезли в тот самый президентский дворец, из которого он управлял страной шесть лет. Талибы жестоко расправились с ним. Его мучили, избивали прикладами. Ему отрезали половые органы.

Ему сказали, что он будет повешен. Он стал настаивать на праве произнести последнее слово. Для исламского политика это имеет особое значение. Тогда талибы его просто застрелили и вывесили на площади уже мертвое тело. Рядом повесили его брата. Эти кадры обошли весь мир.

После Апрельской революции из всех лидеров Афганистана своей смертью умер только один Бабрак Кармаль. Всех остальных убили. Никому из них участие в революции не принесло счастья.

Недоучившиеся семинаристы

В нашей стране услышали о талибах в 1995 году, когда в афганский плен попал экипаж российского самолета «Ил-76». Летчиков захватили боевики исламского движения «Талибан».

За семерых наших летчиков талибы потребовали вернуть им всех афганцев, бывших активистов Апрельской революции, которые бежали в Россию. Эти требования талибов казались безумными и нелепыми. Тогда еще талибов не принимали всерьез...

Талибов можно было бы назвать недоучившимися семинаристами. Это совсем молодые люди, будущие священнослужители. Талибы должны были посвятить себя изучению Корана, но вместо этого они взялись оружием устанавливать новый порядок в Афганистане.

В лагерях афганских беженцев на территории Пакистана на деньги международных организаций были созданы религиозные училища — медресе. Медресе получали деньги из Саудовской Аравии и богатых стран Персидского залива. Выпускники этих школ, чьи родители погибли в боях с советскими войсками, и вошли в боевые отряды талибов.

Не очень понятно, кто учил талибов военному делу и как, собственно, они из маленькой группы превратились в огромную силу. Неожиданным образом их идеи и практика оказались привлекательными для молодежи из лагерей беженцев и сел, которые к ним присоединились. Недостатка в оружии не было. В Афганистане столько оружия, что его хватит на многие годы.

Похоже, самые разные силы увидели в талибах подходящий инструмент для достижения собственных целей. На первом этапе они получали помощь от Соединенных Штатов, Пакистана и Саудовской Аравии.

Саудовская Аравия вроде бы дает деньги на богоугодные заведения — мечети, медресе, религиозную литературу. Но почему-то на эти деньги закупается в основном оружие. Саудовская Аравия вложила в помощь моджахедам примерно миллиард долларов. У нее были свои любимчики — приверженцы фундаменталистской секты ваххабитов, не очень популярной в Афганистане и вообще неизвестной тогда в нашей стране...

Но неверно думать, что талибы — это просто марионетки в чьих-то руках.

Скажем, Саудовская Аравия поддержала талибов только для того, чтобы лишить Иран монополии на исламский радикализм. Саудиты поддерживают радикальных суннитов в противовес иранским шиитам по всему миру. Дело в том, что восемьдесят процентов населения Афганистана — сунниты. Саудиты мечтают выдавить Иран из Афганистана.

Соответственно, Иран — самый яростный противник талибов. Тегеран не хочет допустить, чтобы шииты в Афганистане оказались под властью суннитов, а сам Иран лишился влияния на афганские дела. Шииты составляют всего двенадцать процентов населения Афганистана, но

шиитские группировки получили хорошую военную подготовку в Иране. Шиитские фундаменталисты — это выходцы из фарсиванских народностей, живущих на крайнем западе Афганистана, и хазарейских племен, обитающих в центре страны.

Многие уверены в том, что движение «Талибан» создано Пакистаном и им управляется, а за Пакистаном стоят Соединенные Штаты. И наступление талибов на север было скоординировано с расширением НАТО — это двойной удар по России.

Движение «Талибан» действительно зародилось на территории Пакистана. Но это дело рук военных и специальных служб. Гражданское правительство Пакистана не так уж радовалось расцвету фундаменталистской организации, которая намерена распространять свои идеи силой.

Современный пакистанец работает на компьютере, по Интернету связывается со всем миром. А когда настает час молитвы, он выключает компьютер, поворачивается лицом к Мекке и возносит молитвы.

Пакистан, по мнению пакистанских властей, — это исламское в своей основе государство, опирающееся на либеральные и прогрессивные, а не на реакционные силы. Правительство ставит перед собой задачу ознакомить теологов-традиционалистов с достижениями либеральной мысли, с исследованиями, рассматривающими религию в контексте современного мира. Но это плохо получается.

Пакистан — бедная страна, идеи фундаменталистов находят широкую поддержку. Влияние экстремистских организаций очень сильно. И к власти приходят люди, которые требуют жесткого соблюдения исламских законов, которые, скажем, наказывают вора отрубанием рук.

Джон Джозеф, епископ католической церкви в Пакистане, застрелился прямо в здании суда в знак протеста против вынесения смертного приговора молодому христианину только за то, что он посмел одобрительно отозваться о Салмане Рушди, авторе «Сатанинских стихов». Его судили на основании закона, который признает уголовным преступлением любые неодобрительные замечания об исламе.

Но почему же Пакистан стал помогать талибам?

После Апрельской революции и ввода советских войск поток беженцев хлынул в соседний Пакистан. Больше трех миллионов нашли там приют. Афганские беженцы — это невыносимое бремя для такой бедной страны, как Пакистан. Если талибы объединят Афганистан и война закончится, решили пакистанцы, то беженцы смогут вернуться домой.

Пакистанское правительство разрешило вербовать в лагерях беженцев добровольцев для ведения войны против русских. К исламу молодые афганцы пришли политическим путем, а не в результате религиозных исканий. Ислам стал религией сопротивления против советского вторжения.

Надо еще иметь в виду, что пакистанские советники, которые помогали талибам, — это те же пуштуны, для которых голос крови не менее важен, чем звон монет. Когда британское правительство в 1893 году провело так называемую «линию Дюрана», отделившую британскую Индию от Афганистана, она рассекла территорию пуштунских племен (и в меньшей степени белуджей). Пуштуны, обитающие в пакистанской Северо-Западной пограничной провинции, и Белуджистан немедленно встали на защиту своих братьев, когда советские войска вошли в Афганистан.

Публичные казни

По мере того как талибы одерживали одну победу за другой, к ним присоединялись и недавние противники — бывшие моджахеды, которых после стольких лет войны можно считать профессиональными солдатами. В отряды талибов вошли и недавние друзья Советского Союза — бывшие коммунисты, члены Народно-демократической партии Афганистана.

За исключением севера Афганистана, вотчины таджиков и узбеков, талибов практически везде встречали с надеждой.

Талибы свергли прогнивший, насквозь коррумпированный режим. Они обещали накормить страну, покончить с преступностью.

Когда талибы вошли в Кабул, их приветствовали как людей, которые обещают навести порядок. Кабульцы так устали от анархии в городе, что радовались приходу талибов, надеясь, что они принесут покой и стабильность.

Талибы публично объявили, что пойманному вору отрубят руку, и воры испугались. Торговцы на рынках говорят, что теперь можно спокойно торговать, не боясь, что деньги вытащат из кармана.

Среди талибов есть фантастически жестокие люди. Рассказывают историю о человеке, которому отрезали ухо за то, что он слушал недозволенную музыку, и о мяснике, которому отрезали два пальца за то, что он завысил цену на мясо.

Сильное впечатление произвело использование ими таких наказаний, как побивание камнями неверных супругов или отрубание руки вору. Теологи во всем исламском мире спорят, можно ли применять такие наказания. Саудовская Аравия и Судан применяют. Египет категорически против.

Министр иностранных дел в правительстве талибов, выступая по радио, сказал, что такие наказания гарантируют народ от преступников, которые не посмеют больше совершать преступления.

Поведение талибов напоминает первые годы исламской революции в Иране.

Талибы начали публичные казни. Собрались две тысячи человек и смотрели на то, как привезли убийцу, который ограбил дом, убил беременную женщину и двоих детей. В соответствии с племенными обычаями и шариатом мужчине, оставшемуся без жены и детей, было предоставлено право наказать убийцу. Он взял автомат, подошел к убийце, который громко просил о пощаде, и выпустил в него весь магазин.

Через громкоговоритель распорядители объявили, что семья может забрать труп. Но никто не вышел. Талибы забросили труп в кузов «тойоты» и увезли его. Нечто подобное потом начнет происходить в Чечне...

Основная масса талибов не задумывается над высокими материями. Другой жизни, кроме военной, они не знают. В армии их кормят, поят, одевают. Участие в бо-

евых действиях — один из немногих реальных способов заработать на жизнь в сегодняшнем Афганистане.

Перефразируя классика, задавали вопрос: да разве смогут эти безграмотные люди удержать государственную власть?

Государственных чиновников талибы выставили, их заменили муллы, обладающие только религиозным образованием, или молодые талибы, которые вовсе ничему не учились. Но лидеры талибов спокойно говорили: наши люди пока не очень опытные, но они быстро научатся управлять страной.

Женщины должны сидеть дома

Лидеры талибы — сторонники крайнего фундаментализма. Они внедряют жесткие исламские нормы, считая, что жить надо по законам шариата. Они потребовали пять раз в день молиться — и не дома, а обязательно в мечети, вместе с другими правоверными.

Они считают, что женщины должны заниматься домашним хозяйством, растить детей, заботиться о муже. Поэтому работать они имеют право только в больницах и поликлиниках, обслуживающих женщин.

Талибы приказали женщинам одеваться строго по исламским обычаям. Женщины могут ходить по городу только в сопровождении мужей. Незамужние — в сопровождении братьев или отцов, чтобы женщины не встречались с чужими мужчинами. Религиозная полиция била женщин палками, если видела их на улице одетыми не так, как следует.

Беда в том, что и в Кабуле, да и по всему Афганистану бесконечная война оставила огромное количество вдов, которых некому сопровождать, когда они выходят из дому. Хуже того — эти строгие правила лишили их средств к существованию.

Маленький бангладешский банк давал афганским женщинам небольшие кредиты на то, чтобы они могли купить себе швейную машинку, шить одеяла и одежду на продажу, зарабатывать на жизнь и кормить детей.

«Цель банка — отвратить женщин от ислама», — постановили талибы и выставили представителей банка из страны.

Девочкам запретили ходить в школу. Талибы заявили, что девочек надо учить только в соответствии с требованиями религии. Но пока это невозможно, так что девочкам надо подождать, пока талибы не возьмут контроль над всей страной и не создадут специальные учебные программы для женских школ. Это обещал сделать совет улемов, который соберется после полного освобождения Афганистана.

Впрочем, многие школы для мальчиков тоже закрылись, потому что женщинам-учителям запретили работать, и преподавать стало некому.

Полиция нравов

Что происходит с молодыми людьми, если они месяцами не видят женского лица? В Кандагаре, опоре талибов, женщинам запрещено показывать свои лица. А в этом городе, как уверяют специалисты, и раньше было много гомосексуалистов. Молодые талибы держат друг друга за руки и дотрагиваются друг до друга с нежными чувствами.

— Мы стоим перед дилеммой, — сказал иностранным журналистам губернатор Кандагара Мохаммед Хасан, один из видных талибов. — Одни знатоки Корана говорят, что этих людей надо сбросить с крыши самого высокого дома в городе, чтобы они разбились насмерть.

— А что думают другие? — спросили губернатора.

— Другие говорят, что надо вырыть яму, посадить в нее этих людей и обвалить на них стену, чтобы похоронить их захиво. Гомосексуализм — большое преступление.

Во время боя с советскими войсками будущего губернатора ранило шрапнелью. Его вывезли из города на осле, затем на верблюде переправили в Пакистан и там только положили в больницу. Он лишился ноги, ему сделали протез.

— Я не чувствовал боли, — говорит губернатор, — потому что я пострадал за ислам.

Не нравятся талибы главным образом городской молодежи и интеллигенции, которые дорожили определенной свободой, существовавшей в Кабуле. Горожане были напуганы тем, что талибы ввели своего рода полицию нравов, которая действует с той же жестокостью, что и стражи исламской революции в Иране сразу после прихода к власти аятоллы Хомейни.

Перепуганные люди опять побежали в Пакистан. В результате в столице осталось мало грамотных специалистов.

Многие кабульцы просто остались без средств к существованию, это прежде всего бывшие государственные служащие. Финансовая система страны рухнула после того, как свергнутое талибами правительство моджахедов выбросило на рынок огромное количество новеньких купюр, напечатанных по его заказу в России.

Но талибы предупредили столичных жителей:

— Люди Кабула, не будьте неблагодарными. Аллах хотел, чтобы талибы пришли в Кабул. Если вы не будете благодарны Аллаху, он вас накажет.

Талибы враждебно относились к столице. Это была ненависть к большому городу, в их представлении — коррумпированному и бездуховному. Выходцы из деревень, они воспринимают Кабул как опору либерализма, испорченный западным влиянием город. Лидеры талибов даже обратились по радио к своим сторонникам с просьбой хорошо относиться к столичным жителям.

Больше всего пострадали брадобреи — поскольку талибы приказали всем мужчинам отращивать бороды, хотя не у всех афганцев растут пышные бороды. Но отсутствие бороды рассматривалось как сотрудничество с врагами ислама.

Зато неплохо зарабатывают те, кто продает исламскую одежду для женщин. Торговцы говорят, что продали бы и больше, но женщины не смеют приходить на базар в одиночку.

Сопrotивление советскому вторжению было одновременно и сопротивлением западному влиянию. Талибы с параноидальной ненавистью смотрят на мощь западного

мира. Особую ненависть вызывает всепроникающее влияние западной культуры.

Соседний Иран запретил спутниковые антенны, чтобы помешать иранцам смотреть западное телевидение. Талибы запретили телевидение как таковое.

Поклонение статуям запрещено пророком Мохаммедом. Смотреть телевидение, по мнению талибов, это все равно что поклоняться статуям. Рисовать картины или смотреть на них тоже запрещено, поэтому талибы закрыли и кинотеатры.

Люди могут развлекаться. Но вместо того, чтобы идти в кино, они могут отправиться в сад и полюбоваться цветами.

Вступая в город, патрули талибов обыскивали дома афганцев в поисках фотографий, рисунков и игрушечных зверей. Правоверным мусульманам не разрешено держать дома изображения живых существ, кроме рисунков деревьев и цветов.

Уничтожение древних статуй Будды, потрясшее мир, — это лишь малая часть того безумия, которое творится на территории Афганистана.

С тех пор как король Захир-шах был свергнут в 1973 году, Афганистан медленно погружался в хаос. Образованные люди бежали из страны. Промышленность и торговля рассыпались. Школы закрылись. Страна вернулась к раннему Средневековью. Немного же здесь изменилось за последнюю тысячу лет.

Уничтожение прошлого

Талибы с «калашниковыми» в руках сгоняют из соседних деревень парней и совсем мальчиков, чтобы они искали в пыли двух тысячелетий золотые и серебряные украшения. Походя они разрушают то, что могло бы изменить представления историков о прошлом. Талибы уничтожают то, что могло бы составить счастье археологов.

Некоторые полевые командиры вскрывают древние захоронения с помощью бульдозеров. Они разламывают

статуи, которые были воздвигнуты до нашей эры, потому что те не влезают в кузов армейского грузовика. Кабульский национальный музей разграблен. Бесценные экспонаты пропали.

Найденные сокровища везут в Пакистан, где есть покупатели, умеющие изготовить необходимые сопроводительные документы. Весь этот товар скапливается в Пешаваре, пограничном пакистанском городе, который веками был центром контрабанды. Дальше украденное переправляется через бывшие советские республики в Лондон, где находятся подлинные ценители восточных ценностей.

В середине 90-х западные журналисты рассказывали о том, что афганцы торгуют ядерными материалами из России. Но никто не видел самого товара. Скорее всего, неграмотные афганцы пытались продать никому не нужные радиоактивные отходы.

Один лондонский антиквар рассказывал, как к нему пришел афганский контрабандист и вытащил из нагрудного кармана рубашки спичечный коробок, полный урана. Антиквар потребовал, чтобы он поскорее убирался. Этот афганец получил такую дозу облучения, что через несколько месяцев умер, не успев понять, что его убило.

Впрочем, лидеры талибов не такие уж моралисты. Афганистан — второй в мире производитель опиума. Талибы начали с лозунга борьбы с наркотиками, но скоро увидели, что без них невозможно воевать — иных ресурсов в стране нет. Формально на их территории наркотики запрещены, но только формально. Талибы тоже продают наркотики и таким образом добывают деньги на войну.

Прежде всего они пуштуны

Афганистан — многонациональное государство с племенным укладом, это смешение разных народов, разных религий и разных языков.

Главенствующее положение всегда принадлежало пуштунам. Они обитают в южной части страны. Их язык —

пушту отличается от дари — диалекта персидского языка, на котором говорят в остальной части страны.

Пытаясь понять, почему талибы демонстрируют такую жестокость, надо иметь в виду, что они не только религиозные воины. Они прежде всего пуштуны. Это самая многочисленная народность Афганистана.

Суровость и жестокость талибов определяются и общим бескультурьем, и аскетизмом пуштунов. Требования пуштунских законов иногда жестче норм ислама. Пуштунвали, кодекс поведения пуштунских племен, напоминает рыцарский кодекс, там много говорится о чести и достоинстве. Но пуштунвали, например, содержит положение о кровной мести даже по отношению к мусульманину, что противоречит Корану.

Смешение пуштунских традиций с исламским фундаментализмом дало взрывчатую смесь.

Пуштуны привыкли управлять страной. Ученые даже говорили о насильственной пуштунизации страны. Другим этническим группам это не нравилось. На севере обитают туркмены, таджики и узбеки. Узбеки составляют примерно тридцать процентов населения страны, таджики — восемь. После Апрельской революции национальные меньшинства захотели играть в стране равную роль с пуштунами.

Лидеры моджахедов, которые после свержения Наджибуллы взяли власть в Кабуле, не были пуштунами. Президентом страны стал таджик Бурхануддин Раббани, министром обороны — таджик Ахмад Шах Масуд. Это в немалой степени и предопределило их поражение в столкновении с талибами, которые представляли большинство населения.

Возникновение движения «Талибан» — результат естественного развития Афганистана, разрушенного Апрельской революцией и вводом советских войск. Если бы не появились талибы, какое-либо иное радикальное пуштунское движение все равно взяло бы верх в стране. Пуштуны-талибы выступили против того, что власть в Кабуле после свержения коммунистов взяли не пуштуны, а коалиция северных народностей — узбеков, таджиков и хазарейцев.

Одноглазый мулла Омар

Самым могущественным человеком в Афганистане стал духовный наставник талибов мулла Сеид Мухаммад Омар Ахундзада. Он обладает высшим религиозным званием — эмир правоверных. Он пуштун и не любит таджиков и узбеков. Участвовал в боях с советскими войсками, потерял глаз и получил тяжелое ранение в ногу. Когда советские войска ушли, он поступил учеником, то есть талибом в медресе, мусульманскую школу для детей афганских моджахедов.

Омар редко показывается на публике, поэтому он окружен ореолом таинственности. Он занимается в основном военными делами. Официальный представитель талибов заявил, что «главы государства не будет, но мы действуем на основе мнения Омара. Он высший авторитет. Правительство не сделает ничего, что разошлось бы с его мнением. Всеобщие выборы противоречат шариату, и мы их отвергаем. Мы будем спрашивать совета у видных знатоков ислама».

Мулла Омар и его соратники считают себя объединителями государства, а национальные меньшинства — сепаратистами. Они вознамерились объединить расколотую страну, вернуть традиционное пуштунское преобладание в Афганистане и создать исламское государство. Даже трудно сказать, что для них важнее — национализм или исламизм.

Северный альянс

Гражданская война в Афганистане идет так давно, что все были уверены, что нет такой силы, которая способна добиться власти над всей страной.

Многие специалисты полагали, что пуштуны, которые составляют пятьдесят пять процентов населения, не могут вновь завоевать всю страну. Думали, что талибы дальше Кабула не пойдут, что северные провинции им не взять, что устранить генералов Дустума и Масуда невозможно.

Во-первых, северные народы Афганистана не захотят вновь подчиняться владычеству пуштунов — они хотят равенства всех национальностей в стране. Во-вторых, талибы — сунниты, поэтому к ним не могут примкнуть ни шииты, живущие в центральной части страны, ни исмаилиты, которые обитают на северо-востоке.

Прогнозы оказались ошибкой. Постепенно под управление талибов перешла почти вся территория страны. Сопrotивляться продолжала только коалиция таджиков, узбеков и хазарейцев на севере страны. Эта северная коалиция много лет с переменным успехом сопротивляется талибам. Ее возглавили два генерала — таджик Ахмад Шах Масуд и узбек Абдуллах Дустум.

Генерал Дустум — дважды Герой Демократической Республики Афганистан, о чем впоследствии не вспоминал. После Апрельской революции он командовал войсками госбезопасности, затем узбекской милицией, которая использовалась для карательных операций. Учился в Ташкенте, стал членом ЦК Народно-демократической партии Афганистана.

В 1992 году Дустум предал президента Наджибуллу, обвинив его в пуштунском шовинизме, и решил стать самостоятельным. Некоторое время он воевал против Ахмада Шах Масуда. У него была своя неплохая армия, и соотечественники-узбеки горой за него стояли. Он взял под контроль северные провинции страны, что обеспечивало ему достаточный доход. Его семья жила в Ташкенте. Он обзавелся представительствами в Москве и Ташкенте, в Иране и Пакистане. Потом объединился с Масудом против талибов.

Генерал Дустум взорвал перевал через Саланг, который соединяет Северный Афганистан с остальной частью страны. Тогда талибы прорвались через заснеженные вершины и атаковали войска генерала Дустума. Горные вершины обороняли хазарейцы-шииты, но похоже, талибы сумели подкупить кого-то из хазарейских командиров. Деньги важнее религиозных споров.

Дустум — это прозвище. Дуст — значит друг. Дустум — всеобщий друг. Но талибы его не любят, потому что он когда-то был на стороне Советского Союза, затем предал

Наджибуллу и перешел на сторону моджахедов. Наступил момент, когда генерала Дустума предали его собственные офицеры. Впрочем, можно сказать, что вся история войны в Афганистане — это история сплошных предательств. В 1998 году Дустум, казалось, потерял все и через Узбекистан уехал в Турцию.

Главным противником талибов остался Ахмад Шах Масуд. Он прошел боевую подготовку на Ближнем Востоке, в палестинских лагерях, где изучал труды Ленина, Мао Цзэдуна и Че Гевары. В 1979 году он возглавил борьбу против коммунистов в Пандшерской долине — это место с неплодородной землей и суровым климатом. Советские войска безуспешно пытались подкупить Масуда или уничтожить его. Когда талибы пришли к власти, Масуд начал новую войну.

Он получал российское оружие и боеприпасы, которые поставлялись через Таджикистан. Москва это долго отрицала, но после сентября 2001 года признала.

Российское правительство поддержало северную коалицию по самым циничным соображениям, надеясь, что афганцы будут до бесконечности сражаться между собой и до нас у них руки не дойдут. Ахмад Шах Масуд был злейшим врагом России, на его руках кровь многих советских солдат. Это не помешало нашему правительству, когда это стало полезным, помириться с ним, помогать ему. Северный альянс состоит из таких же исламистов, как и талибы, только еще более циничных.

Но обилие оружия еще не гарантирует победу.

Ахмад Шах Масуд успешно сопротивлялся Советской армии, но тогда у него была надежда на успех — русские уйдут и все кончится. Война с талибами изначально казалась безнадежной. Он не мог ни победить талибов, ни надеяться, что они сами уйдут.

В сентябре 1998 года талибы установили контроль почти над всей территорией Афганистана, Северный альянс практически перестал существовать. Армия талибов в лучшие времена не превышала пятнадцати тысяч человек, но войска Северного альянса представляют собой разрозненные части, не способные к единым действиям.

Талибам удалось то, что не вышло у советских спецслужб: осенью 2001 года они убили Масуда. Два камикадзе, выходцы из Марокко, подобрались к нему под видом журналистов. Один изображал корреспондента, другой — телеоператора. В запасном аккумуляторе к телекамере было заложено почти четыреста граммов пластита — мощной взрывчатки.

Два охранника Масуда были убиты на месте. Одному камикадзе оторвало голову, второй умер через несколько минут. Масуд был еще жив. Его на вертолете отправили в Душанбе, в больницу, но он скончался в пути.

Казалось, талибы одержали окончательную победу. Но после терактов в Соединенных Штатах американцы вместе с Россией решили поддержать Северный альянс. Тогда из Турции вновь вернулся генерал Дустум. А все вооруженные силы Северного альянса возглавил генерал-полковник Мохаммед Фахим, бывший начальник разведки у Масуда. Когда тот стал министром обороны в 1992-м, Фахим возглавил управление исламской национальной безопасности Афганистана.

Бомбить или договариваться?

Успехи талибов напугали полмира. Первым в 1996 году забил тревогу генерал Александр Лебедь, тогда еще секретарь Совета безопасности. Он предложил срочно помочь другим афганским группировкам: иначе талибы ворвутся в Бухару, а дальше до самой России их никто не остановит.

В Москве боялись потока беженцев с территории Афганистана. Боялись, что они, спасаясь от талибов, хлынут в Таджикистан и Узбекистан, а вместе с беженцами просочатся вооруженные боевики и война разгорится рядом с Россией. Но этого не произошло.

Когда талибы вышли на границу с Таджикистаном, которую охраняют российские пограничники, возник вопрос: как быть? Если талибы сделают еще один рывок, они вступят в бой с российскими солдатами. Не-

ужели через много лет после вывода советских войск из Афганистана Россия вновь может оказаться в состоянии войны с афганскими моджахедами?

В сентябре 2000 года тогдашний секретарь Совета безопасности, а ныне министр обороны Сергей Иванов сказал, что пока нет необходимости увеличивать там российское присутствие. В Таджикистане давно стоит российская 201-я дивизия, и этого достаточно.

Несколько лет в Москве шел спор: а может быть, лучше бы признать правительство талибов, которое фактически управляет страной? Не превращать их во врагов, не угрожать им превентивными ударами, а как-то наладить с ними отношения, умерить их враждебность? Речь не шла о том, чтобы дружить с талибами. Главный вопрос: как избежать новой войны с очень опасной силой на наших южных границах?

Большинство российских востоковедов сходились в том, что России нелепо настраивать против себя талибов, то есть большинство афганского населения, и поддерживать антиталибскую коалицию, которая состоит из таких же воинственных исламистов и бывших моджахедов, которые вовсе не питают никаких добрых чувств к новой России.

Пуштуны не признают самостоятельности северных народов, а те не хотят больше владычества пуштунов. Если северяне будут и дальше получать массивированную помощь из-за рубежа, то постараются понадежнее отгородиться от талибов.

В результате страна может расколоться, правда, не юридически, а фактически. На севере Афганистана появятся никем не признанные государства. Такое государство уже пытался создать узбекский генерал Дустум. Он обзавелся своей армией, собственным законодательством и даже постпредствами в некоторых иностранных столицах.

Плохо это или хорошо для России? Мнения специалистов расходятся. Одни не видят ничего плохого в распаде страны, которая надолго погрузится в разрешение собственных проблем. Другие считают, что в интересах России существование сильного, единого Афганистана. Если

развалится Афганистан, развалится вся система границ в Центральной Азии.

Только пуштуны, говорили ученые до событий 11 сентября 2001 года, способны объединить развалившийся Афганистан, восстановить порядок и мир в стране. А раз талибы — это крепкая власть, то с ними и надо иметь дело, это в интересах России... После 11 сентября эти дискуссии потеряли практический смысл.

Утеряннго не вернешь

Первым Исламский эмират Афганистана, то есть правительство талибов, признал Пакистан и отправил в Кабул посла. Примеру Пакистана последовали Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты (после терактов 11 сентября и отказа талибов выдать Осаму бен Ладена американскому суду Саудовская Аравия и Эмираты разорвали дипломатические отношения с талибами). Остальной мир власть талибов никогда не признавал. Хотя, скажем, Туркмения поддерживала тайные отношения с талибами.

До последних событий «Талибан» контролировал девяносто процентов территории и считал, что имеет право представлять страну в ООН, но мандатная комиссия в Нью-Йорке неизменно отказывала талибам.

Россия и многие другие страны по-прежнему признают правительство Бурхануддина Раббани, хотя оно давно потеряло власть над Афганистаном, да и в лучшие годы не представляло всю страну.

Талибы приютили у себя не только Осаму бен Ладена и его людей, но и других исламских боевиков. Например, мусульманских сепаратистов, действующих на северо-востоке Китая и добивающихся независимости от центральной власти в Пекине.

Деятельность радикальных мусульман, которые составляют две трети населения провинции Синьцзянь, всегда беспокоила китайские власти. В последние годы сепаратисты, получив помощь талибов, действуют активнее. Поэтому Китай тоже является противником талибов.

За несколько последних лет через афганские лагеря прошли примерно двадцать тысяч человек. Боевики получают там стандартную боевую подготовку с сильным религиозным компонентом. Главное в идеологии — ненависть к Соединенным Штатам и Западу в целом.

Российские политики и военные были напуганы успехами афганских талибов. Но талибы в любом случае до Казани бы не дошли. Тревожиться следует о другом — о том, что происходит у наших непосредственных соседей, в бывших республиках Средней Азии, где резко активизировался политический ислам. А между этими республиками и Россией границы нет, то есть она существует только на карте.

И дело даже не в талибах.

Талибский вариант ислама, основанный на пуштунских традициях, не нравится другим народам в самом Афганистане. Едва ли он придется по вкусу и среднеазиатским народам.

Но в Центральной Азии зреет социальное недовольство. И все, кто недоволен своей жизнью, приходят к идее исламской альтернативы. Они считают, что кризис можно преодолеть, только обратившись к исламу, который проповедует идеи социальной справедливости и справедливой власти. На практике это ведет к религиозному фанатизму, когда культивируется стремление умереть за ислам в борьбе с неверными.

Возникли первые международные исламские организации, которые не знают границ. Они проникают и в Киргизию, и в Казахстан. Здесь появились «Братья-мусульмане», Исламская партия Туркестана (бывшее Исламское движение Узбекистана), Восточно-туркестанская исламская партия. Эти организации намерены создать халифат, который будет объединять все новые и новые страны и расширяться до момента создания всемирного исламского государства.

Этот процесс начался, и едва ли его можно остановить.

Мы просто плохо представляем себе, что реально происходит в Центральной Азии, и очень примитивно все воспринимаем: бродит кто-то по горам с автоматами, не

то бандиты, не то ваххабиты. А те, кого сегодня считают бандитами, завтра придут к власти. Мы привыкли видеть у власти знакомые лица — тех же людей, которые руководили республиками и при советской власти. Но скоро произойдет смена поколений, и у власти окажутся совсем другие люди.

Теоретически бывшие советские республики Средней Азии в обозримом будущем могут превратиться в исламские государства, такие же, как Иран или Саудовская Аравия, где стараются жить по законам шариата.

Правда, политическое руководство этих республик решительно противится исламистам. И договор о коллективной безопасности, заключенный с участием России, направлен, по существу, на борьбу с исламским радикализмом и терроризмом. Узбекистан и другие центрально-азиатские государства присоединились к Соединенным Штатам, которые в ночь на 8 октября обрушили на талибов всю мощь своей военной машины.

Чем талибы хуже Саддама Хусейна?

Ученые-востоковеды говорили, что все равно Афганистаном будут править если не сами талибы, то их единомышленники. И с ними придется ладить.

То, что талибы — крайне несимпатичные личности, ни у кого не вызывает сомнения. Но разве, скажем, иракский лидер Саддам Хусейн и его люди симпатичнее? Однако к нему в Москве относятся с уважением, ради Саддама Хусейна даже готовы ссориться с Западом.

Взгляды лидеров «Талибана», их представления о мире не очень сильно отличаются от взглядов религиозных лидеров Ирана, а с Ираном Москва старается дружить и даже поставляет ему оружие, несмотря на протесты американцев.

Наше правительство исходит из того, что талибами управляет Пакистан. Министр обороны Сергей Иванов говорил, что в Афганистане тридцать тысяч арабских наемников и большое количество пакистанцев.

Когда начиналась вторая чеченская война, то нас тоже убеждали в том, что войну ведут какие-то арабы. За годы войны немного мы увидели этих наемников...

Не надо переоценивать роль Пакистана в афганских делах и думать, что талибы — это просто марионетки в руках пакистанцев. Талибы совершенно неуправляемые люди. Они принимали помощь пакистанцев, но едва ли чувствуют себя обязанными им. Талибы ведут себя достаточно самостоятельно. Особенно с тех пор, как они стали получать большие деньги от продажи наркотиков.

После того как Соединенные Штаты решили наказать талибов за поддержку Осамы бен Ладена, Афганистан вновь превратился в поле боя. И будущее его неясно.

Для России лучше всего было бы, если бы Афганистан удалось каким-то чудом вернуть к ситуации 1978 года, когда еще не произошла Апрельская революция. А еще лучше к ситуации 1973 года, то есть к тем временам, когда в стране еще существовала монархия и к нашей стране афганцы относились замечательно. Но чудес не бывает.

Апрельская революция и ввод советских войск разрушили государство. Афганистан превратился в чудовище, которое пожирает тех, кто думал, что сумеет с ним справиться. И мы пожинаем плоды того, что сами посеяли. Бумеранг вернулся.

Американцы тоже виноваты в том, что произошло с Афганистаном. Оружие, которое американцы в 80-е годы щедро раздавали всем, кто воевал против советских войск, тоже стало инструментом разрушения государства.

Исламисты почувствовали себя силой, когда Соединенные Штаты решили оказать им помощь в борьбе против Советской армии. Американцы истратили три миллиарда долларов только на вооружение моджахедов. В том числе они давали им ракеты «стингер», которые позволили противостоять советской армейской авиации.

Массированная операция ЦРУ по поставке оружия шла через Пакистан. Оружие раздавали тем, кого называла пакистанская разведка, — и моджахедам Масуда, и талибам, будущим друзьям Осамы бен Ладена.

Недавно стало известно, что в 80-е годы афганские боевики получали боевую подготовку на секретных лагерях британского спецназа в Шотландии. Афганцев привозили на территорию Великобритании в качестве туристов. Их учили стрелять по самолетам, сражаться с танками и готовить террористические акты. Выход за территорию лагеря афганцам был запрещен. В качестве развлечения им показывали американские ковбойские фильмы, но без сексуальных сцен. Афганцы были полностью на стороне индейцев, сражавшихся против белых. Операцию оплачивало ЦРУ. Срок подготовки — три недели.

После вывода советских войск из Афганистана Соединенные Штаты начисто забыли об этой стране. Это было ошибкой. 11 сентября 2001 года Афганистан самым страшным образом напомнил о себе. История человечества катится кровавой рекой.

Оглавление

Часть первая КРОВАВЫЙ СЕНТЯБРЬ

Глава 1. АТАКА С ВОЗДУХА	3
Глава 2. СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ: ЦЕЛЬ НОМЕР ОДИН	35
Похищение Патриции Херст	36
Самый опасный враг — внутри	47
Ислам в Америке	50
Кто и почему не любит американцев?	56

Часть вторая СОБЛАЗНИТЕЛИ И СОБЛАЗНЕННЫЕ

Глава 3. ВСЕ ЛЮДИ — ВРАГИ? НАЦИОНАЛЬНЫЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ КОНФЛИКТЫ В МИРЕ	60
Утерянный Арарат	60
«Цыганам вход запрещен!»	66
«Свободно от украинцев!»	72
Воинственные романтики	79
Югославская трагедия	84
Сражения в Стране Басков	86
«Эскадроны смерти»	88
Глава 4. КУРДЫ — НАРОД БЕЗ ГОСУДАРСТВА	91
Глава 5. ПОРТРЕТ УБИЙЦЫ	102
Легко ли женщинам убивать	105
Вторая жизнь маркиза де Сада	109
Глава 6. «СЕКС-КОММУНА № 1» И ДРУГИЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ	111
Прощание с героем	123
«Интернационал» под красное вино	130
Глава 7. МЕЩАНСКОЕ СЧАСТЬЕ, ИЛИ ТЕРРОРИСТЫ НА ПОКОЕ	135

Глава 8. ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШАКАЛА	155
Глава 9. КУЧЕР В ДОЖДЕВОЙ БОЧКЕ	175

Часть третья
ПАЛЕСТИНСКИЙ ТЕРРОРИЗМ

Глава 10. НАСЛЕДСТВО ВЕЛИКОГО МУФТИЯ	182
Глава 11. КОРОЛЯ УБИЛИ НА ХРАМОВОЙ ГОРЕ	187
Глава 12. ПОСЫЛКА ДЛЯ ПОЛКОВНИКА	203
Глава 13. ПАРАД ЗАКОНЧИЛСЯ РАССТРЕЛОМ	216
Глава 14. ДВАДЦАТЬ ТРИ ДНЯ ПРЕЗИДЕНТА ЖМАЙЕЛЯ	231

Часть четвертая
ИСПОЛНИТЕЛИ И ПОКРОВИТЕЛИ

Глава 15. УЧЕНИК ТРОЦКОГО: ПОЛКОВНИК МУАМАР КАДДАФИ	247
Глава 16. САМЫЙ БОГАТЫЙ УБИЙЦА: АБУ НИДАЛЬ	264
Глава 17. УЧЕНИКИ СТРЕЛЯЮТ В УЧИТЕЛЕЙ	284
Глава 18. ОДИССЕЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ АРАФАТА	295
Глава 19. ОТЕЦ СВЯЩЕННОЙ ВОЙНЫ: АБУ ДЖИХАД	308

Часть пятая
КАМИКАДЗЕ В ВОЗДУХЕ И НА ЗЕМЛЕ

Глава 20. СЕМЬ ЖИЗНЕЙ ЗА ИМПЕРАТОРА	321
Глава 21. ЯПОНСКИЕ «КРАСНОАРМЕЙЦЫ»	328
Глава 22. СЕВЕРНАЯ КОРЕЯ: ОТЦЫ И ДЕТИ	347
Глава 23. В СТРАНЕ СЛЕПЫХ И КРИВОЙ – КОРОЛЬ: АСАХАРА И ЕГО СЕКТА «АУМ СИНРИКЁ»	357

Часть шестая
ЗЕЛЕНЕЕ ЗНАМЯ ДЖИХАДА

Глава 24. РЕЛИГИОЗНЫЕ ВОЙНЫ	367
Глава 25. ВСЕМИРНАЯ ИСЛАМСКАЯ СОЛИДАРНОСТЬ	374
Наследники великого аятоллы	381
Исламисты на Черном континенте	395
Охота на президента	402
Глава 26. «ЖИВЫЕ БОМБЫ» И ШИИТСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ	411
Глава 27. МОЖНО ЛИ ИХ ОДОЛЕТЬ?	425
«Четвертый меч революции»	426
Инженер-1 и Инженер-2	433
Глава 28. ИГРЫ МИЛЛИОНЕРОВ: ОСАМА БЕН ЛАДЕН	453
Глава 29. БУМЕРАНГ ВОЗВРАЩАЕТСЯ: ТАЛИБЫ	460

Леонид Михайлович Млечин
КТО ВЗОРВАЛ АМЕРИКУ?

Ответственный редактор *И. В. Тараканова*

Редактор *Л. П. Платонова*

Художественный редактор *И. А. Озеров*

Технический редактор *Л. И. Витушкина*

Корректор *И. С. Соловьева*

OCR - Давид Титиевский, май 2017 г., Хайфа

Изд. лиц. ЛР № 065372 от 22.08.97 г.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 20.11.2001.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,04.

Уч.-изд. л. 25,79+2 альбома=27,11.

Тираж 20 000 экз. Заказ № 4101151

ЗАО «Издательство «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

Отпечатано в ГИПП «Нижполиграф»
603006, Нижний Новгород, Варварская ул., 32

ЛЕОНИД МЛЕЧИН

КТО ВЗОРВАЛ АМЕРИКУ?

Первая книга, написанная по следам крупнейшего в истории человечества террористического акта, совершенного осенью 2001 года боевиками Осамы бен Ладена — саудовского миллионера и террориста номер один в мире.

Известный писатель и телесобореватель Л. Млечин всесторонне рассматривает проблему международного терроризма за последние четыре десятилетия, его политическую, экономическую и религиозную подоплеку. Раскрывает подноготную «кухни» взращивания профессиональных террористов, от басков до исламистов, на примере террористических организаций Европы, Ближнего и Дальнего Востока, Латинской Америки. Дает объективные политические портреты лидеров террористических движений. Приводит малоизвестные сведения из биографий известных террористов. Рассказывает о наиболее крупных террористических организациях и методах борьбы с ними.

1 200902

26.00

ISBN 5-227-01613-5

9 785227 016133

ЦЕНТРОЛИГРАФ

ЛЕОНИД МПЕЧИН

КТО ВЗОРВАЛ АМЕРИКУ?

Первая книга, написанная по следам крупнейшего в истории человечества террористического акта, совершенного осенью 2001 года боевиками Осамы бен Ладена — саудовского миллионера и террориста номер один в мире.

Известный писатель и телеобозреватель Л. Мпечин всесторонне рассматривает проблему международного терроризма за последние четыре десятилетия, его политическую, экономическую и религиозную подоплеку. Раскрывает подноготную «кухни» взращивания профессиональных террористов, от басков до исламистов, на примере террористических организаций Европы, Ближнего и Дальнего Востока, Латинской Америки. Дает объективные политические портреты лидеров террористических движений. Приводит малоизвестные сведения из биографий известных террористов. Рассказывает о наиболее крупных террористических организациях и методах борьбы с ними.

1 200902

26.00

ISBN 5-227-01613-5

ЦЕНТРОЛИГРАФ

КТО ВЗОРВАЛ АМЕРИКУ?

П. МПЕЧИН

ЛЕОНИД МПЕЧИН

КТО ВЗОРВАЛ АМЕРИКУ?

Империя террора: от «Красных бригад» до «Исламского джихада»

